

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Вологодский научный центр Российской академии наук»

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИИ

*Издается с 1997 года
Выпуск 6(98)*

Вологда ♦ 2018

Решением
Минобрнауки журнал
«Проблемы развития
территории» включен
в Перечень рецен-
зируемых научных
изданий, в которых
должны быть опу-
бликованы основные
научные результаты
диссертаций на соис-
кание ученой степени
кандидата наук, на
соискание ученой
степени доктора наук
по научным специ-
альностям: 08.00.00 –
экономические науки,
22.00.00 – социологи-
ческие науки

Журнал размещается
в следующих рефера-
тивных и полнотек-
стовых базах данных:
OCLC WorldCat, EBSCO,
ROAR, BASE, OpenAIRE,
RePEc, Ulrich's
Periodicals Directory,
ВИНИТИ РАН, Россий-
ский индекс научного
цитирования (РИНЦ)

Все статьи проходят
обязательное рецен-
зирование. Высказан-
ные в статьях мнения
и суждения могут
не совпадать с точкой
зрения редакции.
Ответственность за
подбор и изложение
материалов несут
авторы публикаций

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИИ

Рецензируемый научно-практический журнал, охватывающий широкий круг вопросов социально-экономического развития территорий.

Основная цель издания журнала – предоставление широким слоям научной общест-
венности и практикующим работникам возможности знакомиться с результатами на-
учных исследований в области научного обеспечения экономики территорий, прини-
мать участие в обсуждении этих проблем. В числе основных тем – проблемы развития
территорий, региональная и отраслевая экономика, социально-экономическое разви-
тие территорий, вопросы формирования доходов региональных бюджетов и рациона-
лизации расходов, инновационная экономика, актуальные вопросы развития АПК.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Ускова Т.В., д. э. н., доцент (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Аритон Д., доктор наук, проф. (Университет
Данубиуса Галати, Румынское агентство по
обеспечению качества в высшем образова-
нии, Бухарест, Румыния)

Буккиарелли Э., доктор наук (Университет
«Габриэле д'Аннунцио», Пескара, Италия)

Воронов В.В., д. с. н., проф. (Федеральный
научно-исследовательский социологический
центр РАН, Москва, Россия)

Губанова Е.С., д. э. н., проф. (Вологодский го-
сударственный университет, Вологда, Россия)

Дюран С., кандидат наук, доцент (Универ-
ситет Париж 13 (Университет Париж-Север),
Вильтанез, Франция)

Загребельный А.В., ответственный секретарь,
к. ф. н. (Вологодский научный центр РАН, Волог-
да, Россия)

Котилайнен Ю., доктор наук, проф. (Уни-
верситет Восточной Финляндии, Йоэнсуу,
Финляндия)

Котляров И.В., д. с. н., проф. (Институт соци-
ологии Национальной академии наук Белару-
си, Минск, Беларусь)

Латов Ю.В., д. с. н., доцент (Федеральный на-
учно-исследовательский социологический
центр РАН, Москва, Россия)

Леонидова Г.В., к. э. н., доцент (Вологодский
научный центр РАН, Вологда, Россия)

Селин М.В., д. э. н., проф. (Вологодская го-
сударственная молочнохозяйственная акаде-
мия имени Н.В. Верещагина, Вологда, Россия)

Третьякова О.В., заместитель главного ре-
дактора, к. ф. н. (Вологодский научный центр
РАН, Вологда, Россия)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Афанасьев Д.В., к. с. н., доцент (Череповецкий
государственный университет, Череповец, Россия)

Давыденко В.А., д. с. н., проф. (Тюменский го-
сударственный университет, Тюмень, Россия)

Доброхлеб В.Г., д. э. н., проф. (Институт соци-
ально-экономических проблем народонасе-
ления РАН, Москва, Россия)

Жгулев Е.В., д. э. н., доцент (Санкт-Петер-
бургский государственный аграрный универ-
ситет, Санкт-Петербург, Россия)

Жихаревич Б.С., д. э. н., проф. (Институт
проблем региональной экономики РАН,
Санкт-Петербург, Россия)

Ильин В.А., член-корреспондент РАН (Воло-
годский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Каргаполова Е.В., д. с. н., доцент (Астрахан-
ский инженерно-строительный институт,
Астрахань, Россия)

Ковач Т., к. э. н., доцент (Школа бизнеса Буд-
дапешта, Колледж международного менедж-
мента и бизнеса, Будапешт, Венгрия)

Когай Е.А., д. филос. н., проф. (Курский госу-
дарственный университет, Курск, Россия)

Лажнецов В.Н., член-корреспондент РАН (Ин-
ститут социально-экономических и энергетич-
еских проблем Севера Коми научного центра
УрО РАН, Сыктывкар, Россия)

Мазилов Е.А., к. э. н. (Вологодский научный
центр РАН, Вологда, Россия)

Малков Н.Г., к. т. н., доцент (Вологодская го-
сударственная молочнохозяйственная акаде-
мия имени Н.В. Верещагина, Вологда, Россия)

Попов Е.В., член-корреспондент РАН (Институт
экономики УрО РАН, Екатеринбург, Россия)

Сакал П., доктор философии, проф. (Словацкий
технический университет, Трнава, Словакия)

Соколов Л.И., д. т. н., проф. (Вологодский го-
сударственный университет, Вологда, Россия)

Суворов А.В., д. э. н., проф. (Институт на-
роднохозяйственного прогнозирования РАН,
Москва, Россия)

Теребова С.В., к. э. н., доцент (Вологодский
научный центр РАН, Вологда, Россия)

Цветков В.А., член-корреспондент РАН (Ин-
ститут проблем рынка РАН, Москва, Россия)

Шабунова А.А., д. э. н., доцент (Вологодский
научный центр РАН, Вологда, Россия)

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ РЕДАКЦИИ

Леонидова Г.В.

Рабочие места как неотъемлемая часть здорового образа жизни населения7

МОНИТОРИНГ ПЕРЕМЕН: ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ

Социально-экономическая ситуация в Вологодской области22

Цены на металлопродукцию29

УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ ТЕРРИТОРИЙ, ОТРАСЛЕЙ И ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ КОМПЛЕКСОВ

Губанова Е.С., Клещ В.С.

Методика оценки неравномерности
социально-экономического развития региона30

Секушина И.А., Кожевников С.А.

Проблемы повышения комфортности проживания
населения крупного города (на материалах г. Вологды и г. Череповца)42

Леонидова Е.Г.

Проблемы управления и развития сферы внутреннего туризма.....64

Виленский А.В.

Динамика занятых в сфере МСП в российских регионах
как исходный рубеж реализации приоритетного национального проекта
«Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной
предпринимательской инициативы».....74

КАЧЕСТВО ЖИЗНИ И ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ТЕРРИТОРИЙ

Морев М.В., Шматова Ю.Е.

К актуальности вопроса о роли доверия в формировании
социального здоровья российского общества.....88

Шадриков А.В., Ильдарханова Ч.И.

Территориальные интересы сельской молодежи:
опыт Республики Татарстан, Алтайского края, Республики Мордовии..... 107

Попов Е.В., Семячков К.А.

Методология оценки социального развития регионов..... 119

Аверкиева К.В.

Восток Вологодской области как социально-экономическая
и культурная аномалия..... 131

ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ ФИНАНСЫ

Печенская М.А.

Актуальные вопросы формирования бюджетного потенциала территории:
факторы, принципы, структурные элементы 149

Галухин А.В.

Пути совершенствования кредитования реального сектора экономики 162

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ АПК

Рябчикова Н.Н.

Меры институциональной поддержки развития
молочнопродуктового кластера Саратовской области 172

АКТУАЛЬНАЯ ИНФОРМАЦИЯ: ЦИФРЫ И ФАКТЫ

Морев М.В., Дементьева И.Н., Леонидова Е.Э.

Основные тенденции социального самочувствия населения
Вологодской области в октябре 2018 года 186

ХРОНИКА НАУЧНОЙ ЖИЗНИ

КОНФЕРЕНЦИИ, ЗАСЕДАНИЯ, СЕМИНАРЫ

Об участии ученых ВолНЦ РАН в работе международного семинара
по проблемам доверия, проходившего в университете Риккио (Япония) 193

С заседаний ученого совета 195

НОВЫЕ ИЗДАНИЯ ФГБУН ВОЛНЦ РАН 197

УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В 2018 ГОДУ 198

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ 201

CONTENT

FROM THE EDITORIAL BOARD

Leonidova G.V.

Job as an Integral Part of a Healthy Lifestyle7

MONITORING OF CHANGES: MAIN TRENDS

Socio-economic situation in the Vologda Oblast22

Prices for metal products29

SUSTAINABLE DEVELOPMENT OF TERRITORIES, BRANCHES, AND PRODUCTION COMPLEXES

Gubanova E.S., Kleshch V.S.

Methods to Evaluate Uneven Socio-Economic Development of a Region.....30

Sekushina I.A., Kozhevnikov S.A.

Issue of Encouraging Comfortable Living of a Large City Population (Case Study of Vologda and Cherepovets)42

Leonidova E.G.

Issues of Managing and Developing the Sphere of Domestic Tourism64

Vilenskii A.V.

Employment Performance in Small and Medium Business in Russian Regions as an Initial Stage for the National Priority Project “Small and Medium Business and Support for Individual Business Initiative”74

LIFE QUALITY AND HUMAN POTENTIAL OF TERRITORIES

Morev M.V., Shmatova Yu.E.

On the Relevance of the Issue of the Role of Trust in Forming Social Health of Russian Society88

Shadrikov A.V., Ildarkhanova Ch.I.

Territorial Interests of Rural Youth: Experience of the Republic of Tatarstan, Altai Krai, and the Republic of Mordovia 107

Popov E.V., Semyachkov K.A.

Method to Evaluate Social Development of Regions 119

Averkieva K.V.

East of the Vologda Oblast as a Socio-Economic and Cultural Anomaly 131

TERRITORIAL FINANCE

Pechenskaya M.A.

Topical Issues of the Formation of Territory's Budget Potential:
Factors, Principles, Structural Elements 149

Galukhin A.V.

Ways to Improve Lending to Real Economy 162

CRITICAL ISSUES OF AGRICULTURAL DEVELOPMENT

Ryabchikova N.N.

Measures of Institutional Support for the Milk Product Cluster
Development in the Saratov Oblast..... 172

CURRENT NEWS: FIGURES AND FACTS

Morev M.V., Dement'eva I.N., Leonidova E.E.

Main Trends in the Social Well-Being of the Vologda Oblast
Population in October 2018 186

CHRONICLES OF SCIENCE LIFE

CONFERENCES, MEETINGS, SEMINARS

On the Participation of VolRC RAS Researchers
in the International Seminar on Issues of Trust held at Rikkyo University (Japan)..... 193
From the Academic Council Sessions 195

NEW VOLRC RAS ISSUES 197

INDEX OF ARTICLES PUBLISHED IN 2018 198

GUIDELINES FOR THE AUTHORS201

От редакции

DOI: 10.15838/ptd.2018.6.98.1

УДК 331.44 | ББК 65.240

© Леонидова Г.В.

РАБОЧИЕ МЕСТА КАК НЕОТЪЕМЛЕМАЯ ЧАСТЬ ЗДОРОВОГО ОБРАЗА ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ

ЛЕОНИДОВА ГАЛИНА ВАЛЕНТИНОВНА

Вологодский научный центр Российской академии наук
Россия, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а
E-mail: galinaleonidova@mail.ru

Россия имеет низкие показатели здоровья населения. Как один из компонентов человеческого капитала этот показатель, по оценке Всемирного экономического форума, находится на 81 месте в рейтинге 124 стран. Ожидаемая продолжительность жизни в России, несмотря на тенденцию роста, более чем на 10 лет отстает от экономически развитых государств мира. Ее низкий уровень формируется, в числе прочих факторов, за счет сверхсмертности населения в трудоспособном возрасте, что приводит к снижению количества трудовых ресурсов в целом и обуславливает существенные экономические потери государства. Целью статьи является обоснование необходимости формирования триады ответственности за здоровье работающего населения (работник – работодатель – профсоюз) и путей здоровьесбережения на рабочих местах. В теоретико-методологической части статьи представлены основные научные воззрения относительно определения понятия «здоровое рабочее место», его положения в системе факторов здоровья. Показано, что рабочее место не воспринимается ни работниками, ни работодателями как фактор риска для здоровья, что несет в себе определенную угрозу для воспроизводства рабочей силы и снижает реализацию качественных характеристик трудового потенциала. Данное обстоятельство вносит определенную научную новизну и отличает выполненную работу от аналогичных работ других ученых. В статье сделан вывод о необходимости усиления работы по формированию культуры поддержания здоровья на рабочем месте как среди работников, так и среди работодателей. Для этого необходимо обеспечить развитие научных исследований, включать данные вопросы в программы начального, среднего и высшего образования и профессиональной подготовки, а

Цитата: Леонидова Г.В. Рабочие места как неотъемлемая часть здорового образа жизни населения // Проблемы развития территории. 2018. № 6 (98). С. 7–21. DOI: 10.15838/ptd.2018.6.98.1

Citation: Leonidova G.V. Job as an integral part of a healthy lifestyle. *Problems of Territory's Development*, 2018, no. 6, pp. 7–21. DOI: 10.15838/ptd.2018.6.98.1

также разработать механизмы стимулирования создания здоровых рабочих мест. Особое внимание уделено необходимости формирования ответственности за здоровье работающего населения: ответственности работников, ответственности работодателей и ответственности общественных организаций (профсоюзов). Материал статьи будет полезен при разработке программ сохранения и укрепления здоровья работающего населения.

Здоровье, условия труда, здоровый образ жизни, здоровое рабочее место, трудовой потенциал.

Актуальность

Важнейшими задачами в Российской Федерации на современном этапе развития являются сохранение и рост численности населения, повышение качества человеческого капитала. Эти задачи «на повестке дня» в стране уже более четверти века, с тех пор как позиции России в рейтинге показателей человеческого развития (ИЧР)¹ стали более чем скромными по сравнению с советским периодом (33 место (0,873 ед.) в 1990 году, 60 (0,763 ед.) – в 2000 году). В 2015 году ИЧР России находился на 52 месте (0,804 ед.). Несмотря на то что страна входит теперь в группу с очень высоким уровнем человеческого развития, отставание от стран первой пятерки составляет около 15% (1 место занимает Норвегия – 0,949 ед.)². Все последние заявления руководства страны (в макроэкономике, социальной сфере, внешней политике) замкнуты на проблеме человеческого развития. Послание Президента РФ Федеральному Собранию, озвученное в марте 2018 года, также прямо отсылает к этой цели: «...позиции государства в современном мире определяют не только и не столько природные ресурсы, производственные мощности, а прежде всего люди, условия для развития, самореализации, творчества каждого человека»³.

Рассчитываемый Всемирным экономическим форумом (ВЭФ) индекс человеческого капитала⁴ показывает, что Россия в 2015 году находилась по этому показателю на 26-м месте среди 124 стран, вошедших в рейтинг. Одной из сильных сторон в этом индексе является доступность начального образования

(1-е место). В ряду слабых составляющих вместе с безработицей (52-е место), возможностями для профессионального развития (79-е место), качеством образования (73-е место) показатели здоровья населения (81-е место). Несмотря на низкие позиции России по уровню здоровья населения в рейтинге ВЭФ, ожидаемая продолжительность жизни при рождении в стране за 2000–2016 гг. выросла на 7 лет. Тем не менее абсолютное значение этого индикатора здоровья нации по-прежнему более чем на 10 лет отстает от экономически развитых государств мира, например, от стран ЕС. Особенно заметна эта разница в показателе ОПЖ мужского населения – разрыв достигает более 10 лет, тогда как в развитых странах он не превышает 4–6 лет [1].

Низкий рейтинг России по здоровью населения объясняется и показателем «ожидаемая продолжительность здоровой жизни» (ОПЗЖ), аналогичным ОПЖ. Он вычисляется с учетом смертности и нетрудоспособности, вызванной болезнями, и представляет собой годы жизни, прожитые человеком в состоянии полного здоровья. Согласно данным Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), жители стран Американского и Европейского регионов в состоянии здоровой жизни проживают в среднем на 7 лет дольше, чем россияне (рис. 1).

Кроме того, выросли на 8% в среднем по стране за период с 2000 по 2016 год показатели первичной заболеваемости россиян. В регионах, в частности в Вологодской области, этот индикатор состояния здоровья в течение

¹ Human Development Indicators. URL: <http://hdr.undp.org/en/media/hdr> (дата обращения 05.06.2018).

² Доклад о человеческом развитии: 2016. Человеческое развитие для всех и каждого. Вашингтон: Communications Development Incorporated, 2017. 40 с.

³ Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 1 марта 2018 г. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_291976 (дата обращения 05.06.2018).

⁴ Отчет о человеческом капитале: 2015 / Всемирный экономический форум. URL: <http://reports.weforum.org/human-capital-report-2015> (дата обращения 05.06.2018).

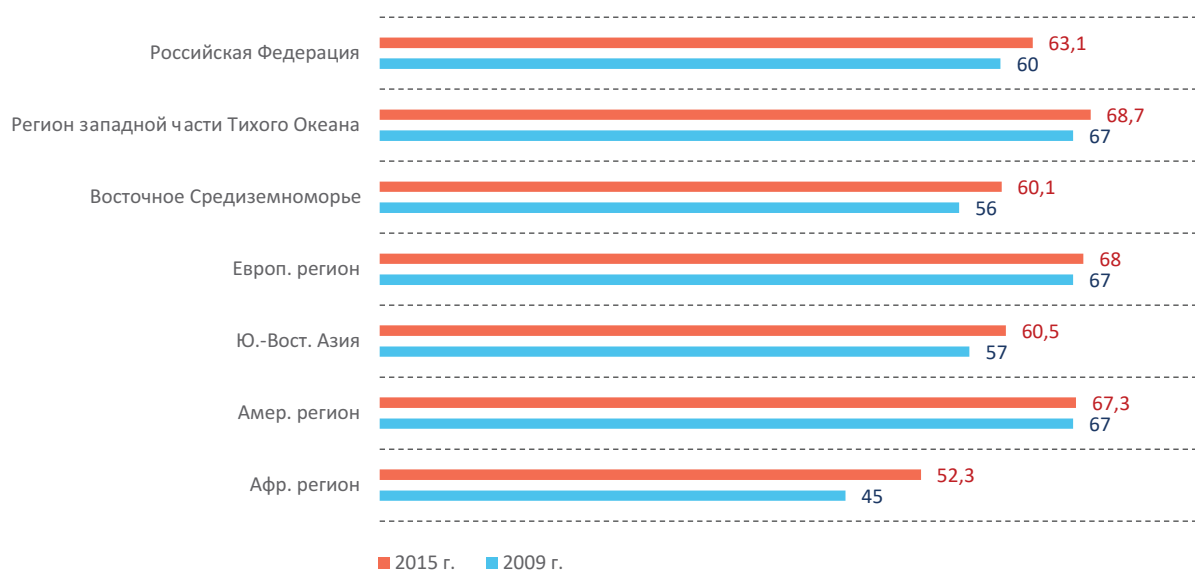

Рис. 1. Ожидаемая продолжительность здоровой жизни населения, лет

Источник: World health statistics 2016 / Всемирная организация здравоохранения. 2016.

URL: http://www.who.int/gho/publications/world_health_statistics

данного временного периода даже стабильно превышал общероссийский (в 2016 году – на 17%). Конечно, наблюдаемый в стране и регионе рост этого показателя объясняется, с одной стороны, улучшением диагностических процедур, с другой – демографическим старением населения. Но даже с учетом этого заболеваемость населения высокая.

Низкая продолжительность жизни населения в России формируется преимущественно за счет сверхсмертности населения в трудоспособном возрасте. Анализ показателя в гендерном разрезе особенно красноречив: уровень мужской смертности в рабочих возрастах в 4 раза превышает уровень женской (рис. 2). Это приводит к снижению количества трудовых ресурсов в целом и обуславливает существенные экономические потери региона и государства [2, с. 79].

В докладе Всемирной организации здравоохранения за 2015 год⁵ отмечено, что причиной 1,7% потерь DALY⁶ во всем мире являются профессиональные риски. Например, воздействию производственного шума, согласно

данным ВОЗ, вызывает «около 16% случаев потери слуха у взрослого населения». Кроме того, в России потеря слуха, вызванная шумом, является одним из самых распространенных профессиональных заболеваний, занимая 30% удельного веса в структуре профессиональной заболеваемости работников [3, с. 20]. В промышленно развитых странах появляется все больше доказательств того, что существует связь между ишемической болезнью сердца и депрессией, вызванной стрессом на работе⁷. Почти 60% работников в Европейских странах сталкиваются с ускоряющимися и напряженными графиками большую часть своего рабочего времени. В Финляндии от стресса страдают 26% всех работников, что немного выше среднего показателя по Европе [4, с. 7]. Исследования, выполненные НИИ медицины труда РАМН, показали, что частота врожденных пороков развития у детей достоверно выше в семьях, где родители работают во вредных условиях труда и подвергаются воздействию вредных веществ и разных биологических факторов [5, с. 250].

⁵ Глобальные факторы риска для здоровья: смертность и бремя болезней, обусловленные некоторыми основными факторами риска: докл. ВОЗ. 2015. URL: www.who.int/evidence/bod (дата обращения 06.04.2018).

⁶ DALY – годы жизни, скорректированные на нетрудоспособность. Показатель DALY наиболее подходит для оценки экономических потерь трудового потенциала.

⁷ Глобальные факторы риска для здоровья: смертность и бремя болезней, обусловленные некоторыми основными факторами риска: докл. ВОЗ. 2015. URL: www.who.int/evidence/bod (дата обращения 06.04.2018).

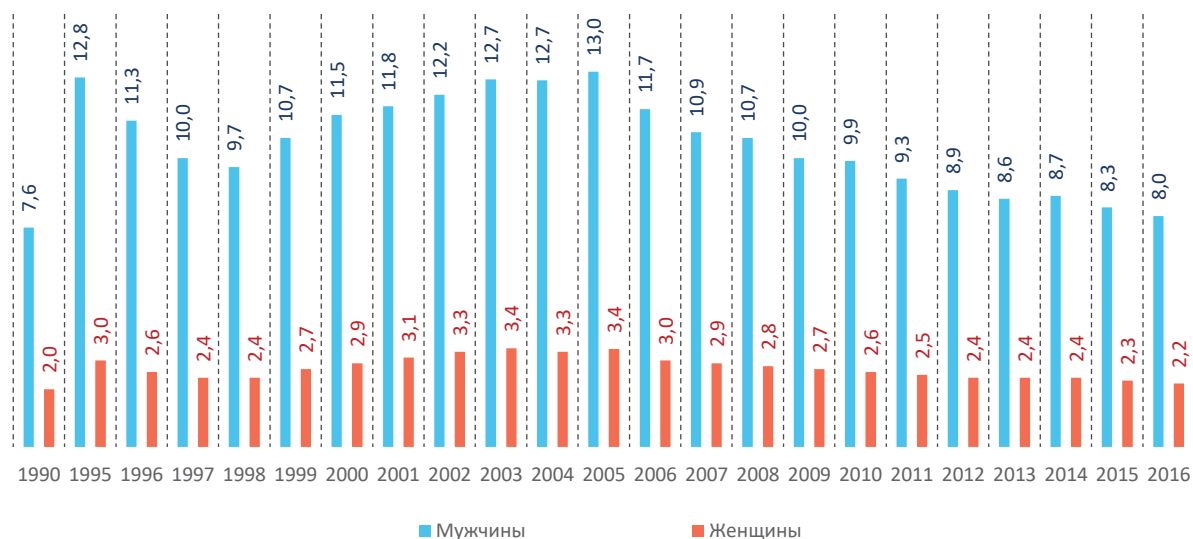

Рис. 2. Умершие в трудоспособном возрасте в РФ (на 1000 чел. соответствующего пола и возраста)

Источник: Демографический ежегодник России. 2017: стат. сб. / Росстат. М., 2017. 263 с.

В одном из европейских исследований представлено, что работа оказывает негативное влияние на трудоспособность одной трети работников. Согласно исследованию Европейского фонда улучшения условий жизни и труда (European Foundation for the Development of Living and Working Conditions), в 2009 году каждый четвертый работник Европы отсутствовал на работе из-за проблем со здоровьем; каждый десятый подвергся несчастному случаю на рабочем месте [6].

Таким образом, на фоне усиления человеческого фактора в социально-экономическом развитии необходимо более акцентированное внимание к состоянию здоровья населения, в особенности его работающей части. Целью статьи является анализ возможностей и особенностей здоровьесбережения на рабочих местах.

Теория

Ответственность за здоровье населения лежит не только на системе здравоохранения. По мнению экспертов Всемирной организации здравоохранения, оно зависит от четырех составляющих: наследственности (15–20%), окружающей среды (20–25%), образа жизни (50–55%) и здравоохранения (10–15%) [7].

Образ жизни – это способ существования, основанный на взаимодействии между условиями жизни и конкретными моделями по-

ведения индивида. А здоровый образ жизни, по определению ВОЗ, это «оптимальное качество жизни, определяемое мотивированным поведением человека, направленным на сохранение и укрепление здоровья, в условиях воздействия на него природных и социальных факторов окружающей среды». Для работающего населения важным фактором здоровьесбережения являются еще и действия или бездействие работодателя [8].

В документах ВОЗ важное место отводится проблеме здоровья работающего населения. В Люксембургской декларации 1997 года было введено понятие «укрепление здоровья на рабочем месте». Оно обозначало совместные усилия работников, работодателей и общества в целом, направленные на укрепление здоровья и поддержание соответствующего качества жизни на рабочих местах [8]. Другое название этих действий – продвижение здорового образа жизни на рабочем месте [9]. Рабочие места как одна из важных сред, воздействующих на человека, рассматриваются ВОЗ приоритетным направлением здоровьесбережения.

Изначально термин «здоровое рабочее место» трактовался исследователями как физическая среда [4, с. 7]. Затем понятие было дополнено социально-психологическими факторами (режим работы, напряженность, сроки сдачи и

т. д.), которые могут оказывать положительное или отрицательное влияние на здоровье работника [10]. Эксперты Всемирной организаций здравоохранения выработали определение понятия «здоровое рабочее место» – место, «где работники и менеджеры постоянно сотрудничают в совершенствовании охраны и укрепления здоровья, безопасности и благополучия всех работающих, способствуют совершенствованию рабочего места в процессе решения основных проблем: здоровье и безопасность в физической производственной среде; здоровье, безопасность и благополучие в психосоциальной производственной среде, включая организацию труда и культуру рабочего места; личный потенциал здоровья работника на рабочем месте; способы участия в совместной работе по улучшению здоровья работающих, их семей и других членов сообщества» [11].

Вопросы сохранения и укрепления здоровья на рабочем месте, улучшения эффективности работы и доступности служб медицины труда были провозглашены Всемирной организацией здравоохранения на 60-й Всемирной ассамблее здравоохранения в 2007 году [12]. В принятом ассамблеей «Глобальном плане действий по охране здоровья работающих на 2008–2017 гг.» сказано, что «работающие составляют половину мирового населения и вносят основной вклад в экономическое и социальное развитие». А их здоровье определяется не только социальными и индивидуальными факторами, доступом к медико-санитарным услугам, но и «теми рисками, которые присутствуют на рабочем месте» [12]. Основными направлениями в области охраны здоровья работающих в документе обозначены:

- первичная профилактика профессиональных рисков;
- охрана и укрепление здоровья на рабочем месте;
- более четкое реагирование системы здравоохранения на здоровье работающих;
- обеспечение безопасных условий труда;
- разработка национальных подходов к профилактике профессиональных заболеваний и травматизма;

- подготовка квалифицированных кадров по охране здоровья работников;
- пропаганда здорового образа жизни;
- эффективная координация деятельности всех заинтересованных служб.

При этом ВОЗ рекомендовала воссоздать систему промышленной медицины в формате медицины труда, основной целью которой стало бы управление профессиональными рисками с целью охраны здоровья работающих с учетом конкретных условий труда. В ее функции могли бы войти и текущий санитарный контроль (особенно в части оценки рисков различных производственных факторов), и мониторинг состояния здоровья работающих (в т. ч. случаев временной утраты трудоспособности с их экспертизой), и другие не менее важные аспекты, способствующие предупреждению производственного стресса, минимизации профессиональных рисков для здоровья работающих.

Такое внимание ВОЗ к здоровью работающего населения обусловлено тесной взаимосвязью здоровья и экономики в современном мире. Здоровое население имеет ключевое значение для социально-экономического развития. Это выражается в «более высокой производительности труда и, соответственно, большем вкладе в развитие экономики и общества, и наоборот, хорошо работающая экономика обеспечивает больше ресурсов для обеспечения здоровья и повышение качества жизни населения путем улучшения социальной среды в целом. Кроме того, более здоровое население требует меньших затрат на охрану здоровья» [13].

Основные риски рабочего места для здоровья работников можно сгруппировать следующим образом (рис. 3):

В России проводятся исследования по проблемам здоровья работающего населения и возможных путей его улучшения и сохранения. В частности с исследованием здоровья российских работников связано имя академика Н.Ф. Измерова – основоположника научного направления: медицины труда, интегрированной области профилактической и лечебной медицины. Он изучал проблему

ФАКТОРЫ РИСКА ЗДОРОВЬЯ НА РАБОЧИХ МЕСТАХ	
ХИМИЧЕСКИЕ	БИОЛОГИЧЕСКИЕ
Едкие вещества Раздражающие вещества Наркотические вещества Удушающие вещества Канцерогенные вещества Аэрозоли и пыль Органические растворители Химические элементы и их соединения Общего токсического действия	Грибки Бактерии Вирусы
	МЕХАНИЧЕСКИЕ
	Движущие механизмы
ФИЗИЧЕСКИЕ	ПСИХОСОЦИАЛЬНЫЕ И ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ
Микроклимат Шум Ультразвук Инфразвук Вибрация Электрический шок Статические электричество Освещение Ультрафиолетовое излучение Лазерное излучение Электромагнитные поля Ионизирующее излучение Высокое и низкое давление	Эстетика труда Стресс Неудобство и дискомфорт Неустойчивые формы занятости Профессиональная «неуспешность» Рольевой конфликт Низкая степень участия в управлении
	ЭРГОНОМИЧЕСКИЕ
	Перемещение тяжестей Монотонность Сидячая работа за компьютером

Рис. 3. Факторы риска здоровья на рабочих местах

Составлено по: Калькис В., Кристиныш И., Роя Ж. Основные направления оценки рисков рабочей среды. Рига, SIA «Jelgavas tipogrāfija», 2005. 76 с.

совершенствования методологии гигиенического нормирования с учетом сочетанного влияния факторов производственной среды, обоснованием критериев и классификации условий труда, занимался разработкой методологии оценки и управления профессиональным риском нарушения здоровья работающих. Научные труды Н.Ф. Измерова способствовали разработке концепции и стратегии по охране здоровья работающих РФ в новых социально-экономических условиях и являются основополагающими для разработки законодательства в области медицины труда, гигиены окружающей среды, обязательного социального страхования от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний [15, с. 2].

Многие ученые рассматривают проблему поддержания здоровья занятого населения через призму самосохранительного поведения, включая ответственное отношение

самого человека. По мнению И.Б. Назаровой, например, «поведение работника по сохранению здоровья определяется внешним пространством, в качестве которого помимо места проживания (географическое положение, тип поселения и качество жилья) проявляются рабочая среда (условия труда) и условия занятости (множественная, посменная)» [16; 17]. Ученый, в частности, указывает, что «включенность во множественную занятость ограничивает возможность реализации оздоровительных мер (посещение медицинских учреждений, занятия спортом, организация рекреации), а также преодоления болезней (обращение к медицинскому работнику, лечение, соблюдение особого режима)» [16]. В основе «идеальной модели самосохранительного поведения занятых» И.Б. Назаровой лежат не только здоровый образ жизни и профилактика заболеваний при своевременном обращении к врачу, но и возможность выбора безопасных рабочих мест или, при отсутствии выбора, рабочих мест с минимизированным влиянием негативных факторов (рисков).

Определенный интерес в этом направлении исследований представляют работы Т.В. Чубаровой, которая рассматривает этот вопрос с акцентом на ответственность работодателей в деле здоровьесбережения занятого населения. Обоснование этого акцента автор находит в использовании таких концептуальных подходов к охране здоровья работников, как теории смешанной экономики благосостояния, человеческого капитала и социальной ответственности бизнеса, а также концепции социальной ответственности работодателей (COR). В своих работах Т.В. Чубарова анализирует основные формы участия работодателей в охране здоровья работников и особо акцентирует внимание на необходимости взаимодействия работодателей и государства в этом вопросе, основанном на взаимном интересе в развитии современной экономики и человеческого потенциала страны [18, с. 58].

Методологии анализа рисков здоровья, интегрирующих сегодня, помимо традиционных, факторы микробной природы, обра-

за жизни и прочие, а также проблеме детерминированных потерь здоровья посвящены работы Н.А. Лебедевой-Несевря [19, с. 323]. Объектом ее исследований является экономически активное население России.

Среди современных вызовов социально-экономического развития стран, имеющих прямое отношение к формированию здоровья населения, находится волна технологических изменений на основе достижений биотехнологий, информатики и нанотехнологий⁸. Цифровая экономика становится сегодня новой социокультурно экономической реальностью («умной» действительностью) [20; 21]. Возможности, которые несет цифровая экономика, служащие для улучшения качества жизни людей, вместе с тем несут новые риски для здоровья людей, в том числе и профессиональные. В чем они выражаются? Во-первых, меняется структура и формы занятости. По оценкам экспертов, цифровизация приведет в уже недалеком будущем к сокращению рабочих мест. Появляющиеся новые формы занятости (дистанционная, гибкая занятость и т. д.) не требуют присутствия на рабочих местах. Это, с одной стороны, дает возможность для большего внимания к своему здоровью, а с другой, ограничивает социальную защиту работника в части его поддержки во время периода нетрудоспособности, связанной с болезнью. К тому же в последнем случае совокупность факторов рабочей среды и трудового процесса, оказывающих влияние на работоспособность и здоровье работника, уже не является объектом пристального внимания работодателя, да и самого работника тоже. Во-вторых, появление новых технологий еще более усугубляет ситуацию с уже существующим в обществе сокращением физической активности человека.

Зарубежные источники четко различают термины «здоровье» и «безопасность», отдавая в последние годы предпочтение именно здоровью [22, с. 5]. Например, эти терми-

⁸ Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года: утв. распоряж. Правительства Российской Федерации от 17 ноября 2008 г. № 1662-р.

ны использованы в законе Великобритании «Health and Safety at Work etc Act 1974» («Здоровье, безопасность и благополучие в связи с работой...»).

Информационная база российских исследователей ограничена имеющимися официальными статистическими данными. Исследователи оперируют, в основном, такими показателями, как смертность населения в трудоспособном возрасте, условия труда, производственный травматизм, профессиональные заболевания (отравление). Однако для глубокого анализа здоровья работающего населения этих данных недостаточно. Поэтому в своем исследовании автор опирался на базу социологических данных Федерального государственного бюджетного учреждения науки «Вологодский научный центр Российской академии наук» (далее – ФГБУН ВолНЦ РАН).

Методология исследования

Для анализа демографических показателей, касающихся здоровья населения, были использованы данные Федеральной службы государственной статистики и ее территориального органа – Вологдастата.

В качестве информационной базы были использованы следующие материалы:

1) мониторинг качества трудового потенциала населения, проведенный ФГБУН ВолНЦ РАН на территории Вологодской области в 1997–2017 гг.;

2) мониторинг физического здоровья населения Вологодской области (2005–2016 гг.).

В обоих случаях опросы проводятся в городах Вологде и Череповце и 8 районах Вологодской области один раз в 2 года. Объем выборки – 1500 респондентов.

В основу методики измерения качества трудового потенциала положена концепция качественных характеристик населения Н.М. Римашевской. Согласно этому подходу интегральным показателем качества трудового потенциала является социальная дееспособность, имеющая сложную иерархическую структуру и вбирающая в себя восемь качественных компонентов первого уровня: физическое и психическое здоровье, когни-

тивный потенциал, творческие способности, коммуникабельность, культурный и нравственный уровень, потребность в достижении (рис. 4).

Оценка качества трудового потенциала верхних уровней иерархии выполняется путем вычисления среднего геометрического индексов нижних уровней. Интегральный индекс социальной дееспособности рассчитывается как среднее геометрическое индексов энергетического и социально-психологического потенциалов [23].

Методологические подходы к оценке здоровья работников базируются на теории человеческого капитала.

Результаты и их обсуждение

Здоровье населения в трудоспособном возрасте (16–54/59 лет) требует особенно пристального внимания, поскольку эта категория населения, являясь основой занятого населения, характеризуется тенденцией к абсолютному сокращению численности. Анализ показал, что тренд оценок собственного здоровья за двадцатилетний период исследований существенно поменялся (рис. 5). Вплоть до 2004 года в ответах экономически активного населения региона преобладали удовлетворительные оценки, общий объем которых превышал 50%. Заметную долю в структуре ответов на вопрос об оцен-

ке здоровья вологжан в этот период составляли и негативные характеристики: «плохим и очень плохим» называли свое состояние от 7 до 11% опрошенных.

С 2005 года оценочные суждения жителей Вологодской области приобретают позитивный окрас. Преобладающим ответом становится оценка здоровья как «хорошего и отличного» – от 50 до 56% в разные годы. Доля «удовлетворительных» и «плохих» оценок существенно снизилась. Аналогичные тенденции показывает и самооценка частоты и тяжести заболеваний трудоспособного населения (табл. 1).

Нельзя не обратить внимание на то, что достаточно часто люди страдают недомоганиями, которые не снижают трудоспособность в целом и не требуют больничного листа: доля таких ответов остается высокой (от 11 до 20%). Косвенно это может свидетельствовать о высоких требованиях работодателей к здоровью своих работников, в результате чего последние даже при очень плохом самочувствии продолжают работать, не обращаясь за медицинской помощью (табл. 2).

Наши исследования подтверждают эти предположения. Как видно из данных таблицы, важность физического здоровья в контексте требований рабочего места растет (+ 5,2 проц. п. к уровню базового года). Однако нездоровый работник – это не только низкая производительность труда, но и в ряде

Рис. 4. Схема оценки качества трудового потенциала

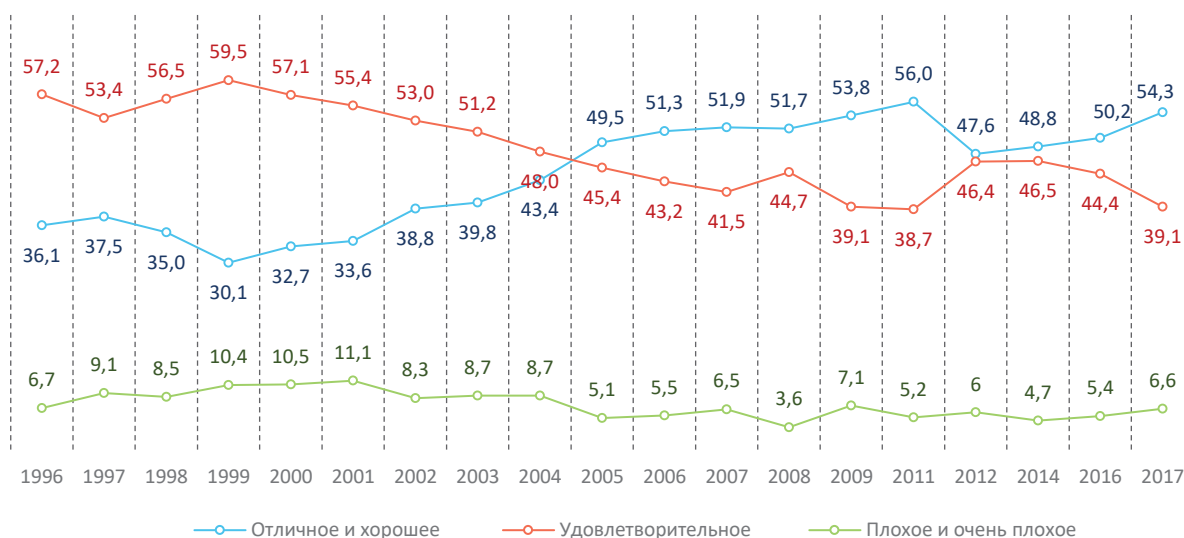

Рис. 5. Динамика оценок состояния своего здоровья трудоспособного населения Вологодской области, %
 Источник: данные мониторинга качества трудового потенциала, ФГБУН ВолНЦ РАН, 1996–2016 гг.

Таблица 1. Динамика ответов населения Вологодской области о частоте и тяжести заболеваний, влияющих на работоспособность, % от числа опрошенных

Вариант ответа	Год					
	1997	2000	2005	2009	2014	2017
Недомогания (головные боли, общая слабость, обострения хронических болезней, травм, ран и т. д.), быстро проходящие под воздействием массажа, лекарств или сами по себе, не снижающие трудоспособности в целом						
Очень часто, в связи с погодой и т. д.	25,2	30,4	24,2	17,7	12,7	21,0
Довольно часто (несколько раз в год)	42,4	36,2	36,9	38,1	35,1	32,0
Раз в год и реже	26,8	28,2	27,3	34,7	38,9	37,2
Никогда	5,5	5,2	11,5	9,5	13,2	9,8
Недомогания, снижающие возможность нормально работать, однако не требующие больничного листа						
Очень часто, в связи с погодой и т. д.	12,3	14,4	9,3	7,7	5,4	11,3
Довольно часто (несколько раз в год)	43,4	41,9	38,9	32,3	28,6	30,9
Раз в год и реже	36,5	31,3	37,7	43,1	45,7	42,3
Никогда	7,8	12,3	14,0	16,8	20,3	15,5

Источник: данные мониторинга качества трудового потенциала Вологодской области, ФГБУН ВолНЦ РАН, 1997–2017 гг.

Таблица 2. Динамика оценочных суждений населения Вологодской области о требованиях рабочего места к физическому и психическому здоровью работников, %

Вариант ответа	Год																	2017 год к 1997 году, п. п.	
	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2011	2012	2014	2016		2017
Хорошее физическое здоровье и самочувствие																			
Совсем не важно	2,5	1,5	2,5	1,9	1,6	2,5	2,5	2,0	3,1	3,7	2,3	1,6	3,0	3,4	2,3	2,7	2,9	3,1	0,6
Более или менее важно	16,3	13,2	15,9	16,7	15,5	17,3	18,5	23,0	19,9	18,5	14,2	12,6	15,1	17,5	15,6	19,1	13,9	13,9	-2,4
Достаточно важно	38,6	38,4	38,5	34,4	37,3	39,7	38,2	36,9	42,3	40,7	45,3	42,5	44,0	39,2	45,1	51,5	43,9	35,2	-3,4
Очень важно	42,6	47,0	43,1	46,9	44,1	40,5	40,8	38,2	34,6	37,0	38,2	43,3	37,8	39,9	37,0	26,8	39,4	47,8	5,2

Источник: данные мониторинга качества трудового потенциала Вологодской области, ФГБУН ВолНЦ РАН, 1997–2017 гг.

случаев ранний выход на пенсию со всеми вытекающими расходами. Крайне важным данный факт становится в современных условиях принятия новой пенсионной реформы, увеличившей возраст выхода на пенсию. Проблемы со здоровьем являются одной из основных причин, препятствующих эффективной реализации трудового потенциала (табл. 3).

Таблица 3. Динамика ответов о причинах, препятствующих реализации трудового потенциала (10 наиболее популярных ответов), % от числа работающих

Вариант ответа	2016 год	2017 год
Несправедливое начисление заработной платы	16,3	16,0
Отсутствие интереса к работе	9,1	11,9
Работа не по специальности	14,4	10,8
Неблагоприятные условия труда	8,0	9,7
Семейные проблемы	8,4	9,6
Неудобный график работы	9,1	9,4
Проблемы со здоровьем	10,5	9,3
Недостаток профессиональных знаний	5,7	8,4
Неорганизованность (лень)	8,3	7,6
Несоответствие работы Вашим способностям и склонностям	8,4	6,5
Затрудняюсь ответить	33,9	33,8

Источник: данные мониторинга качества трудового потенциала Вологодской области, ФГБУН ВолНЦ РАН, 2016–2017 гг. Ранжировано по 2017 году.

Позиция «проблемы со здоровьем» находится в числе 10 наиболее популярных ответов на вопрос о причинах, препятствующих максимальной отдаче в трудовой деятельности.

В качестве факторов, влияющих на здоровье работников, можно выделить неудовлетворенность трудом, рабочие перегрузки, условия труда. Зависимость здоровья от условий труда демонстрирует нам оценки трудо-

способного населения, полученные в рамках мониторинга качества трудового потенциала Вологодской области. Исследование (табл. 4) свидетельствует, что чем выше у работников оценки своего здоровья, тем больше они удовлетворены условиями своего труда и наоборот. Среди тех, кто оценивает состояние своего здоровья удовлетворительными оценками, доля неудовлетворенных трудом существенно выше [24, с. 221]. Работы зарубежных авторов свидетельствуют о том, что когда у работников растет удовлетворенность работой, увеличивается производительность труда и заработная плата, снижается стресс в результате внедрения программ укрепления здоровья на рабочем месте [25; 26; 27]. По данным Kelly Global Workforce Index, 50% работников в мире не удовлетворены своей работой.

Рабочие перегрузки также негативно отражаются на состоянии здоровья населения. Согласно данным опроса «ВЦИОМ-Спутник» [28], проведенного в апреле 2017 года, основной причиной болезней является необходимость слишком много работать (табл. 5). Согласно опросу Европейского агентства по безопасности и гигиене труда, в странах ЕС достаточно распространены стрессовые ситуации, связанные с рабочим местом: ответы «очень часто и достаточно часто» отметили 51% опрошенных, «редко и очень редко» – 45% [22].

Исследования свидетельствуют, что хорошее здоровье способствует более эффективной реализации трудового потенциала. Чем выше оценка работником своего здоровья, тем выше уровень реализации его потенциала (рис. 6). Следует обратить внимание, что

Таблица 4. Зависимость оценок своего здоровья от удовлетворенности условиями труда работников Вологодской области, 2016 год, %

Уровень удовлетворенности трудом	Оценка здоровья				
	Вполне удовлетворен	Скорее удовлетворен, чем нет	Не могу сказать, удовлетворен или нет	Скорее не удовлетворен	Совершенно не удовлетворен
Отличное и хорошее	57,5	52,9	44,0	36,1	43,6
Удовлетворительное	39,9	44,9	52,7	54,8	43,6
Плохое и очень плохое	2,5	2,2	3,3	9,0	12,7

Источник: данные мониторинга качества трудового потенциала Вологодской области, ФГБУН ВолНЦ РАН, 2016 год.

Таблица 5. Динамика ответов россиян на вопрос «Как бы Вы оценили, в чем основные причины болезней у Вас и Ваших родственников?» (закрытый вопрос, не более трех ответов), %

Вариант ответа	Год							
	2006	2008	2009	2012	2013	2014	2015	2017
Приходится слишком много работать, много беспокойства и тревог	60	53	53	49	52	43	47	35
Не хватает средств на предупреждение болезней, лечение, лекарства	29	26	22	19	21	20	17	35
Плохая окружающая среда, испорчена природа	41	43	47	37	39	33	36	32
Возраст, много лет не удается отдохнуть, подлечиться	36	35	35	39	35	46	34	28
Вредные привычки, не занимаемся спортом	11	13	17	16	16	21	21	15
Вероятно, болезни достались по наследству	15	17	16	16	21	19	19	14
Причина болезни – работа на вредном производстве, жизнь рядом с ним	10	9	11	10	14	10	12	13
Мы плохо питаемся, от этого все болезни	13	16	11	12	11	10	12	13
Другое	3	2	2	4	2	2	3	3
Затрудняюсь ответить	4	5	5	4	5	5	5	6

Источник: Национальный мониторинг здоровья россиян: пресс-выпуск № 3371 от 11 мая 2017 г. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116194> (дата обращения 05.06.2018).

Рис. 6. Зависимость уровня реализации трудового потенциала от состояния здоровья работников в целом, %

Источник: данные мониторинга качества трудового потенциала Вологодской области, 2016 год.

при очень плохом состоянии здоровья трудовой потенциал работника реализуется лишь наполовину (58%).

Согласно данным исследования по оценке физического здоровья населения Вологодской области⁹, у значительной части работающих малоподвижный характер труда (36%). Это вносит свой вклад в общее снижение физической активности населения, присущее современному этапу развития общества, и одновременно

⁹ ФГБУН ВолНЦ РАН проводит социологический опрос «Изучение здоровья населения и определяющих его факторов» в Вологодской области с 2005 года. В обследовании принимали участие респонденты старше 18 лет. Объем выборочной совокупности – 1500 человек. Выборка репрезентативная, ошибка не более 5%. Метод опроса – анкетирование по месту жительства респондентов.

менно выступает одним из профессиональных рисков, способствующих возникновению и усугублению заболеваний опорно-двигательного аппарата и сердечно-сосудистой системы. Что же касается правильного образа жизни, от которого в основном и зависит здоровье населения, то опросы показывают, что у работающих граждан в будний день остаются свободными от обязательной трудовой или учебной деятельности, в среднем, только 4 часа. Большинство респондентов признается, что это время они посвящают домашним делам (67%) и просмотру телевизионных программ (66%). Спортивным занятиям уделяют внимание по будням только 10% респондентов.

Среди причин низкой физической активности респонденты чаще всего отмечают недостаток свободного времени (34%), лень и личную неорганизованность (30%). А 20% указали, что вообще не видят в ней необходимости.

При этом ведущими факторами повышения своей физической активности (табл. 6) население называет увеличение дохода (38%), навыки самоорганизации (31%), а также снижение цен на спортивный инвентарь (26%).

Проведенное исследование показало, что работающее население осознает важность здоровья через влияние своего состояния на работоспособность и трудовую отдачу. Однако фундаментальный вопрос сформированности в сознании людей понимания того, что рабочее место – это тоже сфера, где мож-

Таблица 6. Распределение ответов на вопрос «Что может способствовать увеличению Вашей физической активности?», %

Вариант ответа	Доля ответов
Увеличение дохода	38,1
Наличие навыков самоорганизации	31,3
Понижение цен на спортивный инвентарь и абонементы в спортклубы	26,2
Близость расположения спортивных площадок, катков, бассейнов и т. д.	23,3
Увеличение числа спортивных площадок и спортклубов	18,9
Наличие благоприятных для этого условий на работе	11,1
Одобрение обществом данного увлечения, мода на занятия спортом	4,7
Другое	2,9
Источник: данные опроса «Изучение здоровья населения и определяющих его факторов», ФГБУН ВолНЦ РАН 2016 год.	

но и нужно сберечь свое здоровье, остается открытым. Этот факт ярко демонстрируется данными опроса: только 11% респондентов отметили, что наличие благоприятных условий на работе может способствовать увеличению их физической активности. Работающее население, как и все общество в целом, уверено, что в понятие здоровый образ жизни входят такие наиболее известные элементы, как правильное питание, физическая активность, медицинская активность. А работа, как правило, остается «за кадром» – на работе нужно работать. Этой несформированной ответственности за свое здоровье на рабочем месте потворствует и политика многих работодателей. В настоящее время в организациях, где трудятся участники опроса, чаще всего встречается ситуация, когда работодатель не предпринимает никаких действий для защиты и укрепления здоровья сотрудников (45%). Наиболее распространенным вариантом содействия сохранению здоровья работников является соблюдение прав на получение больничного (37%) и предоставление полиса ДМС (20%). Предоставление полной или частичной компенсации занятий спортом осуществляют только 5% организаций. В то же время поддержка занятий спортом со стороны работодателя может стать действенным средством повышения физической активности работающих граждан. Согласно

отчету Wellness Council of America, оздоровительные программы для сотрудников организаций почти на 30% сокращают медицинские расходы и значительно снижают количество прогулов, а каждый доллар, потраченный компанией на оздоровление своих сотрудников, окупается в 24 раза¹⁰.

В России есть прекрасные примеры ответственного отношения работодателей [29] к здоровью своих сотрудников. Иллюстрирует такой подход программа «Экология рабочего места», которая проводится на предприятиях компании «КНАУФ» СНГ с 2008 года. Цель программы – повышение качества работы персонала посредством формирования экологичной и безопасной рабочей среды. Для оценки ее эффективности ежегодно подводятся промежуточные итоги путем сбора и анализа информации с дальнейшей корректировкой программы. В рамках достижения цели программы были определены и выполняются задачи по следующим направлениям: охрана труда, безопасность производства; экология рабочего пространства; медицинское обеспечение; здоровый образ жизни. В компании «ЛУКОЙЛ» еще в 2002 году принят «Социальный кодекс» и реализуется программа «Охрана труда и здоровья работников», в цели которой входит обеспечение достойных условий труда, поддержка и пропаганда здорового образа жизни, профессиональное и личностное развитие работников без ущерба здоровью. Подобная программа внедрена и на ПАО «Северсталь», ее целью является улучшение состояния здоровья работников. Можно возразить, что это крупные компании и с большими возможностями. Хотя не так много затрат требуется, для того чтобы в любой, даже небольшой, организации появились комнаты разгрузок или кабинет здоровья, где можно вовремя измерить давление или послушать музыку. Для этого необходимо, чтобы была сформирована ответственность не только у работников за свое здоровье, но и у работодателей и общественных органи-

¹⁰ World Health Statistics 2015. URL: http://www.who.int/gho/publications/world_health_statistics/2015/en (accessed 26.10.2018).

заций (профсоюзов) за здоровье персонала. И тогда эта триада ответственности – работник, работодатель, профсоюз – даст действительную возможность здоровьесбережения населения и повышения благосостояния страны.

Заключение

Поставленная задача создания в России инновационной экономики в условиях демографических проблем и прогрессирующей трудонедостаточности требует существенного усиления внимания к здоровью работников. Исследования показывают, что благоприятные условия труда увеличивают вероятность положительного трудового прогноза в 3,5 раза, а в сочетании с материальной заинтересованностью и хорошим состоянием здоровья вероятность продолжения трудовой деятельности в пенсионном возрасте увеличивается в 7,3 раза [29]. Последнее является чрезвычайно актуальным в современных условиях рассмотрения вопроса об увеличении границ пенсионного возраста. Это может быть представлено в форме как стимулирования развития корпоративного спорта путем повышения роли профсоюзов в организации досуга работников, так и возвращения к практике производственной гимнастики в режиме рабочего дня занятого населения.

Нужно отметить, что в РФ создан информационный ресурс «Здоровье работающего населения» (<http://трудздоровье.рф>) – справочно-информационная поддержка населения и специалистов по охране труда в соответствии с особенностями трудовой деятель-

ности, лучшими российскими и мировыми практиками в области охраны здоровья граждан на рабочем месте. Целью этой коммуникационной площадки является организация взаимодействия по вопросам охраны здоровья населения между государством, научными учреждениями и коммерческими компаниями, где каждая из сторон участвует в разработке новых подходов и получает оперативное информирование об изменениях и тенденциях. Однако площадка не получила должного развития, и последние документы, представленные на сайте, датированы 2015 годом. В целом же проект заслуживает внимания.

Вместе с тем необходимо обеспечить развитие научных исследований, посвященных не только охране здоровья работающих, но и формированию культуры поддержания здоровья на рабочем месте. Вопросы формирования культуры здоровья следует включать в программы начального, среднего и высшего образования и профессиональной подготовки. Целесообразно разработать показатели для эпиднадзора за состоянием здоровья работающих, определить критерии воздействия факторов риска и их диагностики для раннего выявления профессиональных заболеваний и причин заболеваний, связанных с профессиональной деятельностью. Необходимо также разработать механизмы стимулирования создания «здоровых рабочих мест» и комнат психологической разгрузки на основе консультаций с работниками и работодателями.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шабунова А.А. Общественное развитие и демографические вызовы современности // Проблемы развития территории. 2014. № 2 (70). С. 7–17.
2. Шабунова А.А., Барсуков В.Н. Тенденции демографического старения населения Российской Федерации и пути их преодоления // Проблемы развития территории. 2015. № 1 (75). С. 76–87.
3. Лечение профессиональной тугоухости / Н.А. Дайхес [и др.] // Медицина: целевые проекты. 2018. № 29. С. 20–21.
4. Соон А. Рабочие места, укрепляющие здоровье. Что это такое и как этого достичь? Таллинн: Институт Развития Здоровья, 2010. 48 с.
5. Измеров Н.Ф. Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года и сохранение здоровья работающего населения // Федеральный справочник. Здравоохранение России. 2016. Т. 13. С. 249–252.

6. Nasman O., Ahonen G. *The DRUVAN-project: A major increase in Occupational Health Service based on the Metal Age method in a Finnish municipality improved the work ability and gave significant financial return.* The Centre for Occupational Safety and The Finnish Work Environment Fund. PunaMusta, Iisalmi, 2007. 7 p.
7. Неврология: национальное руководство / под ред. Е.И. Гусева [и др.]. М.: ГЭОТАР-Медиа, 2009. 1035 с.
8. *The Luxembourg Declaration on Workplace Health Promotion in the European Union.* 1997. URL: http://www.enwhp.org/fileadmin/rs-dokumente/dateien/Luxembourg_Declaration.pdfhttp://www.enwhp.org/fileadmin/rs-dokumente/dateien/Luxembourg_Declaration.pdf
9. Продвижение здорового образа жизни на рабочем месте. URL: https://intra.tai.ee/images/prints/documents/130097129548_Tervisedendus_tookohal_rus.pdf
10. Burton J. *Creating Healthy Workplaces.* Industrial Accident Prevention Association, Hong Kong, 2006. 29 p.
11. *Healthy workplaces: a model for action: for employers, workers, policymakers and practitioners.* Geneva: World Health Organization, 2010. 32 p.
12. *Workers' health: global plan of action: Sixtieth World Health Assembly.* Geneva, 2007. 12 p.
13. Социальная сфера в современной экономике: вопросы теории и практики / под ред. Т.В.Чубаровой. СПб.: Нестор-История, 2015. 240 с.
14. Калькис В., Кристиныш И., Роя Ж. Основные направления оценки рисков рабочей среды. Рига, SIA «Jelgavas tipogrāfija», 2005. 76 с.
15. Измеров Николай Федотович (к 85-летию со дня рождения) // Медицина труда и промышленная экология. 2012. № 12. С. 1–4.
16. Назарова И.Б. Здоровье занятых: причины потерь и возможности сбережения // Управление здравоохранением. 2007. № 20. С. 9–22.
17. Назарова И.Б. Здоровье занятого населения. М.: МАКС Пресс, 2007. 526 с.
18. Чубарова Т.В. Здоровье работающих как сфера взаимодействия современного государства и работодателей // Форсайт «Россия»: новое индустриальное общество. Перезагрузка: сб. докл. Санкт-Петербург. межд. эконом. конгр. Т. 2. / под общ. ред. С.Д. Бодрунова. СПб.: ИНИР им. С.Ю. Витте, 2018. С. 577 – 587.
19. Лебедева-Несевря Н.А., Гордеева С.С., Соловьев С.С. Микросоциальные факторы риска здоровью различных субгрупп экономически активного населения России (на материалах всероссийского опроса) // Актуальные вопросы обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия населения на уровне субъекта федерации: мат-лы межрегион. науч.-практ. интернет-конф. / под ред. А.Ю. Поповой, Н.В. Зайцевой. Пермь, 2017. С. 320–326.
20. Юдина Т.Н. Осмысление цифровой экономики // Современность: хозяйственные алгоритмы и практики / под ред. Ю.М. Осипова, В.Ю. Стримова, Е.С. Зотовой. М., Тамбов: Издат. дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2016. С. 389–394.
21. Россия онлайн? Догнать нельзя отстать / Б. Банке [и др.]. Boston: The Boston Consulting group, 2016. 56 с.
22. *European opinion poll on occupational safety and health, 2013.* URL: <https://osha.europa.eu/en/privacy-notice> (дата обращения 05.06.2018).
23. Чекмарева Е.А. Качество трудового потенциала за пределами крупных городов // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2018. Т. 11. № 55. С. 164–179. DOI: 10.15838/esc.2018.1.55.11
24. Леонидова Г.В. Творческая трудовая активность работников в контексте характеристик здоровья // Здоровье населения: проблемы и пути решения: сб. науч. ст. по мат-лам Междунар.науч.-практ. семинара, г. Минск, 18–19 мая 2017 г. Минск: Беларуская навука, 2017. С. 213–224.
25. Oden G., Crouse S., Reynolds C. Worker productivity, job satisfaction, and work related stress: the influence of an employee fitness program. *Fitness in Business*, 1989, no. 3, pp. 198–204.
26. Kerr J.H., Vos M. Employee Fitness Programmes, Absenteeism and General Well-Being. *Work and Stress*, 1993, no. 7, pp. 179–190.

27. Barthelmes I., Goertz C., Herdegen R., Jahn F., Jürgens, Scholz B., Knoll A., Kramer I., Lück P., Schreiter I., Sochert R., Waschau U., Wolters J. *Prävention gemeinsam weiterdenken. Initiative Gesundheit und Arbeit*. 2010. Available at: http://www.iga-info.de/fileadmin/Veroeffentlichungen/Einzelveroeffentlichungen/iga-Imagebroschuere_2012.pdf (accessed 05.06.2018).
28. Национальный мониторинг здоровья россиян: пресс-выпуск № 3371 от 11 мая 2017 г. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116194> (дата обращения 05.06.2018).
29. Здоровье на рабочем месте: сб. корпоративных практик. М.: РСПП, 2011. 92 с.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Леонидова Галина Валентиновна – кандидат экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник отдела исследования уровня и образа жизни населения. Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Вологодский научный центр Российской академии наук». Россия, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а. E-mail: galinaleonidova@mail.ru. Тел.: +7(8172) 59-78-19.

Leonidova G.V.

JOB AS AN INTEGRAL PART OF A HEALTHY LIFESTYLE

Russia has low indicators of population health. Being one of the components of human capital, this indicator, according to the World Economic Forum, is on the 81st place in the rating of 124 countries. Life expectancy in Russia, despite the growth trend, is more than 10 years behind the economically developed countries of the world. Its low level is formed, among other factors, due to the excessive death rate of the population of working age, which leads to a decrease in the number of labor resources in general and causes significant economic losses of the state. The goal of the paper is to substantiate the need to form a triad of responsibility for the health of working population (employee – employer – trade union) and ways of health saving in the workplace. The theoretical and methodological part of the article presents the main scientific views on the definition of “healthy job”, its position in the system of health factors. It is shown that the job is not perceived either by employees or employers as a risk factor for health, which carries a certain threat to the reproduction of labor force and reduces the implementation of the qualitative characteristics of labor potential. This circumstance introduces a certain scientific novelty and distinguishes the work performed from similar works of other scientists. The article concludes that it is necessary to strengthen the work on the formation of a culture of maintaining health in the workplace among workers and among employers. To this end, it is necessary to ensure the development of scientific research, to include these issues in the programs of primary, secondary and higher education and vocational training, as well as to develop mechanisms to stimulate the creation of healthy jobs. Particular attention is paid to the need to form responsibility for the health of working population: responsibility of employees, responsibility of employers and responsibility of public organizations (trade unions). The material of the article will be useful in the development of programs to preserve and promote the health of working population.

Health, working conditions, healthy lifestyle, healthy workplace, labor potential.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Leonidova Galina Valentinovna – Ph.D. in Economics, Associate Professor, Chief Research Associate at the Department of Living Standard and Lifestyle Studies. Federal State Budgetary Institution of Science “Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences”. 56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation. E-mail: galinaleonidova@mail.ru. Phone: +7(8172) 59-78-19.

Мониторинг перемен: основные тенденции

ВолНЦ РАН продолжает знакомить читателей с материалами о состоянии и тенденциях развития экономики России и Вологодской области.

⬆ Тенденции развития российской экономики в январе – сентябре 2018 года по сравнению с соответствующим периодом 2017 года отражают ряд позитивных изменений. Среди них обращает на себя внимание увеличение темпов роста промышленного производства (на 3%), грузооборота транспортных предприятий (на 2,9%) и розничной торговли (на 2,6%; табл. 1).

Эти тенденции более выражены в Вологодской области. Так, объемы промышленного производства выросли на 4,9%, грузооборота транспортных предприятий – на 13,6%, оборота розничной торговли – на 3,3%. Помимо этого наблюдается рост в сельском хозяйстве (на 3,2%) и в строительстве (на 0,1%).

⬇ В целом по стране, напротив, имеет место спад в сельском хозяйстве (на 3,3%) и снижение активности в сфере строительства и реконструкции сооружений инфраструктуры (на 0,7%). Ввод в действие жилых домов сократился на 1,9%, в то время как в Вологодской области – на 0,9%.

⬆ Сопоставление показателей января – сентября 2018 года с аналогичным периодом 2008 года, когда в реальном секторе экономики наблюдались наивысшие темпы роста за последние 15 лет, показывает, что в стране увеличилась динамика ввода в действие жилых домов (на 29%), грузооборота транспортных предприятий (на 21,8%), выпуска сельскохозяйственной продукции (на 15,9%), розничной торговли (на 7,7%) и промышленного производства (на 6,2%).

В Вологодской области за это же время выросли объемы транспортных грузоперевозок (на 14,2%) и промышленного производства (на 4,2%).

⬇ Среди негативных явлений, произошедших в экономике региона за 2008–2018 годы, можно отметить снижение темпов производства продукции сельского хозяйства (на 14,7%), строительства (на 13,8%), ввода в действие жилых домов (на 10,4%), сокращение объема розничной торговли (на 6,6%).

Таблица 1. Основные показатели экономического развития

Показатель	Январь – сентябрь 2018 г. к январю – сентябрю 2017 г., %			Январь – сентябрь 2018 г. к январю – сентябрю 2017 г., %			Январь – сентябрь 2018 г. к январю – сентябрю 2017 г., %		
	РФ	ВО		РФ	ВО		РФ	ВО	
Объем промышленного производства	103,0	104,9	●	104,9	106,8	●	106,2	104,2	●
Объем продукции сельского хозяйства	96,7	103,2	●	100,4	85,2	●	115,9	85,3	●
Грузооборот транспортных предприятий	102,9	113,6	●	109,9	112,6	●	121,8	114,2	●
Объем работ, выполненных по виду деятельности «строительство»	99,3	100,1	●	97,3	198,4	●	73,3	86,2	●
Ввод в действие жилых домов	98,1	99,1	●	91,8	58,7	●	129,0	89,6	●
Объем розничной торговли	102,6	103,3	●	103,1	105,3	●	107,7	93,4	●

● – Показатели ниже средних по РФ; ● – Показатели выше средних по РФ.
Источники: Социально-экономическое положение Вологодской области в январе – сентябре 2018 года: доклад / Вологдастат. Вологда, 2018. 85 с.; Федеральная служба государственной статистики. URL: <http://www.gks.ru>

- ⬇ – улучшение ситуации;
- ⬆ – ухудшение ситуации;
- – нет изменений.

В российской промышленности в январе – сентябре 2018 года в сравнении с январем–сентябрем 2017 года увеличение темпов выработки демонстрируют химические (на 12,9%), целлюлозно-бумажные (на 8,6%), деревообрабатывающие (на 3,3%), металлургические (на 2,7%) и машиностроительные производства (на 0,6%). В целом по стране темп роста обрабатывающих производств составил 1,6%; по виду деятельности «обеспечение электрической энергией, газом и паром» – 1,5% (табл. 2).

В Вологодской области увеличение выпуска произошло на металлургических (прирост на 13%), целлюлозно-бумажных (на 5,8%), деревообрабатывающих (на 5,3%), машиностроительных (на 4,5%) и химических (на 4,1%) производствах.

❏ Однако в целом по обрабатывающим производствам региона наблюдается спад на 0,3%. Также снижение выработки имеет место по виду деятельности «обеспечение электрической энергией, газом и паром» (на 8,4%).

⊕ В России за январь – сентябрь 2018 года относительно аналогичного периода 2008 года прирост продемонстрировала обрабатывающая промышленность в целом (на 1,7%), а также химические (на 36,1%) и деревообрабатывающие (на 5,4%) производства в частности.

В Вологодской области положительные изменения имеют место среди целлюлозно-бумажных (52,7%), металлургических (51,1%), химических (38,4%), деревообрабатывающих производств (3,3%) и в целом по обрабатывающей промышленности (12,7%). По виду деятельности «обеспечение электрической энергией, газом и паром» увеличение составило 0,7%.

❏ В то же время в целом по стране снизился темп выпуска машиностроительной (на 14,7%), целлюлозно-бумажной (на 4,7%) и химической (на 0,9) продукции. Снижение выработки по виду деятельности «обеспечение электрической энергией, газом и паром» составило 36%.

⊕ В социальной сфере страны за январь – август 2018 года по отношению к аналогичному периоду 2017 года на 1,4% выросли реальные располагаемые денежные доходы населения. Уровень безработицы в III квартале снизился с 5,0 до 4,6% (табл. 3).

❏ Менее стабильная ситуация наблюдается в Вологодской области. Так, реальные денежные доходы населения снизились на 8,7% в сравнении с уровнем января – августа 2017 года. Такие тенденции ведут к снижению потребительского спроса.

В августе 2018 года среднедушевые денежные доходы населения в Вологодской области (25743 руб.) лишь в 2,3 раза превысили величину прожиточного минимума во II квартале (10995 руб.), в то время как в среднем по стране значение коэффициента составляет 3 раза.

Таблица 2. Динамика промышленного производства

Вид экономической деятельности	Январь – июль 2018 г. к январю – июлю 2017 г., %			Январь – июль 2018 г. к январю – июлю 2016 г., %			Январь – июль 2018 г. к январю – июлю 2008 г., %		
	РФ	ВО		РФ	ВО		РФ	ВО	
Обрабатывающие производства, в том числе:	101,6	99,7	●	103,3	89,1	●	101,7	112,7	●
Обработка древесины и производство изделий из дерева	103,3	105,3	●	107,3	108,7	●	105,4	103,3	●
Целлюлозно-бумажное производство	108,6	105,8	●	111,3	108,4	●	95,3	152,7	●
Химическое производство	112,9	104,1	●	119,4	102,5	●	99,1	138,4	●
Металлургическое производство	102,7	113,0	●	108,5	126,2	●	136,1	151,1	●
Производство машин и оборудования	100,6	104,5	●	98,4	106,0	●	85,3	98,6	●
Обеспечение электрической энергией, газом и паром; кондиционирование воздуха	101,5	91,6	●	101,8	83,3	●	64,0	100,7	●

● – Показатели ниже средних по РФ; ● – Показатели выше средних по РФ.

Источники: Социально-экономическое положение Вологодской области в январе – сентябре 2018 года: доклад / Вологдастат. Вологда, 2018. 85 с.; Федеральная служба государственной статистики. URL: <http://www.gks.ru>

Таблица 3. Показатели социального развития

Показатель	Территория	Год							2018 г. к 2017 г., %	2018 г. к 2008 г., %
		2008	2013	2014	2015	2016	2017	2018		
Реальные располагаемые денежные доходы в январе–августе, %	ВО	101,4	108,1	102,6	102,0	102,8	91,9	91,3	×	×
	РФ	107,7	104,2	100,2	96,0	94,0	98,8	101,4	×	×
Среднедушевые денежные доходы в августе, руб.	ВО	12835	18876	21771	25708	28201	26731	25743	96,3	200,6
	РФ	15951	24209	28581	31004	30912	30972	31844	102,8	199,6
	ВО/РФ, %	80,5	78,0	76,2	82,9	91,2	86,3	80,8	×	×
	Отклонение ВО/РФ, руб.	-3116	-5333	-6810	-5296	-2711	-4241	-6101	×	×
Величина прожиточного минимума во II кв., руб.	ВО	4797	7546	8328	9902	10269	10718	10995	102,6	229,2
	РФ	4630	7429	8086	9673	9889	10328	10444	101,1	225,6
Соотношение среднедушевых денежных доходов и величины прожиточного минимума	ВО	2,7	2,5	2,6	2,6	2,7	2,5	2,3	×	×
	РФ	3,4	3,3	3,5	3,2	3,1	3,0	3,0	×	×
Уровень безработицы в III кв., %	ВО	4,8	6,1	4,3	5,6	5,6	5,1	4,0	-1,1	-0,8
	РФ	5,3	5,2	4,9	5,3	5,3	5,0	4,6	-0,4	-0,7
	ВО/РФ, п. п.	-0,5	0,9	-0,6	0,3	0,3	0,1	-0,6	×	×

Источники: Социально-экономическое положение Вологодской области в январе – сентябре 2018 года: доклад / Вологдастат. Вологда, 2018. 85 с.; Федеральная служба государственной статистики. URL: <http://www.gks.ru>

⊕ Вместе с тем положительные изменения демонстрирует региональный рынок труда: уровень безработицы в III квартале 2018 года снизился с 5,1 до 4%.

По итогам января – сентября 2018 года можно сделать вывод об отсутствии стабилизации социально-экономического развития регионов России. Особенно это касается Вологодской области, где наблюдается существенное сокращение денежных доходов населения. Отсутствие со стороны органов власти целенаправленных мер отраслевой поддержки и, прежде всего, обеспечения платежеспособного спроса в дальнейшем может обусловить замедление темпов роста российской экономики.

*Материал подготовил
А.Е. Мельников
младший научный сотрудник ФГБУН ВолНЦ РАН*

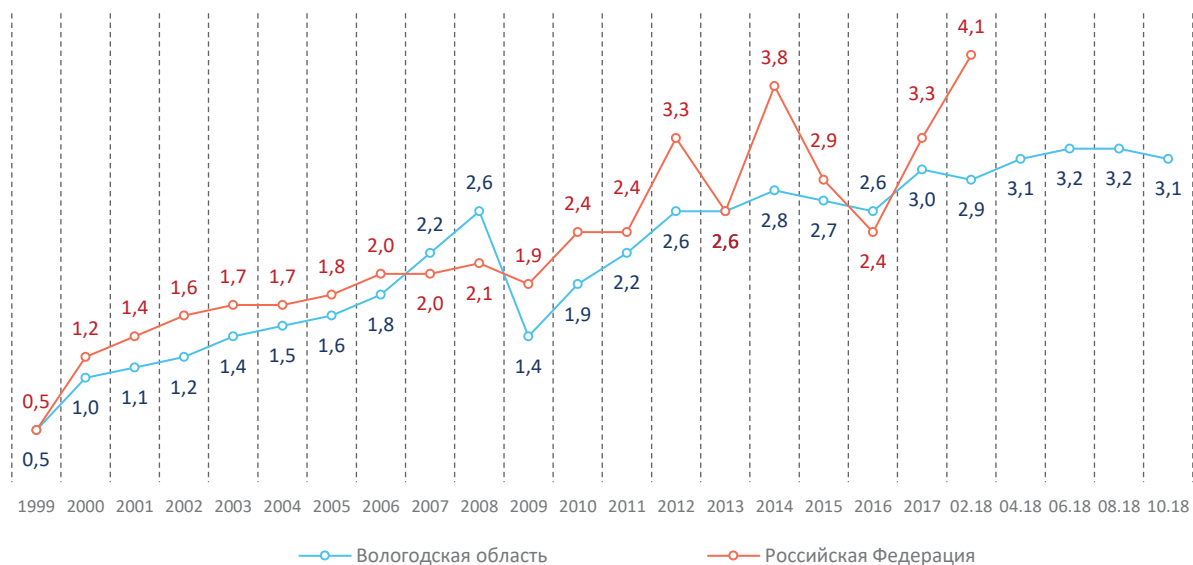

Рис. 1. Социальное настроение¹ (отношение суммы позитивных оценок «прекрасное» и «нормальное, ровное» к сумме негативных «испытываю напряжение, раздражение» и «испытываю страх, тоску»), раз

В октябре 2018 года показатель социального настроения жителей Вологодской области не изменился и находится на уровне значений апреля – августа текущего года (3,1–3,2 раза).

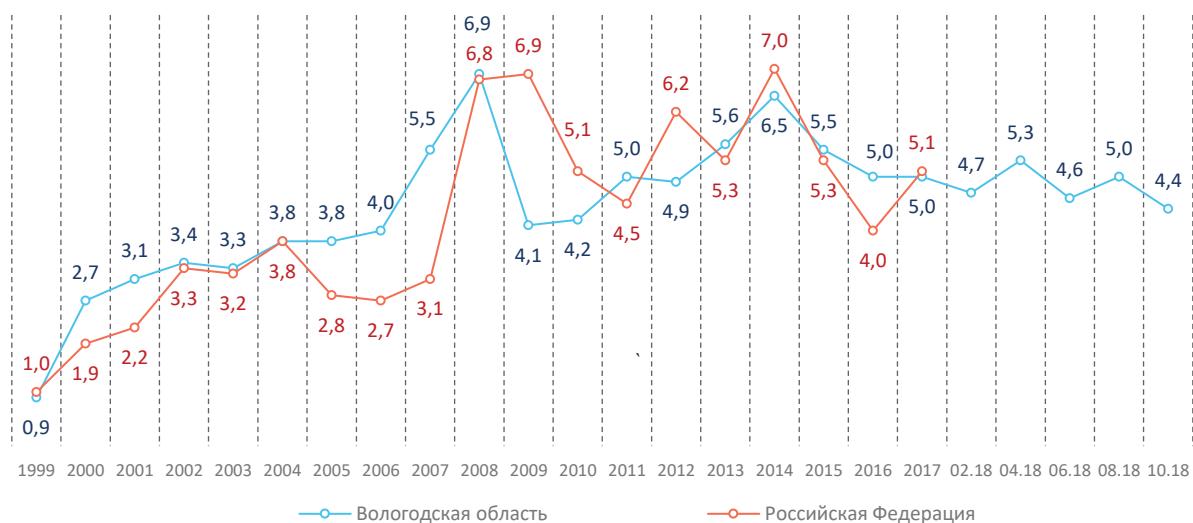

Рис. 2. Запас терпения населения (отношение суммы позиций «жить можно» и «можно терпеть» к позиции «терпеть нельзя»), раз

С августа по октябрь 2018 года произошло снижение уровня запаса терпения жителей Вологодской области (с 5,0 до 4,4 раза).

¹ Здесь и далее: Вологодская область – данные ФГБУН ВолНЦ РАН; Российская Федерация – данные Левада-Центра.

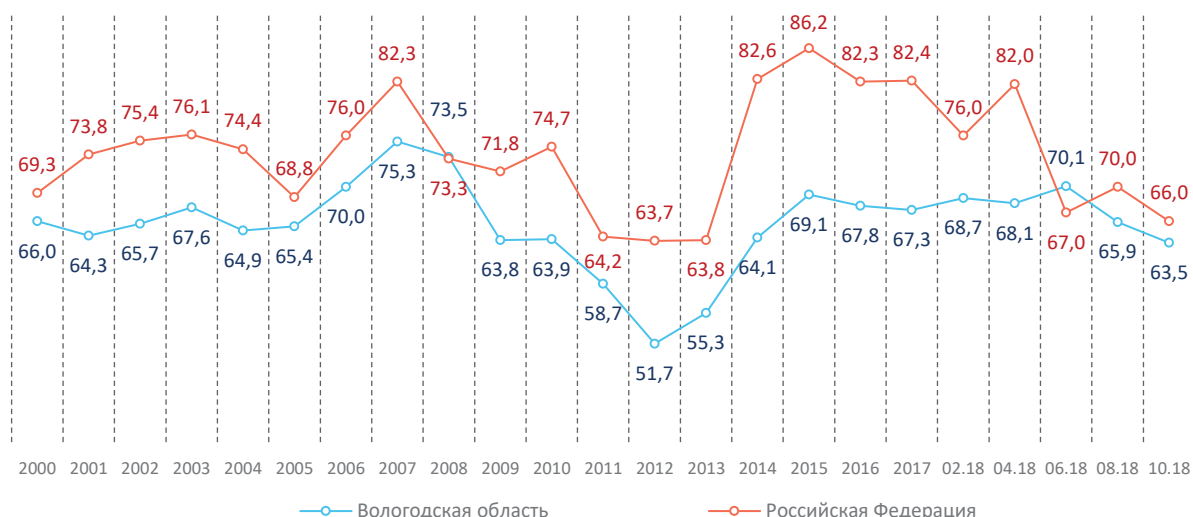

Рис. 3. Одобрение деятельности Президента РФ, % от числа опрошенных

В октябре 2018 года продолжилась начавшаяся в июне тенденция ухудшения отношения жителей Вологодской области к деятельности Президента РФ. За период с февраля по октябрь т. г. доля населения региона, одобряющего работу главы государства, уменьшилась на 5 п. п. (с 69 до 64%), а в целом по России – на 10 п. п. (с 76 до 66%).

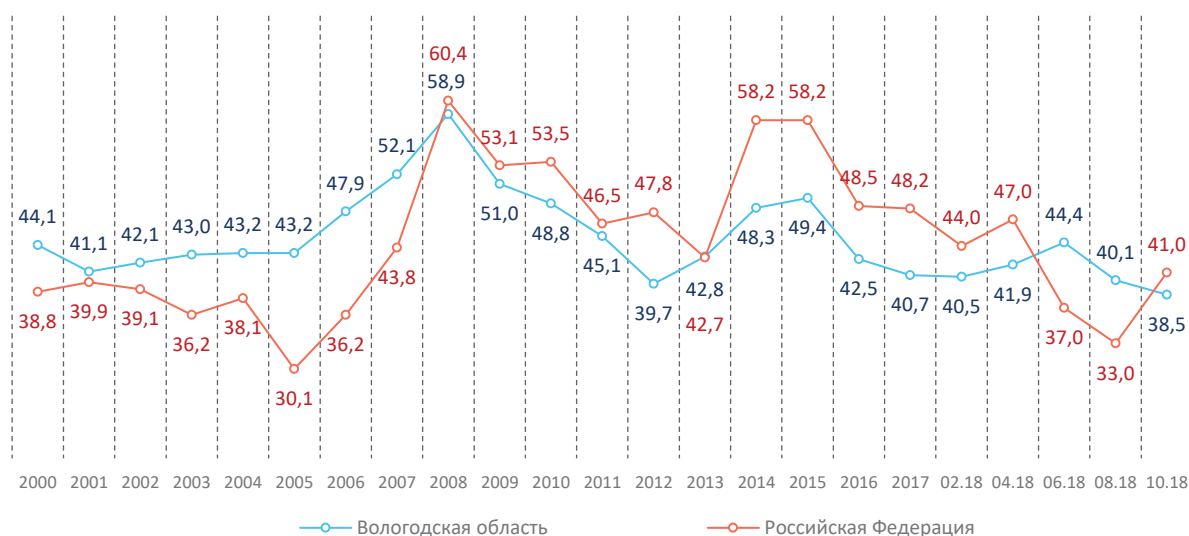

Рис. 4. Одобрение деятельности Правительства РФ, % от числа опрошенных

В период с августа по октябрь 2018 года доля населения Вологодской области, позитивно оценивающего деятельность Правительства РФ, не изменилась. Данный показатель находится на уровне 40–39%. В целом по России после августовского спада наблюдается рост положительных оценок работы высшего федерального органа исполнительной власти на 8 п. п. (с 33 до 41%).

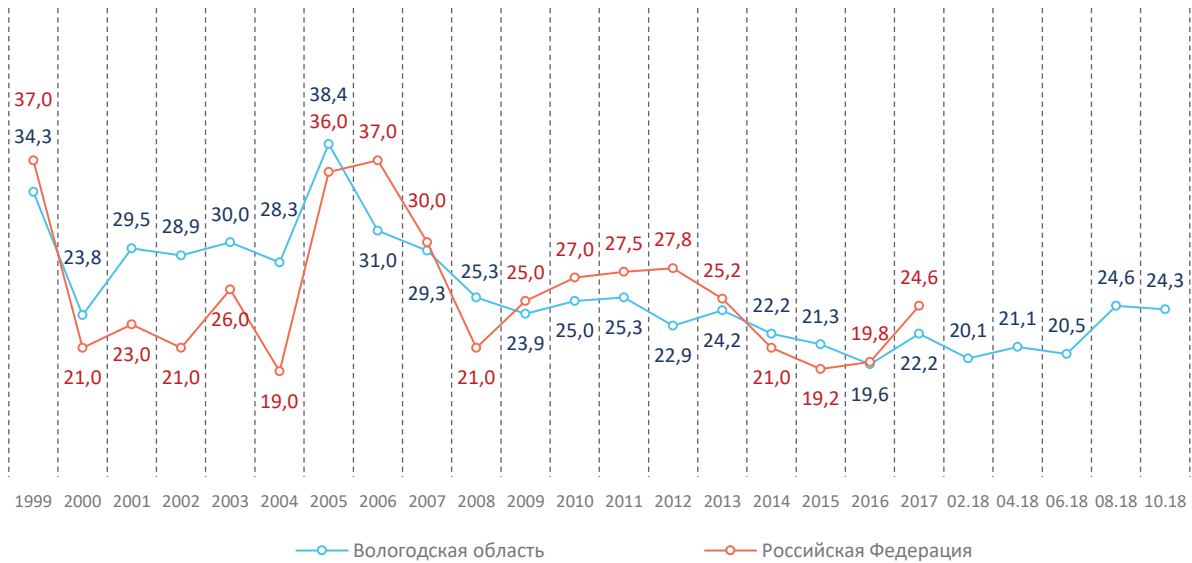

Рис. 5. Вероятность протестных выступлений (доля респондентов, отметивших возможность массовых акций протеста), % от числа опрошенных

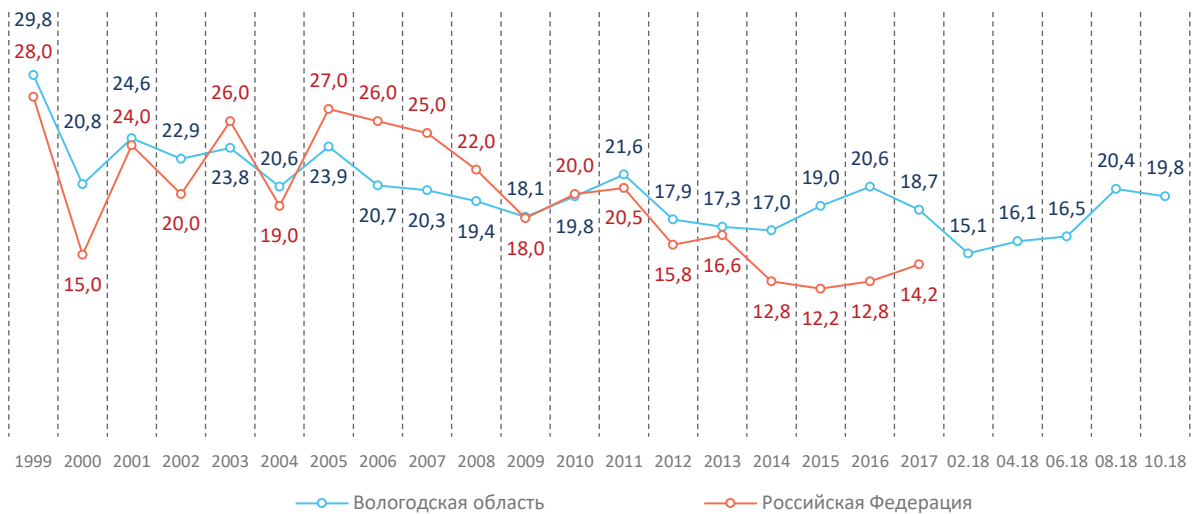

Рис. 6. Возможность участия в выступлениях (доля респондентов, готовых принять участие в массовых акциях протеста), % от числа опрошенных

В октябре 2018 года доля населения Вологодской области, отмечающая вероятность протестных выступлений и возможность своего участия в них, не изменилась и осталась на уровне августовских значений (25–24 и 20% соответственно).

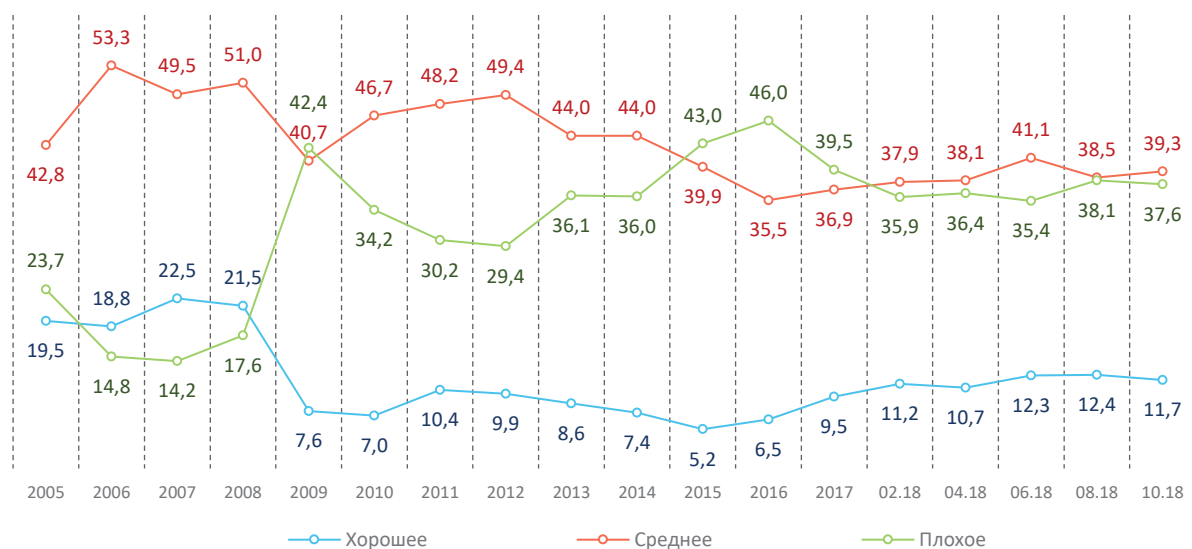

Рис. 7. Оценка экономического положения области, % от числа опрошенных

С августа по октябрь 2018 года наблюдается стабильность в оценках жителей региона экономического положения области. Удельный вес положительных, нейтральных и отрицательных характеристик не претерпел изменений и находится на уровне значений августа (12, 39 и 38% соответственно).

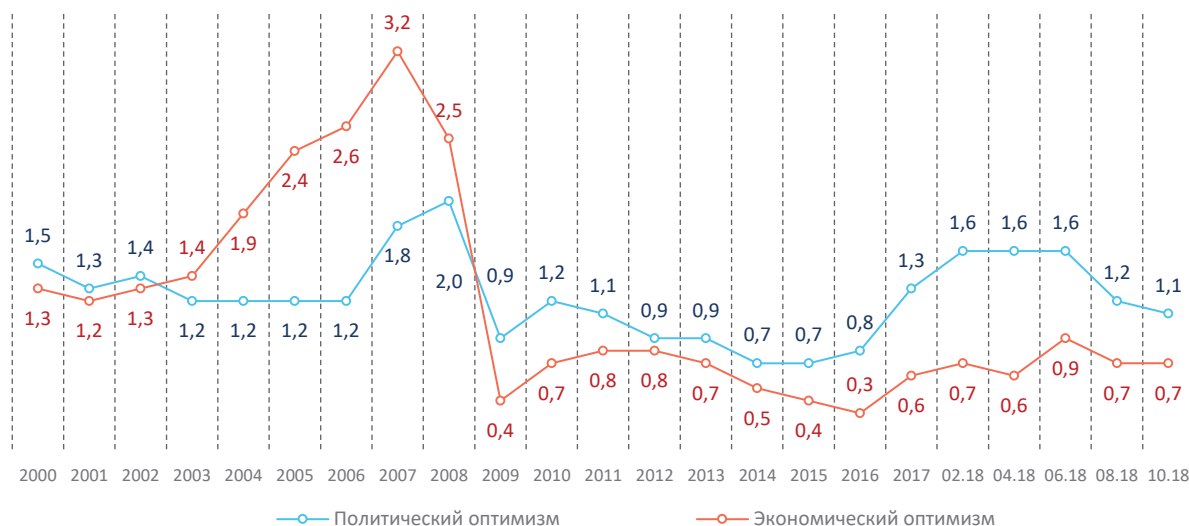

Рис. 8. Индексы политического и экономического оптимизма² (соотношение позитивных и негативных ожиданий), раз

В октябре 2018 года не произошло существенных изменений в динамике как политического, так и экономического оптимизма. Данные показатели соответствуют августовским значениям (1,1-1,2 и 0,7 раза соответственно).

Материал подготовила

Е.Э. Леонидова

научный сотрудник ФГБУН ВолНЦ РАН

² Индекс политического оптимизма рассчитывается на основе соотношения ответов респондентов, давших положительные и отрицательные прогнозные оценки политической ситуации, на вопрос «Как Вы думаете, что ожидается в ближайшие месяцы в политической жизни России?».

Индекс экономического оптимизма рассчитывается на основе соотношения ответов респондентов, давших положительные и отрицательные прогнозные оценки экономической ситуации, на вопрос «Как Вы считаете, следующие 12 месяцев будут хорошим временем, плохим или каким-либо еще для экономики России?».

**Цены на металлопродукцию на мировом рынке¹ за тонну
(на начало ноября соответствующего года)**

Вид металлопродукции	Ед. измерения	2018 г.	2017 г.	2016 г.	2018 г. в %	
					к 2017 г.	к 2016 г.
«Плоский» прокат						
Лист холоднокатаный	Долл. США	688	558	485	123,2	141,8
Лист оцинкованный	Долл. США	715	588	613	121,6	116,6
Лист горячекатаный	Долл. США	588	460	390	127,7	150,6
«Длинный» прокат						
Арматурная сталь	Долл. США	577	450	425	128,2	135,8
Конструкционные профили	Долл. США	765	613	690	124,8	110,9
Сортовой прокат	Долл. США	670	505	548	132,7	122,3

**Цены на металлопродукцию на российском рынке за тонну
(на начало ноября соответствующего года)**

Вид металлопродукции	Ед. измерения	2018 г.	2017 г.	2016 г.	2018 г. в %	
					к 2017 г.	к 2016 г.
«Плоский» прокат						
Лист холоднокатаный	Руб.	49196	40584	35292	121,2	139,4
Лист оцинкованный	Руб.	61534	52218	44802	117,8	137,3
Лист горячекатаный	Руб.	42819	35330	29189	121,2	146,7
«Длинный» прокат						
Арматура	Руб.	41150	32931	25761	125,0	159,7
Балка и швеллер	Руб.	50197	44586	38272	112,6	131,2
Круг	Руб.	40924	31520	29172	129,8	140,3
Уголок	Руб.	41736	32975	31116	126,6	134,1

На мировом рынке металлопродукции в начале ноября 2018 года зафиксирован существенный рост цен в долларовом выражении на все виды металлопроката по сравнению с тем же периодом 2017 года. Цены на различные виды «плоского» и «длинного» проката выросли на 22–33%. На российском рынке в рассматриваемом периоде цены на «плоский» прокат выросли на 18–21%, на «длинный» – 13–30%.

Источники: Аналитика. Мировые цены / Информационно-аналитическое агентство рынка черных и цветных металлов. URL: <http://www.metaltorg.ru/worldprice/main.php>; Аналитика. Динамика цен / Информационно-издательская служба «Металлоснабжение и сбыт». URL: <http://metalinfo.ru>

Обзор подготовил
М.А. Сидоров
младший научный сотрудник ФГБУН ВолНЦ РАН

¹ Страны ЕС.

Устойчивое развитие территорий, отраслей и производственных комплексов

DOI: 10.15838/ptd.2018.6.98.2

УДК 332.142.2 | ББК 65.9(2Рос)

© Губанова Е.С., Клещ В.С.

МЕТОДИКА ОЦЕНКИ НЕРАВНОМЕРНОСТИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНА

ГУБАНОВА ЕЛЕНА СЕРГЕЕВНА

Вологодский государственный университет
Россия, 160000, г. Вологда, ул. Ленина, д. 15
E-mail: gubanova_elena@mail.ru

КЛЕЩ ВИКТОРИЯ СЕРГЕЕВНА

Вологодский государственный университет
Россия, 160000, г. Вологда, ул. Ленина, д. 15
E-mail: korennikova@gmail.com

На современном этапе развития экономики значительные межтерриториальные различия остаются одной из острейших проблем как регионов, так и для страны в целом. Преодоление ярко выраженной неоднородности социально-экономического пространства будет способствовать открытию новых возможностей для ликвидации технологического отставания, стабильного и устойчивого развития и повышения качества жизни населения. В статье проведен анализ методических подходов к оценке межтерриториальных различий, который позволил выявить их достоинства и недостатки. Ключевая идея авторов статьи, развивающая методические основания данной оценки, состоит в том, что неравномерность социально-экономического развития рассматривается как процесс, который проходит в своем изменении три стадии: дифференциация, асимметрия, поляризация. Предложенная методика позволяет не только оценить уровень неравномерности развития региона, но и определить стадию неравномерности, соответствующую текущему состоянию муниципалитета, установить «вклад» каждого района в исследуемый процесс, выявить факторы, обуславливающие межмуниципальные различия. Апробация методики,

Цитата: Губанова Е.С., Клещ В.С. Методика оценки неравномерности социально-экономического развития региона // Проблемы развития территории. 2018. № 6 (98). С. 30–41. DOI: 10.15838/ptd.2018.6.98.2

Citation: Gubanova E.S., Kleshch V.S. Methods to Evaluate Uneven Socio-Economic Development of a Region. *Problems of Territory's Development*, 2018, no. 6 (98), pp. 30–41. DOI: 10.15838/ptd.2018.6.98.2

проведенная на примере Вологодской области, показала, что проблема неравномерного социально-экономического развития в регионе является достаточно острой и требует поиска способов ее разрешения. Полученные результаты могут быть использованы органами власти и управления региона и органами местного самоуправления при разработке методов и инструментов регулирования, учитывающих социально-экономические характеристики объектов воздействия, а также при разработке стратегических документов, определяющих пространственное развитие региона на перспективу. Материалы исследования, представленные в статье, могут быть интересны для обсуждения в научной дискуссии, использования в научной и учебной деятельности.

Неравномерность социально-экономического развития территории, методика оценки, регион, дифференциация, асимметрия, поляризация.

Современный этап развития производительных сил характеризуется кардинальными и стремительными переменами во всех сферах жизнедеятельности, что в значительной степени обусловлено переходом экономики страны к новому укладу, основу которого составляют цифровые технологии. На этом фоне продолжается усиление неоднородности социально-экономического развития российских регионов, повышается их конкуренция за ресурсы (финансовые, трудовые, материальные, интеллектуальные), нарастают межрегиональные и внутрирегиональные контрасты, углубляющие демографические, экономические, инновационные, социальные, финансовые и другие проблемы. Отечественная и зарубежная практика свидетельствует о том, что увеличение неравномерности социально-экономического развития регионов приводит к снижению их производственного потенциала и инвестиционной активности, к ослаблению экономических отношений и хозяйственных связей и усилению социальной нестабильности в обществе. Таким образом, неравномерность регионального развития становится серьезным препятствием на пути перехода страны к новому технологическому укладу.

Это стало основанием того, что среди главных внутренних вызовов в Стратегии пространственного развития РФ до 2030 года особое место занимают наличие существенных межрегиональных (и внутрирегиональных) различий, невысокий уровень инфраструктурного обустройства, высокая доля низкотехнологичных отраслей экономики и нереализованный потенциал межрегионального

и межмуниципального взаимодействия [1]. Преодоление пространственных диспропорций, тормозящих технологические перемены, должно стать императивом развития страны и ее регионов на долгосрочную перспективу.

В ходе исследования сущности неравномерности социально-экономического развития и понятийного аппарата, используемого учеными в этой области, было установлено, что понятия «дифференциация», «асимметрия», «поляризация», «неравномерность», «неравенство» используются как синонимы, при этом отражают различия регионов по социально-экономическим параметрам. В работе [2] авторы пришли к выводу, что между этими понятиями, несущими схожую смысловую нагрузку, существует связь, которая имеет особый характер, проявляющийся в том, что неравномерность социально-экономического развития в своем изменении проходит три стадии: дифференциация, асимметрия, поляризация. Смена стадий обусловлена действием значительного количества факторов, различающихся по характеру, силе, времени действия, источникам возникновения и другим критериям. Очевидно, что имеют место факторы, на которые государство может оказывать воздействие с целью снижения различий по ключевым параметрам развития территории. Основанием выбора методов и инструментов, используемых органами власти и управления, должна быть оценка неравномерности социально-экономического развития.

Анализ научных работ по вопросам оценки межтерриториальных различий показал,

что набор существующих методик характеризуется значительным разнообразием, они различаются подходами, способами оценки и интерпретации результатов.

Обращает на себя внимание тот факт, что большинство методик нацелено лишь на выявление различий по определенным параметрам, то есть фактически решаются лишь локальные задачи. Решение подобных (локальных) задач, как правило, осуществляется на основе анализа статистических показателей (размах, соотношение максимального и минимального значений показателя, относительное отклонение от среднего значения, коэффициент вариации, коэффициент Джинни, коэффициент Тейла, коэффициент асимметрии и другие) и построения рейтингов, что дает возможность выполнить простое сравнение показателей. Отметим также, что в ряде работ оценка неравномерности развития носит более комплексный характер и наряду с определением различий осуществляется выявление влияния факторов на изучаемые процессы, установление групп территорий с похожими параметрами.

Большинство методик ставит задачу определения социально-экономических различий, однако применение некоторых показателей (например, величина размаха, от-

ношение максимального и минимального значений) несколько искажает реальное значение неравномерности ввиду использования не всей совокупности данных, а только крайних (максимальных и минимальных) ее значений. Отметим, что некоторые методики ограничиваются лишь распределением территорий относительно друг друга без выявления величины неравномерности их развития. В таком случае четко видно взаимное расположение территорий, но не определяется величина различий между ними.

Как видно из *табл. 1*, каждая из методик имеет определенные достоинства, что обуславливает широкое применение. Наряду с этим их использование в ходе оценки неравномерности развития территорий не позволяет определить стадию неравномерности, положение одной территории относительно других. Считаем, что при проведении оценки неравномерности социально-экономического развития территорий важно не только установить величину межтерриториальных различий, но и определить стадию неравномерности, соответствующую выявленному уровню различий, установить факторы, влияющие на этот процесс, и тенденции его изменения.

На основании идеи стадийности неравномерности социально-экономического раз-

Таблица 1. Сравнение методик оценки неравномерности социально-экономического развития территорий

Методика		Уровень сложности расчетов	Наличие статистической информации	Определение количественной величины различий	Определение положения территории относительно других территорий	Наглядность и простота интерпретации результатов
1. Анализ показателей неравномерности	1.1 Однокомпонентный [3–6]	+	+	+	–	+/-
	1.2 Многокомпонентный [7–11]	+/-	+/-	+	–	+/-
2. Рейтинговые оценки	2.1. С последующей балльной оценкой [12–15]	+	+	–	+	+/-
	С последующей интервальной оценкой (группировка, типологизация, кластеризация) [16–19]	+	+	–	+	+/-
3. Сравнение величин исследуемых показателей (доля, структура, значение показателей) [20; 21]		+	+	+/-	+/-	+
4. Комплексная (сочетание нескольких методик в одной) [22–24]		+/-	+/-	+/-	+/-	+/-
«+» – полное соответствие критерию; «+/-» – соответствует критерию не в полной мере; «–» – не соответствует критерию. Источник: составлено авторами.						

вития территорий и результатов анализа методических подходов к ее оценке в работе предлагается методика, позволяющая на базе выявленных различий по определенным параметрам определить стадию неравномерности (дифференциация – асимметрия – поляризация), тем самым установить положение одной территории относительно других. Алгоритм методики предполагает реализацию шести последовательных этапов.

На первом этапе производится отбор показателей, отражающих развитие экономики и социальной сферы региона. Выбор показателей должен опираться на следующие принципы:

- доступность показателей (все показатели для анализа могут быть найдены в официальной отчетности службы статистики, министерств и ведомств);
- соответствие выбранных показателей направлению исследования;

– комплексность показателей (показатели должны отражать тенденции и особенности развития экономики и социальной сферы в регионе).

В результате исследования мы пришли к выводу, что для оценки неравномерности социально-экономического развития региона могут быть использованы показатели, представленные в *табл. 2*.

На втором этапе для каждого из показателей рассчитывается «средний стандарт», или оптимальное (эталонное) значение показателя. «Средний стандарт» представляет собой такую величину показателя, соответствия значения всех территорий которой означает гармоничное развитие региона, обеспечение равноценных условий функционирования экономики и условий жизни населения. Автор исследования [25] отмечает, что равномерное распределение благ является

Таблица 2. Показатели для оценки неравномерности социально-экономического развития региона

Блок показателей	Показатель	Содержание показателя
Социальный блок	1. Численность населения, чел.	Отражает число человек, постоянно проживающих на данной территории
	2. Среднемесячная начисленная заработная плата работников организаций, руб.	Отражает величину получаемых денежных средств работников за выполненную работу
	3. Уровень зарегистрированной безработицы, %	Отражает долю безработного населения в численности экономически активного населения
	4. Обеспеченность населения врачами и средним медицинским персоналом, чел./1000 чел.	Отражает загруженность медицинских работников и определяется путем деления количества врачей и среднего медицинского персонала на каждую 1000 человек населения
	5. Обеспеченность детей местами в дошкольных образовательных учреждениях, детей/место	Отражает загруженность дошкольных общеобразовательных учреждений; определяется путем деления численности детей на число мест в ДОУ
	6. Оборачиваемость розничной торговли, тыс. руб.	Отражает выручку торговых организаций от продажи товаров населению
	7. Объем платных услуг населению, тыс. руб.	Отражает объем потребляемых населением услуг
Экономический блок	8. Объем промышленного производства, млн руб.	Отражает стоимость произведенных на территории товаров
	9. Объем продукции сельского хозяйства, млн руб.	Отражает стоимость продукции растениеводства и животноводства, произведенной на территории
	10. Ввод в действие жилых домов, тыс. кв. м	Отражает развитие отрасли жилищного строительства в регионе; показывает число введенных в эксплуатацию жилых площадей
	11. Объем инвестиций в основной капитал, млн руб.	Характеризует инвестиционную привлекательность территории; отражает совокупность затрат на создание и воспроизводство основных средств
	12. Количество организаций и индивидуальных предпринимателей, ед.	Характеризует привлекательность территории для ведения бизнеса и развития производства
	13. Затраты предприятий на охрану окружающей среды, тыс. руб.	Отражает текущие затраты на охрану окружающей среды, а также инвестиции в основной капитал, направляемые на реализацию природоохранных мероприятий

Источник: составлено авторами.

правильным, поэтому в качестве «среднего стандарта», или оптимального (эталонного) значения, выступает среднее значение показателя, расчет которого производится по следующей формуле:

$$\bar{p}_j = \frac{1}{n} \sum_{i=1}^n p_i, j \in [1; m], \quad (1)$$

где:

\bar{p}_j – оптимальное (эталонное) значение показателя;

n – количество рассматриваемых территорий;

m – число анализируемых социальных и экономических показателей;

i – порядковый номер территории;

j – номер социального или экономического показателя;

p_i – значение показателя i -й территории.

На третьем этапе осуществляется сравнение значения показателя по каждой территории с полученным эталонным значением. Это сравнение позволяет определить степень отклонения развития территории по выбранному показателю от «среднего стандарта»:

$$H_{ij} = \frac{\bar{p}_j - p_{ij}}{\bar{p}_j}, \quad (2)$$

где:

H_{ij} – отклонение значения показателя территории от оптимального (эталонного) уровня (значение неравномерности развития конкретной территории по выбранному показателю);

\bar{p}_j – оптимальное значение показателя.

На четвертом этапе осуществляется расчет отклонения развития отдельной социальной сферы и экономики территорий от эталонного уровня развития социальной сферы и экономики:

$$H_{i\text{соц}} = \frac{1}{k} \sum_{i=1}^k \sum_{j=1}^l |H_{ij}|, \quad (3)$$

$$H_{i\text{эк}} = \frac{1}{l} \sum_{i=1}^l \sum_{j=1}^k |H_{ij}|, \quad (4)$$

где:

$H_{i\text{соц}}$, $H_{i\text{эк}}$ – отклонение уровня социального и экономического развития территории от оптимального уровня;

k и l – количество социальных и экономических показателей соответственно ($k + l = m$).

На пятом этапе определяется показатель неравномерности социально-экономического развития территории, отражающий степень отклонения уровня ее социально-экономического развития от оптимального уровня:

$$H_i = \frac{H_{i\text{соц}} + H_{i\text{эк}}}{2}, \quad (5)$$

Далее для определения стадии неравномерности полученный показатель (см. формула 5) соотносится с построенной шкалой неравномерности (рис. 1).

В основу построения шкалы неравномерности развития было положено сущностное понимание стадий неравномерности: дифференциации, асимметрии и поляризации [2]. Так, незначительные отклонения социально-экономического развития территории от оптимального уровня соответствуют стадии дифференциации, существенные – стадии асимметрии, критичные – стадии поляризации. Распределение территорий по стадиям неравномерности позволяет не только определить степень неравномерности развития территорий, но и выявить слабые и сильные стороны развития социальной сферы и экономики каждой территории. Эти данные, в свою очередь, могут служить информационной базой для разработки и реализации мероприятий по регулированию регионального развития, адекватных не только состоянию территории, но и факторам, определяющим тренды изменения их (территорий) состояния.

На шестом этапе определяется степень влияния развития каждой территории на формирование неравномерности развития регио-

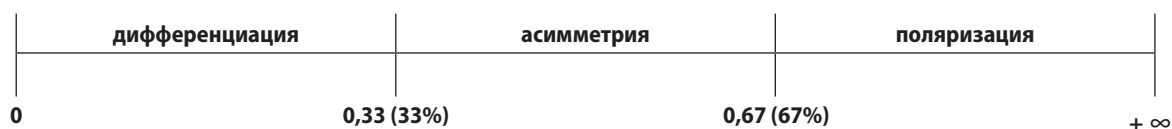

Рис. 1. Шкала неравномерности социально-экономического развития региона и границы ее стадий

Источник: составлено авторами.

на:
$$I_i = \left(\frac{1}{n} \times \left(\frac{p_i}{\bar{p}} - 1 \right)^2 \right) \div v^2, \quad (6)$$

где:

I_i – степень влияния развития территории на социально-экономическое развитие региона;

p_i – значение показателя i -й территории;

\bar{p} – среднее значение показателя, $\bar{p} = \frac{1}{n} \sum_{i=1}^n p_i$;

v^2 – квадрат коэффициента вариации,

$$v^2 = \frac{\sum_{i=1}^n \left(\frac{p_i}{\bar{p}} - 1 \right)^2}{n}$$

Апробация методики осуществлялась на материалах муниципальных образований Вологодской области. Информационной базой исследования стали данные Федеральной службы государственной статистики по Вологодской области за 2000–2015 гг. Из анализа были исключены г. Вологда и г. Череповец как муниципальные образования, существенно превосходящие остальные территории области по величине социальных и экономических параметров.

Согласно предложенной методике, на основании отобранных статистических данных были рассчитаны «средние стандарты» по каждому социальному и экономическому показателю, определены величины отклонений по выбранным показателям и рассчитан показатель неравномерности развития. Далее полученные значения неравномерности социально-экономического развития муниципалитетов Вологодской области сравнивались со шкалой неравномерности (рис. 2).

Можно утверждать, что проблема неравномерного социально-экономического развития в регионе является значимой, и, несмотря на предпринимаемые усилия региональных властей в последние годы, заметных позитивных сдвигов нет. Большая часть муниципаль-

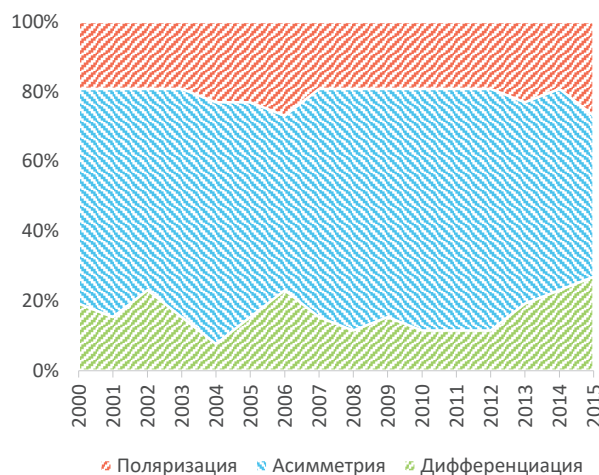

Рис. 2. «Теплограмма»: доля муниципальных районов Вологодской области с каждой из степеней неравномерности в 2000–2015 гг.

Источник: составлено авторами.

ных районов в период 2000–2015 гг. характеризуется асимметричным развитием, при котором различия по социально-экономическим параметрам могут приводить к дестабилизации воспроизводственных процессов.

Отметим, что за анализируемый период изменились позиции некоторых муниципальных образований, однако не наблюдается значительных изменений в составе территорий, отнесенных к каждой из стадий неравномерности (рис. 3).

Так, имело место снижение различий по социально-экономическим параметрам в Бабаевском, Вытегорском, Кирилловском районах, которые переместились в группу районов, где неравномерность развития характеризуется стадией дифференциации. Группа муниципалитетов с наибольшим отклонением уровня социально-экономического развития от «среднего стандарта», что соответствует стадии поляризации, расширилась: к Великоустюгскому, Вологодскому, Кадуйскому, Сокольскому и Череповецкому районам присоединились Шекснинский и Грязовецкий

районы. Остальные муниципальные районы области остались в группе с социально-экономическим развитием в стадии асимметрии, при которой имеет место нарастание различий, угрожающее негативными проявлениями в экономике и социальной сфере.

Обратим внимание на то, что за 2000–2015 гг. в Грязовецком, Шекснинском и Чагодощенском районах произошли заметные трансформации в социально-экономическом развитии, которые привели к изменению стадии неравномерности – первые два рай-

она увеличили «отрыв» по показателям от остальных районов в сторону более активного развития, а последний район – в сторону снижения экономической активности.

Установлено, что величина отклонения уровня социально-экономического развития территорий от оптимального уровня и соответствующее ей распределение территорий по стадиям неравномерности обусловлены более высоким уровнем развития экономики и социальной сферы одних территорий относительно других. При этом территории, нахо-

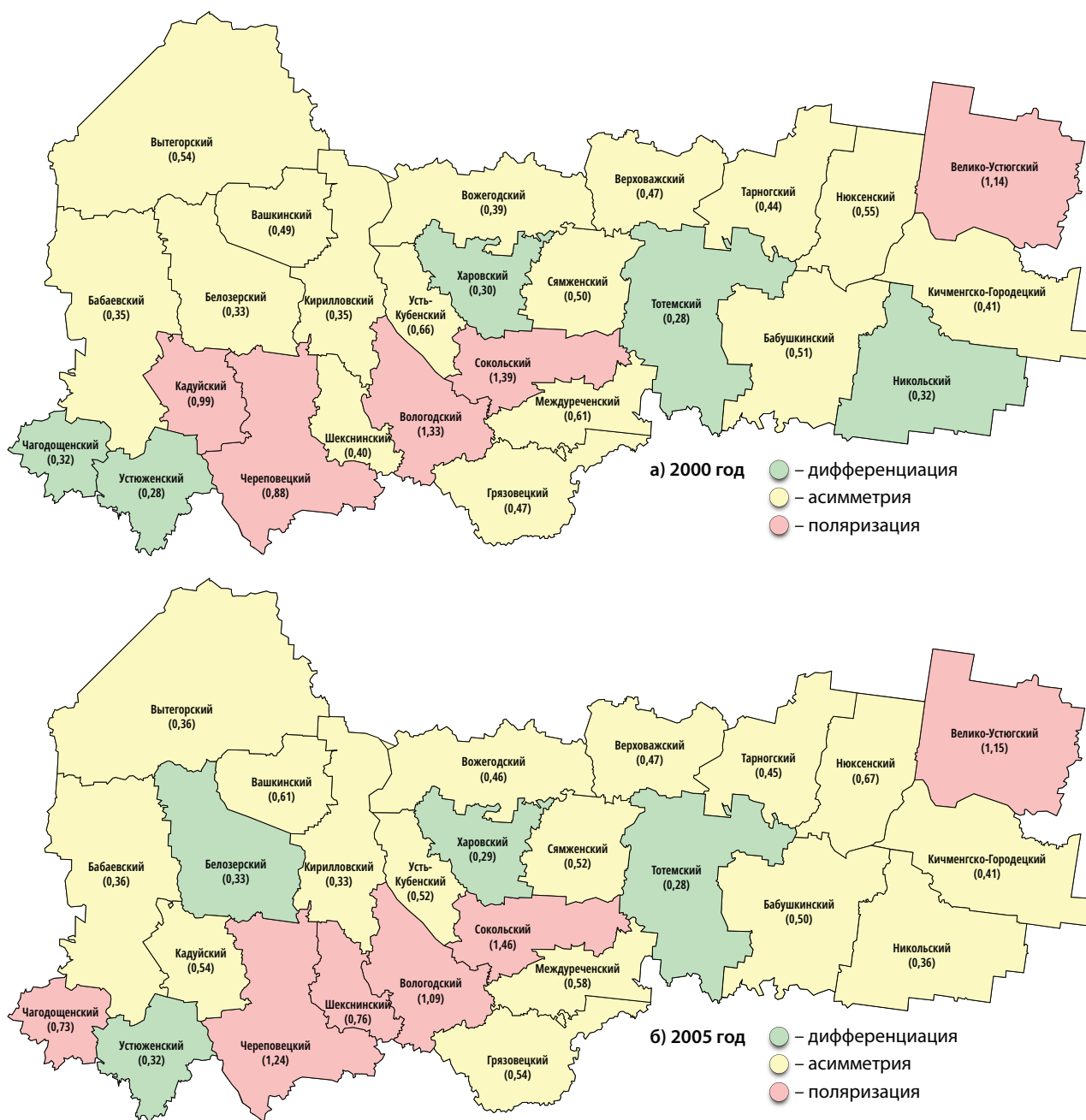

Рис. 3. Неравномерность социально-экономического развития муниципальных образований Вологодской области (в скобках указана величина отклонения муниципального образования от оптимального уровня)

Источник: составлено авторами.

длежащие на стадии поляризации и имеющие наибольшие величины отклонения от «среднего стандарта», это районы (Вологодский, Великоустюгский, Сокольский, Грязовецкий, Череповецкий, Шекснинский и Кадуйский), обладающие более высоким уровнем развития экономики и социальной сферы. С одной стороны, причиной опережающего развития

этих территорий стало их расположение вблизи крупных областных городов (г. Вологда, г. Череповец, г. Великий Устюг), с другой – нахождение этих территорий на стадии поляризации, обусловлено следующими факторами:

- высокие значения численности населения: на территории этих муниципалитетов проживает 41,9% населения всех муници-

пальных районов области (из анализа исключены г. Вологда и г. Череповец), при этом численность населения в них выше «среднего стандарта» от 1,6 раза в Грязовецком районе до 2,6 раза – в Великоустюгском;

– низкие показатели уровня безработицы: наименьший уровень зарегистрированной безработицы в 2015 году был зафиксирован в Шекснинском районе, где значение показателя в 3,4 раза ниже «среднего стандарта», в Вологодском, Сокольском и Череповецком районах уровень безработицы также не превышает оптимальное значение;

– высокий уровень развития регионального потребительского рынка товаров и услуг: это обусловлено высокой численностью населения, высоким уровнем покупательной способности и доходов населения, а также особенностями пространственного распределения товаропроизводителей и объектов торговли, тяготеющих к крупным ранкам сбыта;

– развитое промышленное производство: на территории указанных муниципальных районов производится 68,8% всей промышленной продукции, производимой в муниципальных районах области, поэтому объем промышленного производства в них превосходит оптимальное значение показателя от 1,6 до 3,6 раза;

– развитое сельское хозяйство: объем сельскохозяйственного производства Вологодского, Великоустюгского, Грязовецкого, Череповецкого и Шекснинского районов превосходит величину «среднего стандарта» от 1,2 до 3,2 раза, при этом на территории указанных муниципалитетов производится 65,1% всей продукции сельскохозяйственного производства, мясное и молочное животноводство, растениеводство, овощеводство и льноводство являются основными направлениями отрасли;

– активное развитие жилищного строительства: высокие значения спроса и покупательной способности доходов населения, реализация на территории области Федерального проекта «Ипотека и арендное жилье», нацеленного на улучшение жилищных усло-

вий населения, обусловили активное развитие отрасли в Вологодском, Череповецком, Великоустюгской и Кирилловском районах, поэтому значение показателя на этих территориях превосходит оптимальный уровень от 1,4 до 4,4 раза;

– высокий уровень инвестиционной активности: указанные муниципальные районы являются привлекательными территориями для инвесторов, объем инвестиций в основной капитал которых превышает значение оптимальной величины от 1,4 до 4,3 раза, здесь сосредоточено 63,9% от капиталобразующих инвестиций, направляемых в муниципальные районы области;

– высокий уровень экономической активности: на территории этих муниципалитетов ведут свою деятельность 52,6% всех организаций и индивидуальных предпринимателей муниципальных образований области, при этом уровень экономической активности в них от 1,5 до 3,1 раза выше «среднего стандарта».

Важное место в представленной методике занимает определение степени влияния каждого муниципального образования на процесс неравномерного развития региона в целом. Результаты этой оценки представлены в *табл. 3*. По данным этой таблицы видно, что наиболее сильное влияние на процесс неравномерного развития региона оказывают муниципалитеты, находящиеся на стадии поляризации и имеющие более высокий уровень развития по сравнению с остальными районами. Следует обратить внимание на двоякий характер этого влияния. С одной стороны, бесспорно, эти районы оказывают влияние на усиление неравномерного развития региона в целом, сопровождающееся увеличением разрыва по ключевым параметрам развития указанных районов с некоторыми другими районами, но с другой стороны, именно эти районы могут стать своеобразными «драйверами» развития для региона, обеспечивая движение в направлении траектории ускоренного развития.

В заключение отметим, что предложенная методика будет способствовать развитию методических основ оценки неравномер-

Таблица 3. Степень влияния муниципальных образований на формирование неравномерности социально-экономического развития Вологодской области в 2015 году

Показатель	Муниципальный район
Численность населения	Великоустюгский (22,9%), Вологодский (19,5%), Сокольский (16%), Череповецкий (6,8%)
Среднемесячная номинальная заработная плата работников	Нюксенский (24,8%), Вытегорский (6,8%), Кадуйский (6,2%)
Уровень зарегистрированной безработицы	Белозерский (29%), Шекснинский (16,2%), Междуреченский (11,5%)
Обеспеченность населения врачами и средним медицинским персоналом	Великоустюгский (27%), Череповецкий (13,6%), Кадуйский (10,1%), Вологодский (8,4%)
Обеспеченность детей местами в дошкольных общеобразовательных учреждениях	Вашкинский (33%), Череповецкий (17,0%), Вытегорский (11,8%), Нюксенский (8,1%)
Оборот розничной торговли	Великоустюгский (41,1%), Сокольский (14,4%), Грязовецкий (8,8%)
Объем платных услуг населению	Великоустюгский (46,3%), Вологодский (10%), Сокольский (9,8%)
Объем промышленного производства	Сокольский (23,1%), Кадуйский (16,9%), Грязовецкий (10,3%), Великоустюгский (8,9%)
Объем продукции сельского хозяйства всех категорий сельхозпроизводителей	Вологодский (65,3%), Череповецкий (8,5%), Грязовецкий (8,4%)
Ввод в действие жилых домов	Вологодский (50,6%), Череповецкий (27,3%)
Объем инвестиций в основной капитал	Кадуйский (35,7%), Грязовецкий (19,7%), Шекснинский (10,5%)
Количество организаций и индивидуальных предпринимателей	Великоустюгский (33,5%), Вологодский (15,9%), Сокольский (12,3%), Череповецкий (10,8%)
Затраты предприятий на охрану окружающей среды	Сокольский (35,1%), Шекснинский (12,1%), Вологодский (11,9%)
Источник: рассчитано и составлено авторами.	

ности социально-экономического развития территорий. Она позволяет решить комплекс важных для региона задач, а именно: определить величину межтерриториальных различий, установить стадию неравномерности, которой соответствуют обнаруженные различия, выявить территории с более высоким уровнем развития и отстающие территории, а также выяснить основные факторы, стимулирующие или тормозящие развитие

территорий. Отметим и практическую значимость результатов исследования, которая заключается в том, что результаты оценки могут служить информационной базой для органов власти и управления при разработке стратегических документов развития региона, определении приоритетных направлений функционирования региональной системы и разработке инструментария регулирования регионального развития.

ЛИТЕРАТУРА

1. Стратегия пространственного развития Российской Федерации до 2030 года. URL: http://xn---7sbbhnbqial1ebd4mma.xn--p1ai/uploadedFiles/files/Kontsepsiya_SPR.pdf
2. Губанова Е.С., Клещ В.С. Методологические аспекты анализа уровня неравномерности социально-экономического развития регионов // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2017. Т. 10. № 49. С. 58–75.
3. Кравцова О.В. Анализ и регулирование внутрирегиональной социально-экономической дифференциации: автореф. дис. ... канд. экон. наук. М., 2006. 21 с.
4. Самарина В.П. Оценка неравномерности социально-экономического развития субъектов центрально-черноземного экономического района // Региональная экономика: теория и практика. 2008. № 8 (65). С. 33–38.
5. Фраймович Д.Ю., Холодная А.К. Комплексная диагностика межрегиональной инновационно-ресурсной дифференциации // Финансы: теория и практика. 2017. № 1. С. 16–27.
6. Чернова Л.С. Тенденции региональной дифференциации уровней социального развития субъектов Российской Федерации // Проблемы прогнозирования. 2007. № 6. С. 58–65.

7. Зубаревич Н.В. Неравенство социально-экономического развития регионов и городов России 2000-х годов: рост или снижение? // *Общественные науки и современность*. 2013. № 6. С. 15–26.
8. Воробьев Д.Н. Регулирование асимметрии социально-экономического развития муниципальных образований региона: автореф. дис. ... канд. экон. наук. Екатеринбург, 2005. 28 с.
9. Зайцева Ю.В. Исследование дифференциации российских регионов по уровню социально-экономического развития с помощью простейших индикаторов // *Региональная экономика и управление*. 2010. № 2. С. 6–14.
10. Буфетова А.Н. Межрегиональные различия в уровне жизни в России // *Вестник Новосибирского государственного университета. Серия «Социально-экономические науки»*. 2014. Т. 14. Вып. 3. С. 113–123.
11. Чепик А.Е. Статистическое исследование неравномерности социально-экономического развития муниципальных образований региона: автореф. дис. ... канд. экон. наук. М., 2015. 24 с.
12. Польшев А.О. Межрегиональная экономическая дифференциация. Методология анализа и государственного регулирования. Изд. 2-е. М.: Едиториал УРСС, 2011. 208 с.
13. Региональная экономика и вопросы североведения: монография / под ред. В.С. Селина, Т.П. Скуфьиной. Апатиты: Изд-во Кольского научного центра РАН, 2013. 200 с.
14. Соколовский М.В. Неравномерность регионального развития: особенности проявления и направления преодоления: автореф. ... канд. экон. наук. Кемерово, 2004. 26 с.
15. Туркина И.Г. Территориальные различия качества жизни сельского населения Иркутской области // *Известия Иркутского государственного университета*. 2010. Т. 3. № 2. С. 179–189.
16. Евченко А.В. Выявление внутрирегиональной социально-экономической асимметрии в субъекте федерации с целью определения путей ее сокращения // *Ученые записки Российского государственного социального университета*. 2006. № 2. С. 4–10.
17. Иванова Н.В. Методика оценки пространственной дифференциации экономики регионов России // *Экономика. Право. Налоги*. 2013. № 6. С. 63–70.
18. Железняков С.С. Диагностика территориальной дифференциации регионов ЦФО // *Социально-экономические явления и процессы*. 2015. Т. 10. № 11. С. 13–22.
19. Мазурек А.М. Инструменты политики выравнивания уровней социально-экономического развития регионов России: автореф. дис. ... канд. экон. наук. Белгород, 2015. 25 с.
20. Гранберг А.Г. Основы региональной экономики / ГУ ВШЭ. Изд. 3-е. М., 2003. 495 с.
21. Михеева Н.Н. Региональные пропорции экономического роста в России // *Регион: экономика и социология*. 2008. № 2. С. 225–243.
22. Победин А.А. Политика регулирования внутрирегиональной дифференциации социально-экономического развития: автореф. дис. ... канд. экон. наук. Екатеринбург, 2008. 25 с.
23. Прокопало О.М. Пространственная дифференциация макроэкономических индикаторов в российской экономике // *Пространственная экономика*. 2010. № 1. С. 36–54.
24. Лаврова В.В. Моделирование роста региональных социально-экономических систем, направленное на сглаживание дифференциации в их развитии: автореф. дис. ... канд. экон. наук. Владимир, 2012. 24 с.
25. Баранов С.В. Сравнительные оценки социально-экономической динамики субъектов Севера РФ // *Север и рынок*. 2014. № 2 (39). С. 2–6.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Губанова Елена Сергеевна – доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой «Финансы и кредит». Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Вологодский государственный университет». Россия, 160000, г. Вологда, ул. Ленина, д. 15. E-mail: gubanova_elena@mail.ru. Тел.: +7(8172) 53-19-44.

Клец Виктория Сергеевна – Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Вологодский государственный университет». Россия, 160000, г. Вологда, ул. Ленина, д. 15. E-mail: korennikova@gmail.com. Тел.: +7(909) 597-07-77.

Gubanova E.S., Kleshch V.S.

METHODS TO EVALUATE UNEVEN SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT OF A REGION

At the present stage of economic development significant inter-territorial differences remain one of the most acute problems both for regions and for the country as a whole. Overcoming the pronounced heterogeneity of the socio-economic space will open new opportunities for eliminating the technological gap, ensuring sustainable development, and improving the population's quality of life. The article analyzes the methodological approaches to assessing inter-territorial differences. This revealed their advantages and disadvantages. The key idea of the article, developing the methodological framework for such assessment, is that uneven socio-economic development is considered as a process occurring at three stages of change: differentiation, asymmetry, and polarization. The proposed method helps assess the level of uneven region's development, as well as determine the stage of unevenness corresponding to the current state of a municipality, establish the "contribution" of each district to the process under study, and identify factors causing inter-municipal differences. The method was tested on the example of the Vologda Oblast. It was revealed that the problem of uneven socio-economic development in the region is quite acute and requires the search for ways to solve it. The obtained results can be used by regional authorities and local self-government bodies for developing regulation methods and tools, taking into account the socio-economic characteristics of the influence objects, as well as developing strategic documents to outline the spatial development of the region in the future. The research materials presented in the article may be interesting for scientific discussion or use in scientific and educational activities.

Uneven socio-economic development of territory, methods of assessment, region, differentiation, asymmetry, polarization.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Gubanova Elena Sergeevna – Doctor of Economics, Professor, Head of Department for Finance and Credit. Federal State Budgetary Higher Educational Institution "Vologda State University". 12, Lenin Street, Vologda, 160000, Russian Federation. E-mail: gubanova_elena@mail.ru. Phone: +7(8172) 53-19-44.

Kleshch Viktoriya Sergeevna – Federal State Budgetary Higher Educational Institution "Vologda State University". 12, Lenin Street, Vologda, 160000, Russian Federation. E-mail: korennikova@gmail.com. Phone: +7(909) 597-07-77.

DOI: 10.15838/ptd.2018.6.98.3

УДК 332.05(470.12) | ББК 65.050.23-94(2Рос-4Вол)

© Секушина И.А., Кожевников С.А.

ПРОБЛЕМЫ ПОВЫШЕНИЯ КОМФОРТНОСТИ ПРОЖИВАНИЯ НАСЕЛЕНИЯ КРУПНОГО ГОРОДА (НА МАТЕРИАЛАХ Г. ВОЛОГДЫ И Г. ЧЕРЕПОВЦА)

СЕКУШИНА ИРИНА АНАТОЛЬЕВНА

Вологодский научный центр Российской академии наук
Россия, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а
E-mail: i_sekushina@mail.ru

КОЖЕВНИКОВ СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ

Вологодский научный центр Российской академии наук
Россия, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а
E-mail: kozhevnikov_sa@bk.ru

В условиях растущей конкуренции между городами за финансовые, инвестиционные, человеческие и кадровые ресурсы проблемы повышения качества жизни населения не теряют своей актуальности. При этом уровень удовлетворенности жителей условиями проживания в городе является одним из основных показателей эффективности деятельности органов власти. Главная цель исследования – проведение сравнительного анализа условий проживания населения г. Вологды и г. Череповца, а также определение комплекса мероприятий по повышению комфортности городской среды. По результатам проведенного в 2017 году анкетного опроса жителей Вологды и Череповца были выявлены основные проблемы, снижающие комфортность проживания в этих городах. Наиболее острыми проблемами, по мнению жителей, являются неудовлетворительное состояние сферы ЖКХ, качество ремонтных работ улиц и многоквартирных домов, нехватка специально выделенных мест для парковки автомобилей, неудовлетворительное состояние дворов, низкое качество предоставления услуг учреждений

Цитата: Секушина И.А., Кожевников С.А. Проблемы повышения комфортности проживания населения крупного города (на материалах г. Вологды и г. Череповца) // Проблемы развития территории. 2018. № 6 (98). С. 42–63 DOI: 10.15838/ptd.2018.6.98.3

Citation: Sekushina I.A., Kozhevnikov S.A. Issue of encouraging comfortable living of a large city population (case study of Vologda and Cherepovets). *Problems of Territory's Development*, 2018, no. 6 (98), pp. 42–63. DOI: 10.15838/ptd.2018.6.98.3

здравоохранения, культуры и спорта. Практически по всем параметрам условий проживания в городе Череповец является более комфортным городом по сравнению с Вологдой. Результаты опросов также показали, что вологжане в отличие от жителей г. Череповца с большим скептицизмом относятся к результатам деятельности органов власти по решению городских проблем. На основе изучения опыта реализации наиболее успешных российских муниципальных практик по формированию комфортной городской среды был определен комплекс мероприятий, направленных на улучшение условий проживания и повышение качества жизни населения г. Вологды и г. Череповца. При проведении исследования использовались метод системного анализа, социологического исследования, табличные и графические приемы визуализации данных. Полученные в ходе исследования результаты могут быть использованы в деятельности городских органов власти при совершенствовании муниципальной социально-экономической политики, разработке и реализации мероприятий, направленных на повышение уровня привлекательности и комфортности проживания в городе.

Город, городская среда, муниципальное управление, комфортность проживания, качество жизни населения, г. Вологда, г. Череповец.

Введение

Современный этап развития мирового общества характеризуется процессами повышения роли городского образа жизни и городов, поскольку именно они отличаются как высокой концентрацией населения, так и сосредоточением финансовых, культурных, образовательных ресурсов. Так, в настоящее время в городах России (за исключением поселков городского типа) проживает более 100 млн человек, что составляет почти 70% населения страны¹.

В отечественной и зарубежной экономической науке в настоящее время существует многообразие подходов к исследованию крупных городов², поиску путей и направлений их эффективного функционирования и развития. Некоторые исследователи подошли к решению проблем социально-экономического развития городов с позиции районирования их территории.

Например, в своих работах известный социолог Э. Берджесс [1] представил модель концентрических зон города, которая объяс-

няла структуру существующих в нем социальных групп. В основу идеи концентрических зон была положена миграция внутри города, мобильность и динамика городских процессов. Американским исследователем Х. Хойтом [2] была представлена секторная модель развития города вдоль транспортных коридоров за счет однородных видов экономической деятельности. Данные модели получили развитие и в других научных работах [3–7]. При этом авторы рассматривали не только модели городов, но и типичные проблемы их жителей, такие как бедность, жилищные и транспортные проблемы, загрязнение городской среды. Еще один современный ученый в области экономики города Дж.В. Хендерсон в своей работе [8] делает акцент на изучении поведения жителей как потребителей.

Изучению специфики процессов российской урбанизации и вопросам развития городской среды посвящены труды и многих отечественных ученых [9–11]. К примеру, в работах В.Л. Глазычева рассматривается методологическая проблема экосистемного подхода к формированию городской среды как ведущей формы среды обитания. При этом понятие «городская среда» трактуется как «совокупность конкретных основополагающих условий, созданных человеком и природой в границах населенного пункта, которые оказывают влияние на уровень и качество жизнедеятельности человека» [10].

¹ Рассчитано авторами по официальным данным Росстата.

² В соответствии с официальной классификацией, принятой в настоящее время в России, к крупным относятся города с численностью от 250 до 1000 тыс. чел. проживающего в них населения. См.: «СНиП 2.07.01-89* Градостроительство. Планировка и застройка городских и сельских поселений» (утв. Приказом Минстроя России № 1034/пр от 30 декабря 2016 г.).

Главным показателем качества городской среды, по мнению большинства российских исследователей [12–14], является ее комфортность. Следует отметить, что оценка комфортности жизни, основанная только на финансовых показателях статистики, таких как среднедушевой доход и средняя стоимость товаров или услуг, не отражает в полной мере качество жизни населения в городе [14]. Вследствие этого в научных публикациях последних лет к показателям, отображающим степень комфорта проживания городских жителей, чаще всего относят уровень развития социальной инфраструктуры, наличие зеленых зон и мест для отдыха, чистоту улиц города, состояние дорог и транспортной инфраструктуры, эстетическое восприятие города и т. д. [13; 15].

С комфортностью городской среды тесно связана привлекательность проживания в городе, под которой понимается возможность данной территории предоставить материальные и нематериальные условия для максимального удовлетворения потребностей и интересов населения [15]. К основным составляющим привлекательности проживания в городе, по мнению ряда исследователей [11; 15], можно отнести стоимость и качество жизни населения, возможность получения образования и устройства на работу, отсутствие дискриминации и социальной напряженности, информационную открытость и объективность городских СМИ, культуру населения, возможность ведения бизнеса, доверие к органам местного самоуправления, возможность участия в решении городских проблем.

Вопросы комфортности и привлекательности проживания в городе особенно актуальны в свете усиливающейся из года в год конкуренции между городами за привлечение финансовых и трудовых ресурсов [11]. При этом отметим, что степень удовлетворенности жителей условиями проживания в городе является и одним из основных показателей эффективности деятельности органов власти.

В качестве одного из информационных источников управления сбалансированным развитием городов может рассматриваться

организация системы регулярного мониторинга, которая позволяет своевременно выявлять основные проблемы жизнеобеспечения населения, отслеживать изменения его потребностей, определять уровень социального напряжения в обществе, а также оценивать эффективность деятельности органов местного самоуправления по решению проблем социально-экономического развития города [16].

В связи с этим целью представленной работы является проведение анализа условий проживания в г. Вологде и г. Череповце в оценках жителей этих городов, а также обоснование приоритетных направлений и мероприятий по повышению комфортности городской среды. Научная новизна исследования заключается в получении эмпирических данных, позволяющих принимать обоснованные управленческие решения, и в разработке комплекса мер, направленных на повышение комфортности среды проживания населения крупных городов.

Материалы и методы

Проведенное исследование основывается на данных выполненного в 2017 году анкетного опроса жителей г. Вологды и г. Череповца, направленного на изучение условий проживания в этих городах³. Стандартизированная анкета включала в себя широкий перечень вопросов о состоянии городской инфраструктуры, работе городских служб, удовлетворенности населения деятельностью органов власти по формированию комфортной городской среды. Основные задачи проведенного мониторинга условий проживания: выявление наиболее значимых для горожан проблем, установление степени их остроты в общественном сознании, определение ожиданий от деятельности городского руководства. Поскольку большинство вопросов по обеспечению комфортности проживания в городе находится в ведении органов местного самоуправления, результаты опроса наглядно демонстрируют, насколько

³ В 2018 году данное исследование в г. Вологде и г. Череповце не проводилось.

успешно, с точки зрения горожан, местная власть решает задачу улучшения среды проживания населения. Позитивная оценка деятельности органов местного самоуправления должна рассматриваться как критерий социальной эффективности ее управленческой деятельности.

Следует отметить, что мониторинг условий проживания осуществляется ежегодно в г. Вологде с 2003 года, г. Череповце – с 2015 года. Объем выборки в обоих городах составил 800 человек. Распределение по полу и возрасту соответствует генеральной совокупности населения городов (согласно половозрастным показателям статсборников), что позволяет оценивать полученные результаты как достоверные. Ошибка выборки по опросу не превышает 3–4% при доверительном интервале 0,95.

Для учета особенностей проживания в различных частях городов их территория была разбита на несколько районов, которые условно названы центральными (в г. Вологде – это мкр. Восточный, Западный, Центральный, Заречье, соответствующие территориям избирательных округов; в г. Череповце – центральная часть мкр. Индустриальный, Юго-Западный, Первомайский, Северо-Восточный) и окраинными (наиболее удаленные от центра города территории: в г. Вологде – мкр. Лоста, Лукьяново, Прилуки, с. Молочное; в г. Череповце – окраинные части микрорайонов Индустриальный, Юго-Западный, Первомайский, Северо-Восточный).

В опросе принимали участие члены домохозяйств в возрасте старше 18 лет. Основные характеристики выборки представлены в табл. 1. Методом опроса являлось анкетирование по месту жительства респондентов.

Таблица 1. Характеристика респондентов г. Вологды и г. Череповца по полу и возрасту, %

Показатель	г. Вологда	г. Череповец
Мужчин: до 30 лет	10,9	9,8
30–60 лет	24,0	26,1
старше 60 лет	7,6	7,6
Женщин: до 30 лет	12,1	9,9
30–55 лет	24,5	25,3
старше 55 лет	20,9	21,4

Методологическая база исследования основана на использовании экономико-статистических, системно-структурных и когнитивных подходов, методов экспертной оценки, сравнительного анализа.

Результаты исследования

Результаты проведенного исследования свидетельствуют о том, что большинство жителей г. Череповца (75%) удовлетворены текущим состоянием городской инфраструктуры и оценивают общее состояние города как «хорошее и скорее хорошее» (рис. 1). Оценки жителей г. Вологды не так однозначны – мнение жителей в данном вопросе разделилось примерно поровну.

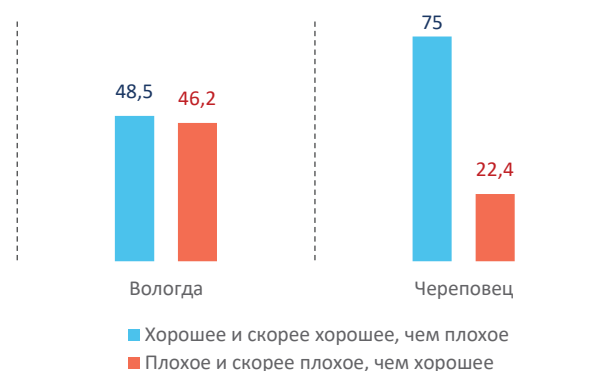

Рис. 1. Оценка общего состояния г. Череповца и г. Вологды в 2016 году, % от числа опрошенных (без затруднившихся ответить)

Следует отметить, что жители Череповца по сравнению с Вологдой позитивнее оценивают состояние всех элементов городской инфраструктуры. При этом наиболее острыми проблемами, по мнению большинства, являются состояние дорог и чистота улиц (табл. 2). Отметим, что жители окраинных районов обоих городов поставили более высокие оценки по сравнению с населением центральных районов.

Оценка технического состояния жилого фонда городов представлена в табл. 3. Сравнительный анализ показывает, что практически по всем показателям средние оценки жителей г. Вологды и г. Череповца совпадают. Наиболее низкие оценки получило техниче-

Таблица 2. Оценка состояния элементов городской инфраструктуры в 2016 году, % от числа опрошенных

Элементы городской инфраструктуры		г. Вологда			г. Череповец		
		В среднем по городу	В среднем по центральным районам	В среднем по окраинным районам	В среднем по городу	В среднем по центральным районам	В среднем по окраинным районам
Чистота улиц	Хорошее; скорее хорошее, чем плохое	35,8	32,3	46,0	61,8	61,2	63,5
	Плохое; скорее плохое, чем хорошее	59,4	62,3	50,5	36,4	37,2	34,0
Состояние дорог	Хорошее; скорее хорошее, чем плохое	12,9	9,9	22,0	36,5	33,8	44,5
	Плохое; скорее плохое, чем хорошее	83,5	87,0	73,0	59,4	61,8	52,0
Освещение на улицах	Хорошее; скорее хорошее, чем плохое	45,5	41,3	58,0	72,0	70,5	76,5
	Плохое; скорее плохое, чем хорошее	50,5	54,3	39,0	25,5	27,2	20,5
Озеленение территорий (зеленые насаждения, цветники)	Хорошее; скорее хорошее, чем плохое	61	60,3	63,0	75,0	74,3	77,0
	Плохое; скорее плохое, чем хорошее	31,8	31,1	33,5	22,2	23,3	19,0

Таблица 3. Техническое состояние жилых домов в 2016 году (средние оценки населения по пятибалльной шкале: 5 – хорошее, нормальное состояние, ..., 1 – крайне неудовлетворительное)

Показатель	г. Вологда			г. Череповец		
	В среднем по городу	В среднем по центральным районам	В среднем по окраинным районам	В среднем по городу	В среднем по центральным районам	В среднем по окраинным районам
Электрооборудование	3,5	3,4	3,6	3,4	3,4	3,5
Теплотехническое оборудование	3,3	3,2	3,5	3,3	3,3	3,5
Здание в целом	3,2	3,2	3,0	3,3	3,3	3,3
Канализационная система	3,1	3,0	3,3	3,2	3,1	3,4
Сантехническое оборудование	3,1	3,1	3,3	3,2	3,2	3,3
Подъезд (коридор, лестничная клетка)	3,1	3,0	2,9	3,1	3,1	3,2
Кровля, стены, панельные швы	3,1	3,0	3,0	3,1	3,1	3,1
Подвал, чердак	2,9	2,9	2,8	2,9	2,8	3,1

ское состояние чердаков и подвалов, кровли и стен, а также подъездов. В относительно удовлетворительном состоянии, по мнению горожан, находятся теплотехническое и электрооборудование. Однако следует отметить, что в сравнении с населением окраинных районов жители центральных районов как г. Вологды, так и г. Череповца поставили более низкие оценки по показателям состояния электро- и теплотехнического оборудования,

сантехники и канализации. Возможно, это объясняется тем фактом, что жилой фонд центральных частей города имеет более длительный срок эксплуатации.

Состояние жилого фонда в значительной степени зависит от своевременного проведения текущего и капитального ремонта. Как следует из результатов проведенного опроса, в течение 2016 года в г. Вологде и г. Череповце проводился в основном текущий (космети-

ческий) ремонт, причем преимущественно в окраинных районах городов (табл. 4). Вместе с тем о необходимости проведения ремонта заявила почти половина опрошенных жителей центральных районов обоих населенных пунктов. Возможно, это обусловлено тем, что застройка центральной части городов пришлась на более ранний период времени, соответственно степень износа жилого фонда там выше, чем в окраинных микрорайонах.

Большинство жителей (около $\frac{3}{4}$ от их общего числа) удовлетворено качеством ремонтных работ многоквартирных домов. Наи-

более удовлетворенными являются жители окраинных районов г. Вологды, наименее удовлетворенными – центральных районов г. Череповца.

Жилищно-коммунальное хозяйство (ЖКХ) продолжает оставаться одной из проблемных сфер городского развития. Оценки жителей качества услуг ЖКХ рассматриваемых муниципальных образований представлены на рис. 2.

Как видно из графика, за исключением уровня обеспечения населения услугами по отоплению, по всем показателям оценки жителей г. Череповца выше, чем вологжан. В целом

Таблица 4. Динамика ответов жителей г. Вологды и г. Череповца о ремонте жилых домов, проведенном в 2016 году, % от числа опрошенных (без затруднившихся ответить)

Вариант ответа	г. Вологда		г. Череповец	
	Ц	О	Ц	О
Проводился ли в течение года ремонт Вашего жилого дома?				
Да, проводился капитальный ремонт	2,8	4,0	2,5	3,0
Да, проводился текущий (косметический) ремонт	13,0	21,5	18,2	32,5
Не проводился, но необходим	45,3	29,0	46,8	33,0
Не проводился, т. к. в настоящее время нет надобности в нем	31,0	25,0	20,5	24,5
Удовлетворены ли Вы качеством ремонтных работ?				
Полностью удовлетворен; скорее удовлетворен, чем нет	72,6	76,5	65,3	73,3
Скорее не удовлетворен, чем удовлетворен; не удовлетворен	19	21,6	26,6	23,9

Рис. 2. Оценка уровня жилищно-коммунального обеспечения и обслуживания жилых домов в 2016 году, % от числа опрошенных, выбравших варианты ответа «хороший» и «скорее хороший, чем плохой»

по двум городам население больше всего удовлетворено качеством электроснабжения, услугами холодного водоснабжения, отопления и газоснабжения. Наименьшую положительную оценку население дало работе домашнего телефона и благоустройству внутридворовых территорий. На наш взгляд, низкие оценки качества последнего объяснимы возрастающими требованиями к их содержанию со стороны населения. Жители городов хотят видеть не просто пространство вокруг дома, а благоустроенную озелененную территорию с детскими площадками и местами отдыха, открывающую возможности для активного времяпрепровождения.

В настоящее время сфера ЖКХ является одним из главных источников социальной напряженности в обществе. Низкие оценки работы служб ЖКХ, с нашей точки зрения, также отчасти обусловлены постоянным ростом тарифов без существенного улучшения качества предоставляемых услуг. Так, согласно опросу 2017 года, только незначительная часть населения городов считает тарифы ЖКХ полностью соответствующими качеству предоставляемых услуг. При этом в центральных районах доля негативных оценок еще выше (табл. 5).

В ЖКХ еще с советских времен действует затратный принцип тарифообразования. Для некоторой части населения данная система расчета тарифов остается неясной. Так, в среднем по г. Вологде только 17,6% населения полностью понимали систему расче-

та тарифов, а 42,4% населения понимали ее только отчасти. По г. Череповцу почти треть опрошенных ответили, что вообще не понимают систему расчетов тарифов ЖКХ.

Рост тарифов приводит к увеличению расходов на оплату услуг ЖКХ в семейных бюджетах жителей городов. Так, согласно результатам опроса, в 2016 году в среднем по г. Вологде более 43%, а по г. Череповцу более 38% жителей тратили на жилье и коммунальные услуги не менее четверти семейного бюджета.

К элементам городской инфраструктуры, развитие которых является важнейшим условием повышения комфортности проживания, относятся объекты бытовой сферы. В Череповце по сравнению с Вологдой выше показатели удовлетворенности уровнем обеспеченности услугами бытового характера (табл. 6). Следует обратить внимание на то, что достаточно большое количество жителей окраинных районов г. Вологды отметило отсутствие точек предоставления тех или иных услуг бытового характера. Например, более половины опрошенных ответили, что в районе их проживания нет химчисток и пункта ремонта бытовых машин и приборов. По г. Череповцу дифференциация между жителями микрорайонов не столь существенна, однако она имеет обратную направленность – отсутствие предоставления услуг бытового характера по большей части было отмечено гражданами, живущими в центральных микрорайонах города.

Таблица 5. Отношение населения к деятельности администрации города в сфере регулирования тарифов ЖКХ, % от числа опрошенных (без затруднившихся ответить)

Вариант ответа	В среднем по городу		В среднем по центральным районам		В среднем по окраинным районам	
	Вологда	Череповец	Вологда	Череповец	Вологда	Череповец
Считаете ли Вы достаточными и эффективными действия городских органов власти по регулированию тарифов ЖКХ?						
Да; скорее да, чем нет	12,6	19,5	12	19,7	14,0	19,0
Нет; скорее нет, чем да	73,1	65,6	74,7	63,2	68,0	72,5
Соответствуют ли на Ваш взгляд тарифы ЖКХ качеству предоставляемых услуг?						
Да (да, частично)	5,4 (34)	6,1 (38,9)	4,5 (34)	5,5 (37)	8,0 (34)	8,0 (44,5)
Нет	44,9	40,6	45,2	41,0	44,0	39,5
Насколько хорошо Вы понимаете систему расчета тарифов на услуги ЖКХ?						
Полностью понимаю	17,6	10,5	20,2	10,8	10,0	9,5
Понимаю отчасти	42,4	49,0	41,7	48,3	44,5	51,0
Не понимаю	25,3	30,5	23,3	30,0	31,0	32,0

Таблица 6. Оценка уровня обеспеченности района услугами бытового характера в 2017 году, % от числа опрошенных

Вариант ответа		г. Вологда			г. Череповец		
		В среднем по городу	В среднем по центральным районам	В среднем по окраинным районам	В среднем по городу	В среднем по центральным районам	В среднем по окраинным районам
Ремонт и индивидуальный пошив обуви	Отсутствует	19,1	12,7	38,4	14,4	16,3	8,7
	Высокий; скорее высокий, чем низкий	38,7	45,9	17,1	46,8	48,8	40,8
	Низкий; скорее низкий, чем высокий	42,3	41,5	44,4	38,7	34,9	50,5
Ремонт бытовых машин и приборов	Отсутствует	29,8	21,2	55,8	19,3	21,2	13,8
	Высокий; скорее высокий, чем низкий	23,7	27,9	10,7	37,7	37,9	36,8
	Низкий; скорее низкий, чем высокий	37,8	50,9	33,5	43,0	40,8	49,5
Ателье по пошиву одежды	Отсутствует	21,2	14,3	41,9	11,9	12,8	9,2
	Высокий; скорее высокий, чем низкий	41,1	49,2	16,7	50,7	52,7	44,6
	Низкий; скорее низкий, чем высокий	37,8	36,5	41,5	37,4	34,5	46,2
Химчистка	Отсутствует	33,2	25,6	56,1	23,0	23,9	20,4
	Высокий; скорее высокий, чем низкий	22,8	26,9	10,3	34,8	35,9	31,6
	Низкий; скорее низкий, чем высокий	44,1	47,5	33,7	42,2	40,2	48,0
Банно-прачечные услуги	Отсутствует	33,2	30,0	42,8	28,6	30,6	22,6
	Высокий; скорее высокий, чем низкий	20,8	20,6	21,7	31,0	31,1	30,7
	Низкий; скорее низкий, чем высокий	45,9	49,4	35,5	40,4	38,4	46,6
Парикмахерские	Отсутствует	2,1	1,5	4,1	7,3	8,1	5,0
	Высокий; скорее высокий, чем низкий	70,3	77,5	48,2	79,8	79,6	80,2
	Низкий; скорее низкий, чем высокий	27,5	21,0	47,7	18,1	17,6	19,3
Фотографирование	Отсутствует	21,0	17,5	31,5	7,3	8,1	5,0
	Высокий; скорее высокий, чем низкий	43,0	50,1	21,3	64,2	65,7	59,8
	Низкий; скорее низкий, чем высокий	36,0	32,3	47,2	28,4	26,2	35,1
Ремонт и обслуживание компьютерной техники	Отсутствует	27,1	19,9	48,5	13,9	15,6	8,6
	Высокий; скорее высокий, чем низкий	31,9	37,6	14,7	53,0	53,8	50,3
	Низкий; скорее низкий, чем высокий	41,1	42,5	36,9	33,1	30,5	41,2

Обращаясь к вопросу оценки качества предоставления бытовых услуг необходимо отметить, что она также выше у жителей г. Череповца. Например, высокую оценку качеству фотоуслуг поставили 28,8% череповчан против 12,2% жителей г. Вологды; по каче-

ству оказания парикмахерских услуг оценки распределились 38,4 и 20,4% соответственно, по услугам химчистки – 17,7 и 8,1%. Результаты опроса говорят о том, что качество предоставления бытовых услуг в г. Череповце выше, чем в областном центре. Поскольку ор-

ганизации, оказывающие данные услуги, относятся к сфере бизнеса, можно сказать, что предпринимателям г. Вологды есть над чем работать в плане улучшения качественной составляющей своей деятельности.

К числу важнейших элементов городской инфраструктуры, непосредственно влияющих на комфортность проживания, относятся учреждения социальной инфраструктуры (здравоохранения, образования, культуры и т. п.).

Оценки горожан, касающиеся обеспеченности района проживания услугами учреждений социальной сферы, более благоприятны в Череповце, чем в Вологде (табл. 7).

Серьезной проблемой для обоих муниципальных образований является недостаток учреждений культуры и досуга для детей. В среднем по Вологде доля горожан, заявляющих о «хорошей» и «скорее хорошей» обеспеченности района проживания данными

Таблица 7. Обеспеченность услугами учреждений социальной инфраструктуры (в среднем по городу), % от числа опрошенных

Виды услуг	Вариант ответа	г. Вологда			г. Череповец		
		В среднем по городу	В среднем по центральным районам	В среднем по окраинным районам	В среднем по городу	В среднем по центральным районам	В среднем по окраинным районам
Здравоохранение (для взрослых)	Отсутствует	2,5	2,7	2,0	0,8	0,8	0,5
	Хороший; скорее хороший, чем плохой	39,2	45,7	19,2	44,9	43,4	49,8
	Плохой; скорее плохой, чем хороший	58,4	51,6	78,8	54,3	55,8	49,8
Здравоохранение (для детей)	Отсутствует	2,4	2,2	3,0	1,3	1,2	1,5
	Хороший; скорее хороший, чем плохой	45,6	53,4	22,1	52,4	51,3	55,4
	Плохой; скорее плохой, чем хороший	52,0	44,4	74,8	46,3	47,5	43,1
Аптеки	Отсутствует	0,5	0,7	0,0	1,4	1,2	2,1
	Хороший; скорее хороший, чем плохой	81,8	84,0	75,3	87,3	86,2	90,7
	Плохой; скорее плохой, чем хороший	17,7	15,4	24,7	11,3	12,7	7,1
Образование (дошкольное)	Отсутствует	1,9	1,5	3,1	1	1,2	0,5
	Хороший; скорее хороший, чем плохой	63,3	66,4	53,6	67,3	67,7	66,5
	Плохой; скорее плохой, чем хороший	34,9	32,1	43,2	31,7	31,2	33,0
Образование (школьное)	Отсутствует	4,2	1,3	12,6	0,9	1,0	0,5
	Хороший; скорее хороший, чем плохой	60,6	68,1	37,9	69	70,7	63,8
	Плохой; скорее плохой, чем хороший	35,2	30,5	49,5	30,1	28,2	35,7
Культура, досуг (для взрослых)	Отсутствует	11,4	6,9	24,9	4,5	4,5	4,5
	Хороший; скорее хороший, чем плохой	35,7	41,2	18,8	47,6	45,6	53,6
	Плохой; скорее плохой, чем хороший	53,0	51,9	56,4	48	50,0	41,9
Культура, досуг (для детей)	Отсутствует	9,5	5,4	21,8	2,6	2,5	3,0
	Хороший; скорее хороший, чем плохой	44,2	51,3	22,9	49	47,0	54,5
	Плохой; скорее плохой, чем хороший	46,4	43,4	55,4	48,4	50,4	42,4

услугами, для взрослых 35,7 и 44,2% – для детей, в Череповце – 47,6 и 49% соответственно. В оценках горожан невысок и уровень обеспеченности учреждениями здравоохранения: в г. Вологде хороший уровень отметили 39,2 и 45,6% для взрослых и детей соответственно, по г. Череповцу – 44,9 и 52,3%. Сравнительный анализ ответов жителей центральных и окраинных микрорайонов городов позволяет сделать вывод о том, что разница в оценках населения этих двух групп наиболее отчетливо прослеживается в г. Вологде. Жители окраинных районов наименее удовлетворены степенью обеспеченности услугами городской социальной инфраструктуры. Данное явление вполне объяснимо тем, что при застройке новых жилых кварталов объекты социальной инфраструктуры по большей части отсутствуют. Со стороны органов власти данному вопросу, конечно, следует уделять больше внимания, отслеживать соотношение объемов строительства жилых домов и уровня обеспечения их будущих жителей учреждениями образования, культуры и здравоохранения.

Результаты оценки населением качества услуг учреждений социальной инфраструктуры говорят о том, что наиболее высоко жители обоих городов оценили учреждения дошкольного и школьного образования и аптеки. Низкое качество услуг было характерно для учреждений здравоохранения, культуры и досуга, спортивных сооружений. Необходимо отметить, что в среднем жители г. Череповца по сравнению с вологжанами поста-

вили более высокие оценки. Данные цифры объяснимы, с одной стороны, растущими требованиями со стороны населения к качеству предоставления медицинских, образовательных и культурно-массовых услуг, с другой стороны, недостаточным вниманием органов власти к социальным вопросам. Например, в сфере здравоохранения недовольство граждан может быть вызвано такими негативными факторами как очереди в поликлиниках, отсутствие узких специалистов, недостаточно развитый высокотехнологичный сектор медицинских услуг и т. д.

Развитие массовой физической культуры и спорта является одним из главных ориентиров местных органов власти в социально-экономическом развитии муниципальных образований. Результаты опроса показали, что в настоящее время как в г. Вологде, так и в г. Череповце не хватает парков и аттракционов, велосипедных (роликовых) дорожек (табл. 8). Лучше обстоит ситуация с фитнес-залами, особенно в г. Череповце: их недостаток обозначили в среднем по городу менее 1/5 горожан. Отметим, что по данному виду объектов для активного отдыха в г. Вологде наблюдается наибольший разрыв между оценками жителей центральных и окраинных микрорайонов. Недостаток фитнес-залов отметила почти половина опрошенных в окраинных микрорайонах, менее трети – в центральных.

Важнейшую роль в повышении комфортности проживания играет стабильное функционирование обслуживающих организаций и учреждений города (табл. 9).

Таблица 8. Удельный вес жителей, считающих недостаточной обеспеченность города объектами и инфраструктурой для активного отдыха, % от числа опрошенных

Объект	г. Вологда			г. Череповец		
	В среднем по городу	В среднем по центральным районам	В среднем по окраинным районам	В среднем по городу	В среднем по центральным районам	В среднем по окраинным районам
Парки, аттракционы	57,5	56,8	53,3	46,0	43,2	54,5
Бассейны	50,3	48,5	55,5	38,6	43,3	24,5
Велосипедные (роликовые) дорожки	54,3	55,7	50,0	55,1	50,7	68,5
Катки	34,8	32,5	41,5	38,6	36,5	45,0
Фитнес-залы	33,5	29,2	46,5	17,9	18,2	17,0

Таблица 9. Обеспеченность населения услугами учреждений обслуживающей инфраструктуры, % от числа опрошенных

Виды услуг	Вариант ответа	г. Вологда			г. Череповец		
		В среднем по городу	В среднем по центральному району	В среднем по окраинным районам	В среднем по городу	В среднем по центральному району	В среднем по окраинным районам
Предприятия торговли продовольственными товарами	Отсутствует	0,8	0,7	1,0	1,1	1,3	0,5
	Высокая; скорее высокая, чем низкая	80,0	84,4	66,5	85,7	85,8	85,3
	Низкая; скорее низкая, чем высокая	19,3	14,9	32,5	13,2	12,9	14,1
Предприятия торговли промышленными товарами	Отсутствует	1,3	0,7	3,0	1,9	2,2	1,0
	Высокая; скорее высокая, чем низкая	68,9	77,9	42,5	75,7	76,8	72,3
	Низкая; скорее низкая, чем высокая	29,8	21,5	54,5	23,4	21,1	26,6
Автосервис	Отсутствует	16,3	16,7	15,1	4,3	4,9	2,5
	Высокая; скорее высокая, чем низкая	50,5	56,0	33,4	69,7	68,1	74,8
	Низкая; скорее низкая, чем высокая	33,1	27,2	51,5	15,9	26,9	22,7
Почта	Отсутствует	5,3	6,2	2,5	1,4	1,3	1,5
	Высокая; скорее высокая, чем низкая	56,2	58,6	49,0	70,6	68,5	76,8
	Низкая; скорее низкая, чем высокая	38,5	35,2	48,5	28,1	30,2	21,7
Банки и банкоматы	Отсутствует	1,4	0,5	4,0	2,9	3,5	1,0
	Высокая; скорее высокая, чем низкая	71,4	79,4	47,3	81,1	81,2	80,5
	Низкая; скорее низкая, чем высокая	27,3	20,0	48,7	16,0	15,3	18,5

В обоих муниципальных образованиях отмечается высокий уровень обеспеченности услугами предприятий торговли продовольственными и промышленными товарами, а также банками и банкоматами. Отметим, что оценки жителей г. Череповца, касающиеся обеспеченности района проживания услугами учреждений обслуживающей инфраструктуры, более высокие по сравнению с оценками вологжан. Наиболее сильная дифференциация в оценках наблюдается по уровню обеспечения услугами автосервиса и почты. Если сравнивать ответы жителей центральных и окраинных районов, то можно отметить уже выявленную нами тенденцию в разрыве оценок жителей центральных и окраинных микрорайонов г. Вологды, причем не в пользу последних. Несмотря на то что в целом оценки по большей части положительные, результа-

ты опроса свидетельствуют о наличии потенциала для бизнес-структур в части развития сферы торговли и предоставления услуг в рассматриваемых областях.

Привлекательность территории для населения зависит от качества предоставления услуг (ЖКХ, транспортных), а также от уровня развития общей инфраструктуры. Неэффективная деятельность органов власти и бизнеса приводит к возникновению целого ряда проблем, снижающих удовлетворенность условиями проживания в городе. Основные проблемы городского развития, приносящие жителям наибольшие неудобства в повседневной жизни, представлены на рис. 3.

Сравнительный анализ оценок жителями г. Вологды и г. Череповца значимости проблем жизнеобеспечения города показывает, что вологжане более критично оценивают

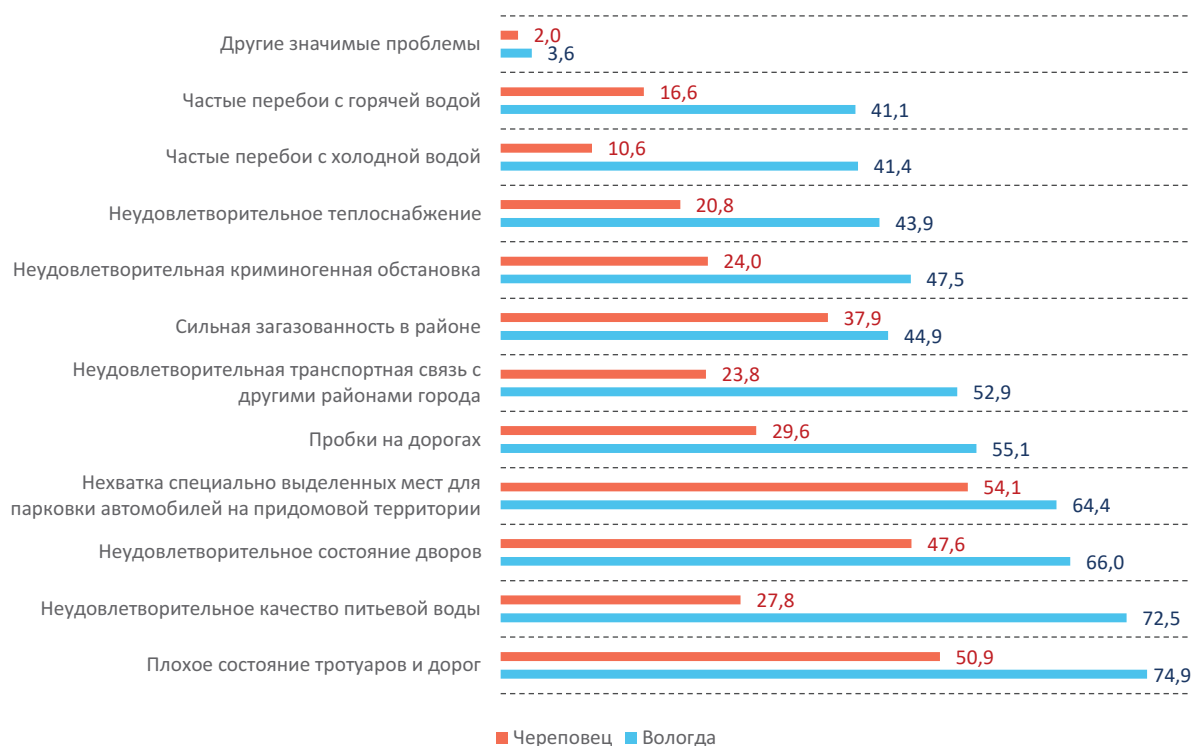

Рис. 3. Оценка жителями значимости проблем жизнеобеспечения города, % от числа опрошенных

качество предоставления жилищно-коммунальных услуг в городе. Так, почти $\frac{3}{4}$ жителей г. Вологды не удовлетворены состоянием тротуаров и дорог, в то время как чуть более половины череповчан отметили данную проблему. Качество питьевой воды не устраивает подавляющее большинство вологжан и лишь менее трети жителей г. Череповца. К числу наиболее острых проблем жители г. Череповца также отнесли нехватку специально выделенных мест для парковки автомашин на придомовой территории и неудовлетворительное состояние дворов.

В анкету опроса также был включен вопрос, характеризующий текущее качество городских дорог. В настоящее время жители г. Череповца по сравнению с вологжанами более позитивно оценивают состояние дорожного хозяйства города (рис. 4). Если череповчане в основном по всем пунктам поставили оценки выше среднего, то жители областного центра, напротив, лишь по одному пункту данного вопроса анкеты поставили оценку выше пяти баллов из возможных десяти.

Максимальные оценки жители обоих муниципальных образований поставили пеше-

ходным переходам, светофорам, автобусным остановкам и павильонам, а также обустройству и оборудованию дорог. Наименьшие оценки получили ровность дорожного покрытия, качество содержания и обслуживания дорог, проведение ремонтных работ, а также наличие площадок для стоянки автомобилей.

Транспортное обслуживание выступает сегодня одним из факторов, влияющих на общую привлекательность района для проживания. В целом по г. Вологде более высокий уровень транспортного обслуживания характерен для центральных районов, где более половины ответивших признали его хорошим, а плотность движения маршрутных потоков – высокой. На окраинных территориях только 11% жителей оценили качество транспортной связи своего района как «хорошее», а 25% – «скорее хорошее, чем плохое» (табл. 10). Для г. Череповца разница в оценках жителей районов не столь существенна. В среднем по городу почти 35% опрошенных признали транспортную связь «хорошей» и 44% – «скорее хорошей, чем плохой». Наличие определенных проблем в данной сфере обусловлено возрастающим

Рис. 4. Оценка жителями качества городских дорог в 2016 году (по десятибалльной шкале: 10 – самая высокая оценка, ..., 1 – самая низкая оценка), средний балл

Таблица 10. Оценка жителями транспортной связи (автобусной, троллейбусной) своего района с другими районами города, % от числа опрошенных

Вариант ответа	г. Вологда			г. Череповец		
	В среднем по городу	В среднем по центральным районам	В среднем по окраинным районам	В среднем по городу	В среднем по центральным районам	В среднем по окраинным районам
Хорошая, плотность движения маршрутных транспортных средств высокая	16,8	18,7	11,0	34,8	36,5	29,5
Скорее хорошая, чем плохая, но желательно ввести дополнительные маршруты	34,8	38	25,0	44	42,3	49
Скорее плохая, чем хорошая	21,3	19,3	27,0	10,8	9,8	13,5
Плохая, сообщение явно низкого качества	14,1	10,5	25,0	5,3	5,8	3,5
Затрудняюсь ответить	13,1	13,5	12,0	5,3	5,5	4,5

количеством личного автомобильного транспорта, как следствие, постоянными пробками на главных магистралях городов.

Сравнение степени удовлетворенности жителей двух городов работой общественного транспорта позволяет сделать вывод, что ее уровень практически в два раза выше в г. Череповце, чем в г. Вологде. В целом жители городов больше всего удовлетворены уровнем обслуживания пассажиров в транспорте и количеством маршрутов. Менее всего

жители довольны частотой движения транспорта (рис. 5). Безусловно, система городского пассажирского транспорта играет важную роль в обеспечении качества городской жизни. Дальнейший рост и развитие города невозможны без адекватного развития сферы общественного транспорта, призванного удовлетворить потребность населения в перемещении по городу. Основными причинами неудовлетворенности граждан работой общественного транспорта, на наш взгляд,

Рис. 5. Удовлетворенность жителей города работой общественного транспорта в 2017 году, % от числа опрошенных, выбравших варианты ответа «удовлетворен» и «скорее удовлетворен»

являются снижение численности автопарка муниципального транспорта, физический износ и отсутствие поставки новых транспортных средств, высокая плотность дорожного потока и пробки на дорогах. Все это, в свою очередь, приводит к увеличению времени ожидания прибытия общественного транспорта на остановках и дискомфорту поездки.

Необходимо отметить, что одобрение и поддержка населением политики, проводимой местными органами власти, является одним из необходимых условий эффективного решения проблем городского развития. Результаты опросов жителей г. Вологды, проведенных ФГБУН ВолНЦ РАН, позволяют сделать вывод о том, что население областного центра в основном скептически относится к результатам деятельности органов власти города. Так, положительно работу городской думы и местной администрации по улучшению комфортности проживания в городе оценивают лишь чуть более четверти опрошенных вологжан, а более 40% придерживаются отрицательных суждений. Жители г. Череповца, напротив, в более позитивном ключе оценивают работу городских властей. Большая часть опрошенных жителей считает, что местные власти успешно решают проблемы комфортного проживания в городе (рис. 6–7). Полученные результаты вполне объяснимы тем, что череповчане по сравнению с волог-

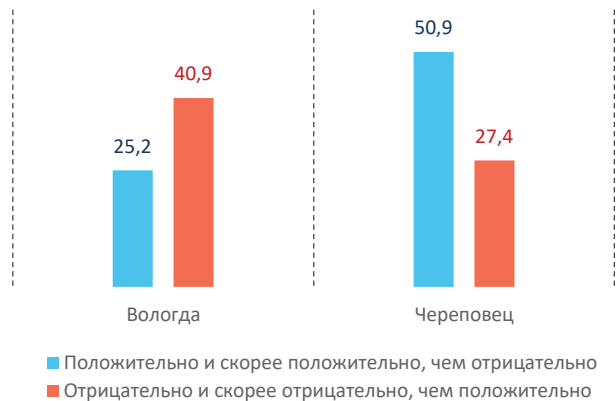

Рис. 6. Оценка деятельности городской думы по решению проблем, связанных с улучшением комфортности проживания в городе, % от числа опрошенных

Рис. 7. Оценка деятельности городской администрации по решению проблем, связанных с улучшением комфортности проживания в городе, % от числа опрошенных

жанами более высоко оценивают условия проживания в городе практически во всех сферах жизнедеятельности, соответственно и уровень оценки деятельности органов власти в г. Череповце выше.

Результаты опроса свидетельствуют о достаточно низкой гражданской активности населения. Желание принять участие в обсуждении актуальных вопросов развития города выразило менее трети опрошенных жителей обоих городов (табл. 11). Отметим, что в г. Вологде чуть более активны жители центральных районов, а в г. Череповце – окраинных. Половина опрошенных горожан заявила, что ни в какой форме не желает участвовать в обсуждении актуальных вопросов развития города.

Одной из эффективных форм совместного решения местными органами власти и населением проблем городского развития (например, в части благоустройства территории) является создание органов террито-

риального общественного самоуправления (ТОС). Успешная деятельность данных структур подразумевает активное участие жителей. Однако, как показывают результаты опроса, информированность и активность населения находится на низком уровне. В 2016 году в среднем лишь 5,9% опрошенных г. Вологды и 3,1% – г. Череповца активно принимали участие в деятельности ТОС (табл. 12).

Причины столь низкой активности населения в работе ТОСов возможно связаны с нежеланием людей брать на себя ответственность и боязнью организационных процедур, несмотря на их непосредственную заинтересованность в решении актуальных проблем города.

Обсуждение и заключение

При наличии общих характеристик г. Вологда и г. Череповец все же отличаются в экономическом плане, к тому же и историческое прошлое у городов разное. Череповец –

Таблица 11. Готовность населения принять участие в обсуждении актуальных вопросов развития города (2017 год), % от числа опрошенных

Вариант ответа	г. Вологда			г. Череповец		
	В среднем по городу	В среднем по центральному району	В среднем по окраинным районам	В среднем по городу	В среднем по центральному району	В среднем по окраинным районам
Да	13,0	14,5	8,5	5,3	4,7	7
Скорее да, чем нет	16,4	16,5	16	22,0	21,2	24,5
Скорее нет, чем да	16,4	16	17,5	27,4	27,8	26
Нет	32,8	32,3	34	25,5	24,5	28,5
Затрудняюсь ответить	21,5	20,7	24	19,9	21,8	14

Таблица 12. Распределение ответов жителей на вопрос «Готовы ли Вы участвовать в деятельности органов территориального общественного самоуправления (ТОС)?», % от числа опрошенных

Вариант ответа	г. Вологда			г. Череповец		
	В среднем по городу	В среднем по центральному району	В среднем по окраинным районам	В среднем по городу	В среднем по центральному району	В среднем по окраинным районам
Да, уже принимаю активное участие	5,9	4,6	9,7	3,1	2,7	4,5
Да, но недостаточно информирован об их деятельности	9,1	10,3	5,6	12,5	13,7	9,0
Да, но не знаю, как в него вступить	6,2	7,2	3,1	7,8	7,5	8,5
Нет, так как не вижу у них реальных возможностей для решения городских проблем	19,9	20,5	17,9	15,7	14,6	19,0
Нет, так как данные проблемы должны решать местные органы власти	24,8	25,5	22,6	30,9	27,0	42,5
Не имею представления о данной форме участия населения в городской жизни	34,1	31,8	41,0	30,0	34,5	16,5

более молодой, более динамичный в вопросах развития бизнеса город. Вологда, напротив, скорее консервативна, но более привлекательна для туристов. Однако, безусловно, есть большая разница между постоянным проживанием в городе и посещением его в ходе туристической поездки. В соответствии с проведенным исследованием по ключевым показателям развития Череповец значительно опережает областной центр.

Среди положительных моментов, отмеченных жителями как г. Вологды, так и г. Череповца, следует отметить высокую оценку внешнего вида зданий и зеленых насаждений города. Череповчане в большей степени удовлетворены уровнем обеспечения и качеством предоставления услуг бытового характера, услуг учреждений социальной инфраструктуры, а также работой общественного транспорта и качеством питьевой воды. При достаточно невысоких оценках вологжан можно говорить о том, что жители окраинных микрорайонов в целом удовлетворены качеством ремонтных работ многоквартирных домов, а жители центральных микрорайонов – уровнем транспортного обслуживания. Степень удовлетворения условиями проживания населения в г. Череповце выше, нежели в г. Вологде, и в этом безусловно есть заслуга органов местного самоуправления. В этом свете вполне объяснимы высокие оценки работы местных властей г. Череповца и сравнительно низкие – г. Вологды по решению проблем комфортного проживания в городе.

Результаты опроса общественного мнения свидетельствуют о том, что фактически два крупных города Вологодской области имеют достаточно схожие проблемы, связанные с комфортностью проживания населения. Также, на наш взгляд, без преувеличения можно сказать, что выявленная проблематика характерна в той или иной степени и для любого российского города.

Как для жителей г. Вологды, так и для череповчан наиболее актуальны следующие проблемы:

– низкий уровень благоустройства внутридворовых территорий;

– высокая стоимость жилищно-коммунальных услуг;

– непрозрачность системы расчета тарифов на услуги ЖКХ;

– недостаток парков, аттракционов, велосипедных (роликовых) дорожек;

– низкое качество предоставления услуг учреждений здравоохранения, культуры и досуга, а также спортивных сооружений;

– неудовлетворительное состояние тротуаров и дорог;

– недостаток специально выделенных мест для парковки автомашин на придомовой территории.

Несмотря на всю схожесть имеющихся проблем, можно выделить и ряд специфических. Так, для вологжан в отличие от жителей г. Череповца достаточно остро стоит вопрос качества питьевой воды. Также для жителей окраинных районов г. Вологды актуальна проблема транспортного обслуживания – лишь незначительная часть опрошенных признала его хорошим. Для череповчан наиболее злободневными являются проблемы качества ремонтных работ многоквартирных домов и сильной загазованности в районе проживания.

Проведенное исследование также позволило выделить характерную для обоих городов особенность, заключающуюся в низкой гражданской активности жителей, их нежелании принимать участие в обсуждении актуальных вопросов развития города.

Как ранее нами было отмечено, выявленные трудности отнюдь не являются уникальными для Вологды и Череповца. Проблема повышения комфортности проживания населения и улучшения качества городской среды актуальна для всех российских городов от мегаполисов до малых городов. В рамках проводимого исследования были рассмотрены лучшие российские городские практики, направленные на решение проблем городского развития и способствующие повышению уровня удовлетворенности жителей условиями проживания (табл. 13).

В приведенных примерах реализации мероприятий по улучшению условий проживания

Таблица 13. Мероприятия по улучшению условий проживания населения

Направление деятельности	Мероприятия по улучшению условий проживания населения	Пример реализации
1. Создание комфортного городского пространства	1.1. Реализация проектов преобразования общественных пространств	Реконструкция и модернизация более 140 общественных пространств в Республике Татарстан в 2014 году в рамках проведения «Года парков и скверов» [17]
	1.2. Использование придомовых территорий для создания общественных рекреационных зон [18]	Программа реновации в г. Москве. Согласно проекту, на месте снесенных пятиэтажек планируется создание кварталов с закрытыми «дворами без машин», в которых должны возникнуть высококачественные общественные пространства [19]
	1.3. Реализация проектов по благоустройству территории силами населения, на ней проживающего	Проведение конкурса «Раскрасим мир вместе!» по созданию арт-объектов Творческой аллеи городского парка в г. Удомля Тверской области* Реализация социального проекта «Чужих» остановок не бывает!» по благоустройству остановочных комплексов и поддержанию их в привлекательном состоянии для жителей города в г. Трехгорном Челябинской области. В рамках практики школьниками города на добровольной основе осуществляются работы по благоустройству остановочных комплексов и поддержанию их в привлекательном состоянии для жителей города**
2. Контроль за состоянием благоустроенных территорий	Поддержание чистоты на улицах, сохранение функциональной и эстетической целостности вновь созданной или отремонтированной инфраструктуры, предотвращение появления и разрастания несанкционированных свалок на территории города за счет повышения контроля за состоянием благоустроенных территорий, применения мер привлечения к административной ответственности как юридических, так и физических лиц	Реализация проекта «Экономия контролем» в г. Нововоронеж Воронежской области по ведению систематического контроля за состоянием городской инфраструктуры с целью ее сохранения и минимизации предстоящих работ по ремонту. В структуре администрации была выделена специальная должность инспектора, осуществляющего личное взаимодействие с активными жителями города и проведение совместной работы по выявлению, фиксации и устранению нарушений*
3. Снижение стоимости жилищно-коммунальных услуг и повышение качества их предоставления	3.1. Переход к комплексному использованию счетчиков расхода воды, электроэнергии и тепла, а также внедрение специальных инновационных технологий обогрева, теплоизоляционных и энергосберегающих установок [20]	Реализация в Республике Татарстан (в т. ч. в городах Казань и Набережные Челны) проекта комплексной модернизации системы теплоснабжения, включающей в себя установку пластиковых окон, утепление крыш и фасадов зданий, оснащение всего жилого фонда индивидуальными тепловыми пунктами, установку тепловых насосов [21]
	3.2. Проведение мероприятий по реконструкции (модернизации) объектов жилищно-коммунальной инфраструктуры, а также по ресурсосбережению и улучшению экологической обстановки*	Реализация проекта «Реконструкция, модернизация объектов коммунальной инфраструктуры посредством концессии» в г. Воронеже, где за счет внедрения передовых практик и технологий была обеспечена круглосуточная бесперебойная подача воды для населения городского округа, снижены потери воды
4. Совершенствование механизма обратной связи между местными органами власти, управляющими компаниями и населением	Разработка и внедрение информационных систем, способствующих оперативности и эффективности решения проблем жизнеобеспечения города	Использование в г. Череповце системы «Народный контроль», в которой через сайт или приложение для телефона горожане сообщают о проблемах в ЖКХ. Разработка и внедрение интернет-ресурса «Виртуальная диспетчерская ЖКХ» в г. Сургуте в целях создания условий для решения проблем ЖКХ, налаживания оперативного диалога между жителями города, обслуживающими организациями и властями***
5. Применение экологического подхода к благоустройству территории	5.1. Организация системы озеленения жилой застройки города 5.2. Проведение постоянного экологического мониторинга влияния автотранспорта на окружающую среду, перевод автотранспорта на экологически чистые виды моторного топлива [20] 5.3. Обеспечение экологического воспитания, образования и просвещения населения города, а также внедрение систем по ресайклингу, сортировке и переработке мусора в черте города	Установка спецконтейнеров по сбору стекла и пластика в общественных центрах и придомовых территориях в г. Хабаровске в рамках реализации всероссийского проекта «Принеси пользу своему городу» [22]

<p>6. Решение транспортных проблем города</p>	<p>6.1. Применение принципиально новой концепции скоординированной мультимодальной транспортной системы с акцентом на развитии общественного, пешеходного и велосипедного транспорта 6.2. Для реализации данной меры в городах необходимы строительство специально выделенных велосипедных дорожек и приведение в порядок тротуаров, а также применение пропагандистских мер и популяризация здорового образа жизни посредством СМИ [20]</p>	<p>Создание в г. Альметьевске Республики Татарстан уникальной велотранспортной инфраструктуры, благодаря которой велосипед является очень популярным и полноценным транспортом для круглогодичного пользования</p>
<p>7. Повышение социальной активности жителей городов</p>	<p>Реализация краудсорсинг-проектов, за счет которых возможно более эффективное решение проблем городской среды, неудачных построек, заброшенных пространств, организации транспортных потоков, чистоты на улицах [23] Создание и функционирование территориального общественного самоуправления (ТОС) как наиболее эффективной формы взаимодействия жителей и местных органов власти при решении проблем городского развития</p>	<p>Создание и активное развитие ТОС в г. Урюпинск Волгоградской области. В настоящее время в городе действует 53 ТОС, которыми был выполнен колоссальный объем работ по благоустройству территории, в т. ч. работы по озеленению, устройству детских площадок, очистке водоемов и уборке парков. Деятельность ТОСов в г. Новороссийске Краснодарского края, где территория города поделена между 125 квартальными комитетами ТОС. Представители ТОС взаимодействуют с жителями для выявления проблем, привлекают население к реализации проектов по благоустройству территории, осуществляют общественный контроль за деятельностью управляющих организаций, участвуют в работе городской Думы. Помимо этого во всех районах города действуют общественные советы, которые в основном осуществляют общественный контроль за решением вопросов местного значения и выполнением обязательств муниципальными подрядчиками*</p>

* Лучшие муниципальные практики и инициативы социально-экономического развития в муниципальных образованиях на территории присутствия Госкорпорации «Росатом» в 2017 году // Некоммерческое партнерство «Информационное агентство «Атомные города». URL: [http://xn----8sbndambc7bl0af0dp.xn--p1ai/uploads/files/%D0%9B%D0%9C%D0%9F%202017%20\(1%D1%81\).pdf](http://xn----8sbndambc7bl0af0dp.xn--p1ai/uploads/files/%D0%9B%D0%9C%D0%9F%202017%20(1%D1%81).pdf) (дата обращения 15.08.2018).

** Сборник лучших муниципальных практик по итогам 2017 года // Официальный сайт Министерства юстиции РФ. URL: http://minjust.ru/sites/default/files/sbornik_luchshih_municipalnyh_praktik_po_itogam_2017_goda.pdf (дата обращения 15.08.2018).

*** Карта лучших муниципальных практик // Проект Союза российских городов. URL: <http://www.forum.urf.ru> (дата обращения 15.08.2018).

Составлено по: анализ лучших городских практик России.

населения представлен опыт городов разной величины и обладающих неодинаковым социально-экономическим потенциалом. Безусловно, величина города и размер его материально-экономической базы имеют важное значение, однако, на наш взгляд, реализация некоторых элементов представленного опыта других городов возможна и в Вологде, и в Череповце.

Необходимо отметить, что наиболее острые, по мнению жителей рассмотренных городов, вопросы комфортности проживания по большей части находятся в ведении городских властей. Органы местного самоуправления должны уделять больше внимания решению актуальных проблем в сфере жилищно-коммунального хозяйства, транспорт-

ного обеспечения, комфортности городской среды и благоустройства территорий. Например, решение вопросов чистоты и содержания дворов и улиц города возможно за счет применения организационных мер и повышения уровня исполнительской дисциплины, а также усиления требовательности и контроля по отношению к управляющим компаниям. Обращаясь к весьма актуальной для обоих городов проблеме парковок, отметим, что решение данного вопроса требует серьезной аналитической проработки, поиска совместного решения с учетом мнения автовладельцев, жителей домов и управляющих компаний. Инициатором поиска выхода из сложившейся ситуации должны быть, конечно же, органы местного самоуправления. Недопущение воз-

никновения конфликта интересов в данном случае будет говорить о внимании местной власти к заботам жителей городов, что повысит уровень доверия к ней [12].

Проведенное исследование достаточно хорошо продемонстрировало, что то, как оценивают жители города уровень и качество жизни в нем, непосредственно отражается и на оценках деятельности органов местной власти. В частности, в г. Череповце жители практически по всем пунктам оценили условия проживания в городе более позитивно, соответственно и оценки работы органов местного самоуправления оказались более высокими по сравнению с г. Вологдой.

Определение приоритетных направлений в решении вопросов комфортности проживания горожан, разработка планов по их реализации и поиск источников финансирования являются первоочередными задачами, стоящими перед органами муниципальной власти в решении вопросов повышения качества жизни населения городов.

Отдельно стоит остановиться на вопросе поиска источников финансирования проектов по развитию городской среды, который традиционно является одним из самых трудно решаемых и сложных для местных властей. В условиях дефицита муниципальных бюджетов решение проблем благоустройства может осуществляться за счет федеральных субсидий, а также путем участия в региональных программах, федеральных и региональных грантах и конкурсах, путем привлечения средств физических и юридических лиц.

Внебюджетные источники финансирования позволяют привлечь значительный объем средств, который может быть направлен на реализацию повышения качества городской среды [24]. В частности, одним из вариантов внебюджетного финансирования может являться заключение концессионных соглашений и соглашений в рамках муниципально-частного партнерства (МЧП) [25]. Отметим, что опыт применения концессионных

соглашений для реализации мероприятий гораздо обширнее опыта применения МЧП – более 89% всех проектов в рамках партнерства публичного и частного сектора реализуются с помощью концессионных соглашений. В качестве успешных примеров проектов, реализуемых посредством концессионных соглашений, можно привести благоустройство и содержание сквера им. Ленина в г. Бирске Республики Башкортостан и реконструкцию парка им. Персиянова в г. Соль-Илецке Оренбургской области и др.

Другим вариантом привлечения внебюджетных средств может стать активное создание муниципальных НКО, которые могут использоваться для привлечения и аккумулирования средств из внешних источников с последующим финансированием проектов и мероприятий по развитию городской среды. Также целесообразно уделять внимание уже существующим НКО, уставная деятельность которых подразумевает реализацию мероприятий, направленных на развитие городской среды и ее культурное и событийное наполнение. Соответственно, они могут софинансировать или финансировать реализацию различных мероприятий от проведения фестивалей и праздников до проектов комплексного благоустройства и капитального строительства⁴.

В заключение следует отметить, что комфорт городской среды определяется наличием в ней элементов и свойств, дающих человеку ощущение необходимого физического, психологического и социального благополучия [14]. Город можно сделать гораздо комфортнее и привлекательнее, если придерживаться сбалансированного и устойчивого подхода к его территориальному планированию. Создание зеленых зон, развитие городских центров и общественных пространств не только позволяют повысить уровень удовлетворенности населения условиями проживания в городе, но и создают условия для развития туризма, способствует повышению инвестиционной привлекательности для бизнеса [26].

⁴ Методические рекомендации по привлечению финансирования в бюджеты муниципальных образований из внебюджетных источников // Сайт проекта «Моногорода РФ». URL: http://xn--80afd4affbbat.xn--p1ai/uploads/knowledge_file/content/53/180122_Monotowns_Budget_2.pdf (дата обращения 15.08.2018).

Рассмотренные в статье проблемы повышения комфортности проживания в городе носят глубоко практический характер, поскольку в той или иной степени касаются каждого его жителя. Таким образом, вклад проведенного исследования в развитие прикладной науки заключается в получении и систематизации данных анкетного опроса жителей городов и формировании на основе этого конкретных рекомендаций по повы-

шению комфортности проживания в городе. Полученные в ходе исследования результаты могут быть использованы в деятельности городских органов власти при совершенствовании муниципальной социально-экономической политики, разработке и реализации мероприятий, направленных на улучшение условий проживания населения и повышение привлекательности города для жителей других регионов страны.

ЛИТЕРАТУРА

1. Берджесс Э. Рост города: введение в исследовательский проект // Социальные и гуманитарные науки за рубежом. 2000. Т. 11. № 4. С. 44–51.
2. Hoyt H. *The structure and growth of residential neighborhoods in American cities*. Chicago, Illinois: Chicago University Press, 1939. 178 p.
3. Harris C.D., Ullman E.L. The Nature of Cities. *Annals of the American Academy of Political and Social Sciences*, 1945, vol. 242, pp. 7–17.
4. Mills E.S., Hamilton B.W. *Urban Economics*. Glenview (Illinois). London: Scott, Foresman and Company, 1984. 420 p.
5. Camagni R. *Principes et modeles de l'economie urbaine*. Paris: Economica, 1996. 300 p.
6. Evans A.W. *Urban Economics (an introduction)*. Oxford: Blackwell Publishers, 1992. 230 p.
7. О'Салливан А. Экономика города. М.: Инфра-М, 2002. 706 с.
8. Henderson J.V. *Economic Theory and the Cities*. Orlando, New York: Academic Press, 1985. 269 p.
9. Воротилов В.А. Крупный город: проблемы и тенденции развития. Ленинград: Наука, 1988. 167 с.
10. Глазычев В.Л. Социально-экологическая интерпретация городской среды. М.: Наука, 1984. 178 с.
11. Вологда и Череповец: городская жизнь в восприятии населения: препринт / М.В. Морев [и др.]. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2017. 119 с.
12. Гужавина Т.А. Среда проживания в оценках горожан // Проблемы развития территории. 2016. № 3. С. 66–80.
13. Глебова И.С., Кундакян Р.М. Качество жизни и управление привлекательностью условий проживания в крупнейших городах России. Казань: Казан. фед. ун-т, 2010. 257 с.
14. Соколов А.А., Руднева О.С. Рейтинг крупнейших и крупных городов России по комфортности проживания // Народонаселение. 2017. № 3. С. 130–143.
15. Егорова Н.Т., Зинковская А.А. Оценка качества городской среды Прокопьевского городского округа // Вестн. КемГУ. Серия «Биологические, технические науки и науки о Земле». 2017. № 4. С. 64–68.
16. Ильин В.А., Шабунова А.А. Социологическое измерение эффективности государственного управления // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2014. № 2. С. 18–35.
17. Валеева Л.Р., Муртазин Н.Р., Гилязов А.Х. Использование элементов «умного города» в проектировании общественных пространств // Научное обозрение. 2016. № 10. С. 227–231.
18. Копьева Д.Д., Лапшина Е.А. Выявление потенциала организации придомовых территорий как части структуры общественных пространств города // Новые идеи нового века. 2015. Т. 2. С. 98–104.
19. Щукин А. Реновация как шанс на новую городскую среду // Эксперт. 2017. № 51. С. 52–56.
20. Глебова И.С. Анализ комфортности проживания в крупнейшем городе и возможности ее повышения (на примере г. Казани) // Уч. зап. Казан. ун-та. 2011. Т. 153. Кн. 4. С. 198–210.
21. Огородникова Е. Отрасль тяжелых инвестиций // Эксперт. 2018. № 1–2. С. 37–41.
22. Неудачина М.А., Козыренко Н.Е. Современные тенденции совершенствования жилой среды города // Новые идеи нового века. 2016. Т. 2. С. 243–247.

23. Перелыгина Е.В., Баклыская Е.Л. Применение краудсорсинга для поиска и решения проблем городской среды // Новые идеи нового века. 2016. Т. 2. С. 218–222.
24. Социально-экономические проблемы локальных территорий / Т.В. Ускова [и др.]. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2013. 196 с.
25. Проблемы экономического роста территории / Т.В. Ускова [и др.]. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2013. 170 с.
26. Ильина И.Н. Качество городской среды как фактор устойчивого развития муниципальных образований // Экономика и управление народным хозяйством. 2015. № 5. С. 69–82.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Секушина Ирина Анатольевна – инженер-исследователь отдела проблем социально-экономического развития и управления в территориальных системах. Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Вологодский научный центр Российской академии наук». Россия, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а. E-mail: i_sekushina@mail.ru. Тел.: +7(8172) 59-78-10.

Кожевников Сергей Александрович – кандидат экономических наук, заведующий лабораторией пространственного развития и размещения производительных сил отдела проблем социально-экономического развития и управления в территориальных системах. Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Вологодский научный центр Российской академии наук». Россия, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а. E-mail: kozhevnikov_sa@bk.ru. Тел.: +7(8172) 59-78-10.

Sekushina I.A., Kozhevnikov S.A.

ISSUE OF ENCOURAGING COMFORTABLE LIVING OF A LARGE CITY POPULATION (CASE STUDY OF VOLOGDA AND CHEREPOVETS)

In the context of growing competition among cities for financial, investment, human and human resources the problems of improving population's life quality do not lose their relevance. At the same time, the level of residents' satisfaction with living conditions in the city is one of the main indicators of authorities' performance. The main purpose of the study is to conduct a comparative analysis of population's living conditions in Vologda and Cherepovets, as well as identify a set of measures to improve the comfort of urban environment. The key problems that reduce the comfort of living in these cities are identified on the basis of the results of the questionnaire survey of Vologda and Cherepovets residents conducted in 2017. An unsatisfactory condition of the housing sector, a bad quality of repair work of streets and apartment buildings, a lack of parking spaces, a poor condition of yards, and a poor quality of services of health care, culture and sports are critical problems, according to the residents. Almost by all indicators of living conditions the city of Cherepovets is a more comfortable city compared to Vologda. The survey results also show that the Vologda citizens in contrast to those of Cherepovets are more skeptical about results of the authorities' activities to solve urban problems. Based on the study of the experience of the most successful Russian municipal practices in the formation of a comfortable urban environment, the set of measures to improve living conditions and enhance life quality of Vologda and Cherepovets population is determined. The research uses a method of system analysis, sociological research, tabular and graphical methods of data visualization. The results obtained in the study course can be used in the city authorities' activities to improve municipal socio-economic policy, develop and implement measures aimed at increasing the level of attractiveness and comfort of living in the city.

City, urban environment, municipal government, comfortable living, quality of life, Vologda, Cherepovets.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Sekushina Irina Anatol'evna – Research Engineer of the Department for Issues of Socio-Economic Development and Management in Territorial Systems. Federal State Budgetary Institution of Science “Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences”. 56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation. E-mail: i_sekushina@mail.ru. Phone: +7(8172) 59-78-10.

Kozhevnikov Sergei Aleksandrovich – Ph.D. in Economics, Head of the Laboratory for Spatial Development and Location of Productive Forces of the Department for Issues of Socio-Economic Development and Management in Territorial Systems. Federal State Budgetary Institution of Science “Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences”. 56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation. E-mail: kozhevnikov_sa@bk.ru. Phone: +7(8172) 59-78-10.

DOI: 10.15838/ptd.2018.6.98.4

УДК 338.48 | ББК 65.433

© Леонидова Е.Г.

ПРОБЛЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ СФЕРЫ ВНУТРЕННЕГО ТУРИЗМА

ЛЕОНИДОВА ЕКАТЕРИНА ГЕОРГИЕВНА

Вологодский научный центр Российской академии наук

Россия, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а

E-mail: eg_leonidova@mail.ru

Статья посвящена актуальной проблеме поиска способов стимулирования развития региональных социально-экономических систем, в качестве одного из которых рассматривается сфера внутреннего туризма. В статье на основе анализа статистических данных и результатов социологического опроса определено, что в настоящее время сфера внутреннего туризма в Российской Федерации и ее регионах развита недостаточно. На примере Северо-Западного федерального округа, обладающего высоким рекреационным потенциалом для создания внутренних туров, сделан вывод о слабом спросе граждан Российской Федерации на услуги туристского сектора. В исследовании выявлено, что существующая система управления развитием внутреннего туризма не стимулирует потребление туристских продуктов регионом населением, а следовательно, не способствует его социально-экономическому развитию. Научную новизну статьи составляют выявление и систематизация проблем развития сферы внутреннего туризма региона, а также разработка инструментов решения данных проблем. Информационной базой являются труды отечественных и зарубежных экономистов в области методических и практических вопросов управления развитием внутреннего туризма, а также статистических данные органов государственной статистики, экспертных и социологических опросов. Исследование базируется на общенаучных методах сравнения, обобщения, анализа, синтеза. Материалы статьи могут быть применены в научной, образовательной деятельности. Они представляют практический интерес для органов власти и управления, реализующих экономическую политику с целью активизации

Цитата: Леонидова Е.Г. Проблемы управления и развития сферы внутреннего туризма // Проблемы развития территории. 2018. № 6 (98). С. 64–73. DOI: 10.15838/ptd.2018.6.98.4

Citation: Leonidova E.G. Issues of managing and developing the sphere of domestic tourism. *Problems of Territory's Development*, 2018, no. 6 (98), pp. 64–73. DOI: 10.15838/ptd.2018.6.98.4

внутренних факторов в решении проблем обеспечения социально-экономического развития территории. В дальнейшем актуальной составляющей исследований станет продолжение работ по оценке влияния сферы внутреннего туризма на экономику региона, а также изучению направлений ее активизации.

Экономика, регион, социально-экономическое развитие, фактор, туризм, внутренний туризм.

Одним из целевых ориентиров, обозначенных в Концепции долгосрочного социально-экономического развития РФ на период до 2020 года, является обеспечение стабильного социально-экономического развития регионов России¹. Его достижение подразумевает определение сил, обеспечивающих прогрессивные изменения в экономической и социальной сферах. На современное социально-экономическое развитие российских регионов влияет мировой экономический и внутренний системный кризис. Это приводит к изменениям структурных пропорций региональной экономики, характеризующейся сужением внутреннего спроса на товары и услуги. Таким образом, возникает необходимость поиска и научного обоснования тех сил, которые в текущих экономических условиях способны изменить структурные связи и тем самым обеспечить развитие региона, то есть факторов (от лат. «factor» – «делающий, производящий»).

Теоретической основой исследования являются труды зарубежных и отечественных экономистов. В работах А.Г. Аганбегяна, С.С. Губанова, В.А. Ильина, А.А. Френкеля большое внимание уделено негативным проявлениям экспортно-сырьевой модели экономики РФ на социально-экономическое развитие российских регионов [1–6]. Необходимость поиска новых источников, обеспечивающих положительную динамику экономики, подробно рассмотрена в трудах М.-Э.И. Ахмадова, Н.В. Невейкиной, И.А. Погосова [7–9]. В частности, выделение факторов развития региона рассматривается как базис для эффективного управления развитием регионов, основанного на рациональном их использовании [7].

Следует согласиться с точкой зрения о том, что в настоящее время развитие экономики региона основано преимущественно на

использовании экстенсивных факторов [10]. Между тем, следует расширять представления не только об эффективности использования имеющихся, но и о резервах вовлечения потенциально перспективных ресурсов [8].

Обобщение научных работ в области исследования проблем обеспечения социально-экономического развития регионов позволило заключить, что в российской практике недостаточно широко раскрыт вопрос о выявлении и обосновании активизации перспективных факторов, способствующих улучшению социально-экономических параметров, учитывающих современные экономические условия.

Оценка социально-экономического развития регионов возможна с использованием воспроизводственного подхода, заключающегося в том, что основой ресурсов региона являются процессы производства. Это отражено в построении системы региональных счетов. В общем виде она состоит из счета производства валового регионального продукта (ВРП), счета образования первичных доходов и счета использования ВРП (рис. 1).

В счетах отражаются все стадии воспроизводственного цикла: производство, образование и распределение доходов, их конечное использование на потребление и накопление (сбережение). При этом для развития региональной экономики важно обеспечить выпуск и потребление товаров и услуг, стимулирующих процесс формирования и использования валового регионального продукта на каждой из его стадий.

Одной из проблем, сдерживающих экономическое развитие в настоящее время, является узость внутреннего рынка, что ведет к недопотреблению товаров и услуг [2]. В свою очередь, это отражается на социально-экономическом развитии, негативным образом

¹ О Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года: Распоряж. Правительства РФ от 17 ноября 2008 г. № 1662-р (ред. от 10.02.2017) // КонсультантПлюс.

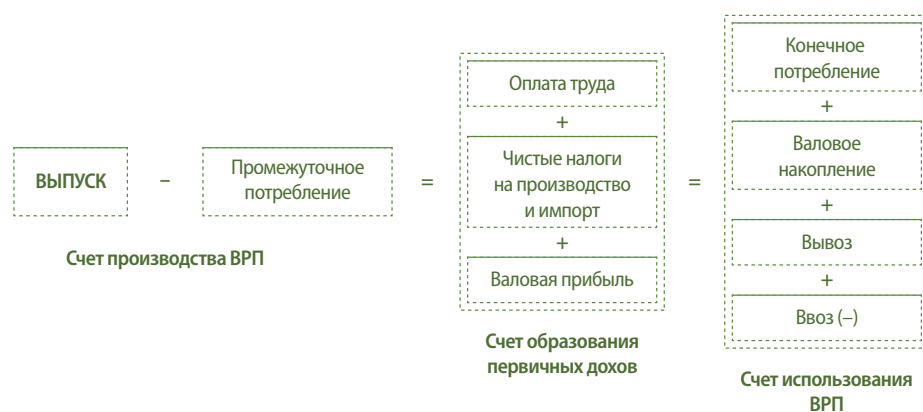

Рис. 1. Схема формирования и использования валового регионального продукта

Составлено по: данные Росстата.

влияет на процессы внутреннего воспроизводства, валового накопления, конечного спроса на продукцию и услуги.

В связи с этим представляется перспективным обращение к внутренним факторам социально-экономического развития региона, использование которых может минимизировать ограничения, связанные с зависимостью от экспорта энергоресурсов и колебаний внешнеэкономической конъюнктуры, а также стимулировать конечное потребление. В качестве одного из факторов развития региональных социально-экономических систем может рассматриваться потенциал сферы внутреннего туризма.

Внутренний туризм предполагает перемещение граждан в пределах своей страны с целью отдыха. В отличие от выездного или въездного туризма потенциал сферы внутреннего туризма для региональной экономики имеет большое значение. Финансовые средства, образуемые сферой внутреннего туризма от пребывания путешественников в результате кругооборота «расходы-доходы», остаются внутри региона, увеличивая значение экономических показателей, характеризующих процесс производства товаров и услуг промежуточного и конечного потребления, валового выпуска, оплаты труда, налогов. Его влияние на региональное развитие непосредственно происходит через рост производства туристического продукта, привлечение личных финансовых средств туристов, создание активного регионального потребительского рынка и рост ин-

вестиционной привлекательности местной туристической индустрии [11–14].

Развитие внутреннего туризма обеспечивает:

- поступление денежных средств в региональный бюджет;
- расширение производства товаров и услуг местных производителей;
- повышение занятости населения.

Кроме того, туристский продукт, потребляемый внутри региона, может рассматриваться как способ восстановления психофизиологических затрат населения, что должно развивать человеческий потенциал региона.

Во время туристской поездки человек тратит гораздо больше денег, чем в повседневной жизни, также он склонен к демонстративному потреблению, поэтому туризм способен обеспечить местный рынок дополнительными финансовыми средствами и тем самым улучшить платежный баланс региона [15; 16].

Данные ЮНВТО (Всемирной туристской организации при ООН) свидетельствуют о том, что в мире в структуре видов туризма внутренний туризм наиболее востребован. Так, четыре из пяти туристских прибытий в мире происходит в пределах одного региона.

В ВВП США по итогам 2016 года на индустрию туризма пришлось 8,1%, из которых 80% – вклад, связанный с расходами американцев на потребление внутренних туристских продуктов².

² По данным Всемирного совета по туризму и путешествиям.

В странах, входящих в Организацию экономического сотрудничества и развития, на потребление услуг внутреннего туризма приходится в среднем 76% (рис. 2).

Рис. 2. Доля туристского потребления в 2016 году по видам туризма в странах ОЭСР в среднем, %

Источник: данные Организации экономического сотрудничества и развития. URL: <http://dx.doi.org/10.1787/tour-2018-en>

В Российской Федерации точную оценку вклада внутреннего туризма в экономику дать сложно из-за отсутствия официально принятой методики подсчета. В 2017 году Росстат впервые опубликовал данные по оценке валовой добавленной стоимости туристской индустрии в целом. По итогам 2016 года она составила 2604,7 млрд рублей, или 3,4% валового внутреннего продукта страны. Начиная с 2011 года значение данного показателя постепенно увеличивается (рис. 3).

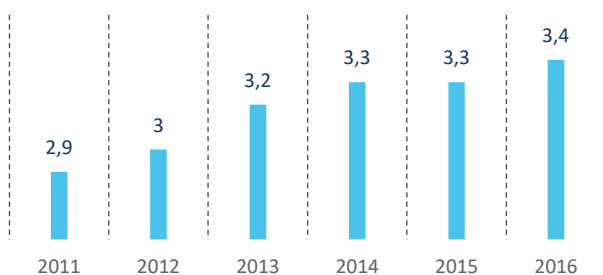

Рис. 3. Доля валовой добавленной стоимости туристской индустрии в валовом внутреннем продукте Российской Федерации, %

Источник: данные Росстата.

По мнению руководителя Ростуризма О. Сафонова, вклад туризма в экономику в 2017 году вырос до 3 трлн руб., что составляет около 3,47% ВВП. По его прогнозу, к 2025 году эти показатели могут вырасти до 5 трлн руб., или 5,93% ВВП [17].

Опросы, проводимые ВЦИОМ, показывают, что доля россиян, выезжающих на отдых за пределы постоянного проживания, невелика и не меняется на протяжении последних лет (в 2013 году – 24%, в 2017 году – 26%)³.

Косвенно о динамике развития внутреннего туризма можно судить на основании данных, предоставляемых туристскими фирмами, продающими туры как внутри страны, так и за границу. Так, в 2016 году впервые за длительный период в российской туристской отрасли достигнут баланс в численности туристов между купившими путевку в зарубежные страны и сделавшими выбор в пользу внутренних направлений (рис. 4).

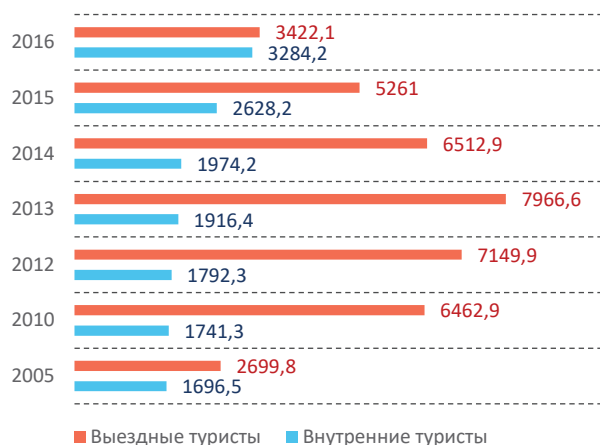

Рис. 4. Численность российских туристов, обслуженных туристскими фирмами, тыс. чел.

Источник: данные Росстата.

Это объясняется прежде всего ограничениями въезда в популярные зарубежные курорты (Турцию и Египет), действовавшими в 2015–2016 гг., результатом которых стало снижение количества отдыхающих за границей.

³ Инициативный всероссийский опрос «ВЦИОМ-Спутник» проведен 12–14 сентября 2017 года. В опросе принимали участие россияне в возрасте от 18 лет. Метод опроса – телефонное интервью по стратифицированной двухосновной случайной выборке стационарных и мобильных номеров объемом 1800 респондентов.

Вместе с тем высокий туристический потенциал регионов РФ позволяет развивать различные виды туристской деятельности, привлекательные для внутренних потребителей и способствующие активизации социально-экономического развития регионов [18; 19].

На примере субъектов Северо-Западного федерального округа (далее – СЗФО), в котором сконцентрировано множество культурно-исторических и природных ресурсов, можно рассмотреть, каким образом следует стимулировать потребление внутреннего туристского продукта населением, чтобы осуществлять влияние на социально-экономические параметры экономики региона.

Динамика основных показателей развития внутреннего туризма за период с 2010–2016 гг. в СЗФО положительная (табл. 1).

Почти в 3 раза выросло число туристов, купивших туры по России, в 1,6 раза увеличилось количество россиян, воспользовавшихся услугами коллективных средств размещения СЗФО.

Между тем, объем туристских услуг и объем услуг гостиниц и аналогичных средств размещения, пересчитанный в ценах 2016 года, вырос всего на 11,4 и 5% соответствен-

но. Это говорит о слабом спросе граждан РФ за указанный промежуток времени на услуги туристского сектора, а также о возможной экономии, связанной с тем, что туристы делают выбор в пользу самостоятельных путешествий и не обращаются в турфирму.

Исключение составляет 2016 год, в котором отмечен всплеск туристской активности в рассматриваемом регионе: рост числа внутренних туристов, купивших туры в России в турфирмах СЗФО, по сравнению с предыдущим годом составил 2,3 раза.

На примере одного из субъектов СЗФО – Вологодской области – определено, что в период с 2005 по 2016 год, несмотря на рост общего количества обслуженных туристов почти на 40%, число отправленных из них в туры по России выросло всего на 4,7%, внутри региона – сократилось на 13,2% (табл. 2).

Проведенная ранее на основе метода межотраслевого баланса оценка вклада в экономику Вологодской области вида экономической деятельности «гостиницы и рестораны», являющегося наиболее туристско-ориентированным, позволила определить, что каждый рубль спроса по виду «гостиницы и рестораны» несет 2,09 рубля роста объемов

Таблица 1. Отдельные показатели развития туризма в СЗФО

Показатель	2010 год	2011 год	2012 год	2013 год	2014 год	2015 год	2016 год	2016 год к 2010 году, %
Численность российских туристов, отправленных туристскими фирмами в туры по России, тыс. чел.	226,9	196,7	299,0	456,5	324,9	291,7	664,2	292,7
Численность граждан России, размещенных в коллективных средствах размещения, тыс. чел.	3546,0	3936,0	4051,2	4051,9	4209,1	4426,1	5611,7	158,2
Объем туристских услуг населению, млн руб.*	14925,63	15418,18	15988,65	16484,3	17061,25	17504,84	16629,6	111,4
Объем услуг гостиниц и аналогичных средств размещения, оказанных населению, млн руб.*	26153,74	27095,27	27312,03	27585,15	26095,56	25051,73	27456,7	105
Источник: данные Росстата. * В ценах 2016 года.								

Таблица 2. Численность российских туристов, обслуженных туристскими фирмами Вологодской области, чел.

Показатель	2005–2008 гг.	2009–2012 гг.	2013–2016 гг.	2016 год к 2005 году, %
Обслужено туристов, всего	58027,8	75222,1	80153,0	138,1
в том числе отправленных по территории России	40439,6	39119,5	42355,4	104,7
из них по Вологодской области	21750,2	20424,7	18884,4	86,8
Источник: данные Вологдастата.				

продаж в других отраслях [20]. Соответственно, представляется, что общий вклад сферы внутреннего туризма выше данного значения.

Эти расчеты свидетельствуют о том, что с увеличением спроса населения на услуги внутреннего туризма как одного из источников внутреннего потребительского спроса активизируются социально-экономические процессы в регионе.

Выявление значимости влияния сферы внутреннего туризма на экономику требует управления его развитием региональными органами власти. В настоящее время в субъектах СЗФО, так же как и в РФ в целом, органы управления сферой туризма представлены различными ведомствами (рис. 5). С 90-х гг. XX века и до настоящего времени туристическая отрасль претерпевала многократные изменения. Туризм входил в состав различных ведомств (например, Министерства по делам молодежи, спорта и туризма РФ и т. п.). На текущий момент за развитие отрасли в стране отвечает Федеральное агентство по туризму, находящееся под руководством Министерства культуры

РФ. Как отмечается исследователями, на процесс формирования структур органов управления в регионах влияют преобразования федерального органа управления туризмом [21].

В Северо-Западном федеральном округе только в трех субъектах имеются органы исполнительной власти, полностью отвечающие за развитие туризма как самостоятельного объекта управления, – в Республике Карелии, Ленинградской области, г. Санкт-Петербурге (табл. 3).

Говоря об обеспеченности управленческими кадрами, следует отметить, что в ряде субъектов СЗФО она достаточно низкая. Например, в отделе развития туризма государственного комитета по культуре Псковской области числятся три человека (для сравнения: в управлении развития туризма и музейной деятельности Департамента культуры и туризма Вологодской области заняты 12 госслужащих)⁴.

Во всех субъектах СЗФО сфера внутреннего туризма развивается в рамках принятых государственных программных документов (табл. 4).

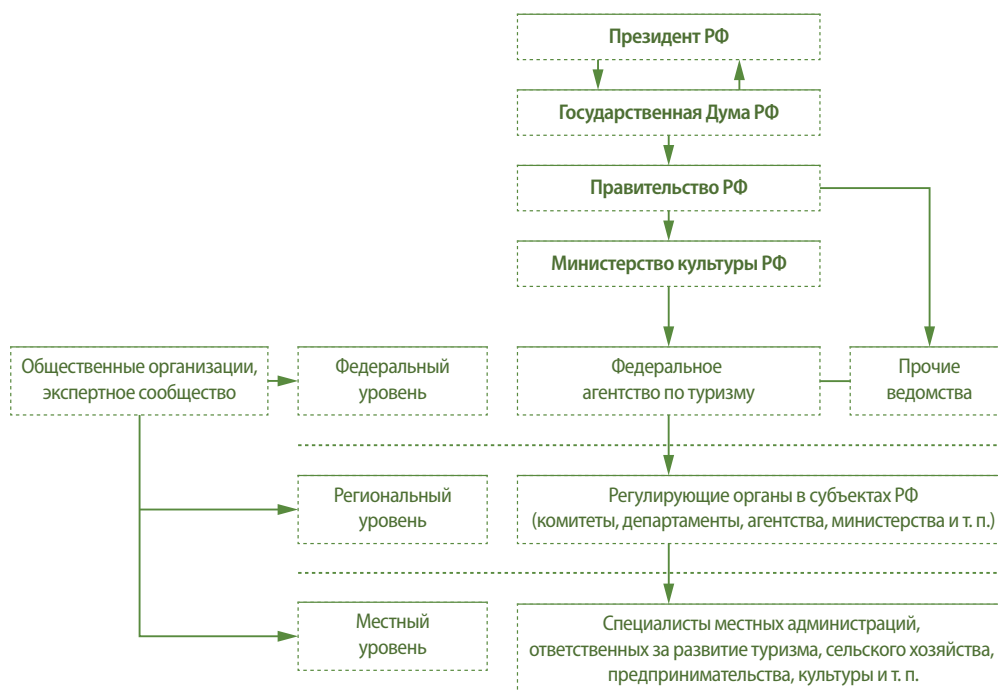

Рис. 5. Субъекты реализации туристской политики в РФ

Источник: данные Организации экономического сотрудничества и развития. URL: <http://dx.doi.org/10.1787/tour-2018-en>

⁴ Данные на 2018 год.

Таблица 3. Органы исполнительной власти в сфере туризма в СЗФО

Территория	Орган, отвечающий за развитие сферы туризма
Республика Карелия	Управление по туризму Республики Карелия (образовано 26.09.2017)
Республика Коми	Министерство культуры, туризма и архивного дела Республики Коми
Архангельская область	Отдел развития туризма Министерства культуры Архангельской области
Ненецкий автономный округ	Сектор туризма Департамента образования, культуры и спорта Ненецкого автономного округа
Вологодская область	Департамент культуры и туризма Вологодской области
Калининградская область	Департамент перспективного развития министерства по культуре и туризму Калининградской области
Ленинградская область	Комитет Ленинградской области по туризму
Мурманская область	Отдел развития туризма Министерства развития промышленности и предпринимательства Мурманской области
Новгородская область	Министерство культуры и туризма Новгородской области
Псковская область	Отдел развития туризма государственного комитета по культуре Псковской области
г. Санкт-Петербург	Комитет по развитию туризма Санкт-Петербурга

Таблица 4. Перечень государственных программ, регламентирующих развитие сферы туризма в регионах СЗФО

Территория	Реализуемые государственные программы в сфере туризма
Республика Карелия	ГП Республики Карелия «Развитие туризма в Республике Карелия» на 2016–2020 годы (Постановление Правительства Республики Карелии от 28 января 2016 года № 11-П).
Республика Коми	ГП Республики Коми «Развитие культуры и туризма в Республике Коми» (Постановление Правительства Республики Коми от 30 декабря 2011 года № 651)
Архангельская область	ГП «Патриотическое воспитание, развитие физической культуры, спорта, туризма и повышение эффективности реализации молодежной политики в Архангельской области (2014–2020 годы)» (Постановление Правительства Архангельской области от 19 июля 2013 года № 330-пп)
Вологодская область	ГП «Сохранение и развитие культурного потенциала, развитие туристского кластера и архивного дела Вологодской области на 2015–2020 годы» (Постановление Правительства Вологодской области от 27 октября 2014 года № 961)
Калининградская область	ГП Калининградской области «Туризм» (Постановление Правительства Калининградской области от 24 декабря 2013 года № 993)
Ленинградская область	ГП «Развитие культуры в Ленинградской области» (Постановление Правительства Ленинградской области от 14 ноября 2013 года № 404)
Мурманская область	ГП Мурманской области «Развитие экономического потенциала и формирование благоприятного предпринимательского климата» (Постановление Правительства Мурманской области от 30 сентября 2013 года № 557-ПП)
Новгородская область	ГП Новгородской области «Развитие культуры и туризма Новгородской области на 2014 - 2020 годы» (Постановление Правительства Новгородской области от 28 октября 2013 года № 318)
Псковская область	ГП Псковской области «Культура, сохранение культурного наследия и развитие туризма на территории области на 2014–2020 годы» (Постановление Администрации Псковской области от 28 октября 2013 года № 501)
г. Санкт-Петербург	ГП г. Санкт-Петербурга «Развитие сферы культуры в Санкт-Петербурге» (Постановление Правительства Санкт-Петербурга от 17 июня 2014 года № 488)

Можно отметить, что за развитие внутреннего туризма в регионах отвечают разные ведомства, соответственно, и реализация вышеуказанных программ находится в полномочии разных ведомств. Следует также подчеркнуть, что в настоящее время в регионах СЗФО, как и по всей стране, нет единого образа в структурах управления в сфере туризма, соответственно, нет и единого подхода к формированию государственных программ в сфере туризма.

О развитии внутреннего туризма также упоминается в рамках реализации стратегий и программ социально-экономического развития регионов СЗФО. На региональном уровне функционируют координационные советы по развитию внутреннего и въездного туризма, члены которых участвуют в обсуждении, подготовке и принятии управленческих решений.

С началом реализации федеральной целевой программы «Развитие внутреннего и въездного туризма в Российской Федерации

на 2011–2018 гг.» регионы получили большие возможности для осуществления данной задачи после подачи заявок для финансирования в рамках государственно-частного партнерства создаваемых туристских кластеров и совершенствования инфраструктуры. Однако ее эффективность трактуется неоднозначно и ставится под сомнение научным и экспертным сообществом, контролирующими органами. Так, по оценкам Счетной палаты РФ, по программе в среднем расходовалось около 4 млрд руб. в год, а освоение средств в 2016 году составило лишь 78%. По мнению вице-президента Российского союза туриндустрии Ю. Барзыкина, проблемами являются недостаточная координация между ведомствами и низкий уровень продвижения реализуемых в ходе нее проектов [22].

Помимо проблем в системе управления сферой внутреннего туризма имеются и другие сложности в ее развитии. В результате обобщения и систематизации выявлены препятствия, тормозящие потребление услуг внутреннего туризма населением.

1. Группа проблем организационного характера, связанных с размытостью и неэффективностью управления, включает в себя отсутствие согласованных действий региональных ведомств, отвечающих за развитие сферы внутреннего туризма, дублирование функций органов исполнительной власти.

2. В группу проблем, связанных с невысоким спросом населения на услуги сферы внутреннего туризма, входят несоответствие предлагаемого сервиса качеству предоставляемых услуг, наличие слабо развитой транспортной инфраструктуры, которой

пользуются туристы, отсутствие диверсифицированного турпродукта, предлагаемого населению, отсутствие пакетных туров по внутренним направлениям, ограниченность финансовых средств туристов. В частности, основным видом туризма в рассматриваемом регионе является культурно-познавательный туризм, который предполагает осмотр достопримечательностей. В структуре видов туризма субъектов СЗФО его доля колеблется от 65 до 75%. Этот вид не стимулирует туристов к повторному посещению региона и не удовлетворяет в полной мере современные предпочтения и запросы потребителей.

3. Группа проблем, связанных со слабым информационным обеспечением, состоит из низкой степени осведомленности населения о существующих предложениях на рынке внутреннего туризма и отсутствия систематизированной информации о состоянии развития данной сферы у органов исполнительной власти региона.

4. Группа проблем, связанных с недостатком конкурентоспособного предложения на рынке внутреннего туризма в регионе, основана на нехватке продуктов внутреннего туризма в разрезе основных сегментов потребителей.

В качестве ключевых проблем среди вышеназванных можно выделить проблемы организационного характера, решение которых находится в сфере ответственности федеральных органов власти.

На региональном уровне для решения проблем, препятствующих увеличению объемов потребления внутреннего туристского продукта населением, предлагается набор инструментов (рис. 6).

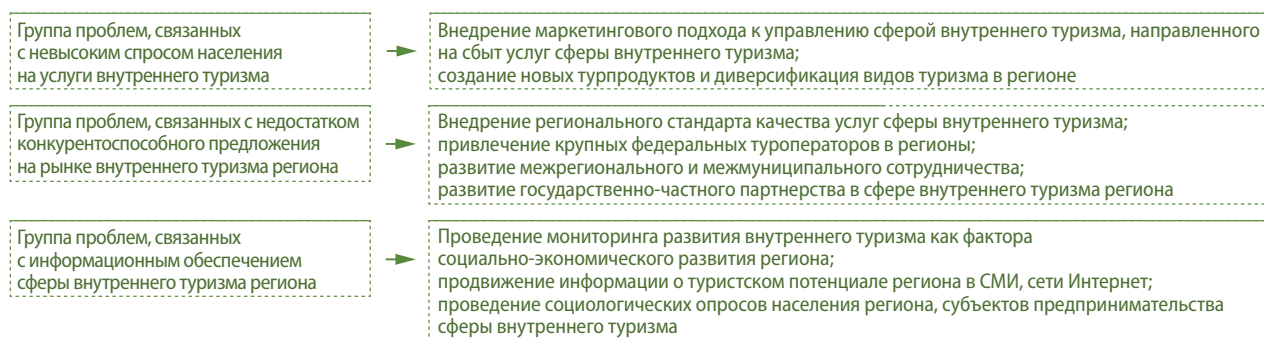

Рис. 6. Группы проблем развития сферы внутреннего туризма региона и инструменты их преодоления

В настоящей статье представлена лишь часть инструментов, которые могут способствовать развитию сферы внутреннего туризма и, соответственно, социально-эко-

номическому развитию региона, а также послужить импульсом для совершенствования существующей региональной политики в данной области.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аганбегян А.Г. Социально-экономическое развитие Российской Федерации – преодоление рецессии // Среднерусский вестник общественных наук. 2017. № 5. С. 15–22.
2. Аганбегян А.Г. Почему экономика России топчется на месте? // Проблемы теории и практики управления. 2018. № 3. С. 11–27.
3. Губанов С.С. Об экономической модели и долгосрочной стратегии новой индустриализации России // Экономист. 2016. № 2. С. 3–10.
4. Ильин В.А. «Капитализм для своих» – источник социального неравенства в современной России // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2017. № 6. С. 9–23.
5. Ильин В.А., Поварова А.И. Проблемы регионального развития как отражение эффективности государственного управления // Экономика региона. 2014. № 3 (39). С. 48–63.
6. Российская экономика в 2015–2017 годах / А. Френкель [и др.] // Экономическая политика. 2016. № 5. С. 198–233.
7. Ахмадов М.-Э.И. Воспроизводственное развитие региональной экономики и факторы его обеспечения (на материалах федеральных округов и субъектов Российской Федерации). Владикавказ, 2012. 46 с.
8. Невейкина Н.В. Актуальные тенденции социально-экономического развития российских регионов // Региональная экономика: теория и практика. 2013. № 7. С. 22–28.
9. Погосов И.А. Тенденции изменения структуры экономики России после кризиса 1998 года. М.: Институт экономики РАН, 2010. 44 с.
10. Ускова Т.В. Проблемы экономического роста территории. Вологда: ИСЕРТ РАН, 2013. 170 с.
11. Antonakakis N., Dragouni M., Eeckels B., Filis G. Tourism and economic growth: Does democracy matter? *Annals of Tourism Research*, 2016, vol. 39, pp. 231–267.
12. Clawson M., Knetsch J.L. *Economics of Outdoor Recreation*. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1996. 348 p.
13. Григоренко Т.Н., Казьмина Л.Н. Приоритеты в области развития внутреннего и въездного туризма России на современном этапе // Вестник Национальной академии туризма. 2015. № 4. С. 14–17.
14. Кружалин В.И., Кружалин К.В., Шабалина Н.В. Состояние российского туризма, проблемы и перспективы // Вестник Национальной академии туризма. 2016. № 1. С. 10–13.
15. Pasaud L., Vollet D., Angeon V. Impact of Tourism Infrastructure on Regional Development: The Implantation of a Center Parcs Resort in Northern France. *Tourism Economics*, 2007, vol. 13, pp. 389–406.
16. Pratt S. The economic impact of tourism in SIDS. *Annals of Tourism Research*, 2015, vol. 52, pp. 148–160.
17. Новости национальной академии туризма // Вестник национальной академии туризма. 2017. № 4. С. 3–4.
18. Семенова Е.В., Маслова Н.В. Проблемы развития внутреннего туризма и некоторые пути их решения // Вестник Национальной академии туризма. 2016. № 3. С. 34–36.
19. Черникова Л.И., Фаизова Г.Р. К вопросу переориентации на внутренний туризм // Финансовая аналитика: проблемы и решения. 2016. Т. 9. № 18. С. 52–60.
20. Леонидова Е.Г. Использование межотраслевого баланса для определения вклада туризма в экономику // Вопросы территориального развития. 2018. № 1 (41).
21. Смиреникова Е.В., Кармакулова А.В. Оценка проработанности стратегических и программных документов, регулирующих вопросы развития туризма в северных регионах России // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2014. № 4. С. 236–252.
22. ФЦП по развитию внутреннего и въездного туризма кардинально изменят и продлят до 2025 года // Вестник национальной академии туризма. 2017. № 1. С. 3–4.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Леонидова Екатерина Георгиевна – младший научный сотрудник отдела проблем социально-экономического развития и управления в территориальных системах. Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Вологодский научный центр Российской академии наук». Россия, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а. E-mail: eg_leonidova@mail.ru. Тел.: +7(8172) 59-78-10.

Leonidova E.G.

ISSUES OF MANAGING AND DEVELOPING THE SPHERE OF DOMESTIC TOURISM

The article is devoted to the urgent problem of finding ways to stimulate the development of regional socio-economic systems, the sphere of domestic tourism is one of such systems. The article uses the analysis of statistical data and the results of a sociological survey and determines that currently the sphere of domestic tourism in the Russian Federation and its regions is underdeveloped. On the example of the Northwestern Federal District, which has a high recreational potential for organizing domestic tours, the conclusion is made about the weak demand of citizens of the Russian Federation for the services of the tourism sector. The study reveals that the existing system of management of the development of domestic tourism does not stimulate the consumption of tourist products of the region by the population, and therefore does not contribute to its socio-economic development. Scientific novelty of the article consists in the fact that it identifies and systematizes problems of development of domestic tourism in the region, and develops tools to solve these problems. The information base of the article includes the works of domestic and foreign economists in the field of methodological and practical issues of management of the development of domestic tourism, as well as statistical data of state statistics, expert and sociological surveys. The research is based on general scientific methods of comparison, generalization, analysis, synthesis. The materials of the article can be used in scientific and educational activities. They are of practical interest to the authorities and management bodies that implement economic policy in order to enhance internal factors in solving the problems of socio-economic development of the territory. In the future, it is planned to continue working on the assessment of the impact of domestic tourism on the economy of the region, and studying the ways to promote it.

Economy, region, socio-economic development, factor, tourism, domestic tourism.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Leonidova Ekaterina Georgievna – Junior Research Associate, Department for Problems of Socio-Economic Development and Management in Territorial Systems. Federal State Budgetary Institution of Science “Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences”. 56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation. E-mail: eg_leonidova@mail.ru. Phone: +7(8172) 59-78-10.

ДИНАМИКА ЗАНЯТЫХ В СФЕРЕ МСП В РОССИЙСКИХ РЕГИОНАХ КАК ИСХОДНЫЙ РУБЕЖ РЕАЛИЗАЦИИ ПРИОРИТЕТНОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ПРОЕКТА «МАЛОЕ И СРЕДНЕЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО И ПОДДЕРЖКА ИНДИВИДУАЛЬНОЙ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ИНИЦИАТИВЫ»

ВИЛЕНСКИЙ АЛЕКСАНДР ВИКТОРОВИЧ
Институт экономики Российской академии наук
Россия, 117218, г. Москва, Нахимовский пр-т, д. 32
E-mail: avilenski@mail.ru

Региональная и общая ситуация с количеством занятых в сфере малого и среднего предпринимательства заставляет усомниться в выполнении подготавливаемого в настоящее время национального проекта развития малого и среднего предпринимательства России до 2024 года по его главному показателю – приросту числа занятых. По числу занятых эта сфера к началу 2017 года еще не вышла на уровень 2008 года. Падение численности занятых среди малых предприятий – юридических лиц с 2008 по 2016 год показали Москва (традиционный лидер малого и среднего предпринимательства), Южный федеральный округ и Центральный федеральный округ в целом. Среди средних предприятий наибольшее падение занятости показал Уральский федеральный округ. Далее следуют Северо-Западный федеральный округ и Москва. С 2010 по 2016 год было заметно падение занятости у индивидуальных предпринимателей в Республике Татарстан, Приволжском федеральном округе в целом и Приморском крае. Меры, реализуемые федеральными и региональными структурами поддержки этой сферы явно не достигают декларируемых благих целей. Необходимо кардинально менять российскую государственную политику в отношении малого и среднего бизнеса с учетом накопленного позитивного и негативного опыта. Сложившаяся политика во многом основана на мифах, в том числе на мифе о том, что малый бизнес создает больше рабочих мест, чем крупный. До сих пор не найдено стабильной связи между экономическим ростом и ростом числа предпринимателей как в регионах, так и в целом по стране. Поддержка стартапов чаще всего

Цитата: Виленский А.В. Динамика занятых в сфере МСП в российских регионах как исходный рубеж реализации приоритетного национального проекта «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы» // Проблемы развития территории. 2018. № 6 (98). С. 74–87. DOI: 10.15838/ptd.2018.6.98.5

Citation: Vilenskii A.V. Employment Performance in Small and Medium Business in Russian Regions as an Initial Stage for the National Priority Project “Small and Medium Business and Support for Individual Business Initiative”. *Problems of Territory’s Development*, 2018, no. 6 (98), pp. 74–87. DOI: 10.15838/ptd.2018.6.98.5

не приносит заметного увеличения числа рабочих мест. Для государственной политики поддержки предпринимательства характерна путаница экономических и социальных целей. Так, поддержка самозанятых – это преимущественно социальная политика по противодействию безработице, а самозанятые в хозяйственных отношениях ведут себя совсем иначе, нежели предприниматели. Необходимо преодолеть автономность политики поддержки малого и среднего предпринимательства по отношению к общей стратегии и тактике социально-экономического развития нашей страны.

Занятость, регионы, малое и среднее предпринимательство, социально-экономическая политика, топливно-сырьевая рента, санкции, финансовая поддержка, национальный проект.

В майском Указе¹ Президента РФ В.В. Путина «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» сформулированы общие цели новых национальных проектов: осуществление прорывного научно-технологического и социально-экономического развития Российской Федерации, увеличение численности населения страны, повышение уровня жизни граждан, создание комфортных условий для их проживания, а также условий и возможностей для самореализации и раскрытия таланта каждого человека. В указе наличествует раздел о создании приоритетного национального проекта «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы». При этом в качестве основного критерия реализации раздела о малом и среднем предпринимательстве (далее – МСП) намечено увеличение к 2024 году численности занятых в сфере малого и среднего предпринимательства, включая индивидуальных предпринимателей, до 25 млн человек². Это очень существенный прирост (по данным Росстата, на 6 млн человек, а по экспертным данным, основанным на данных налоговой службы, – примерно на 9 млн чел.), особенно с учетом того что в последнее десятилетие общее число занятых в сфере МСП снизилось.

Предполагается, что развитие МСП и в первую очередь значительное увеличение числа занятых в нем будут реально способствовать достижению обозначенных в указе

¹ Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года».

² Там же.

целей. Гипотетически это возможно как на федеральном, так и региональном уровне. В экономической литературе часто встречаются утверждения о том, что развитие малого и среднего бизнеса позволяет организовать дополнительные рабочие места, способствует созданию инновационных предприятий в сфере промышленности и науки, а также формированию благоприятных условий для раскрытия возможностей каждого, кто стремится воплотить свои идеи в жизнь, проявить предприимчивость [1, с. 320].

С МСП и с занятостью в нем связаны самые существенные надежды на сохранение лучшего из того, что есть, и на его роль в развитии страны. Так, утверждается, что малый бизнес не только создает, прямо и косвенно инициирует появление дополнительных рабочих мест, но и расширяет поле деловой активности, вовлекая в трудовую деятельность тех граждан, которые не обладают высокой конкурентоспособностью на рынке труда. Малые предприятия становятся участниками инвестиционного процесса, способствуют качественному улучшению рабочей силы, формируют рабочие места на базе новых технологий [2, с. 149].

В общетеоретическом плане высказываются такие положения, как способность создавать большее (по сравнению с крупным предпринимательством) количество рабочих мест при меньших затратах капитала. Развитие МСП придает рынку труда необходимую гибкость и тем самым воздействует на занятость [3, с. 203–204].

Деятельность малого и, в меньшей степени, среднего бизнеса ориентирована на локальные рынки. Поэтому малое предпри-

нимательство – региональный феномен. С одной стороны, оно использует ресурсы чаще всего местного рынка, с другой – продукцию реализует также на территории его месторасположения; ориентирован на локальный рынок труда; его развитие теснейшим образом связано с имеющимися в регионе социально-экономическими условиями. Являясь составной частью региональной экономики, малое предпринимательство зависит от ее структуры, масштабов, динамики, механизмов функционирования, поэтому не может рассматриваться вне системы региона в целом. Особенности и структура малого бизнеса определяются также сложившейся специализацией региона, его отраслевой направленностью [4, с. 149].

Как следствие, большое внимание в нашей стране уделяется проблематике сферы МСП и занятости в ней в отдельных российских регионах. В приложении к Краснодарскому краю, например, говорится, что основными задачами малого и среднего бизнеса в регионе являются формирование рациональной структуры экономики региона, сохранение и развитие среднего класса, снижение безработицы за счет создания новых рабочих мест, расширение доходной части государственного бюджета на всех уровнях, обеспечение социальной стабильности и снятие социальной напряженности, в конечном итоге обеспечение устойчивого развития экономики региона. Устойчивое развитие малого и среднего предпринимательства в современных условиях является фактором развития рынка труда и обеспечения эффективной занятости населения [5, с. 29].

По итогам проведенного исследования утверждается, что в Республике Крым вдвое большая результативность труда занятых и наемных работников малых предприятий в торговле в сравнении с тремя материальными видами деятельности – сельским хозяйством, промышленностью и строительством – при большей (в 10 раз) в торговле доле в операционных затратах товаров и услуг, приобретенных для перепродажи и реализованных без дополнительной обработки,

не должна позволять принимать решения по дальнейшему опережению развития малого предпринимательства в торговле в сравнении с материальными видами деятельности [6, с. 190].

Малое предпринимательство играет немаловажную роль в решении проблем занятости молодежи, особенно в тех случаях, когда уровень безработицы, в силу региональных особенностей, в частности, Крыма, все еще остается значительным [7, с. 106].

В условиях кризиса в приложении к Кубассу отмечается, что первое направление антикризисных действий – это меры, направленные на поддержку и стимулирование малого предпринимательства в рамках мероприятий по стабилизации ситуации и снятию социальной напряженности на региональном рынке труда. Мероприятия обеспечивали поддержку действующих малых предприятий, стимулирование создания новых малых предприятий для трудоустройства высвобождаемых работников и их самозанятость [8, с. 51].

Во многом благодаря малому предпринимательству решаются задачи регионального социально-экономического развития, стимулируется развитие регионов через расширение вовлечения ресурсов в хозяйственный оборот, осуществляются технологическая и структурная модернизация, внедрение достижений научно-технического прогресса и инноваций, поддерживается конкурентоспособность предприятий, происходит ускоренное развитие национального производства потребительских товаров [9, с. 16].

В приложении к сельскому населению Северо-Кавказского региона отмечается, что более низкий общеобразовательный уровень сельского населения по сравнению с городским затрудняет решение проблем занятости сельских жителей. Необходимо использовать, в частности, развитие самозанятости граждан путем проведения комплекса мероприятий: консультирование и обучение их основам предпринимательства, оказание содействия в организации и развитии малого предпринимательства, включая предоставление налоговых льгот и др. [10, с. 305].

Поскольку на современном этапе сложилась ситуация, когда Архангельская область ограничена в ресурсном обеспечении малого предпринимательства, существенно повышается роль взаимодействия малых предпринимательских структур с крупными предприятиями. Было бы целесообразно развивать данное взаимодействие по направлениям, соответствующим основным особенностям региона [11, с. 16].

Встречаются утверждения, что современная система экономических отношений уже не способствует естественному (либерально-рыночному) развитию малого предпринимательства в регионах, как минимум в Волгоградской области. В этих условиях значительно повышается роль государства в формировании условий, способствующих росту сегмента малого предпринимательства в структуре экономики [12, с. 206].

Увеличение сектора малого и среднего предпринимательства – это стратегическое направление политики, в частности, Правительства Омской области, так как это сектор экономики, который в короткий период времени способен дать значительные налоговые поступления, создать большое количество рабочих мест и быстро реагировать на изменения экономической конъюнктуры [13, с. 221].

Заметим, что до последнего времени основными показателями развития сферы МСП считались численность предприятий этой сферы и количество индивидуальных предпринимателей. Государственные структуры, ответственные за сферу МСП, упор делают на приросте числа субъектов хозяйствования как важнейшей характеристике предпринимательской активности в стране. И число субъектов хозяйствования, особенно среди малых (включая мелкие) предприятий – юридических лиц, реально росло. С 2008 по 2016 год число российских субъектов малого предпринимательства – юридических лиц (включая микро-) более чем удвоилось, увеличившись на 205,8%. Лидером по увеличению их числа стал Уральский федеральный округ (274,8%), особенно входящая в него Свердловская область (275,5%). Далее следует Республика Татарстан (273,9%).

Правда численность средних предприятий при этом сокращалась. За 8 лет их число уменьшилось примерно на 6%. В Центральном федеральном округе их общее число сократилось на 54,9%, в Южном федеральном округе – на 30,2%, в Приволжском федеральном округе – на 10,2%. Средние предприниматели активно дробились на малые для получения повышенных льгот (которыми обладают только малые предприятия). Более того, дробление средних предприятий лежало в русле общемировых тенденций. Так, по данным UNCTAD за 2003–2016 год, средняя величина инвестиций в один проект по созданию новых предприятий с участием иностранного капитала в обрабатывающей промышленности упала в мире с 74 до 40 млн долларов, то есть почти на 50%. Причем наиболее значимые изменения происходят в наименее развитых странах: средняя величина инвестиций в один проект во всех отраслях за тот же период снизилась с 286 до 133 млн долларов, то есть более чем на 50%, а ежегодное количество проектов выросло почти в три раза [14, с. 19].

Но в России сокращалось и количество индивидуальных предпринимателей. По экспертным оценкам, их сокращение с 2008 по 2016 год составило 32,9%, а по прямым сопоставлениям данных Росстата за 2010 и 2016 гг., численность индивидуальных предпринимателей уменьшилась на 14,5%.

Это выглядит вполне закономерно на фоне результатов исследования индекса предпринимательской активности Глобального мониторинга предпринимательства. По показателю «уровень предпринимательского намерения» в России в 2016 году доля людей, намеревающихся стать предпринимателями, составила 2,1% от общего населения в возрасте от 18 до 64 лет, что является наименьшим показателем по всей совокупности стран, участвовавших в проекте. В целом для России характерен нисходящий тренд динамики уровня предпринимательского намерения [15, с. 14].

Но зато в целом за счет сильного прироста субъектов хозяйствования – юридических лиц общая численность субъектов МСП ак-

тивно увеличивалась, что ответственными за МСП государственными структурами, включая Корпорацию МСП, уже традиционно стало представляться как их непосредственное достижение. О сокращении численности занятых было известно. Но для нивелирования негативного впечатления от этого факта в отчетах обычно в качестве базового выбирался наиболее провальный с занятостью в сфере МСП год, на фоне которого общая занятость даже увеличивалась, то есть использовался достаточно простой статистический «трюк»).

Малые предприятия – юридические лица (включая микро-) аккумулируют в себе основную массу занятых в сфере МСП. В 2016 году на этих малых предприятиях было зарегистрировано 11040,1 тыс. занятых. По сравнению с предкризисным 2008 годом в 2016 году средняя численность работников субъектов малого (включая микро-) предпринимательства – юридических лиц в целом по России сократилась на 3,3%, спустившись с 11412,1 до 11040,1 млн человек (табл. 1).

Но при этом за тот же период в Приморском крае средняя численность работников субъектов малого (включая микро-) предпринимательства – юридических лиц возросла на 42,1%, в Уральском округе – на 27,9%, в Свердловской области – на 22,1%, в Республике Татарстан – на 13,3%. Падение же обеспечили традиционный лидер российского МСП – Москва – на 27,9%, а также Южный федеральный округ – на 25,1% и Центральный федеральный округ в целом – на 12,2%. И это при том, что Москва всегда правомерно считалась и считается своего рода российским эталоном в поддержке МСП по всевозможным направлениям и ведущим регионом по количеству МСП и числу занятых в этом секторе.

В то же время очевидно, что в Центральном федеральном округе и тем более в Москве и Московской области достаточно рабочих мест на крупных предприятиях и в организациях. Жители этих территорий предпочитают не связываться со сферой МСП как с неоправданно рискованной. Доходы в ней в целом не очень высоки и явно не смогут компенсировать последствия подпадающих

под уголовную статью действий (например, в случае неуплаты налогов или мошенничества). Заметим, что такая угроза существует именно для некрупных предпринимателей (в отличие от крупных), т. к. они не имеют штата юристов для защиты своей деятельности. По той же причине и собственность малых предпринимателей защищена менее, чем у крупных компаний (с их возможностями использования офшоров за рубежом, а в ближайшее время – в России).

Кроме того, теневая экономика концентрируется в центральных районах страны, в которых для нее наличествуют масштабные возможности. Поэтому сокращение числа занятых можно считать и следствием увеличения числа занятых именно в теневом секторе, происходящего за счет легальной экономики и ведущего к ее дополнительному сужению.

Еще острее ситуация с занятостью выглядит в сфере среднего предпринимательства, в ней в 2016 году в целом по России было зарегистрировано 1744,9 тыс. занятых, с 2008 по 2016 год средняя численность работников сократилась на 23,1% (табл. 2).

В Центральном федеральном округе падение числа занятых на средних предприятиях с 2008 по 2016 год составило 20,2%, причем в Москве – 22,2%. В Северо-Западном федеральном округе занятость уменьшилась на 22,6%, в Санкт-Петербурге – на 16,2%. В Южном федеральном округе снижение составило 28,8%, в Ставропольском крае – на 4,1%, в Приволжском федеральном округе – на 33,6%, причем в Республике Татарстан (в целом благополучной) – на 6,6%. В Уральском федеральном округе снижение занятости на средних предприятиях составило 30,8%, причем в Свердловской области – 20,9%. В Сибирском федеральном округе уменьшение числа занятых в среднем предпринимательстве составило 30,5%, причем в Новосибирской области оно равнялось 22,3%.

Падение числа занятых в российском среднем предпринимательстве обусловлено общим сокращением количества его субъектов. Как было отмечено выше, налицо дробление средних предприятий, их переход в

Таблица 1. Динамика средней численности работников субъектов малого (включая микро-) предпринимательства – юридических лиц по ФО и некоторым субъектам Российской Федерации за 2008, 2010, 2015 и 2016 гг. (на конец года)

Средняя численность работников субъектов малого (включая микро-) предпринимательства – юридических лиц, тыс. чел.	2008 год	2010 год	2015 год	2016 год
Россия	11412,1	11149,0	11330,7	11040,1
%		100		99,0
%	100	97,7	99,3	96,7
Центральный федеральный округ	3921,6	3314,3	3378,0	3444,4
%		100		103,9
%	100	84,5	86,1	87,8
г. Москва	2035,6	1268,9	1351,8	1468,4
%		100		115,7
%	100	62,3	66,4	72,1
Московская область	566,0	496,5	494,5	545,5
%		100		109,9
%	100	87,7	87,4	96,4
Северо-Западный федеральный округ	1367,6	1366,0	1496,2	1350,4
%		100		98,9
%	100	99,9	109,4	98,7
г. Санкт-Петербург	698,2	640,0	814,7	694,5
%		100		108,5
%	100	91,7	116,7	99,5
Южный федеральный округ	1299,7	973,5	1002,0	974,0
%		100		100,0
%	100	74,9	77,1	74,9
Краснодарский край	330,0	364,1	361,2	343,1
%		100		94,2
%	100	110,3	109,5	104,0
Северо-Кавказский федеральный округ	–	266,4	246,9	270,2
%		100		101,4
Ставропольский край	158,5	162,2	141,6	139,0
%		100		85,7
%	100	102,3	89,3	87,5
Приволжский федеральный округ	2405,1	2340,0	2292,6	2281,2
%		100		97,5
%	100	97,3	95,3	94,8
Республика Татарстан (Татарстан)	319,5	325,1	322,7	361,7
%		100		111,3
%	100	101,8	101,0	113,2
Уральский федеральный округ	757,1	956,0	1009,7	968,2
%		100		101,3
%	100	126,3	133,4	127,9
Свердловская область	320,6	352,8	419,6	391,6
%		100		111,0
%	100	110,0	130,9	122,1
Сибирский федеральный округ	1236,7	1428,3	1413,5	1253,9
%		100		87,8
%	100	115,3	114,3	101,4
Новосибирская область	200,0	276,0	318,8	231,7
%		100		84,0
%	100	138,0	159,4	115,8
Дальневосточный федеральный округ	424,3	504,1	491,2	497,8
%		100		98,8
%	100	118,8	115,7	117,3
Приморский край	112,3	174,4	165,6	159,6
%		100		91,5
%	100	155,3	147,5	142,1

Рассчитано по: данные Федеральной службы государственной статистики. URL: www.gks.ru

Таблица 2. Динамика средней численности работников субъектов среднего предпринимательства – юридических лиц по ФО и некоторым субъектам Российской Федерации за 2008, 2010, 2015 и 2016 гг. (на конец года)

Средняя численность работников субъектов среднего предпринимательства – юридических лиц	2008 год	2010 год	2015 год	2016 год
Россия	2269,7	2582,9	2178,1	1744,9
%		100		67,6
%	100	113,8	96,0	76,9
Центральный федеральный округ	621,7	752,8	658,3	496,2
%		100		65,9
%	100	121,1	105,9	79,8
г. Москва	169,0	220,7	223,4	131,4
%		100		59,5
%	100	130,6	132,2	77,8
Московская область	97,5	127,4	129,7	97,1
%		100		76,2
%	100	130,7	133,0	99,6
Северо-Западный федеральный округ	252,5	274,9	244,6	195,5
%		100		71,1
%	100	108,9	96,9	77,4
г. Санкт-Петербург	103,2	116,4	125,9	85,4
%		100		73,4
%	100	112,8	122,0	82,8
Южный федеральный округ	237,2	232,0	197,6	168,8
%		100		72,8
%	100	97,8	83,3	71,2
Краснодарский край	51,3	95,3	76,7	66,8
%		100		70,1
%	100	185,8	149,5	130,2
Северо-Кавказский федеральный округ	–	76,3	64,8	57,8
%		100		75,6
Ставропольский край	39,1	48,5	41,8	37,5
%		100		77,3
%	100	124,0	106,9	95,9
Приволжский федеральный округ	568,9	578,2	456,7	377,8
%		100		65,3
%	100	101,6	80,3	66,4
Республика Татарстан (Татарстан)	60,7	84,2	63,8	56,6
%		100		67,2
%	100	138,7	105,1	93,2
Уральский федеральный округ	182,6	210,8	197,6	145,8
%		100		69,2
%	100	115,4	108,2	79,8
Свердловская область	59,2	61,9	73,1	46,8
%		100		75,6
%	100	104,6	123,5	79,1
Тюменская область	61,0	83,9	71,0	56,9
%		100		67,8
%	100	137,5	116,4	93,3
Сибирский федеральный округ	322,8	357,9	267,7	224,3
%		100		62,7
%	100	110,9	82,9	69,5
Новосибирская область	57,0	68,8	59,0	44,3
%		100		64,4
%	100	120,7	103,5	77,7
Дальневосточный федеральный округ	83,9	100,1	90,7	78,8
%		100		78,7
%	100	119,3	108,1	93,9
Приморский край	21,6	32,6	27,4	23,9
%		100		73,3
%	100	150,9	126,8	110,6

Рассчитано по: данные Федеральной службы государственной статистики. URL: www.gks.ru

статус малых ради получения дополнительных льгот или просто ликвидация предприятий в связи с неблагоприятной, кризисной экономической ситуацией в стране. В любом случае то, что происходит со средним бизнесом у нас, можно охарактеризовать остро негативно. И все это происходит на фоне многочисленных деклараций Правительства РФ об особой заботе о среднем несырьевом бизнесе. Декларации явно расходятся с реалиями.

Из федеральных округов наименьшее падение числа занятых отмечено в Дальневосточном округе (всего 6,1%). Более того, входящий в этот округ Приморский край показал даже заметный прирост числа занятых в среднем бизнесе (целых 10,6%). Более сильный прирост – только в Краснодарском крае (прирост занятых составил 30,2%). Эти приросты можно объяснить повышенным вниманием российского правительства к Дальнему Востоку и особой поддержкой среднего предпринимательства в Краснодарском крае. Но общей негативной ситуации с занятостью в российском среднем предпринимательстве эти региональные позитивные факты изменить не могли.

Хуже, чем в среднем предпринимательстве, дела с занятостью обстоят только во втором по числу занятых секторе сферы МСП – в индивидуальном предпринимательстве. В нем в 2016 году было зарегистрировано в целом по России 5682,4 занятых. При этом с 2008 по 2016 год число занятых у индивидуальных предпринимателей, по основанным на статистических расчетах экспертным оценкам, сократилось на 51%. Факт очень значимый (табл. 3). Необходимость экспертной оценки в проведенном исследовании была обусловлена тем, что в данных Росстата показатели занятости в секторе индивидуального предпринимательства 2008 года напрямую несопоставимы с показателями 2016 года, точнее, они прямо несопоставимы с данными за 2010 год и позже.

В Центральном федеральном округе падение числа занятых у индивидуальных предпринимателей с 2008 по 2016 год составило 43,6%, в Москве – 45,2%. В Московской обла-

сти – 60,8%. В Северо-Западном федеральном округе занятость упала на 35,1%, а в Санкт-Петербурге – на 4,1%. В Южном федеральном округе снижение занятости составило 26,7%, в Краснодарском крае – 19,8%. В Ставропольском крае занятость упала на 59,7%. В Приволжском федеральном округе – на 46,4%, причем в Республике Татарстан – на 59,2%. В Уральском федеральном округе падение занятости у индивидуальных предпринимателей составило 45,5%, причем в Свердловской области – 58,9%. В Сибирском федеральном округе падение числа занятых составило 45,0%. Причем в Новосибирской области падение составило 46,4%. В Дальневосточном федеральном округе падение числа занятых у индивидуальных предпринимателей составило 32,1%, но во входящем в этот округ Приморском крае наблюдалась исключительная для России тенденция – реальный рост занятых на 4,6%.

Еще раз отметим, что данные расчеты выполнены по экспертным оценкам. По прямым статистическим сопоставлениям, возможным начиная с кризисного 2010 года, к 2016 году в занятости в секторе индивидуального предпринимательства наличествовал рост. В целом по России он составил 5,5%. В Центральном федеральном округе рост числа занятых за этот период составил 3,0%, причем в Москве – почти 94%. В Московской области – более 45%. В Северо-Западном федеральном округе рост занятости у индивидуальных предпринимателей составил 7,7%, а в Санкт-Петербурге – почти 67%. В Южном федеральном округе увеличение занятости составило 30,0%, причем в Краснодарском крае – 39,1%. В Уральском федеральном округе рост занятости составил 14,6%, причем в Свердловской области – 31,2%. В Сибирском федеральном округе рост числа занятых составил 5,0%. Причем в Новосибирской области увеличение составило 16,8%. Все это во многом является следствием падения занятости в первые годы после кризиса 2008 года.

И на этом умеренно (за исключением Москвы и Санкт-Петербурга) благоприятном фоне с 2010 по 2016 год было заметно падение

Таблица 3. Динамика числа занятых в сфере индивидуального предпринимательства по ФО и некоторым субъектам Российской Федерации за 2008, 2010, 2015 и 2016 гг.

Число занятых в сфере индивидуального предпринимательства, тыс. чел.	2008 год*	2008 год**	2010 год	2015 год	2016 год
Россия	8048,5	11589,8	5385,9	4984,0	5682,4
%			100	92,5	105,5
		100	46,5	43,0	49,0
Центральный федеральный округ	1809,6	2171,5	1188,8	1099,9	1224,2
%			100	92,5	103,0
		100	54,7	50,7	56,4
г. Москва	323,4	388,1	107,7	122,9	208,8
%			100	114,1	193,8
		100	27,8	31,7	53,8
Московская область	304,5	438,5	118,4	161,0	171,8
%			100	136,0	145,1
		100	27,0	36,7	39,2
Северо-Западный федеральный округ	617,9	741,5	446,9	402,7	481,5
%			100	90,1	107,7
		100	60,3	54,3	64,9
г. Санкт-Петербург	113,7	136,4	78,5	87,4	130,9
%			100	111,3	166,8
		100	57,5	64,1	95,9
Южный федеральный округ	1413,2	1177,7	664,6	775,4	863,7
%			100	116,7	130,0
		100	56,4	65,8	73,3
Краснодарский край	347,6	417,1	240,4	294,9	334,4
%			100	122,7	139,1
		100	57,6	70,7	80,2
Северо-Кавказский федеральный округ	–		305,0	280,4	313,1
%			100	91,9	102,7
Ставропольский край	277,0	332,4	146,6	129,9	133,9
%			100	88,6	91,3
		100	44,1	39,1	40,3
Приволжский федеральный округ	1746,7	2096,0	1208,4	1042,8	1123,5
%			100	86,3	93,0
		100	57,7	49,8	53,6
Республика Татарстан (Татарстан)	234,4	281,3	146,4	119,6	114,9
%			100	91,7	78,5
		100	52,0	42,5	40,8
Уральский федеральный округ	845,3	1014,4	481,9	420,6	552,4
%			100	87,3	114,6
		100	47,5	41,5	54,5
Свердловская область	489,7	587,6	184,0	164,7	241,4
%			100	89,5	131,2
		100	31,3	28,0	41,1
Сибирский федеральный округ	1239,5	1487,4	778,4	678,5	817,7
%			100	87,2	105,0
		100	52,3	45,6	55,0
Новосибирская область	127,9	153,5	70,4	80,6	82,2
%			100	114,5	116,8
		100	45,9	52,5	53,6
Дальневосточный федеральный округ	376,2	451,44	311,5	283,1	306,4
%			100	90,9	98,4
		100	69,0	62,7	67,9
Приморский край	73,0	87,6	94,3	92,6	91,6
%			100	98,2	97,1
		100	107,6	105,7	104,6

* Численность на фактически действующих индивидуальных предпринимателей, тыс. человек. То есть по отношению к номинальному числу занятых, представленному Росстатом в 2010 и 2016 гг., данные занижены примерно на 1,15–1,25.
** Экспертно оцененная по сглаженным коэффициентам средняя численность занятых в номинальном выражении.
Расчитано по: данные Федеральной службы государственной статистики. URL: www.gks.ru

занятости у индивидуальных предпринимателей в Приволжском федеральном округе на 7,0%, причем в Республике Татарстан – на 21,5%. В Дальневосточном федеральном округе падение числа занятых у индивидуальных предпринимателей составило 1,6%, а в Приморском крае – 2,9%. В таких случаях обычно говорят, что общий рост выглядел противоречиво и неустойчиво.

Упор на приросте занятых в сфере МСП в Указе Президента РФ наверняка сопряжен с такими функциями малого и среднего предпринимательства, как противодействие безработице и создание новых рабочих мест. В экономической науке последних десятилетий принято разделять народнохозяйственные функцию противодействия безработице и функцию создания новых рабочих мест. Создание новых эффективных рабочих мест отличается от мер по сохранению старых и привлечению населения к простым общественным работам, для того чтобы избежать острых социальных конфликтов. В государственной политике поддержки МСП под созданием новых рабочих мест подразумевается создание именно высокоэффективных рабочих мест.

Широко известный постулат об определяющей роли МСП в формировании новых рабочих мест был представлен американским исследователем Д.Л. Берчем в его работах «Процесс создания рабочих мест» (The Job Generation Process) [16] и «Создание рабочих мест в Америке» (Job creation in America) [17]. На основе собственных социологических исследований он весьма убедительно показал, что именно малые предприятия обеспечивают основную часть новых рабочих мест. Более того, рабочие места на малых предприятиях по своим качествам мало отличаются от рабочих мест крупных предприятий. Успех малых фирм обусловлен их гибкостью, способностью через преодоление рисков приспособляться к сложным условиям. Представленные им работы получили общественное признание, в 1996 году Берч стал лауреатом престижной шведской премии за исследования предпринимательства. Существенно и то, что Берч затрагивает региональный аспект,

в рамках которого наглядно демонстрирует, что в тех регионах США, где малые предприятия привлекали высокообразованных специалистов, наблюдалось опережающее экономическое развитие. Постулаты Берча легли в основу отношения к МСП как к своего рода панацее, способной обеспечивать высокую конкурентоспособность национального хозяйства и его регионов.

Но общественное признание сыграло с Берчем злую шутку. Аналогичные исследования были проведены другими известными учеными. И результаты этих исследований опровергали постулаты Берча. Так, в книге «Создание рабочих мест и изменения на рынке труда» (1987) [18] Дэвид Стори и Стивен Джонсон (также лауреаты шведской премии исследования предпринимательства) выступили со всесторонней критикой исследования Берча и пришли к выводу, что он переоценил вклад малых фирм в создание новых рабочих мест. Попытки повторить исследования Берча были произведены во многих странах, и результаты показали, что, во-первых, масштаб фактически созданных малыми фирмами рабочих мест не так значителен, как показывал Берч, во-вторых, доля новых и растущих малых фирм, создающих сколько-нибудь значительное число новых рабочих мест, относительно невелика. Главный вывод Стори и Джонсона состоит в том, что вовсе не количество, а качество малых фирм определяет функционирование экономики, и лишь относительно небольшое число фирм становится основным драйвером роста в экономике [19, с. 81].

До сих пор не найдено стабильной связи между экономическим ростом и ростом числа предпринимателей как в регионах, так и в целом по стране. Связь в зависимости от условий может быть как положительной, так и отрицательной, причем последняя встречается даже чаще. И все это на фоне традиционных заздравных славословий в адрес предпринимательства и многочисленных ссылок на Й. Шумпетера. Поддержка стартапов, любимая политиками, чаще всего не приносит заметного увеличения числа рабочих мест, к тому же большинство стартапов заканчивается

вместе с окончанием бюджетного финансирования. Также для государственной политики поддержки предпринимательства характерна путаница в экономическом и социальном целеполагании. Так, поддержка самозанятых – это преимущественно социальная политика по противодействию безработице, а самозанятые в хозяйственных отношениях ведут себя совсем иначе, нежели предприниматели.

Чрезвычайно важно и то, что давно провозглашенный в нашей стране главенствующим упор на финансовую поддержку МСП, особенно малого бизнеса, приносит основные выгоды задействованным финансовым структурам и коррумпированному чиновничеству. А сам малый бизнес в своем финансовом обеспечении (об этом говорится во всех учебниках по МСП) всецело опирался и опирается на «Три Д – дом, друзья и дураки». Во всем этом необходимо разбираться и учитывать при подготовке национального проекта развития российского МСП до 2024 года.

Список невразумительных моментов в целях и методах государственной политики поддержки не крупного предпринимательства, характерных не только для России, можно продолжать и далее (см. например [20]).

В России основной функцией МСП уже более двадцати пяти лет является социальное выживание широких слоев населения. В этом смысле роль МСП в экономике нашей страны «ущербна». Значительное отставание количественных параметров российского МСП от МСП большинства высокоразвитых и развивающихся стран является следствием этой «ущербности» и, самое главное, следствием топливно-сырьевой структуры российской экономики.

Нельзя не согласиться с тем, что перспективы развития малого предпринимательства должны быть определены исходя из его значения для создания в стране эффективной рыночной экономики и выполнения ряда важных социальных функций, в число которых входят формирование среднего класса населения, смягчение социальной напряженности, а также демократизация рыночных отношений [21, с. 50].

Обеспечению кардинального повышения значимости МСП в экономике страны мешает неправильное понимание органами власти значимости и функций МСП в России с учетом специфики структуры ее экономики. Важнейшие отрасли экономики – добыча сырья и топлива и услуги, связанные с перераспределением доходов от топливно-сырьевой ренты, – не нуждаются в широкомасштабном МСП. Поэтому с упорством определяемая последние 25 лет официальная цель государственной политики в отношении МСП – создание ему благоприятных условий, для того чтобы он занял в российской экономике положение, которое занимает МСП в высокоразвитых странах (по доле в ВВП, по количеству занятых и т. д.), – заведомо ложная. Необходимо разобраться с реальными потребностями российской экономики в сфере МСП по каждому из видов деятельности. До сих пор этого не сделано.

Конечно, в нынешних условиях следует использовать то, что введенные против российских компаний западные санкции не касаются малого и среднего бизнеса. МСП потенциально может стать компенсирующим инструментом в экономических отношениях с западными партнерами.

Очевидно и то, что в нашей стране чрезвычайно важно всячески стимулировать антимонопольную функцию МСП, усиливать ее роль в утверждении принципов конкуренции. Именно в этой функции особо нуждается российская экономика с ее сверхвысоким монополизмом, обычно опирающимся на административный ресурс государственной власти.

Необходимо усиливать государственную политику по выводу экономики «из тени». Много для этого сейчас делается налоговыми органами. Тут важно «не перегнуть палку» – не добиться того, что вывод «из тени» окажется тождественен свертыванию, по сути, легальной деятельности.

Главное – политику поддержки и развития МСП необходимо сопрягать, взаимоувязывать с общей государственной экономической и социальной политикой в ее стратегии и тактике. До сих пор и этого не сделано. Как

следствие, существенно увеличившиеся с 2008 года объемы финансовой и организационной поддержки МСП не принесли ожидаемых результатов. Экономика страны «отторгает» МСП. Национальные проекты должны как минимум выстраиваться вокруг стратегического проекта социально-экономического развития страны. Остается надеяться, что содержание национального проекта МСП до

2024 года будет окончательно сформировано уже после появления общероссийского проекта, а финансовые средства и организационные усилия, направленные на реализацию новых национальных проектов, включая проект МСП, принесут значительно большие позитивные результаты, чем при аналогичных федеральных и региональных действиях российского государства предыдущих лет.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кутузова К.Ю. Роль малого предпринимательства в решении проблем занятости населения // Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования. 2014. № 1 (4). С. 320–322.
2. Бессарабова Н.В. Роль малого бизнеса в решении проблем занятости населения // Российское предпринимательство. 2010. № 1 (104). С. 148–152.
3. Петрище В.И. Обеспечение эффективной занятости населения путем развития малого предпринимательства // Среднерус. вестн. общ. наук. 2015. Т. 10. № 3. С. 201–209.
4. Брциева И.Г. Малое предпринимательство как экономическая категория // Общество и экономика. 2000. № 9. С. 148–159.
5. Агабекян Р.Л. Развитие бизнеса как условие обеспечения эффективной занятости в Краснодарском крае // Теория и практика общественного развития. 2015. № 2. С. 25–29.
6. Подсолонко В.А., Подсолонко М.В., Тарасюк В.Д. Стратегия инновационного повышения занятости населения в рекреационном регионе на основе развития малого предпринимательства // Уч. зап. Тавр. нац. ун-та им. В.И. Вернадского. Сер. «Экономика и управление». 2012. Т. 4. № 25 (64). С. 182–191.
7. Полищук Е.А. О роли малого предпринимательства в занятости населения республики // Малый и средний бизнес – основа развития экономики Крыма: мат-лы науч.-практ. конф. 2014. С. 104–106.
8. Косинский П.Д. К вопросу развития малого и среднего предпринимательства промышленного региона // Региональная экономика и управление. 2014. № 2. С. 47–55.
9. Телятников В.С., Покидова В.В. Характеристика и условия развития предприятий малого бизнеса в Волгоградской области // Фундаментальные исследования. 2016. № 3 (1). С. 202–206.
10. Ковалев М., Шашко А. Малое предпринимательство в Беларуси: рейтинг развития малых предприятий в регионах // Вестн. Ассоциации белорусских банков. 2004. № 28. С. 16–34.
11. Ткаченко М.Ф., Быкадоров М.А. Проблемы и перспективы создания новых рабочих мест в регионах Северного Кавказа // Региональные проблемы преобразования экономики. 2013. № 4 (38). С. 303–309.
12. Альхимович И.Н. К вопросу о проблемах развития региона и взаимодействии предпринимательских структур (на примере Архангельской области) // Вестн. Удмурт. ун-та. Сер. «Экономика и право». 2015. Т. 25. № 2 (4). С. 12–21.
13. Евдохина О.С., Фалалеева Е.В., Голодных А.С. Основные направления поддержки малого и среднего предпринимательства в Омской области // Вестн. Омск. гос. агр. ун-та. 2016. № 4 (24). С. 215–223.
14. Идрисов Г., Мау В., Божечкова А. В поисках новой модели роста // Вопросы экономики. 2017. № 12. С. 5–23.
15. Доклад о достигнутых результатах по улучшению условий ведения предпринимательской деятельности, развитию малого и среднего бизнеса и поддержке индивидуальной предпринимательской инициативы. М.: МЭР РФ, 2017. 89 с.
16. Birch D.L. *The Job Generation Process*. Cambridge, MA: MIT Program on Neighborhood and Regional Change, 1979.
17. Birch, D.L. *Job Creation in America*. New York: Free Press, 1987.
18. Storey D.J., Johnson S. *Job Generation and Labour Market Change*. Basingstoke, Hants: Macmillan, 1987. 276 p.

19. Современные классики теории предпринимательства. Лауреаты Международной премии за вклад в исследования предпринимательства и малого бизнеса (1996–2010). М.: ГУ ВШЭ, 2013. 526 с.
20. Shane S. *Academic entrepreneurship: University spinoffs and wealth creation*. Cheltenham, UK and Northampton, MA: Elgar, 2004.
21. Курочкина А.А., Хныкина Т.С. Повышение конкурентоспособности малого бизнеса как фактор обеспечения устойчивости регионального развития // Экономика и управление. 2013. № 1 (87). С. 46–50.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Виленский Александр Викторович – доктор экономических наук, профессор, заведующий сектором регионального развития и местного самоуправления, главный научный сотрудник. Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт экономики Российской академии наук. Россия, 117218, г. Москва, Нахимовский пр-т, д. 32. E-mail: avilenski@mail.ru. Тел.: +7(499) 724-15-41.

Vilenskii A.V.

EMPLOYMENT PERFORMANCE IN SMALL AND MEDIUM BUSINESS IN RUSSIAN REGIONS AS AN INITIAL STAGE FOR THE NATIONAL PRIORITY PROJECT “SMALL AND MEDIUM BUSINESS AND SUPPORT FOR INDIVIDUAL BUSINESS INITIATIVE”

The situation regarding the number of employees in small and medium business in regions and in general raises doubts about the implementation of the currently prepared national project for the development of small and medium business in Russia up to 2024 in terms of its main indicator – the increase in the number of employees. This sphere has not yet reached the level of 2008 in the number of employees by the beginning of 2017. Moscow (a traditional leader of small and medium business), the Southern and Central federal districts as a whole demonstrated a drop in the number of employees at small legal entities from 2008 to 2016. Among medium-sized enterprises, the Ural Federal district demonstrated the greatest drop in employment. It is followed by the Northwestern Federal District and Moscow. In 2010–2016, there was a noticeable drop in employment among sole proprietors in the Republic of Tatarstan, the Volga Federal district, and Primorsky Krai. The measures implemented by the federal and regional support structures in this area clearly do not achieve the declared noble cause. It is necessary to radically change the Russian state policy related to small and medium businesses taking into account the accumulated positive and negative experience. The current policy is largely based on myths, including the myth that small business creates more jobs than large business entities. There is still no stable link between economic growth and the increase in the number of entrepreneurs in the regions and in the country as a whole. Support for startups often does not bring a significant increase in the number of jobs. State policy to support entrepreneurship is characterized by confused economic and social objectives. Thus, support for the self-employed is mainly a social policy to fight unemployment, and self-employed people behave in a rather different way in economic relations than entrepreneurs. It is necessary to overcome the autonomy of the policy to support small and medium businesses in relation to the overall strategy for the socio-economic development of our country.

Employment, regions, small and medium enterprises, socio-economic policy, fuel and raw material rent, sanctions, financial support, national project.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vilenskii Aleksandr Viktorovich – Doctor of Economics, Professor, Head of Sector for Regional Development and Local Governance, Chief Research Associate. Federal State Budgetary Institution of Science Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences. 32, Nakhimovskii Avenue, Moscow, 117218, Russian Federation. E-mail: avilenski@mail.ru. Phone: +7(499) 724-15-41.

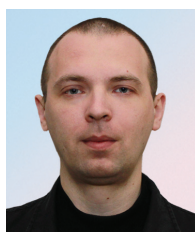
Качество жизни и человеческий потенциал территорий

DOI: 10.15838/ptd.2018.6.98.6

УДК 316.621 | ББК 60.524

© Морев М.В., Шматова Ю.Е.

К АКТУАЛЬНОСТИ ВОПРОСА О РОЛИ ДОВЕРИЯ В ФОРМИРОВАНИИ СОЦИАЛЬНОГО ЗДОРОВЬЯ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА¹

МОРЕВ МИХАИЛ ВЛАДИМИРОВИЧ

Вологодский научный центр Российской академии наук
Россия, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а
E-mail: 379post@mail.ru

ШМАТОВА ЮЛИЯ ЕВГЕНЬЕВНА

Вологодский научный центр Российской академии наук
Россия, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а
E-mail: ueshmatova@mail.ru

Возрастающая роль человеческого капитала как фактора современной экономики выводит на новый уровень постановку вопроса о сохранении и укреплении здоровья населения. При этом среди различных видов здоровья отдельного внимания заслуживает здоровье социальное, что связано со специфическими характеристиками современного исторического этапа мировой цивилизации, в частности, с усилением роли неэкономических, субъективных факторов общественного развития. В зависимости от теоретического подхода к пониманию сущности социального здоровья его уровень могут отражать различные индикаторы. В том числе (с точки зрения социологического подхода) ими могут выступать параметры, характеризующие степень социальной активности

Цитата: Морев М.В., Шматова Ю.Е. К актуальности вопроса о роли доверия в формировании социального здоровья российского общества // Проблемы развития территории. 2018. № 6 (98). С. 88–106. DOI: 10.15838/ptd.2018.6.98.6

Citation: Morev M.V., Shmatova Yu.E. On the relevance of the issue of the role of trust in forming social health of Russian society. *Problems of Territory's Development*, 2018, no. 6 (98), pp. 88–106. DOI: 10.15838/ptd.2018.6.98.6

¹ Статья подготовлена при частичной поддержке гранта РФФИ № 18-013-01077 «Разработка методологического подхода к оценке социального здоровья трансформирующегося общества».

населения, а также тесно связанный с ней уровень межличностного и институционального доверия. В работе представлены результаты многолетнего исследования динамики соответствующих показателей. Цель исследования заключалась в определении степени актуальности доверия в формировании социального здоровья для Российской Федерации в сравнении с ведущими странами Европы и мира. При этом следует отметить, что рубежность современного исторического периода накладывает особую ответственность на ключевых участников геополитической конкуренции, поскольку именно они должны инициировать ответ человечества на глобальные вызовы будущего. Эмпирическую базу исследования составили данные международных (*The European Social Survey, Edelman Trust Barometr*) и региональных (мониторинг общественного мнения Федерального государственного бюджетного учреждения науки «Вологодский научный центр Российской академии наук») опросов населения. Полученные результаты позволяют говорить о низком уровне доверия в российском обществе, что обусловлено комплексом причин и оказывает негативное влияние на состояние социального здоровья, выступает барьером в реализации приоритетных задач национального развития, озвученных Президентом в Послании Федеральному Собранию в 2018 году.

Социальное здоровье, социальная активность, межличностное и институциональное доверие, приоритеты национального развития.

На разных этапах постсоветского периода российской истории задача сохранения и укрепления общественного здоровья была актуальной по разным причинам. Если 15 лет назад речь шла о глубоком демографическом кризисе и вопросе выживания нации, то сегодня общественное здоровье рассматривается как необходимый фундамент реализации человеческого капитала и трудового потенциала, которые лежат в основе современной экономики и решительного прорыва, анонсированного Президентом в Послании Федеральному Собранию от 1 марта 2018 года, «человеческий фактор выделяется в качестве основы ускорения социального и экономического развития государств, регионов» [1, с. 8].

Не случайно, озвучивая ключевые целевые установки развития на период до 2024 года, глава государства подчеркнул, что «в основе всего лежит сбережение народа России и благополучие наших граждан. Именно здесь нам нужно совершить решительный прорыв»².

Однако общественное здоровье – понятие комплексное и различные его компоненты требуют индивидуального подхода к изучению, профилактике, разработке методов диа-

гностики и т. д. В Уставе Всемирной организации здравоохранения, например, здоровье трактуется как «состояние полного физического, душевного и социального благополучия, а не только отсутствие болезней и физических дефектов». При этом под физическим здоровьем понимается текущее состояние функциональных возможностей организма. Психическое здоровье рассматривается как состояние психической сферы человека, которое характеризуется душевным комфортом и обусловлено потребностями биологического и социального характера, обеспечивает адекватное регулирование поведения. Социальное здоровье понимается как система ценностей, установок и мотивов поведения в социальной среде³.

По мнению некоторых экспертов, таких как компонентов гораздо больше и можно выделить биологический, демографический, экологический, репродуктивный, эмоциональный и другие элементы общественного здоровья [2, с. 11]. Однако, так или иначе, социальное здоровье является отдельным предметом исследования, и в последние годы на него все чаще обращают внимание ученые. Связано это, на наш взгляд, как минимум с

² Послание Президента Федеральному Собранию РФ от 1 марта 2018 г. / Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/56957>

³ Устав (Конституция) Всемирной организации здравоохранения: принят 22 июля 1946 г. URL: <http://base.garant.ru/2540328>

двумя обстоятельствами. Во-первых, с «рубежным характером»⁴ XXI века: по мнению многих ученых, наблюдается кризис капитализма и либеральной демократии [3], сопровождающийся актуализацией глобальных вызовов будущего. «Экспансия терроризма и вооруженные конфликты на Ближнем Востоке; новый этап холодной войны Запада с Россией; «великое» переселение народов и провал политики мультикультурализма; кризис либеральной демократии и концепций международного права; ослабление национальных государств в результате политики расширения наднациональных корпораций, налоговой конкуренции и утечки капиталов; кризис политической и экономической интеграции в рамках ЕС, усиливающий экономическое неравенство общеевропейского рынка и отодвигающий на периферию страны Юго-Восточной и Центральной Европы; экологический кризис как фундаментальная проблема современной цивилизации» [4, с. 136] – все эти явления ярко характеризуют XXI век. Поэтому неслучайно современную мировую цивилизацию со второй половины 80-х гг. прошлого столетия называют «обществом опасностей и катастроф» [5], обществом, «в котором безопасность поднята до уровня центральной ценности» [6]; «обществом риска, постоянно балансирующим на грани безопасности и ненадежности» [7]. Современные ученые подтверждают эту точку зрения. «Важнейшим фактором экономического развития периода 2008–2016 гг. обозначена возросшая неопределенность, которая непосредственно связана с риском, генерирует разного рода вызовы, тем самым усложняя жизненные ситуации, вызывая у населения волнение и беспокойство, усиливает тревогу и различные страхи» [8, с. 66–67]. В этих условиях проблематика человеческих взаимоотношений и мировосприятия становится актуальной не столько на глобальном, сколько на индивидуальном уровне. Вторая фун-

даментальная причина актуализации роли социального здоровья носит эволюционный, исторический характер и заключается в усилении субъективного фактора общественного развития, под которым понимается не столько значимость реально происходящих процессов и явлений, сколько актуальность их восприятия, а также соответствующее поведение индивида как активного субъекта, трансформирующего социальную реальность. Социальная реальность, как определял ее основоположник феноменологической социологии австрийский философ Альфред Шюц, – это «общая сумма объектов и явлений социального мира, каким он представляется обыденному сознанию людей, живущих среди других людей и связанных с ними многообразными отношениями взаимодействия» [9]. Роберт Кинг Мертон говорил о том, что «люди реагируют не только на объективные особенности ситуации, но также – и иногда преимущественно – на значение, которое эта ситуация имеет для них. И когда они придают некое значение ситуации, их последующее поведение и некоторые последствия этого поведения определяются этим приписанным значением» [10].

Идеи гуманизма и самооценности человеческой личности, доминирующие в эпоху Возрождения, расцвет буржуазных отношений в XVII–XVIII вв., концепция гражданского общества в конце XVIII века, появление психологии как самостоятельной научной дисциплины во второй половине XIX века – это перечень исторически складывающихся инструментов, обеспечивших вектор актуализации роли субъективного фактора развития. XXI век пополнился небывалым развитием информационных технологий, обусловившим глобальность процесса коммуникации, многовариативность выбора мнений для каждого человека, а также существование такого явления, как «гибридная война», по сути, ставшего альтернативой «горячим» боевым действиям. «С появлением ядерного оружия стало понятно, что в глобальном конфликте не может быть победителя. Итог мог быть только один – гарантированное взаимное уничтожение. Получилось так, что человек в попытках соз-

⁴ Послание Президента Федеральному Собранию РФ от 1 марта 2018 г. / Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/56957>

дать все более разрушительное оружие сделал большую войну бессмысленной»⁵. Поэтому «сейчас возникли новые методы управления обществом – информационное управление, при котором поведение людей программируется сообщаемой им или скрывающейся от них информацией...» [11, с. 153].

Для России субъективный фактор особенно значим в силу вовлечения нашей страны в активные международные политические отношения. Немаловажную роль, на наш взгляд, играют также и особенности менталитета. Так, у русского человека на протяжении многих веков наибольшим авторитетом пользовались учителя, врачи, инженеры, ученые (а не предприниматели) как люди мыслящие и задающиеся вопросами бытия и справедливости. Даже «прообразом среднего класса в России, в отличие от западного мира, является не буржуазия, а интеллигенция»⁶.

Исключительную роль субъективного фактора отмечают не только российские и зарубежные социологи (М.К. Горшков [12], Ж.Т. Тощенко [13], П. Штомпка [14]). Не менее важна его роль и в экономике, ядром которой на рубеже XX–XXI вв. стала «экономика знаний», что нашло отражение в различных документах международного характера⁷. В целом «усложнение структуры общественного воспроизводства требует разработки новых моделей экономического роста, учитывающих влияние на него таких неэкономических ресурсов, как информация, физико-географические условия, институциональные структуры, массовидные духовно-психологические образования, качественный и производительный труд, качество жизни, уровень культуры, образования, профессиональных знаний и навыков, состояния здоровья, как-

компонентов человеческого капитала, на деле доказавших свою способность быть «мотиваторами» долгосрочного и стабильного экономического развития» [12, с. 46].

Два вышеуказанных обстоятельства (рубежный характер современного периода и возрастание роли неэкономических факторов развития) актуализируют роль социального и тесно с ним связанного психического здоровья. В некоторых случаях ученые отмечают, что «психическое и социальное здоровье очень близки и взаимозависимы, поэтому при изучении компонентов здоровья могут быть рассмотрены в едином ключе» [2, с. 7].

Социальное здоровье можно рассматривать с точки зрения различных подходов [15, с. 187–189].

Внутри медицинского подхода можно выделить два направления исследования социального здоровья. В первом основной акцент делается на внутренние характеристики человека: «социальное здоровье – это способность и возможность осуществлять биологические и социальные функции, реализовать свой потенциал, а также наличие условий и внутренней потребности к поддержанию своего здоровья» (А.В. Журавлев, М.М. Москвичев, Л.Г. Розенфельд, Я.В. Соколова, В.Н. Сорокун, И.Н. Тарасов, В.В. Тесленко); во втором – на внешних условиях: «социальное здоровье – это оптимальные, адекватные условия социальной среды, препятствующие возникновению социально обусловленных заболеваний, социальной дезадаптации и определяющие состояние социального иммунитета, гармоничное развитие личности в социальной структуре общества» (М.Л. Емельянова, Я.Я. Корнева, А.В. Литвинова, И.Х. Пикалов, Н.В. Сократов, В.Н. Феофанов) [16].

⁵ Выступление Президента РФ В.В. Путина на пленарной сессии XII заседания Международного дискуссионного клуба «Валдай» 22 октября 2015 г. / Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/50548>

⁶ Скоробогатый П.В. Тревожный и лояльный / Эксперт. 2015. 24 окт. URL: <http://expert.ru/expert/2015/45/trevozhnyj-i-loyalnyj>

⁷ World Development Report (1998/99): Knowledge for Development. The World Bank, 1999. URL: <https://clck.ru/EbfNL>; The New Knowledge Economy in Europe: A Strategy for Internationale Competitiveness and Social Cohesion. Ed. by M.J. Rodrigues, E. Elgar. Pbl., 2002. URL: <https://clck.ru/EbfPb>; Knowledge Economy II Forum «Implementing Knowledge Economy Strategies: Innovation, Life-Long Learning, Partnerships, Networks, and Inclusion». Helsinki, March 25–28, 2003. URL: <https://clck.ru/EbfQq>; Формирование общества, основанного на знаниях. Новые задачи высшей школы: доклад Все-мирного банка. М., 2003; ЮНЕСКО. URL: <https://clck.ru/EbfTM>

В соответствии с психологическим подходом социальное здоровье рассматривается в неразрывной взаимосвязи с духовным и психическим здоровьем. Одним из наиболее значимых моментов является взаимоотношение человека и культуры, а также влияние этого взаимоотношения на психику человека, его психологические и социальные характеристики (А. Адлер, З. Фрейд, Э. Фромм, К. Хорни, К.Г. Юнг). Кроме того, социальное здоровье в рамках представленного подхода раскрывается через смысловые ориентации человека (В. Франкл) и его потребности (А. Маслоу).

В рамках педагогического подхода социальное здоровье понимается как результат социализации личности (Г.М. Андреева, Аристотель, Дж. Кампанелла, М.Ф. Квинтилиан, Я.А. Коменский, Дж. Локк, И.И. Осипова, П.И. Пидкасистый, Платон, Е.Н. Пристupa, Ж.-Ж.Руссо, А.Н. Тесленко, К.Д. Ушинский и др.). Социализация при этом рассматривается как включение личности в систему общественных отношений и самостоятельное воспроизводство индивидом этих отношений.

С точки зрения представителей социологического подхода (М. Вебер, Э. Дюркгейм, Г. Зиммель, О. Конт, Р. Мертон, Т. Парсонс, Ф. Теннис, А. Токвиль и др.), в качестве основополагающей характеристики социального здоровья признается такое поведение членов общества, которое не нарушает общественного порядка и способствует их активному приспособлению к изменяющимся социальным условиям.

С понятием «здоровье» (отсутствие болезни) тесно связана и категория «нездоровья» (болезнь). Н.М. Римашевская отмечает, что «социальное нездоровье населения проявляется в катастрофическом росте аномалий и асоциального поведения: алкоголизме; наркомании, особенно среди молодежи; криминализации социальной среды; резком увеличении числа самоубийств» [17].

Вопрос о том, как социальное нездоровье отражается в динамике социальных патологий и различных критериях общественного психического здоровья, мы неоднократно затрагивали в предыдущих статьях [18; 19; 20; 21], поэтому в данном материале реши-

ли акцентировать внимание на его социальной составляющей, тем более что на ней все чаще акцентируют внимание современные ученые, причем из самых разных областей знаний:

– по мнению Т.Б. Соколовой, «социальное здоровье как характеристика общества – это степень, в которой индивид вовлечен в социальные отношения. А социальное здоровье индивида на личностном уровне – это удовлетворенность человека этими отношениями» [22, с. 20];

– К.В. Голубкиной «социальное здоровье определяется как количество и качество межличностных связей индивидуума и степень его участия в жизни общества» [23];

– Колпина Л.В. трактует социальное здоровье как «взаимоотношение социального субъекта с социальной средой, детерминируемое его индивидуальными особенностями и социальной ситуацией» [24, с. 55];

– «сущностный момент социального здоровья, по мнению д-ра филос. наук Т.Б. Сергеевой, – наличие социальных контактов, а важнейший признак – организация устойчивого гармоничного взаимодействия личности с социумом»⁸;

– Е.Н. Пристupa говорит о том, что «поведение является первым показателем нормы или аномии социального здоровья человека. Основным механизмом формирования социального здоровья личности является социальная адаптация. Помимо социальной адаптации формирование социального здоровья обусловлено процессами социализации, инкультурации, социальным воспитанием» [25];

– З.М. Кузнецова подчеркивает, что «основной акцент специфики рассмотрения социального здоровья – полноценное выполнение человеком своих социальных функций. Само социальное здоровье определяется как количество и качество межличностных связей индивидуума и степень его участия в жизни общества» [26];

⁸ Сергеева Т.Б. Социальное здоровье человека: философский аспект: учеб. пособие. Ставрополь: СГМА, 2003. 29 с.

– Э.М. Зайнутдинова⁹ и Е.П. Какорина [27] подразумевают под социальным здоровьем меру социальной активности, деятельного отношения человека к миру;

– Н.А. Чентемирова отмечает, что «социальное здоровье определяется социальной активностью человека, его профессиональными достижениями, высокой коммуникативностью, широким кругом общения, наличием взаимопонимания, социально-психологической поддержки» [28].

В соответствии с вышеуказанными представлениями о социальном здоровье его индикаторами выступают не только социальные патологии, но и характер социальной активности населения, основным фактором формирования которой является уровень межличностного и институционального доверия. Категория «доверие» является важным условием социальной коммуникации, обеспечивающим согласие, диалог, понимание, сотрудничество. В современном социальном познании появились работы, интегрирующие знания различных наук о такой социально-этической категории, как доверие. Остановимся на этом более подробно.

Этимологически «питать доверие» (лат. «credo») означает «сердце даю» или «сердце кладу». В психологическом словаре В.П. Зинченко и Б.Г. Мещерякова доверие – это аффективное предвосхищение и оценка смысла событий¹⁰. Оно в существенной своей части относится к эмоциональной, т. е. плохо рационализируемой, сфере психики. Доверие способно породить многие другие чувства (от любви до ненависти), состояния (от комфорта до стресса и фрустрации), социальные установки (от приятия до отторжения). Все это, несомненно, влияет на состояние психического и социального здоровья граждан.

В Энциклопедическом словаре Брокгауза и Эфрона доверие – это «психическое состояние, в силу которого мы полагаемся на какое-

либо мнение, кажущееся нам авторитетным, и потому отказываемся от самостоятельного исследования вопроса, могущего быть нами исследованным».

Актуальным изучением категории «доверие» было на протяжении всей истории человечества начиная с философов и мыслителей Древней Греции (Аристотель, Перикл), в Древнем Китае (Конфуций, Шая Ян). Позже феномен доверия рассматривали в своих трудах Николо Макиавелли, Т. Гоббс, Дж. Локк, Ж. Руссо, И. Кант и др. В конце XIX – первой половине XX века к теме доверия обращаются уже упомянутые ранее европейские и американские социологи (Ф. Теннис, Э. Дюркгейм, Г. Зиммель, Т. Парсонс, Дж. Коулмен, П. Блау, М. Вебер и др.). Значительное влияние оказал бихевиоризм и в частности теория игр (Джон фон Нейман, Оскар Моргенштерн, Роберт Аксельрод) [29], получившая свое развитие в политологии [30], конфликтологии [31], экономике [32]. Вторая мировая война и последующие за ней изменения в мире («холодная война», развитие международных правовых организаций) обусловили интерес к политическим аспектам доверия, что нашло отражение в работах зарубежных (Ч. Кегли, Г. Раймонд [33], Ч. Липсон [34], А. Кидд [35], А. Хоффман [36], С. Кониордос [37], М. Сини [38]) и отечественных (Ю.А. Борко [39], О.В. Буторина [40], В.Л. Иноземцев¹¹, М.Л. Энтин [41]) ученых. С 70-х гг. XX века к проблематике этической оценки доверия в глобализирующемся мире обращаются Н. Луман [42], А. Селигмен [43], Ф. Фукуяма [44], Б. Миштал [45], П. Штомпка [46], Р. Хардин [47], У. Бек, О. Моргенштерн, Дж. Нейман, Х. Райфа и др.

Как мы видим, на протяжении всей истории становления мировой цивилизации всегда находились специфические факторы, обуславливавшие интерес к данной теме. П. Штомпка выделяет ряд специфических характеристик общества модерна, которые особенно актуализируют проблему социального доверия в современном мире [46]:

⁹ Зайнутдинова Э.М. Основы физиологии человека: учеб. пособие. Уфа: УГНТУ, 2006. 105 с.

¹⁰ Мещеряков Б.Г., Зинченко В.П. Большой психологический словарь. 4-е изд. М.: ВІВЛІО, 2014. 816 с.

¹¹ Иноземцев В.Л. Европа, Америка, Россия: центр и окраины. URL: <http://www.c-society.ru/main.php?ID=376709>

1) современный мир зависит от все более целенаправленных человеческих усилий; все больше людей занимают активную позицию по отношению к будущему;

2) растет взаимозависимость мира, необходимость сотрудничества, что, в свою очередь, увеличивает сферу непредсказуемости и неопределенности;

3) социальная жизнь наполняется новыми и более масштабными угрозами и рисками человеческой деятельности: расширяются условия для катастрофических ошибок, опасных сопутствующих эффектов;

4) современный мир предлагает невероятные возможности во всех проявлениях жизни, в итоге наши решения и действия наших партнеров становятся все менее предсказуемыми;

5) огромные сегменты социального мира стали непрозрачными не только для обычных людей, но и для экспертов;

6) растет анонимность тех лиц, от чьих действий зависит наше благосостояние и существование;

7) увеличивается число «чужаков», непривычных людей в нашем окружении (миграции, туризм, путешествия).

Каждая из этих характеристик современности предполагает необходимость доверия. Оно появляется в случае неопределенности и неконтролируемости будущего и становится способом примирения со сложностью будущего, порожденного технологией [46].

П. Штомпка выделяет семь видов доверия:

1) личное доверие к индивидам, с которыми мы вступаем в прямые контакты, включая «виртуальное» личностное доверие;

2) категориальное доверие (пол, раса, возраст, религия, благосостояние);

3) позиционное доверие/недоверие определенным социальным ролям (мать, доктор, друг и т. п.);

4) групповое (футбольная команда для фанатов, студенческая группа для профессора);

5) институциональное (школа, университет, церковь, банк и т. п.), включая «процедурное» доверие институциональным практикам и процедурам как веру в то, что следование

им принесет наилучшие результаты (доверие науке, демократии, свободному рынку);

6) коммерческое (продукция определенного рода, страны-производителя, фирмы, автора);

7) системное (к социальным системам, порядкам и режимам).

Рассматривая категорию «доверие» в рамках изучения проблемы социального здоровья можно выделить несколько важных направлений ее изучения:

1. Доверие как психологическая основа общения

Современную психологическую природу доверия как составляющей общения и коммуникации, как социального поведения, организационного поведения, профессионально компетентного поведения отражают работы таких авторов, как К. Ясперс, К. Хорни, Э. Фромм, Э. Эриксон, А. Маслоу, С. Московичи, К. Роджерс, В. Франкл, Дж. Роттер, В.П. Зинченко, Т.П. Скрипкина, А.Л. Журавлев, П.Н. Шихирев и др.

По определению Т.П. Скрипкиной, доверие – это способность человека априори наделять явления и объекты окружающего мира, а также других людей, их возможные будущие действия и собственные предполагаемые действия свойствами безопасности (надежности) и ситуативной полезности (значимости). Доверие есть субъективный феномен личности¹². В современной науке феномен доверия рассматривается как динамическое образование, которое формируется в раннем возрасте и позже приобретает новые характеристики и включается в различные сферы жизни и деятельности субъекта. Э. Эриксон [48] полагал, что степень развития доверия у ребенка к себе, к другим людям и миру зависит от качества получаемой им материнской заботы. На основе доверия у него складываются позитивное отношение к себе, уверенность, активность, любознательность, адекватность в оценке своих потребностей и возможностей.

2. Доверие как основа безопасности и социального порядка

¹² Скрипкина Т.П. Психология доверия: учеб. пособие. М.: Академия, 2000. С. 86.

В социальных науках доверию отводится роль предпосылки формирования малых групп, важного фактора сотрудничества. Любая социальная система как целостность нуждается и в системном доверии между субъектами: «в действительности, без доверия не могут существовать даже сами общества» и «если бы не было доверия, то не могло быть никаких экономических операций» [49]. П. Блау отмечал, что доверие необходимо для стабильности социальных отношений. М. Вебер подчеркивал роль доверия в обмене товарами и услугами. Дж. Коулмен изучал доверие как факт социального обмена. А. Селигмен считал доверие «базовым компонентом всех длительных общественных отношений» [50, с. 61]. В своей книге «Проблема доверия» он интерпретирует доверие через ролевое поведение и взаимный обмен ресурсами [51].

С позиции экономики и социологии представлены следующие определения «доверия». Адам Смит толковал социальное доверие как естественное чувство индивида, К. Маркс – как противоположность отчуждению, А. Маршалл – как привычку, К. Эрроу – как атрибут морали, О. Уильямсон и М. Грановеттер – как институциональное доверие.

Петр Штомпка в обобщающей работе «Доверие: социологическая теория» [46] уточняет, что доверие – ожидание добродетельного поведения со стороны других по отношению к нам. Оно своего рода ставка в отношении будущих непредвиденных действий других. Понятие «недоверие» тоже предполагает ставку, но негативную. Когда потеряно бывшее доверие или рассеялось бывшее недоверие, наступает «безверие» как промежуточная фаза процесса построения/нарушения доверия.

Э. Дюркгейм пришел к выводу, что социальное доверие создается с помощью общественной моральной солидарности и конформности общим групповым символам. Ф. Теннис также делает вывод, что к доверию или недоверию ведет не только собственный, но и чужой опыт, т. е. авторитет, репутация личности как заслуживающей доверия или сомнительной, «об-

щение с которой требует осторожности» [52]. Доверие, по его мнению, возникает из симпатии, недоверие – из антипатии.

Социальное доверие как безопасность разрабатывали Н. Луман [53] и Э. Гидденс. Доверие, по мнению последнего, является базисной системой безопасности в социальном поведении и социальных взаимодействиях, радикальной онтологической надежностью, утраченной определенностью [54].

3. Доверие как отражение социального капитала

Доверие отражает актуальный и прошлый индивидуальный и социальный опыт, атмосфера доверия воспроизводит архетипы и задает нормы взаимоотношений. Доверие несет в себе социальную память. Через механизм доверия обеспечивается накопление социального капитала.

Э. Усланер считает, что уровень социального доверия играет решающую роль в структуре ресурсов социального капитала, является своеобразным «цементом» социальных связей [55]. Социальный капитал является отражением господствующей системы ценностей, в особенности, социального доверия. Оно, по мнению автора, выступает как моральный ресурс, который развивает кооперацию, заставляет людей активнее действовать в своих сообществах, вести себя морально и идти на компромиссы.

Э. Усланер выделяет два вида социального доверия, которые определяются характером социальных связей в социальном капитале актора:

- частное доверие (социальные связи устанавливаются преимущественно среди членов семьи и близких знакомых);
- обобщенное доверие (акторы готовы идти на контакты с незнакомцами).

Именно оно способствует поведению рационального риска. Обобщенное доверие, как отмечает Э. Усланер, «может сделать общество здоровым и состоятельным». И хотя доверие может и не производить богатство напрямую, оно все же, посредством толерантности, способствует увеличению торговли, что в итоге оборачивается еще большим процветанием.

Одним из главных уроков изучения экономической жизни, по мнению Ф. Фукуямы [56], является то, что благополучие страны, а также ее состязательная способность на фоне других стран определяются одной универсальной культурной характеристикой – присущим ее обществу уровнем доверия. Находясь в обществе с высоким уровнем доверия, человек меньше склонен максимизировать свои личные выгоды, то есть вести себя как «экономический человек», он в большей степени старается проявить себя как член группы, с которой у него выстроены доверительные взаимосвязи, ставит моральные принципы выше экономической выгоды, таким образом, в обществе накапливается социальный капитал.

П. Штомпка выделяет три уровня доверия: реляционный, психологический и культурный.

На реляционном уровне оказание доверия базируется на оценке информации о том, в какой мере участники отношения заслуживают доверия. На психологическом уровне корни доверчивости/подозрительности индивида – в личном опыте, связанном с социализацией, предыдущими отношениями в семье и в различных группах. Здесь основу доверия составляет индивидуальная, биографическая, генеалогия. Третий, культурный, уровень, также подразумевает генеалогическую основу, но уже другого масштаба, – коллективный, исторический опыт общества. Речь идет о культурах доверия как ценностно-нормативных системах, оказывающих независимое давление: или поощряя доверять другим и требуя быть заслуживающим доверия, или, наоборот, провоцируя недоверчивое отношение к другим. В культурах доверия преобладающие опыты аккумулируются и кодифицируются в правила. Р. Патнем также утверждает, что понятие доверия определяется «локальными культурными нормами» [57].

П. Штомпка полагает, что демократия благоприятствует «культуре доверия». В то же время само доверие является необходимой предпосылкой демократии, успешное функционирование которой предполагает

ряд моментов: коммуникация между гражданами; толерантность; замена конфликта и борьбы компромиссом и консенсусом; некоторый уровень цивилизованности в ходе общественных диспутов; активное участие граждан в жизни общества; высокий образовательный уровень граждан [46].

Э. Усланер также отмечает, что демократические общества – это общества доверия. Еще Р. Патнем писал, что в обществах с высоким социальным капиталом индивиды охотнее участвуют в гражданской жизни и принимают активное участие в деятельности общественных организаций [57]. В тоталитарных сообществах индивиды вынуждены подчиняться жестким правилам, и акторы, будучи не до конца уверенными в том, является ли их сосед агентом государства, меньше стремятся доверять друг другу. Наследием тоталитарных режимов и стала концентрация высокого уровня доверия внутри семьи. В авторитарных режимах акторы уже доверяют более широкому кругу лиц, однако только в демократиях, хотя и не во всех, можно обнаружить высокий уровень доверия незнакомцам [58].

Таким образом, доверие представляет собой комплексный феномен, пронизывающий все уровни социального взаимодействия – от ближайшего окружения индивида до общественных организаций и властных структур. Являясь элементом установок индивидуального и общественного сознания, доверие с определенной степенью вероятности реализуется в поведенческих практиках. Так, на уровне взаимодействия индивидов доверие реализуется через традиционные практики взаимопомощи и товарищества, на следующем уровне объективируется в доверии общественным институтам, на самом высоком уровне реализуется через доверие государству [59]. Рост межличностного и институционального доверия в обществе влечет повышение социальной активности граждан (а значит, способствует улучшению психического и социального здоровья) и стимулирует экономическое развитие.

Рассмотрим динамику институционального и межличностного доверия на примере

конкретного региона – Вологодской области, являющегося по своим ключевым характеристикам типичным субъектом Российской Федерации [60; 61], причем на 98% состоящим из русского населения.

Результаты мониторинга общественного мнения Федерального государственного бюджетного учреждения науки «Вологодский научный центр Российской академии наук» (далее – ВолНЦ РАН)¹³ позволяют говорить о том, что на характер институционального доверия россиян во многом влияет социокультурный фактор. Так, в структуре институтов, пользующихся наибольшим доверием, доминируют традиционные для российского менталитета субъекты – государство (прежде всего президент), армия (а также силовые структуры), церковь (табл. 1). При этом следует отметить,

что полученные на региональном уровне данные коррелируют с результатами общероссийских социологических опросов¹⁴.

В свою очередь, низкий уровень доверия банковским и предпринимательским кругам во многом связан с их дискредитацией в период «лихих 90-х», а также с ментальной особенностью россиян, заключающейся в трудности восприятия инноваций. Относительно низкий уровень доверия общественным институтам вызван, на наш взгляд, двумя причинами. Во-первых, круг наиболее актуальных для населения вопросов не лежит в плоскости компетенции. Так, по данным проведенных нами исследований, на протяжении последних 20 лет для вологжан среди проблем стабильно лидировали инфляция, низкий уровень жизни, бедность и расслоение

Таблица 1. Уровень доверия государственным и общественным институтам, % от числа опрошенных*

Вариант ответа	Год											
	2000	2002	2004	2006	2008	2010	2012	2013	2014	2015	2016	2017
Президент РФ	57,1	53,1	54,4	62,0	65,2	56,8	45,7	47,0	57,0	60,6	62,0	59,6
Церковь	42,3	35,4	42,9	42,9	51,9	47,0	41,4	43,9	44,7	43,7	47,1	47,4
Правительство РФ	42,7	33,8	35,2	42,1	60,2	52,4	39,6	40,4	48,3	49,4	48,8	46,0
Армия	37,0	28,5	27,1	29,6	37,8	34,5	31,3	37,5	37,8	42,0	43,9	45,1
ФСБ	34,2	25,8	28,4	35,3	43,8	36,0	33,2	37,5	36,4	39,6	40,6	43,6
Полиция	27,2	22,3	23,7	29,0	36,5	32,7	29,3	33,7	35,4	40,2	41,7	43,0
Прокуратура	30,9	21,7	28,8	33,3	40,9	36,1	33,9	40,1	38,5	40,9	40,3	42,9
Суд	31,6	24,7	31,0	35,5	41,3	37,4	36,1	39,3	36,9	40,5	39,3	42,7
Совет Федерации	28,3	21,7	27,1	34,3	47,6	38,1	32,3	34,6	40,2	40,2	39,3	37,5
Государственная Дума	23,0	18,2	26,0	27,9	42,0	33,5	30,5	31,6	35,2	34,0	33,0	34,1
Руководство области	31,3	23,2	30,0	37,7	48,6	41,0	34,6	37,8	37,4	36,9	38,5	34,0
Органы местного самоуправления	н. д.	н. д.	н. д.	26,6	40,9	35,6	29,3	32,7	35,1	34,5	33,3	32,4
Общественная палата РФ	н. д.	н. д.	н. д.	н. д.	н. д.	27,3	28,1	29,9	32,8	32,5	32,1	31,7
Профсоюзы	28,4	22,4	26,5	27,4	35,9	29,9	25,6	27,8	26,6	26,5	28,1	29,9
СМИ	30,2	29,6	31,8	30,4	27,5	28,7	28,7	29,5	28,0	26,6	25,7	27,8
Общественная палата области	н. д.	н. д.	н. д.	н. д.	н. д.	24,8	25,4	29,2	29,4	29,5	28,0	27,0
Общественные организации	–	–	–	20,0	32,6	26,7	26,5	26,8	25,5	23,8	24,2	25,8
Директора, руководители предприятий	19,6	17,4	21,5	26,5	30,5	22,8	25,1	27,5	21,9	20,2	20,5	22,8
Политические партии	20,4	11,6	18,5	16,0	17,6	20,0	22,8	20,9	20,2	17,0	18,1	20,1
Банковские, предпринимательские круги	12,4	10,7	17,6	22,6	26,6	21,5	21,3	23,4	18,8	16,5	17,2	19,0

* Вопрос задавался в 1996 году, регулярно задается с 2000 года. Ранжировано по 2017 году.
Источник: мониторинг общественного мнения ВолНЦ РАН.

¹³ Мониторинг проводится с 1996 года с периодичностью один раз в два месяца. Опрашиваются 1500 респондентов старше 18 лет в городах Вологде и Череповце, в Бабаевском, Великоустюгском, Вожегодском, Грязовецком, Кирилловском, Никольском, Тарногском, Шекснинском районах. Репрезентативность выборки обеспечивается соблюдением пропорций между городским и сельским населением; между жителями населенных пунктов различных типов (сельские населенные пункты, малые и средние города); половозрастной структуры взрослого населения области. Метод опроса – анкетирование по месту жительства респондентов. Ошибка выборки не превышает 3%.

¹⁴ Институциональное доверие: пресс-выпуск. Левада-Центр. 2016. 13 октября. URL: <http://www.levada.ru/2016/10/13/institutsionalnoe-doverie-2>

ние на «бедных» и «богатых». Во-вторых, уровень развития гражданского общества в России (в частности, таких организаций, как Общественная палата и Общероссийский народный фронт) пока не позволяет его институтам оказывать существенное влияние на управленческие решения, принимаемые органами власти.

Характеризуя динамику межличностного доверия, следует отметить, что за последние 8 лет существенных улучшений в данном вопросе не наблюдалось: около четверти населения не доверяет никому, две трети – лишь «самым близким друзьям и родственникам» (табл. 2). В соответствии с результатами региональных исследований в динамику межличностного доверия не внесли существенных изменений даже события «крымской весны», хотя наши опросы показали, что в 2014 году (по сравнению с 2013 годом) в области почти в 2 раза увеличилась доля жителей, считающих, что «сегодня в стране больше согласия и сплоченности, чем несогласия, разобщенности» (с 14 до 29%), и на 12 п. п. (с 43 до 55%) возрос удельный вес тех, кто готов объединяться ради достижения общих целей (это рекордные показатели за весь период исследований – с 2011 по 2018 год).

Можно ли назвать уровень институционального и межличностного доверия в России низким или он является типичным для современных государств, которые так или иначе также сталкиваются с многочисленными негативными последствиями глобальных

трансформаций, происходящих в XXI веке (об этом, в частности, свидетельствует неудовлетворенность населения эффективностью государственного управления, признаками чего стали брекзит Великобритании и победа Д. Трампа на президентских выборах в США)?

На этот вопрос помогают ответить межстрановые сравнения. Согласно исследованиям компании Edelman¹⁵, общий уровень доверия в большинстве стран имеет тенденцию увеличения (табл. 3). За период с 2012 по 2018 год интегральный индекс доверия возрос в 16 из 26 государств, в том числе в России (с 30 до 36 пунктов). Тем не менее по данному показателю Российская Федерация занимает последнее место, лишь немногим уступая Японии (37 п.). Лидером же по интегральному индексу доверия в 2018 году (как и в 2012 году) является Китай (74 п.).

Согласно данным Европейского социального исследования¹⁶, за период с 2008 по 2016 год уровень доверия основным институтам также увеличился в большинстве стран Старого Света, в том числе в России, где за последние 8 лет отмечается снижение уровня доверия только Организации Объединенных Наций (с 4 до 3 баллов; табл. 4). Однако нельзя сказать, что Российская Федерация принадлежит к числу европейских стран – лидеров по уровню институционального доверия.

В 2016 году Россия находилась на 11 (из 16) месте по уровню доверия Парламенту (в 2008 году – на 10); по уровню доверия судебной системе – на 14 месте

Таблица 2. Распределение ответов на вопрос «Кому Вы можете доверять?», % от числа опрошенных

Вариант ответа	Год						
	2010	2011	2013	2014	2015	2016	2017
Только самым близким друзьям и родственникам	58,1	56,5	52,5	53,4	55,7	61,1	64,2
В наше время никому нельзя доверять	26,1	24,7	27,9	27,9	23,5	25,5	24,8
Большинству знакомых мне людей можно доверять	12,8	16,1	15,2	12,2	12,6	11	10
Доверять можно всем людям без исключения	2,3	2,5	1,6	3,1	2,5	2,4	1

Источник: мониторинг общественного мнения ВолНЦ РАН.

¹⁵ Ежегодное международное исследование Edelman Trust Barometr американской компании Edelman, изучающей международный уровень институционального доверия около 20 лет. В 2018 году объем выборки исследования составил 32200 человек, проживающих в 28 странах мира. В исследовании измеряется доверие правительству, бизнесу, масс-медиа и НКО.

¹⁶ Европейское социальное исследование (The European Social Survey) проводится с 2001 года с периодичностью 1 раз в 2 года (Россия участвует с 2006 года). Объем выборки – 1500–3000 чел. в возрасте 15 лет и старше.

Таблица 3. Интегральный индекс доверия институтам, пунктов*

Страна	2012 год	2017 год	2018 год	Изменение (+/-), 2018 год к	
				2017 году	2012 году
Китай	69	67	74	+7	+5
Индонезия	54	69	71	+2	+17
Индия	55	72	68	-4	+13
ОАЭ	57	60	66	+6	+9
Сингапур	62	60	58	-2	-4
Мексика	56	52	54	+2	-2
Нидерланды	48	53	54	+1	+6
Малайзия	53	48	53	+5	0
Канада	51	49	49	0	-2
Аргентина	49	45	47	+2	-2
Колумбия	-	50	47	-3	0
Испания	36	44	47	+3	+11
Турция	-	43	46	+3	-
Гонконг	53	44	45	+1	-8
Бразилия	46	48	44	-4	-2
Южная Корея	39	38	44	+6	+5
Италия	47	48	43	-5	-4
США	40	52	43	-9	+3
Германия	34	41	41	0	+7
Швеция	36	37	41	+4	+5
Австралия	40	42	40	-2	0
Франция	36	40	40	0	+4
Польша	38	35	39	+4	+1
Великобритания	35	40	39	-1	+4
Ирландия	34	36	38	+2	+4
ЮАР	-	42	38	-4	-
Япония	32	35	37	+2	+5
Россия	30	34	36	+2	+6
Среднее значение	45	47	48	+2	+3

* Ранжировано по 2018 году.

Источник: 2018 Edelman Trust Barometr: global report.

Таблица 4. Показатели институционального доверия, баллов

Страна	Парламент		Судебно-правовая система		Полиция		Политики		Политические партии		ООН	
	2008 год	2016 год	2008 год	2016 год	2008 год	2016 год	2008 год	2016 год	2008 год	2016 год	2008 год	2016 год
Бельгия	4,9	4,8	4,9	5,3	6	6,4	4	4,1	4	4	5,3	5,3
Великобритания	4,3	4,7	5,2	5,9	6,2	6,7	3,6	3,7	3,6	3,8	3,6	5,3
Ирландия	3,8	4,5	5	5,5	6,5	6,2	3,2	3,7	3,3	3,7	4,7	5,7
Германия	4,7	5,3	5,8	6,2	6,8	7,1	3,5	4,2	3,5	4,2	4,3	4,9
Израиль	3,8	4,1	5,4	5,4	4,8	5,2	2,9	3,1	3	3,1	3,9	2,8
Нидерланды	5,6	5,6	5,9	6,2	6,3	6,7	5,2	5,1	5,2	5,2	5,1	5,7
Норвегия	5,8	6,8	6,8	7,4	7	7,4	4,6	5,4	4,8	5,5	5	6,8
Польша	3	3,4	3,9	4	5,1	5,7	2,3	2,5	2,3	2,4	4,5	4,9
Россия	3,9	4,3	4,1	4,4	3,7	4,4	3,3	3,6	3,2	3,6	4	3
Словения	4,4	3,3	4,3	3,6	5	6	3,4	2,4	3,4	2,5	4,8	4,3
Финляндия	6	5,7	7,1	7,2	8	8,2	4,9	4,7	5	4,8	5,2	6,4
Франция	4,5	4,1	5,1	5	5,8	6,4	3,5	2,9	3,4	2,8	4,6	4,9
Чехия	3,3	4,3	4,2	5,2	4,8	5,8	2,7	3,6	2,9	3,5	3,9	5
Швеция	5,7	5,9	6,1	6,2	6,6	6,7	4,6	4,7	4,8	4,8	4,7	6,2
Швейцария	5,8	6,3	6,4	6,6	6,9	7,2	4,9	5,4	4,7	5,2	5,6	5,2
Эстония	3,9	4,5	4,8	5,8	6,1	6,8	3,3	3,6	3,2	3,6	5	5,1

Источник: данные Европейского социального исследования (The European Social Survey).

(в 2012 году – на 15); полиции – на последнем 16 месте (как и в 2012 году); политикам – на 10 месте (в 2012 году – на 11); политическим партиям – на 10 месте (в 2012 году – на 12); ООН – на 15 месте (в 2012 году – на 14). Таким образом, из данных Европейского социального исследования также видно, что в целом для России характерен более высокий уровень доверия государству и силовым структурам, чем политическим партиям и международным организациям (что коррелирует с результатами исследования, проведенного нами на региональном уровне). При этом в сравнении с рядом ведущих стран Европы (Германия и Великобритания) Россия также не отличается высоким уровнем доверия.

Данные Европейского социального исследования позволяют сравнить Россию со странами Старого Света по уровню межличностного доверия. И в данном случае мы также видим, что наша страна входит в число аутсайдеров. Средний балл оценки¹⁷ при ответе на вопрос «Вы считаете, что большинству людей можно доверять или даже излишняя

осторожность не помешает?» в России составляет 4,5 по десятибалльной шкале, ниже только у Словении (4,4 балла) и Польши (4,1 балла; табл. 5). Для сравнения, в 12 странах из 16 этот показатель выше 5 баллов (то есть приоритет в пользу доверия), а в некоторых странах (Норвегия, Финляндия, Швеция, Нидерланды и Швейцария) – 6 баллов и более (данные 2016 года). Однако стоит отметить тот факт, что излишняя бдительность населения дает свои плоды. При ответе на вопрос «За последние пять лет Вы подвергались насилию, становились жертвами грабежа?» наименьшее число положительных ответов наблюдается именно в Польше (10%), Словении (9%) и России (11%).

По аналогичной методике Россия занимает 14 место в Европе по балльной оценке при ответе на вопрос «Люди стараются помогать другим или они чаще всего заботятся о себе?» (4,7 б.), а также при ответе на вопрос «Большинство людей постарались бы Вас использовать или же люди постараются вести себя с Вами честно?» (4,5 б.).

Таблица 5. Распределение ответов на вопрос «Вы считаете, что большинству людей можно доверять или даже излишняя осторожность не помешает?»*

Страна	2008 год		2016 год		Изменение (+/-)	
	Средний балл	Место	Средний балл	Место	Средний балл	Место
Норвегия	6,6	1	6,8	1	0,2 ▲	0
Финляндия	6,4	2	6,8	2	0,3 ▲	0
Швеция	6,4	3	6,2	3	-0,1 ▼	0
Нидерланды	6,0	4	6,0	4	0,1 ▲	0
Швейцария	5,7	5	6,0	5	0,3 ▲	0
Эстония	5,4	7	5,7	6	0,3 ▲	1 ▲
Ирландия	5,5	6	5,6	7	0,1 ▲	1 ▼
Израиль	5,3	8	5,5	8	0,2 ▲	0
Германия	4,9	11	5,4	9	0,4 ▲	2 ▲
Великобритания	5,3	9	5,4	10	0,1 ▲	1 ▼
Бельгия	5,1	10	5,2	11	0,1 ▲	1 ▼
Чехия	4,8	12	5,1	12	0,3 ▲	0
Франция	4,5	13	4,6	13	0,1 ▲	0
Россия	4,0	16	4,5	14	0,5 ▲	2 ▲
Словения	4,3	14	4,4	15	0,1 ▲	1 ▼
Польша	4,1	15	4,1	16	-0,1 ▼	1 ▼
Среднее по 16 странам	5,3		5,5		0,2 ▲	

Источник: данные Европейского социального исследования (The European Social Survey).

* Оценка по шкале от 0 до 10, где 0 баллов – даже излишняя осторожность не помешает, 10 баллов – большинству людей можно доверять. Приведены средние баллы. Ранжировано по данным 2016 года.

¹⁷ Методика расчета представлена на официальном сайте Европейского социального исследования. URL: <http://www.ess.ru> (дата обращения 29.07.2018).

Таким образом, данные международных исследований коррелируют с результатами национальных и региональных опросов и свидетельствуют о низком уровне институционального и межличностного доверия в России. Это отражается на социальной активности населения, что (как мы показали ранее) является одним из индикаторов социального здоровья.

Так, россияне стали реже общаться. По данным Европейского социального исследования, Россия занимает одно из последних мест в Европе по частоте общения людей со своими друзьями и родственниками (табл. 6). Это соотносится с результатами

опроса, проведенного нами в рамках гранта «Региональный социальный капитал в условиях социально-экономического кризиса»¹⁸: в случае возникновения проблемной жизненной ситуации лишь родственники или друзья становятся теми людьми, к которым люди готовы обратиться за помощью (так отмечают от 70 до 90% респондентов). Соседи по дому, коллеги, земляки, просто прохожие и многие другие категории уже не рассматриваются гражданами как возможная опора при возникновении жизненных трудностей (от 4 до 20%) [62, с. 111].

Следующий показатель социальной активности – участие населения в социально-

Таблица 6. Распределение ответов на вопрос «Как часто Вы проводите время с друзьями, родственниками?»*

Страна	2008 год				2016 год				Изменение (+/-)			
	Не чаще одного раза в месяц или никогда	Несколько раз в месяц и чаще	Среднее – кол-во раз в неделю	Место	Не чаще одного раза в месяц или никогда	Несколько раз в месяц и чаще	Среднее – кол-во раз в неделю	Место	Среднее – кол-во раз в неделю		Место	
Швеция	8	92	2,9	3	8	91	3,3	1	0,4	▲	2	▲
Норвегия	8	92	3,2	1	8	92	3,3	2	0,1	▲	1	▼
Нидерланды	7	93	3,0	2	7	93	3,2	3	0,2	▲	1	▼
Франция	11	89	2,8	5	11	89	2,9	4	0,1	▲	1	▲
Израиль	13	87	2,9	4	15	85	2,7	5	-0,2	▼	1	▼
Бельгия	13	87	2,6	6	13	87	2,6	6	0,0		0	
Швейцария	10	90	2,5	7	12	88	2,5	7	0,0		0	
Финляндия	14	86	2,4	9	16	84	2,3	8	-0,1	▼	1	▲
Великобритания	19	81	2,5	8	21	78	2,2	9	-0,3	▼	1	▼
Германия	17	83	2,0	13	14	86	2,2	10	0,2	▲	3	▲
Чехия	20	79	2,1	11	15	85	2,2	11	0,0		0	
Словения	27	73	1,8	15	23	77	1,9	12	0,1	▲	3	▲
Ирландия	23	77	2,3	10	24	76	1,9	13	-0,4	▼	3	▼
Россия	30	68	2,0	14	34	63	1,6	14	-0,4	▼	0	
Эстония	30	70	2,0	12	32	67	1,5	15	-0,5	▼	3	▼
Польша	32	67	1,6	16	35	64	1,3	16	-0,3	▼	0	
Среднее по 16 странам	17,6	82,2	2,4		18,1	81,6	2,3		-0,1	▼		

* Ранжировано по данным 2016 года.

Не чаще одного раза в месяц или никогда = варианты ответов «Никогда» + «Реже, чем раз в месяц» + «Один раз в месяц».

Несколько раз в месяц и чаще = варианты ответов «Несколько раз в месяц, но не каждую неделю» + «Один раз в неделю» + «Несколько раз в неделю, но не каждый день» + «Каждый день».

Источник: данные Европейского социального исследования (The European Social Survey).

¹⁸ Опрос «Региональный социальный капитал» проводился в августе – сентябре 2017 года в трех городах Северо-Западного федерального округа (Псков и два города Вологодской области Вологда и Череповец). Было опрошено 900 респондентов старше 18 лет (по 300 человек в каждом населенном пункте). Репрезентативность выборки обеспечивается соблюдением половозрастной структуры взрослого населения. Метод опроса – анкетирование по месту жительства респондентов. Ошибка выборки не превышает 3%. Опрос проведен за счет средств гранта РГНФ № 16-03-00188 «Региональный социальный капитал в условиях социально-экономического кризиса».

политической жизни. Это, в свою очередь, является важным условием усиления роли гражданского общества и общественного контроля как фактора повышения эффективности системы государственного управления. Результаты и международных, и национальных, и региональных исследований говорят также о том, что в России есть проблема в этой сфере.

По данным Европейского исследования, около 75% россиян говорят о том, что они не уверены в своей способности лично повлиять на решение тех или иных политических вопросов (больше только в Эстонии и Чехии – 80 и 83% соответственно; табл. 7). Для сравнения, в среднем по 16 анализируемым странам это мнение разделяют 64% людей, а в Германии, Норвегии, Швейцарии – около 43%. По данным исследований, проведенных на территории Вологодской области, 82% опрошенных считают, что не могут влиять на положение дел в области или в стране, 74% – на положение дел в своем муниципальном образовании.

Согласно тем же данным Европейского социального исследования (за 2016 год), страны, в которых население более остальных

уверено в своей способности принимать участие в политике, гораздо активнее делают это. Среди них наиболее высокие показатели голосовавших на последних выборах (88% в Швеции против 52% в РФ), обращавшихся к конкретному политику или общенациональным или местным органам власти (для сравнения, 24% – в Норвегии, 18% – в Германии и Великобритании, 6% – в России), подписывающих петиции, обращения и открытые письма (47% – в Швеции, 43% – в Великобритании, 39% – в Норвегии и лишь 10% – в России), публиковавших или делившихся в интернете материалами о политике (29–28% – в Норвегии, Швеции, Великобритании против 6% в нашей стране).

Таким образом, нами была рассмотрена триада «социальное доверие – социальная активность – социальное здоровье» с теоретической точки зрения, были изучены ключевые отечественные и зарубежные литературные источники, сделан исторический экскурс. В практической части работы были отражены базовые показатели доверия в разных странах, основанные на региональных, российских и международных социологических исследова-

Таблица 7. Распределение ответов на вопрос «Насколько Вы уверены в том, что Вы лично способны участвовать в политике?»*

Страна	Совсем не уверен	Уверенности мало	Некоторая уверенность есть	В значительной мере уверен	Полностью уверен	Затрудняюсь ответить	Средний балл	Место
Германия	9	34	34	18	5	1	2,8	1
Норвегия	14	29	35	16	5	1	2,7	2
Швейцария	13	30	33	16	5	3	2,7	3
Швеция	20	29	33	14	3	1	2,5	4
Великобритания	27	31	27	11	3	0	2,3	5
Франция	24	39	29	5	2	1	2,2	6
Ирландия	33	30	26	8	3	1	2,2	7
Финляндия	23	48	20	8	1	0	2,2	8
Бельгия	37	34	23	5	1	0	2,0	9
Израиль	45	22	18	6	4	4	2,0	10
Польша	42	28	20	5	2	2	2,0	11
Нидерланды	45	26	22	5	2	0	1,9	12
Словения	42	33	20	3	2	1	1,9	13
Россия	47	27	17	4	2	3	1,8	14
Эстония	48	32	15	2	1	0	1,8	15
Чехия	55	28	12	2	1	2	1,6	16
Среднее по 16 странам	32,8	31,2	24,0	8,1	2,6	0,0	2,2	

* Ранжировано по среднему значению. Данные за 2016 год, в 2008 году вопрос не задавался.
Источник: Данные Европейского социального исследования (The European Social Survey).

ниях. В результате мы видим, что проблема институционального и межличностного доверия в России более чем актуальна. Причина столь пристального внимания обусловлена не только теоретической сложностью и исследовательским потенциалом указанного феномена, но и его объективной значимостью для интеграции социума, развития гражданского общества, накопления социального капитала, повышения социальной активности населения и, как следствие, укрепления социального здоровья общества и социально-экономического роста в стране.

Важно отметить, что озвученные Президентом РФ цели развития на ближайшую «шестилетку» носят достаточно амбициозный характер и их достижение без активизации роли общества как активного субъекта, ведущего конструктивный диалог с государством, на наш взгляд, не представляется возможным. Рост геополитического статуса Российской Федерации на протяжении последних лет выводит проблематику социаль-

ного здоровья за рамки вопросов внутреннего развития – на уровень обеспечения национальной безопасности в рамках геополитической конкуренции.

Это актуализирует постановку вопроса о факторах, влияющих на динамику межличностного и институционального доверия, чему будет посвящена одна из следующих статей. Забегая вперед, отметим, что они носят комплексный характер и связаны как с традиционными для переходного общества с рыночной экономикой особенностями, так и с исторической, социокультурной спецификой Российской Федерации, а также со спецификой российской трансформации последних десятилетий и с современными проблемами эффективности государственного управления. Некоторые из этих факторов нивелируются естественным образом по мере смены поколений, однако многие требуют целенаправленного вмешательства со стороны государства и других ключевых субъектов общественного развития.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шабунова А.А. Общественное развитие и демографические вызовы современности // Проблемы развития территории. 2014. № 2 (70). С. 7–17.
2. Шабунова А.А. Здоровье населения в России: состояние и динамика: монография. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2010. 408 с.
3. Calhoun C., Derluigian G, Wallerstein I., Mann M., Collins R. *Does Capitalism Have a Future?* Oxford: Oxford University Press, 2013. 208 p.
4. Марков А.П. Современная цивилизация и глобальные вызовы будущего // Человек. 2017. № 6. С. 136–149.
5. Beck U. *Risikogesellschaft. Auf dem Weg in eine andere Moderne.* Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag, 1986. 391 p.
6. Ewald F. Die Versicherugs – Gesellschaft. *Kritische Justiz*, 1989, no. 4, pp. 385–393.
7. Бехман Г. Современное общество как общество риска // Вопросы философии. 2007. № 1. С. 26–46.
8. Козырева П.М., Смирнов А.И. Жизнь в условиях неопределенности кризисного общества: опыт и ожидания // Социологические исследования. 2018. № 6. С. 65–78.
9. Schutz A. *Collected Papers I: The Problem of Social Reality.* Hingham, The Hague, 1962. 364 p.
10. Merton R.K. *Social Theory and Social Structure.* Chicago: University of Chicago Press, 1986. 387 p.
11. Малинецкий Г.Г. Междисциплинарные идеи в социологии и вызовы будущего // Социологические исследования. 2015. № 4 (372). С. 152–161.
12. Горшков М.К. Об аксиоматической трактовке влияния неэкономических факторов на экономический рост // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2014. № 3. С. 45–56.
13. Тощенко Ж.Т. Социальное настроение – феномен социологической теории и практики // СОЦИС. 1998. № 1. С. 21–34.

14. Sztompka P. *The Sociology of Social Change*. Oxford and Cambridge: Blackwell, 1993. 348 p.
15. Цикалюк Е.В. Основные теоретические подходы к осмыслению сущности социального здоровья // Ученые зап. Забайк. гос. гуманит.-пед. ун-та им. Н.Г. Чернышевского. Серия «Философия, культурология, социология, социальная работа». 2010. № 4 (33). С. 185–190.
16. Максимова Т.М. Социальный градиент в формировании здоровья населения. М.: ПЕР СЭ, 2005. 240 с.
17. Римашевская Н.М. Русский крест // Природа. 1999. № 6. URL: http://vivovoco.astronet.ru/vv/journal/nature/06_99/russdemo.htm (дата обращения 13.09.2018).
18. Морев М.В., Попова В.И. Преодоление социальной дезинтеграции как фактор улучшения социального здоровья // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2013. № 4. С. 53–69.
19. Морев М.В. Социальное здоровье российского общества: криминологический аспект // Проблемы развития территории. 2011. № 4. С. 75–90.
20. Морев М.В. Социальное здоровье российского общества: тенденции и проблемы // Проблемы развития территории. 2014. № 5. С. 28–46.
21. Морев М.В., Шматова Ю.Е., Любов Е.Б. Динамика суицидальной смертности населения России: региональный аспект // Суицидология. 2014. Т. 5. № 1 (14). С. 3–11.
22. Соколова Т.Б. Здоровье населения в социальном контексте: дис. ... канд. соц. наук. Хабаровск, 2005. 169 с.
23. Голубкина К.В., Гришунова К.В. Влияние социума на психическое здоровье населения // Актуальные проблемы современной науки. 2014. № 1 (75). С. 83–85.
24. Колпина Л.В. Социальное здоровье: нормативная модель и реальность // Среднерусский вестник общественных наук. 2009. № 3. С. 53–59.
25. Приступа Е.Н. Междисциплинарное теоретическое обоснование понятия «социальное здоровье» личности ребенка // Социальная политика и социология. 2007. № 2. С. 117–125.
26. Кузнецова З.М., Павлова С.В. Теоретические аспекты понятия «Здоровье» // Педагогико-психологические и медико-биологические проблемы физической культуры и спорта. 2007. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoreticheskie-aspekty-ponyatiya-zdorovie> (дата обращения 13.09.2018).
27. Какорина Е.П. Социально-гигиенические особенности формирования здоровья населения в современных условиях: автореф. дис. ... д-ра мед. наук. М., 1999. 48 с.
28. Чентемирова Н.А. Социология здоровья в российских условиях рынка медицинских услуг. М.: МАКС Пресс, 2006. 256 с.
29. Von Neumann J., Morgenstern O. *Theory of Games and Economic Behavior*. Princeton: Princeton University Press, 1944. 641 p.
30. Ordeshook P. *Game Theory and Political Theory*. Cambridge: Cambridge University Press, 1986. 527 p.
31. Shelling T.C. *The Strategy of Conflict*. Cambridge, Massachusetts, 1963. 322 p.
32. Scherer F. *Industrial market structure and economic performance*. Chicago: Rand McNally & Co., 1971. 576 p.
33. Kegley Ch., Raymond G. *When trust breaks down: alliance norms and world politics*. Columbia: University of South Carolina Press, 1990. 337 p.
34. Lipson Ch. *Reliable partners: how democracies have made a separate peace*. Princeton: Princeton University Press, 2003. 272 p.
35. Kydd A. *Trust and mistrust in international relations*. Princeton: Princeton University Press, 2005. 304 p.
36. Hoffman A. *Building trust: overcoming suspicion in international conflict*. Albany: State University of New York Press, 2005. 213 p.
37. Koniordos S. *Networks, trust, and social capital: theoretical and empirical investigations from Europe*. Oxford: Ashgate Publishing Ltd., 2005. 294 p.
38. Cini M. *European Union politics*. Oxford: Oxford University Press, 2007, pp. 237–250.
39. Борко Ю.А. Западная Европа: социальные последствия капиталистической интеграции. М.: Наука, 1975. 302 с.
40. Буторина О.В. Экономический и валютный союз ЕС в мире. Теория и практика // Доклады Института Европы. 2001. № 85. 163 с.

41. Энтин М.Л. В поисках партнерских отношений: Россия и Европейский Союз в 2004–2005 годах. СПб., 2006. 576 с.
42. Luhmann N. *Trust and Power*. New York: John Wiley and Sons, 1979. 225 p.
43. Seligman A.B. *The Problem of Trust*. Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 1997. 240 p.
44. Fukuyama F. *Trust. The Social Virtues and the Creation of Prosperity*. New York: The Free Press, 1995. 457 p.
45. Misztal B. *Trust in Modern Societies*. Cambridge: Polity Press, 1996. 296 p.
46. Sztompka P. *Trust: A Sociological Theory*. New York: Cambridge University Press, 1999. 214 p.
47. Hardin R. *Conceptions and Explanations of Trust*. New York: Russell Sage Foundation, 2001, pp. 193–216.
48. Эрикссон Э. Идентичность: юность и кризис. М.: Прогресс, 1996. 342 с.
49. Hirsch F. *Social Limits to Growth*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1976. 208 p.
50. Сравнительный анализ доверия в различных странах / М. Сасаки [и др.] // Социологические исследования. 2013. № 3 (347). С. 60–73.
51. Селигмен А. Проблема доверия. М.: Идея-Пресс, 2002. С. 21.
52. Теннис Ф. Общность и общество // Социологический журнал. 1998. № 3 (4). С. 207–229.
53. Luhman N. Familiarity, Confidence, Trust: Problems and Alternatives. *Trust: Making and Breaking Cooperative Relations*. Ed. by D. Gambetta. Oxford: University of Oxford, 2000, ch. 6, pp. 94–107.
54. Giddens A. *The consequences of modernity*. Cambridge: Polity Press, 1990, pp. 34–36.
55. Uslaner E.M. *Democracy and Social Capital*. Forthcoming in Mark Warren, ed., *Democracy and Trust*. New York: Cambridge University Press, 1999, ch. 5 (2), pp. 121–150.
56. Фукуяма Ф. Доверие. Социальные добродетели и путь к процветанию. М.: АСТ: Ермак, 2004. 730 с.
57. Putnam R. *Making Democracy Work: Civic Traditions in Modern Italy*. Princeton: Princeton University Press, 1983. 288 p.
58. Uslaner E.M. *The Moral Foundations of Trust*. New York: Cambridge University Press, 2002. 298 p.
59. Реутов Е.В., Колпина Л.В. Социальное доверие в региональном сообществе // Социология и жизнь. 2010. № 3. С. 40–48.
60. Региональная социология: проблемы консолидации социального пространства России / отв. ред. В.В. Маркин. М.: Новый Хронограф, 2015. 600 с.
61. Модернизация экономики региона: социокультурные аспекты: монография / А.А. Шабунова [и др.]. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2012. 158 с.
62. Морев М.В. Глобальные угрозы и национальные особенности формирования социального капитала в России // Проблемы развития территории. 2018. № 2 (94). С. 106–119.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Морев Михаил Владимирович – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, заведующий лабораторией исследования социальных процессов и эффективности государственного управления, заместитель заведующего отделом исследования уровня и образа жизни населения. Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Вологодский научный центр Российской академии наук». Россия, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а. E-mail: 379post@mail.ru. Тел.: +7(8172) 59-78-21.

Шматова Юлия Евгеньевна – кандидат экономических наук, младший научный сотрудник отдела исследования уровня и образа жизни населения. Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Вологодский научный центр Российской академии наук». Россия, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а. E-mail: ueshmatova@mail.ru. Тел.: +7(8172) 59-78-02.

ON THE RELEVANCE OF THE ISSUE OF THE ROLE OF TRUST IN FORMING SOCIAL HEALTH OF RUSSIAN SOCIETY

The increasing role of human capital as a factor in the modern economy brings to a new level the question of preserving and improving people's health. At the same time, among various types of health, social health deserves special attention, which is associated with the specific characteristics of the modern historical stage of world civilization, in particular, with the strengthening of the role of non-economic, subjective factors in social development. Depending on the theoretical approach to understanding the essence of social health, its level may reflect different indicators. In particular (from the point of view of the sociological approach) these indicators can include parameters characterizing the degree of social activity of the population, as well as the closely related level of interpersonal and institutional trust. The paper presents the results of a long-term study of the dynamics of the relevant indicators. The goal of the study is to determine the degree of relevance of trust in the formation of social health for the Russian Federation in comparison with leading countries of Europe and the world. At the same time, it should be noted that the frontier of the modern historical period imposes a special responsibility on the key participants of geopolitical competition, because they should initiate the response of mankind to the global challenges of the future. The empirical base of the study includes data from international (The European Social Survey, Edelman Trust Barometer) and regional (monitoring of public opinion conducted by Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences) surveys. The results obtained allow us to speak about the low level of trust in Russian society, which is due to a number of reasons and has a negative impact on the state of social health, acts as a barrier in the implementation of national development priorities set out by the President in his Address to the Federal Assembly in 2018.

Social health, social activity, interpersonal and institutional trust, national development priorities.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Morev Mikhail Vladimirovich – Ph.D. in Economics, Leading Research Associate, Head of the Laboratory for Studies of Social Processes and State Administration Performance, Deputy Head of the Department of Living Standard and Lifestyle Studies. Federal State Budgetary Institution of Science “Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences”. 56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation. E-mail: 379post@mail.ru. Phone: +7(8172) 59-78-10.

Shmatova Yuliya Evgen'evna – Ph.D. in Economics, Junior Research Associate at the Department of Living Standards and Lifestyle Studies. Federal State Budgetary Institution of Science “Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences”. 56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation. E-mail: ueshmatova@mail.ru. Phone: +7 (8172) 59-78-02.

ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ ИНТЕРЕСЫ СЕЛЬСКОЙ МОЛОДЕЖИ: ОПЫТ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН, АЛТАЙСКОГО КРАЯ, РЕСПУБЛИКИ МОРДОВИИ

ШАДРИКОВ АЛЕКСАНДР ВАЛЕРЬЕВИЧ

Центр перспективных экономических исследований Академии наук Республики Татарстан
Россия, 420111, г. Казань, ул. Островского, д. 23/1
E-mail: aleksandr.shadrnikov@tatar.ru

ИЛЬДАРХАНОВА ЧУЛПАН ИЛЬДУСОВНА

«Центр семьи и демографии» Академии наук Республики Татарстан
Россия, 420111, г. Казань, ул. Лево-Булачная, д. 36а
E-mail: ildarhanova.chulpan@tatar.ru

Социально-демографическая структура сельских поселений является важным человеческим ресурсом развития сельских территорий Российской Федерации. Наличие группы детей и подростков на селе обуславливает необходимость сохранения/создания объектов образовательной, рекреационно-досуговой инфраструктуры, снижение рождаемости, в свою очередь, приводит к необходимости оптимизации важных учреждений социализации. В научной и общественной дискуссии центральной проблемой современного села обозначается его вымирание, предопределенное отсутствием жизненных перспектив для молодежи. Авторы статьи опровергают некоторые устоявшиеся стереотипы общественного сознания, связанные с развитием сельских территорий в регионах Российской Федерации. Наиболее важными реалиями современного российского села являются высокий репродуктивный потенциал молодых сельских женщин (в сравнении с городскими) и корреляция между числом детей у молодой сельской семьи и намерением мигрировать в город. В статье анализируются соци-

Цитата: Шадриков А.В., Ильдарханова Ч.И. Территориальные интересы сельской молодежи: опыт Республики Татарстан, Алтайского края, Республики Мордовии // Проблемы развития территории. 2018. № 6 (98). С. 107–118. DOI: 10.15838/ptd.2018.6.98.7

Citation: Shadrnikov A.V., Ildarhanova Ch.I. Territorial interests of rural youth: experience of the Republic of Tatarstan, Altai Krai, and the Republic of Mordovia *Problems of Territory's Development*, 2018, no. 6 (98), pp. 107–118. DOI: 10.15838/ptd.2018.6.98.7

ально-демографические, профессионально-трудо­вые, материальные, инфраструктурно-потребительские, рекреационно-образовательные интересы сельской молодежи в контексте социального воспроизводства российских сельских территорий. Целью авторского исследования является выявление социальных факторов, удовлетворяющих территориальные интересы сельской молодежи и влияющих на закрепление данной социально-демографической группы на селе, а также разработка предложений по преодолению эксклюзии современной сельской молодежи. Результаты комплекса социологических исследований, проведенных российскими учеными в Алтайском крае, Мордовии, и авторских исследований¹ в Республике Татарстан позволили обозначить актуальные тенденции, характеризующие территориальные интересы сельской молодежи: возраст­ные особенности динамики миграционных намерений, семья и дети в структуре территориального поведения сельской молодежи, конфликт профессионально-трудо­вых интересов молодежи на селе, высшее образование сельской молодежи как драйвер устойчивости села, патриотическое воспитание молодежи. Исследовательский интерес автора сфокусирован на активизации ресурса патриотического воспитания молодежи, которым располагает муниципальный район, для перспективного закрепления молодежи на селе. Авторы предложили локальную стратегию преодоления эксклюзии сельской молодежи, апробированную в Дрожжановском муниципальном районе Республики Татарстан. Разработанная авторами статьи стратегия может быть встроена в работу муниципальных районов других российских регионов с целью закрепления молодежи в сельских территориях.

Сельские территории, сельская молодежь, территориальные интересы, Республика Татарстан, Алтайский край, Мордовия, уровень образования, трудовая занятость, брачно-родительский статус, патриотическое воспитание, стратегии преодоления эксклюзии.

Актуальность

Социально-демографическая структура сельских поселений является важным человеческим ресурсом развития сельских территорий Российской Федерации. Наличие группы детей и подростков на селе обуславливает необходимость сохранения/создания объектов образовательной, рекреационно-досуговой инфраструктуры, снижение рождаемости, в свою очередь, приводит к необходимости оптимизации важных учреждений социализации [1].

Молодые женщины российского села имеют достаточно высокие в сравнении с городскими ровесницами показатели рождаемости – суммарный коэффициент рождаемости на селе – 1,923, в городе – 1,527². Значимые демографические события у сельской молодежи происходят раньше, чем у городских сверстников – более ранний возраст вступления в брак и рождения первых и последующих детей³. Состоящая в браке сельская молодежь отличается более активными стратегиями поведения в отношении как

¹ Социологическое исследование «Село. Уехать нельзя остаться. Поставь свою запятую» (февраль 2017 года). Автор диссертации собрал нарративы среди сельской молодежи. Выборка исследования составила 80 человек от 14 до 33 лет. Исследование было проведено в Дрожжановском муниципальном районе Республики Татарстан. Метод – глубинное интервью.

Социологическое исследование по изучению межпоколенческих социализационных практик сельской семьи – проведено в Дрожжановском муниципальном районе Республики Татарстан (2016 год). Выборочная совокупность составила 1920 человек. При определении выборки использовались данные генеральной совокупности, которая включала 750 старшеклассников (9 класс – 318 человек, 10 класс – 217 человек, 11 класс – 215 человек), их родителей и прародителей. Ошибка выборки составляет 0,86%. Метод – опрос. В опросе приняли участие три поколения одной семьи школьника. На этапе анкетного опроса среди семей учащихся старшего школьного возраста (первый период юности, возраст 15–18 лет) были зафиксированы представления о намерениях, ожиданиях, будущих профессиях у юношей и девушек.

² Суммарный коэффициент рождаемости на 01.01.2017 / Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography

³ Демографический ежегодник России – 2017: стат. сб. / Росстат. М., 2017. С. 59–60.

улучшения социально-экономических условий жизнедеятельности своей семьи, так и развития своего села [2].

С одной стороны, сельская молодежь вносит существенный вклад в воспроизводство социально-демографической структуры села, с другой стороны, существуют объективные ограничения для самореализации сельской молодежи в сфере образования, труда, отдыха, досуга, здоровьесбережения. Другая проблема заключается в вовлечении молодежи в сельскохозяйственную деятельность в масштабах производства, она обусловлена как тяжелым физическим трудом на личном подсобном, крестьянско-фермерском хозяйстве, семейной ферме, так и необходимостью значимых денежных вложений для развития собственного агродела, невысоким доходом от реализуемой продукции.

Ряд решений, направленных на укрепление сельских территорий, закрепление в них молодежи, реализован в государственных программах устойчивого развития сельских территорий РФ, специальных целевых программах поддержки молодых квалифицированных специалистов на селе, выделении целевых грантов и субсидий фермерам, единовременных выплат молодым сельским женщинам при рождении ребенка и др.

Социальная политика выступает одним из инструментов конструирования социальной среды, дружественной для молодежи, создания условий, способствующих формированию желания молодежи жить и работать на селе.

Целью авторского исследования является выявление социальных факторов, удовлетворяющих территориальные интересы сельской молодежи и влияющих на закрепление данной социально-демографической группы на селе, а также разработка предложений по преодолению эксклюзии современной сельской молодежи.

Научная разработанность

Влияние восприятия молодежью социального пространства села, особенностей взаимодействия в одном пространстве отдельных поколений представлено с учетом клю-

чевых положений теорий Д. Винникота [3], К. Линча [4], В.В. Маркина [5; 6], В.А. Писачкина [7, с. 11], А.Ф. Филиппова, З. Цефалви, В.А. Ядова [8].

Анализ факторов, влияющих на социально-профессиональное воспроизводство в сельских территориях РФ с разным потенциалом, проводился с опорой на разработки научного направления социология села (Т.Н. Бояк [9], П.П. Великий [10], Ч.И. Ильдарханова [11], З.И. Калугина, В.Г. Новиков, А.М. Сергиенко, А.А. Хагуров) и социологии региона (М.К. Горшков, А.И. Сухарев, Е.В. Мочалов и др.).

Взаимосвязь закрепления молодежи на селе с обретением определенного социального статуса, следованием социальным нормам и ожиданиям тех групп, членом которых индивид стремится стать, отличительными социальными характеристиками, свойственными периоду молодости, методологически основана на трудах отечественной школы социологии молодежи – Е.А. Гришиной, Ю.А. Зубок, В.А. Лукова, С.В. Полутина.

Конструирование жизненных траекторий сельской молодежи в условиях эксклюзии, стигматизации сформулировано в статье с опорой на идеи И. Гофмана [12], А. Клейнмана [13], Б.Дж. Линка [14], Л.В. Копиной, М.А. Кужелева, Т.В. Усковой [15], Дж.К. Фелана, Р. Холл-Клиффорда, С.С. Ярошенко.

Влияние окружающей среды, визуальных объектов, инфраструктуры на восприятие индивидом пространства жизнедеятельности раскрыта М.С. Косслином, В.В. Колодием, К. Линчем, С.Г. Ушкиным.

Особое значение в исследованиях города и деревни имеет «территориальное поведение». На основании концепции П. Бергера и Т. Лукмана среди видов социального действия можно обособить пространственно-временное действие как некие поступки индивида, обусловленные конкретным временем и пространством их совершения [16]. А.Ю. Завалишин и И.П. Рязанцев предлагают изучать пространственно-временное действие как действие, предопределенное территорией, где оно совершается; косвенно «включающее

данную территорию в акт социального взаимодействия; основанное на пространственной (территориальной) рефлексии субъекта» [17, с. 83]. Территория в данном виде социального действия может играть три роли, являясь средой, фактором или идеей. В случае, когда территория выступает идеей, субъект рефлексии ориентируется на территорию, самоидентифицируется с ней, осознает и переживает текущие социальные процессы, протекающие в ней.

Социологи пространства обращаются к такому социокультурному феномену, как «чувство территории» (под которым подразумевается привязанность и идентификация себя со своим домом, землей, населенным пунктом, регионом, областью, Родиной), подчеркивая, что оно выступает значимым атрибутом социализации каждого индивида. Формирование данного вида идентичности происходит посредством коммуникации.

В исследовании проблема закрепления молодежи на селе раскрывается автором в ракурсе территориальных интересов данной социально-демографической группы. «Территориальные интересы» включают в себя социально-демографические (репродуктивные, матримониальные, самосохранительные), профессионально-трудовые, материальные, инфраструктурно-потребительские, рекреационно-образовательные, социально-политические [18, с. 300–325; 19]. Существуют инновационная и миграционная стратегии, с помощью которых осуществляются территориальные интересы групп. Инновационная стратегия – это активное использование локальных социальных, экономических, административных, политических ресурсов для удовлетворения потребностей населения. Миграционная стратегия подразумевает переезд из неблагоприятной территории в желаемую, перенос образцов поведения прежней культуры в новое жизненное пространство, часто ведущих к возникновению социальной напряженности в общностях нового проживания. Исследовательский интерес автора сфокусирован на стратегии интеграции ресурсов, которыми располагает муниципальный район.

Результаты комплекса социологических исследований, проведенных российскими учеными, и авторских исследований позволили обозначить актуальные тенденции, характеризующие территориальные интересы сельской молодежи.

Возрастные особенности динамики миграционных намерений

Зафиксировано противоречие в расхождении перспектив жизненного пространства у агентов социализации сельской молодежи для себя лично и своих потомков. Большинство родителей и прародителей сельских школьников Республики Татарстан (76,2%) не хотят, чтобы их дети, внуки после обучения в вузе вернулись из города в село, предпочитают, чтобы они продолжили свой жизненный путь в городе⁴. В то же время сами родители и прародители не желают переезжать в город (82%). По достижении старости ощущение себя в сельском пространстве становится более гармоничным, с возрастом увеличивается доля сельчан, полностью и частично удовлетворенных жизнью на селе (рис. 1).

Неизбежное явление – массовая миграция молодежи из села – зафиксировано в Алтайском крае, о чем свидетельствуют ответы экспертов, принявших участие в исследовании⁵. Однако результаты этих же экспертных опросов 2011 года выявили около 30% респондентов, считающих, что проблема миграции для села не так уж катастрофична [20, с. 135]. Более того, по ответам экспертов из ЗАТО Сибирский в их населенный пункт молодежь приезжает на постоянное место жительства.

⁴ Социологическое исследование, проведенное при участии автора, «Социальный капитал села Республики Татарстан», 2016 год (Пестречинский муниципальный район, Кукморский муниципальный район, Дрожжановский муниципальный район, Высокогорский муниципальный район РТ). Из общей выборки исследования (3798 чел.) выделена группа молодежи от 18 до 33 лет (694 чел.). Метод – опрос, раздаточное анкетирование.

⁵ Социологическое исследование «Сельская бедность в новой России: механизмы формирования и преодоления», 2011 г. Выборка – 60 экспертов – руководителей и специалистов федеральных, региональных и муниципальных органов управления, предприятий АПК и общественных организаций; свободное интервью 8 руководителей региональных органов управления.

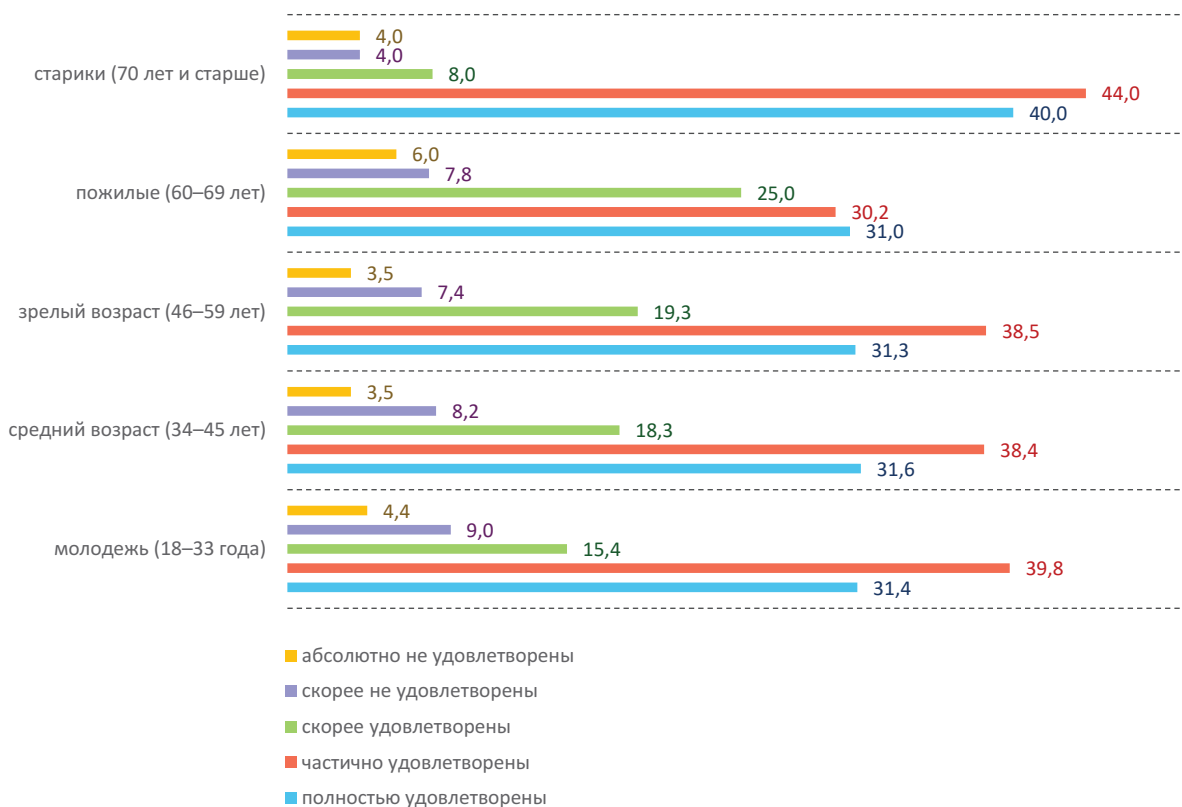

Рис. 1. Удовлетворенность населения Республики Татарстан жизнью на селе, %

Источник: социологическое исследование «Социальный капитал села Республики Татарстан».

Из экспертных интервью: «На первое место (среди социально-экономических проблем села) я бы поставила безработицу и отток молодежи из села», – депутат регионального законодательного органа, руководитель общественной организации. «А если нет в селе молодежи, о чем можно говорить? Отсутствие молодого поколения – это самая главная бедность нашей сегодняшней деревни», – бывший руководитель законодательного органа региона.

Зафиксировано снижение миграционных планов сельчан с увеличением возраста – коэффициент Крамера 0,26 [20, с. 135] (рис. 2).

В то же время выявлена группа тех, кто желал бы переехать, но не имеет возможности. Таковых более всего среди самых молодых.

Семья и дети в структуре территориального поведения сельской молодежи

Доля сельской молодежи Республики Татарстан, желающей сменить место житель-

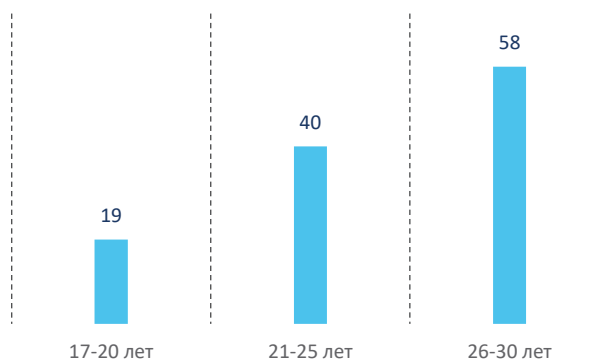

Рис. 2. Алтайские сельчане, не собирающиеся менять место жительства*, %

* Доля от 100% респондентов каждой подкатегории, выбравших данный ответ.

Источник: Социальная поддержка сельских молодых семей в Алтайском крае: монография / под ред. А.М. Сергиенко, С.А. Решетниковой. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2013. С. 135.

ства, почти в 2,5 раза больше среди создавших свою семью, чем среди неженатых/незамужних (рис. 3).

Это стремление обусловлено, на наш взгляд, необходимостью для молодых родителей увеличить доход семьи, желанием обе-

Таблица. Намерения алтайских сельчан сменить свое место жительства, %

	2008 г.	2011 г.
Нет, не хочу, буду жить там, где живу	50	45
Хотелось бы, но нет денег на переезд	10	14
Планирую уехать в другую страну	3	1
В европейскую часть России	2	3*
На Север	1	
В соседний регион Сибири	4	
В другой город (район) своей области (края, республики)	13	19
В другое село того района, в котором живу	1	1
Еще не знаю, куда именно, но куда-нибудь уеду	6	4
Затрудняюсь ответить	10	8
Другое (в пределах своего села)	1	5

Источник: Социальная поддержка сельских молодых семей в Алтайском крае: монография / под ред. А.М. Сергиенко, С.А. Решетниковой. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2013. С. 135.
* В 2011 г. формулировка вопроса несколько отличалась – Хотелось бы, но нет возможности: возраст, здоровье, нет денег на переезд, другое.

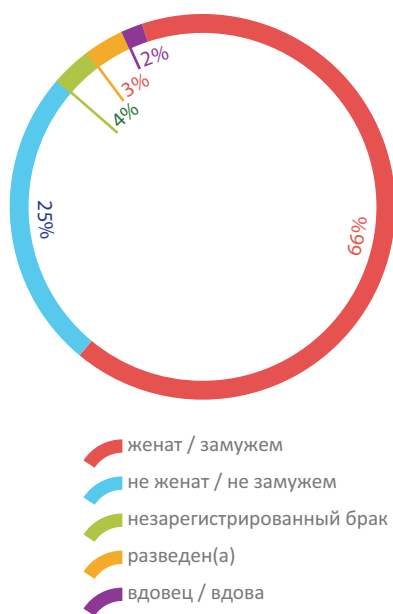

Рис. 3. Структура сельской молодежи Республики Татарстан, испытывающей потребность в смене места жительства, %

Источник: социологическое исследование «Социальный капитал села Республики Татарстан».

спечить своим детям доступ к медицинским, дошкольным образовательным, культурным учреждениям высокого уровня. Такого качества ресурсы может «предложить» только город. Даже при наличии современных инфраструктурных возможностей на селе непреодолима проблема их кадрового обеспечения.

Формирование своей семьи становится стимулом изменения пространства жизнедеятельности (рис. 4).

Рис. 4. Потребность в смене места жительства у сельской молодежи Татарстана с разным семейным положением, %

Источник: социологическое исследование «Социальный капитал села Республики Татарстан».

Состояние в зарегистрированном браке способствует закреплению молодых семей на селе и в Алтайском крае – 52% представителей данной группы планируют остаться на селе, в то время как среди неполных семей доля тех, кто желает переехать, но такой возможности не имеет, выше. Около 30% неполных семей и состоящих в незарегистрированном браке планируют переехать в город. А.М. Сергиенко и С.А. Решетникова эмпирически установили, что не только состояние в браке, но и наличие большого числа детей в семье влияет на закрепление молодых семей на селе (рис. 5).

Конфликт профессионально-трудовых интересов молодежи на селе

Способность села предоставить молодежи возможность зарабатывать деньги, заниматься интересным делом, иметь работу определяется во многом его близостью к городу или природными ресурсами. Данные по Республике Татарстан в целом носят усредненный характер, отражающий более положительную, чем в реальности по отдельным муниципальным районам, картину.

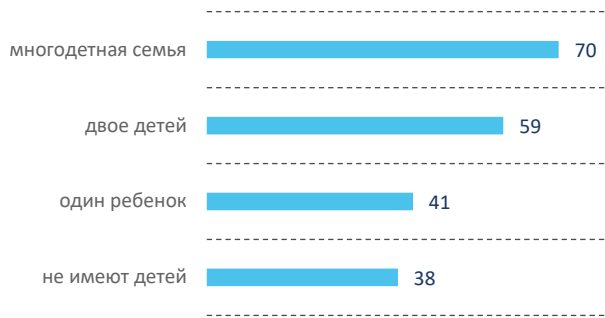

Рис. 5. Корреляция между установкой молодых сельчан Алтайского края остаться на селе и количеством детей в семье, %

Источник: Социальная поддержка сельских молодых семей в Алтайском крае: монография / под ред. А.М. Сергиенко, С.А. Решетниковой. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2013. 202 с.

Результаты опроса молодых сельчан из разных зон социально-экономического развития Республики Татарстан позволяют выделить подгруппу работающих в пределах своего муниципального района (74,3%). Сам факт наличия работы в селе проживания положительно влияет на социально-пространственную идентификацию сельской молодежи. В то же время занятость молодых людей может носить вынужденный характер и не отражать их реальные профессионально-трудовые интересы, что может вызывать стагнацию личностного и карьерного развития молодежи (рис. 6).

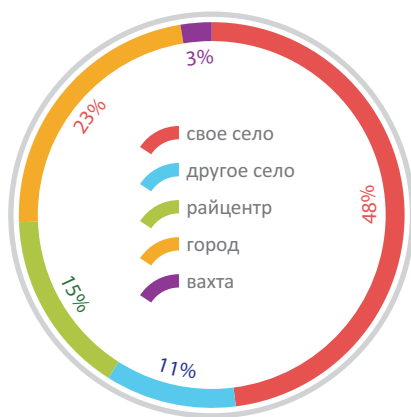

Рис. 6. Территориальное место расположения работы сельской молодежи в Республике Татарстан, %

Источник: социологическое исследование «Социальный капитал села Республики Татарстан».

Эффективным механизмом закрепления молодых специалистов в сфере сельского хозяйства является триада студент/вуз/работодатель, ориентированная на формирование установки остаться на селе после получения образования. В Республике Мордовии в среднем половина выпускников агровузов трудоустраивается по специальности – 51,4% от выпуска, 45,4% сельскохозяйственного выпуска остается работать в районах республики [21, с. 205–213]. Закономерно, что 80% студентов, обучающихся по сельскохозяйственным специальностям, – выходцы из села. Проблемой остается несоответствие количества выпускников аграрных вузов количеству реальных рабочих мест по специальности.

Экспертные дискуссии профессионального сообщества социологов села – П.П. Великого (Саратовская область), А.А. Хагурова (Краснодарская область), З.И. Калугиной (Новосибирская область), Р.Р. Салахутдиновой (Республика Башкортостан), Ч.И. Ильдархановой (Республика Татарстан) – на всероссийских научных конференциях позволяют делать вывод о высокой значимости, с одной стороны, личности и авторитета глав муниципальных районов, внедряющих федеральные и региональные, а также муниципальные программы по поддержке сельской молодежи, с другой стороны, социальной активности самой молодежи.

Высшее образование сельской молодежи как фактор (возвратной) миграции

На первом этапе стремление получить высшее образование выступает фактором миграции в город на период обучения в вузе. «Наибольший миграционный потенциал – среди респондентов, имеющих неполное высшее образование. В основном это студенты, только каждый пятый из них не планирует изменять место жительства, каждый третий планирует переехать в городскую местность, каждый десятый – в другой регион России» [5, с. 137].

Однако вопреки устоявшимся стереотипам общественного сознания статус выпускника вуза не связан напрямую с реальной

ориентацией сельской молодежи на закрепление в городе. Зафиксирован феномен возвратной миграции после получения высшего образования. Эмпирические исследования выявили парадоксальный факт – чем выше уровень образования, тем в большей степени молодой сельчанин настроен остаться на селе. Наличие высшего образования у молодых сельчан Татарстана способствует закреплению на селе – 65% респондентов с высоким образовательным статусом собираются остаться на селе. В то же время желание учащихся вернуться в село находится в зависимости от уровня образования родителей. Больше половины старшеклассников сельского Татарстана, родители которых имеют начальное, неполное среднее образование, собираются вернуться в село, с повышением уровня образования родителей данный показатель снижается на 44,4% и достигает 14,4%.

Патриотическое воспитание молодежи

Создание благоприятной среды для жителей, способствующей уменьшению миграционного потока, стало практико-ориентированной целью стратегии развития Дрожжановского муниципального района Республики Татарстан.

Одной из главных задач Подпрограммы «Патриотическое воспитание молодежи Республики Татарстан на 2014–2016 годы» государственной программы «Развитие физической культуры, спорта, туризма и повышение эффективности реализации молодежной политики» выступает «развитие и модернизация системы патриотического воспитания, обеспечивающей поддержание общественной и экономической стабильности в районе, формирование у детей и молодежи Дрожжановского района Республики Татарстан гражданской идентичности, высокого патриотического сознания, верности Отечеству, готовности к выполнению конституционных обязанностей, толерантности, культуры межэтнических и межконфессиональных

отношений»⁶. В ходе реализации данной подпрограммы в Дрожжановском муниципальном районе Республики Татарстан при участии автора статьи была разработана и интегрирована оригинальная схема взаимодействия руководства муниципального района с молодежью.

Данная стратегия включала в себя комплекс практик:

1) плановые ежемесячные встречи с работающей молодежью, по своей форме и содержанию соответствующие не просто информационным встречам, на которых анонсируются действующие и новые муниципальные, республиканские, федеральные программы поддержки сельской молодежи, а фокус-группам, по итогам которых формируются дальнейшие направления решения актуальных для молодежи социальных проблем;

2) формирование базы данных перспективной молодежи (для последующего целевого набора в вузы по очной и заочной формам обучения);

3) проведение заседаний Детской районной Думы, которые позволяют сельским подросткам самореализовываться в общественно значимой деятельности, влиять на молодежную политику муниципального района, формировать собственные представления о социальной структуре родного сельского района;

4) организация Форума юных граждан (агентами взаимодействия выступают Глава муниципального района, Отдел по делам молодежи, спорту и туризму на базе МБОУ «Стародрожжановская СОШ № 1», Региональная общественная организация «Совет детских организаций Республики Татарстан»): данное мероприятие представляет собой взаимодействие органов власти, исполнительных муниципальных органов, директоров школ по воспитательной части (20 человек) и самой сельской молодежи (более 100 учеников);

5) выездные мероприятия для организации досуга работающей сельской молодежи в детском оздоровительном лагере «Чайка»;

⁶ Подпрограмма «Патриотическое воспитание молодежи Республики Татарстан на 2014–2016 годы» государственной программы «Развитие физической культуры, спорта, туризма и повышение эффективности реализации молодежной политики».

6) вечерний молодежный сабантуй в рамках национального татарского праздника Сабантуй;

7) летние студенческие кампусы во всех сельских домах культуры и сельских клубах (круглые столы со студентами, выходцами из села, главами сельских поселений, ветеранов ВОВ и др.);

8) интеллектуально-поисковый квест «История моего села»;

9) соревнования по автозвуку (организованные Отделом культуры Дрожжановского муниципального района, Советом работающей молодежи Дрожжановского муниципального района, районным отделением АМО Республики Татарстан);

10) фестиваль ВИА Fest «Встреча с песней» (организован по инициативе Дрожжановского территориального отделения республиканского общественного движения «Татарстан – Новый Век» – «Татарстан – Яна Гасыр» в рамках юбилейного 45-летия образования вокально-инструментального ансамбля «Аэлита»);

11) муниципальный этап республиканского Чемпионата Республики Татарстан по КВН для команд работающей молодежи и молодых специалистов из сельских поселений района (8 команд-участников, команда Стародрожжановского сельского поселения стала обладательницей Гран-при и представила район на республиканском этапе);

12) участие команды Дрожжановской работающей молодежи в ежегодном открытом республиканском телевизионном фестивале творчества работающей молодежи «Наше время – Безнен заман» в г. Казани (2 место в зональном этапе в музыкальном направлении, 3 место в хореографии, 3 место в общекомандном зачете в 2017 году);

13) участие в суперфинале в Гала-концерте в КРК «Пирамида» в г. Казани;

14) культурное мероприятие «День призывника»;

15) «Вперед, юнармейцы!»;

16) митинги ко дню рождения героев Дрожжановского муниципального района и к памятным датам;

17) спортивные мероприятия: «Лыжня России – 2017», соревнования по бильярду, легкоатлетическая эстафета «Вперед, к Победе», «Золотая шайба – 2017», соревнования среди организаций и учреждений, выездные и местные соревнования по культивируемым видам спорта, хоккей на траве, выездные соревнования по волейболу среди мужских команд и т. д.

Формальное официальное присвоение статуса «Года молодежи и молодежных инициатив» в Дрожжановском муниципальном районе Республики Татарстан, что повлекло за собой расширение практикуемых инициатив по улучшению социокультурного климата сельской молодежи.

В 2017 году в Казанском государственном аграрном университете обучалось 47 уроженцев Дрожжановского муниципального района, в Казанской государственной академии ветеринарной медицины – 8. Подготовка специалистов со средним профессиональным образованием ведется в двух аграрных средних специальных учебных заведениях, Буинском ветеринарном техникуме (6 чел.), Тетюшском сельскохозяйственном техникуме (1 чел.), Ульяновской государственной сельскохозяйственной академии (29 чел.), Чувашской государственной сельскохозяйственной академии (8 чел.).

Интеграция комплекса практик по патристическому воспитанию сельской молодежи, модернизации культурного, образовательного, спортивного, здоровьесберегающего пространства в Дрожжановском муниципальном районе Республики Татарстан стала одним из факторов, способствующих возвращению в родной район сельской молодежи (70%) после окончания вуза. Немаловажную роль в достижении этого показателя сыграла разработанная автором статьи стратегия преодоления эксклюзии сельской молодежи, которая была реализована в рамках программы патристического воспитания и показала свою результативность на примере Дрожжановского муниципального района Республики Татарстан. Данная программа носит универ-

сальный (типичный) характер и может быть встроена в работу муниципальных районов других российских регионов с целью закрепления молодежи в сельских территориях.

ЛИТЕРАТУРА

1. Молодежь современной России – ключевой ресурс модернизации: монография / колл. авт.; общ. ред. А.А. Шабуновой. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2013. 148 с.
2. Калачикова О.Н., Шабунова А.А. Возможности и резервы рождаемости в России // Проблемы развития территории. 2013. № 68. С. 66–72.
3. Winnicott D.W. *Playing and Reality*. Harmondsworth: Penguin, 1974, p. 83.
4. Lynch K. *The Image of the City*. Cambridge: MIT Press, 1960. 144 pp.
5. Маркин В.В. Региональная структура российского общества. Ч. 2. Основные акторы региональных полей: взаимодействие на разных уровнях // Вестник ВЭГУ. 2016. № 4 (84). С. 83–97.
6. Маркин В.В. Теоретико-методологические проблемы социально-пространственной и социально-территориальной идентификации: региональный узел // Региональная социология: проблемы консолидации социального пространства России / Горшков М.К. [и др.]. М., 2015. С. 11–33.
7. Писачкин В.А., Козин В.В. Регион как смысловая конструкция в социологии. Практический смысл региональных исследований // Регионоведение. 2011. № 4 (77). С. 4–12.
8. Ядов В.А. Социальная идентификация в кризисном обществе // Социологический журнал. 1994. № 1. С. 35–52.
9. Бояк Т.Н. Духовно-нравственные ценности сельской молодежи (на материалах Бурятии и Читинской области) // Социологические исследования. 2009. № 4. С. 117–122.
10. Великий П.П. Российское село. Процессы постсоветской трансформации: монография / под ред. Ю.С. Воронова. Саратов: Научная книга, 2012. 340 с.
11. Ильдарханова Ч.И. Социально-профессиональная структура современного российского агросельского пространства: проблемы мобильности // Теория и практика общественного развития. 2014. № 14. URL: http://teoria-practica.ru/rus/files/arhiv_zhurnal/2014/14/sociology/ildarhanova.pdf
12. Goffman E. *Stigma: Notes on the Management of Spoiled Identity*. N.Y.: Prentice-Hall, 1963. URL: <http://ecsocman.hse.ru/text/17687311>
13. Kleinman A., Hall-Clifford R. Stigma: a social, cultural and moral process. *Epidemiol Community Health June*, 2009, vol. 63, no. 6, pp. 418–419.
14. Link B.G., Phelan Jo C. Conceptualizing Stigma. *Annual Review of Sociology*, vol. 27, pp. 363–385.
15. Социально-экономическое неравенство населения в региональном измерении / К.А. Гулин [и др.] // Пространственная демография и социальная среда: монография / под ред. Е.М. Авраамовой. М.: ИСЭПН РАН, 2013. С. 123–195.
16. Бергер П. Социальное конструирование реальности: трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995. 323 с.
17. Завалишин А.Ю., Рязанцев И.П. Территориальное поведение. Опыт теоретико-методологического анализа // Социс. 2005. № 10. С. 83.
18. Заславская Т.И., Рывкина Р.В. Социология экономической жизни: очерк теории. Новосибирск, 1991. С. 300–325.
19. Иванова О.А. Социальное положение сельской молодежи как территориально-демографической группы населения: теоретико-методологические основы экономико-социологического анализа // Вестник НГУ. Серия «Социально-экономические науки». 2013. Т. 13. Вып. 3. С. 130.
20. Социальная поддержка сельских молодых семей в Алтайском крае: монография / под ред. А.М. Сергиенко, С.А. Решетниковой. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2013. 202 с.
21. Полутин С.В., Иншаков В.А. Формирование социально-профессионального статуса специалистов АПК региона // Регионоведение. 2009. № 1. С. 205–213.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Шадриков Александр Валерьевич – аспирант. ГБУ «Центр перспективных экономических исследований Академии наук Республики Татарстан». Россия, 420111, г. Казань, ул. Островского, д. 23/1. E-mail: aleksandr.shadrikov@tatar.ru. Тел.: +7(843) 267-68-01.

Ильдарханова Чулпан Ильдусовна – доктор социологических наук, директор. ОСП «Центр семьи и демографии» Академии наук Республики Татарстан». Россия, 420111, г. Казань, ул. Луго-Булачная, д. 36а. E-mail: ildarhanova.chulpan@tatar.ru. Тел.: +7(843) 292-38-95.

Shadrikov A.V., Ildarkhanova Ch.I.

TERRITORIAL INTERESTS OF RURAL YOUTH: EXPERIENCE OF THE REPUBLIC OF TATARSTAN, ALTAI KRAI, AND THE REPUBLIC OF MORDOVIA

Socio-demographic structure of rural settlements is an important human resource for the development of rural areas in the Russian Federation. The presence of a group of children and adolescents in rural areas necessitates the preservation/creation of educational, recreational and leisure infrastructure. Birth rate reduction, in turn, leads to the need to optimize important institutions of socialization. In scientific and public discussions, the main issue of the modern village is its extinction, predetermined by the lack of life prospects for young people. The authors of the paper refute some established stereotypes of public consciousness associated with the development of rural areas in the regions of the Russian Federation. The most important realities of modern Russian rural areas are the high reproductive potential of young rural women (compared to urban women) and the correlation between the number of children in a young rural family and the intention to migrate to the city. The article analyzes the socio-demographic, professional, labor, material, infrastructure, consumer, recreational and educational interests of rural youth in the context of social reproduction in Russian rural areas. The goal of the study is to identify social factors that satisfy the territorial interests of rural youth and affect the intentions of this socio-demographic group to stay in rural areas, as well as the development of proposals to overcome the exclusion of modern rural youth. The results of the sociological research conducted by Russian scientists in Altai Krai, Mordovia, and the author's research in the Republic of Tatarstan make it possible to identify current trends that characterize the territorial interests of rural youth: age-specific dynamics of migration intentions, family and children in the structure of territorial behavior of rural youth, the conflict of professional and labor interests of young people in rural areas, higher education of rural youth as a driver of rural sustainability, patriotic education of young people. The research interest of the author is focused on the promotion of the resource of patriotic education of young people, which a municipal district has, for the prospective consolidation of young people in rural areas. The authors propose a local strategy to overcome the exclusion of rural youth; the strategy was tested in Drozhzhanovsky Municipal District of the Republic of Tatarstan. The strategy developed by the authors can be integrated into the work of municipal districts of other Russian regions for the purpose of consolidating young people in rural areas.

Rural areas, rural youth, territorial interests, Republic of Tatarstan, Altai Krai, Mordovia, educational level, employment, marital and parental status, patriotic education, strategies to overcome exclusion.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Shadrikov Aleksandr Valer'evich – Post-graduate student. Center of Advanced Economic Research in the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. 23/1, Ostrovsky Street, Kazan, 420111, Russian Federation. E-mail: aleksandr.shadrikov@tatar.ru. Phone: +7(843) 267-68-01.

Ildarkhanova Chulpan Il'dusovna – Doctor of Sociology, Director. Center for Family and Demography of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. 36A, Levo-Bulachnaya Street, Kazan, 420111, Russian Federation. E-mail: ildarhanova.chulpan@tatar.ru. Phone: +7(843) 292-38-95.

МЕТОДОЛОГИЯ ОЦЕНКИ СОЦИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ¹

ПОПОВ ЕВГЕНИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ

Институт экономики Уральского отделения Российской академии наук
Россия, 620014, г. Екатеринбург, ул. Московская, д. 29
E-mail: epopov@mail.ru

СЕМЯЧКОВ КОНСТАНТИН АЛЕКСАНДРОВИЧ

Институт экономики Уральского отделения Российской академии наук
Россия, 620014, г. Екатеринбург, ул. Московская, д. 29
E-mail: k.semyachkov@mail.ru

В статье рассматривается важная проблема функционирования региональных экономических систем в условиях трансформации социально-экономических отношений и появления новых форм активности, таких как создание социальных инноваций и их реализация в виде социального предпринимательства. В работе отмечается, что подход к общественному развитию, связанный с социальными инновациями, является одним из перспективных. Деятельность по развитию социальных инноваций нашла широкое применение в социальной политике множества стран и отмечается результативностью. В настоящее время идеи в этой области внедряются и в российскую практику. Развитие социальной экономики в целом очень значимо, так как это единственно возможный ответ на растущие проблемы общества. Существенную роль в данных процессах играют социально-эконо-

Цитата: Попов Е.В., Семячков К.А. Методология оценки социального развития регионов // Проблемы развития территории. 2018. № 6 (98). С. 119–130. DOI: 10.15838/ptd.2018.6.98.8

Citation: Popov E.V., Semyachkov K.A. Method to Evaluate Social Development of Regions. *Problems of Territory's Development*, 2018, no. 6 (98), pp. 119–130. DOI: 10.15838/ptd.2018.6.98.8

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 17-06-00281 «Моделирование институциональной среды социально-инновационного развития России».

мические институты, их готовность к генерации, трансплантации передовых механизмов социальных преобразований. В качестве дорожной карты социального развития чаще всего выступают индикаторы, публикуемые авторитетными международными организациями. Одним из основных является индекс социального развития (Social Progress Index), включающий индикаторы здравоохранения, образования, экологической безопасности. Он дает возможность оценить текущий уровень, выявить слабые места, задать вектор инновационных преобразований. В статье рассматриваются особенности разработки индекса социального развития применительно к регионам России. Авторы предлагают подход, особенностью которого является адекватная замена определяемых экспертным методом индикаторов международного индекса отечественными статистическими данными, более полно описывающими социальное развитие российских регионов. Исследование методического аппарата проведено на примере регионов Уральского федерального округа.

Индекс, социальный прогресс, инновации, регион, оценка.

Изменения в общественных отношениях, растущее число проблем социально-экономического характера все чаще вызывают необходимость усиления значимости социального развития регионов России, выявления путей активизации потенциала их устойчивого развития и повышения благосостояния населения. Согласованный подход к социально-экономическому развитию на уровне регионов требует создания комплексной системы управления, включающей элементы стратегического планирования, оперативного управления и механизмы согласования хозяйствующих субъектов [1]. Достижение поставленных целей при этом зачастую сводится к способности управлять значимой компонентой комплексного регионального потенциала – его инновационными возможностями. В основе такого управления – своевременное выявление и эффективный отбор востребованных идей и их реализация в виде социальных и технологических инноваций с дальнейшим внедрением. Для этого необходимо наладить постоянно функционирующие каналы взаимодействия между хозяйствующими субъектами, органами власти, представителями научного сообщества и общественных организаций. На самом деле, современная ситуация требует пересмотра подходов к оценке успешности развития той или иной территории. Очевидно, что слишком упрощенный подход, заключающийся в оценке успешности развития исключительно на основе экономических достижений, не отвечает современным реалиям. Именно состояние социальной сферы, эле-

менты которой определяют уровень развития общества, качество жизни граждан, приобретает особую значимость на постиндустриальном этапе. Базис такого концептуального формата составляют взгляды институционализма, для которого свойственна идея синтеза экономического и социального анализа. В ее рамках экономические сущности получают свое объяснение не только материальными, но и социальными условиями существования на уровне как отдельного индивида, так и общества в целом [2].

Согласно сформировавшимся воззрениям ученых, рыночная система способствует появлению как конструктивных, так и деструктивных явлений. Поэтому исследователи достаточно часто отмечают, что рыночная самоорганизация не может вывести социально-экономическую систему на путь устойчивого развития. Это объясняется невозможностью преодоления глубоких кризисов без вмешательства и регулирования со стороны государства. Отсюда возникает необходимость формирования иных принципов, которые способствовали изменениям в поведении экономических агентов [3].

В быстро меняющихся условиях практика управления все чаще основывается на инновационном подходе к развитию социальной сферы, заключающемся в формировании новых идей, концепций, технологий, способствующих решению социально значимых задач и вызывающих социальные изменения в обществе. Зачастую социальные инновации рассматриваются как важнейший (но не един-

ственный) драйвер социального развития, поэтому в контексте данной работы такие понятия, как «социально-инновационное развитие», «социальное развитие», «общественное развитие», используются как синонимы.

В настоящее время исследование социальных преобразований особенно важно ввиду появления новых метрик общественного развития, где основными индикаторами выступают показатели качества жизни. При этом инструментарий оценки социального развития на региональном уровне развит недостаточно, что затрудняет инновационное развитие социальной сферы. Анализ различных сегментов социальной сферы должен позволить выявить направления, где достигнуты значительные успехи, а также идентифицировать отстающие направления. При этом стимулирование преобразований в этих направлениях должно существенно повысить качество жизни населения. Такой подход должен стать дорожной картой социальных преобразований в регионе. В связи с этим целью данной работы является разработка адекватного инструментария для оценки социального развития регионов России (на базе международного опыта), особенностью которого является использование отечественных показателей статистической отчетности. Для достижения поставленной цели работа была выстроена из логически связанных частей: в первой рассмотрены теоретические аспекты социально-инновационного развития, затем проанализированы факторы социально-инновационного развития на региональном уровне, исследован опыт оценки социального развития на международном уровне, после этого предложена авторская методика оценки социального развития региона, которая выявляет слабые места в общественном развитии и может являться инструментом для стимулирования создания социальных инноваций в регионе.

Теория социально-инновационного развития регионов

Сегодня региональная социальная среда является совокупностью социальных отношений, влияющих на характер и поведение

людей, оказывающих воздействие на различные общественные группы и формирующих условия труда, быта, культуры, здравоохранения и социального обеспечения внутри региона. Развитие социальной среды региона во многом определяется социальными инновациями, которые являются основным фактором повышения уровня жизни населения. Социальная среда региона представляет собой совокупность отраслей, предприятий, организаций, непосредственно связанных и определяющих образ и качество жизни людей, уровень их благополучия. Сюда же можно отнести сферу услуг (образование, культура, здравоохранение, социальное обеспечение, физическая культура, общественное питание, коммунальное обслуживание, пассажирский транспорт, связь) [4].

Социально-инновационные технологии – последовательность действий, направленных на создание и внедрение нововведений в обществе, которые вызывают качественные изменения в разных сферах жизни, повышают эффективность использования материальных и других ресурсов. Основные особенности их применения в настоящее время заключаются в широком использовании цифровых инноваций, к примеру, социальных сетей, цифровых платформ, а также новых моделей организации, таких как краудсорсинг и краудфандинг. Главная задача при этом – привлечь к решению социальных проблем как можно более широкий круг заинтересованных сторон. Генерации позитивных изменений в социальной сфере чаще всего способствуют такие процессы, как обострение социальных проблем, нехватка ресурсов для реализации мер по развитию социальной сферы и развитие международных стандартов социальной среды в целом. При этом если ранее забота о развитии социальной сферы в стране лежала на плечах государственных структур, то в эпоху укоренения сетевых сообществ все большее количество их индивидумов втягивается в процесс решения социальных затруднений.

Результатом творческого этапа процесса генерации инноваций являются новые идеи.

Однако каждая идея требует усилий по ее реализации и внедрению в общественную практику. Реализация и воплощение идеи предполагает ряд последовательных шагов, включающих оценку ее потенциала, определение необходимого объема ресурсов на ее воплощение и разработку необходимой модели организации [5]. Если рассматривать прикладные аспекты социального развития, то можно отметить, что в большей степени они касаются таких направлений, как борьба с безработицей, повышение доходов, качество жизни населения; различных видов образования; здравоохранения; культуры и досуга; социальной защиты; безопасности; охраны окружающей среды.

Одной из перспективных форм интеграционного объединения, направленных на системное решение общественных проблем, прежде всего на региональном уровне, является социальный кластер. Именно кластерный подход в социальной сфере дает возможность объединения региональных ресурсов и кооперации между заинтересованными сторонами с целью удовлетворения потребности граждан в социальных услугах нового качества. Использование методологии кластерного подхода позволит оптимизировать затраты и мобилизовать ресурсы за счет кооперации с другими резидентами, повысить конкурентоспособность услуг, создать новые производственные цепочки [6]. В настоящее время реализация идеи социальных кластеров осуществляется в ряде регионов РФ, в частности, в Омской, Свердловской областях.

Среди существенных барьеров, препятствующих преобразованиям, прежде всего необходимо отметить так называемые институциональные ловушки, связанные с несовершенством институтов различного уровня [7].

В таких условиях особо актуализируется необходимость интеграции научной и образовательной деятельности, усиленного поиска творчески одаренной молодежи, стимулирования ее интереса к науке и творчеству, развития ее способностей. Цифровые технологии создают для такого поиска безграничные возможности [8].

В научной литературе распространено мнение, что социальные инновации являются следствием развития техники и технологий, и чем существеннее такое развитие, тем большее влияние оно оказывает на социальные преобразования. Но не стоит недооценивать и обратную зависимость. Социальные институты являются основой любого поведенческого действия, тем самым задают определенный вектор развития и налагают определенные ограничения [9]. Опыт развития мировой экономики показал, что существенная роль внедрения инноваций принадлежит, в частности, предпринимательскому сообществу. Социальное предпринимательство является относительно новым явлением и достаточно эффективным способом ведения социально-экономической деятельности, соединяющей социальные цели с целью получения определенного дохода. Социальное предпринимательство выступает в качестве дополнительного, а в некоторых случаях и замещающего государственные функции социального инструмента [10]. В общих чертах под социальным предпринимательством понимается деятельность, смягчающая социальные проблемы общества на условиях самокупаемости и создания социальных инноваций. Такой вид деятельности занимает особое место в экономической системе, находясь на стыке традиционного предпринимательства и благотворительности. Чаще всего социальное предпринимательство направлено на решение тех задач, реализацию которых в полной мере государство обеспечить не может, тем самым сокращаются «провалы» государства в социальной сфере [11].

Опыт реализации различных социальных проектов требует изучения и выявления наиболее перспективных направлений развития и распространения данного явления в российских условиях [12]. Известные в России организации, занимающиеся вопросами социально ориентированного развития, можно классифицировать по способам организации деятельности, выделив три категории: коммерческие организации, предоставляющие рабочие места социально незащищенным

слоям общества; коммерческие организации, деятельность которых позволяет решить социальные и экологические проблемы путем применения инновационных идей; некоммерческие партнерства, общественные организации и благотворительные фонды [13]. Существующие нормативные акты в полной мере не отражают особое положение, которое социальные предприятия занимают в ряду традиционных бизнес-структур. Необходимо четко отграничить эту сферу деятельности, придать ей определенный статус, что позволит более активно продвигать модель социального предпринимательства в регионах [14].

Очевидно, что инновационная система социального предпринимательства не может быть выстроена на базе традиционных рыночных отношений и зачастую требует новых моделей организации на базе современных технологий. Достаточно перспективными инструментами развития социального предпринимательства являются краудсорсинг и краудфандинг. Термин «краудфандинг» используется для обозначения различных платформ и моделей привлечения средств, включающих кредитование (P2P-платформы), пожертвования либо инвестирование для реализации определенных проектов. Наиболее широко практика краудфандинга распространена в США и странах Европы. В последнее время становится популярной модель краудфандинга, основанная на добровольных пожертвованиях для реализации перспективных проектов. В таком случае финансовый интерес не является определяющим, что позволяет новаторам не придавать первостепенное значение возврату привлеченных средств и сконцентрироваться на создании качественного продукта. Примерами краудфандинговых площадок являются Kickstarter, IndieGoGo, RocketHub и другие [15]. Смысловая нагрузка краудфандинга состоит в привлечении небольших сумм от многочисленных пользователей, которые социализируются посредством цифровых платформ [16]. Краудсорсинг является примером мобилизации ресурсов людей посредством цифровых технологий с целью решения за-

дач, стоящих перед бизнесом, государством и обществом в целом [17]. Компании используют данные практики для привлечения капитала и других ресурсов. Краудсорсинг может применяться в разнообразных направлениях, включая разработку товаров, генерирование идей и решений, маркетинг и рекламные компании.

Факторы социально-инновационного развития региона

Неравенство и нестабильность в социально-экономической системе все чаще становятся приоритетными вопросами в отношении не только социальной справедливости, но и экономического роста. В таких условиях социальные предприятия являются агентами инклюзивного роста, чрезвычайно устойчивыми в отношении экономических проблем. В мировой практике все чаще на государственном и региональном уровне реализуются инициативы по их развитию. Федеральные и региональные институты поддержки играют ключевую роль в этом процессе, создавая благоприятные и адаптированные экосистемы. Все функции, которые институты выполняют в социально-экономической системе, можно условно разделить на два вида: функции, характеризующие институциональную среду в целом, и функции, характеризующие деятельность конкретных институтов.

К функциям, характеризующим деятельность институциональной среды, можно отнести следующие:

- рамочное регулирование;
- обеспечение предсказуемости и стабильности;
- обеспечение безопасности;
- снижение трансакционных издержек;
- обмен знаниями и технологиями [18].

С другой стороны, важно развитие и конкретных институтов, выполняющих более узкие функции. Поэтому среди факторов устойчивого развития социальных предприятий все чаще выделяют необходимость разработки более конкретных мер, в частности, эффективной правовой базы, системы облегченного доступа на рынки, мер по развитию

человеческого капитала внутри предприятий, а также мер финансовой поддержки. Правовые и институциональные рамки дают ясность, определяя характер, миссию и деятельность социальных предприятий. Обеспечивая признание и наглядность, они помогают государственным органам поддерживать социальные предприятия с помощью различных мер, а спонсорам и инвесторам – понять преимущества предоставления средств социальным предприятиям. Потребители также все больше привыкают к важности социальных аспектов, о чем свидетельствует феномен справедливой торговли «buy-social», который выступает за центральную роль человека в экономической деятельности. Взаимодействие со всеми заинтересованными сторонами имеет важное значение для поддержки и развития социальных предприятий. В таких условиях формирование стратегических партнерств является эффективным вариантом развития социальных предприятий, государственных учреждений и организаций частного сектора. Когда заинтересованные стороны принимают многосторонний подход и устанавливают стратегические партнерские отношения, они создают условия для оказания помощи социальным предприятиям в создании или участии в цепочках добавленной стоимости, в получении доступа на государственные и частные рынки, к дополнительным ресурсам, навыкам.

Хотя общественная поддержка (преимущественно с помощью грантов и субсидий) является основным источником финансовых средств для многих социальных предприятий, все большее их число в настоящее время стремится получить доступ к финансированию, предоставляемому новыми источниками, например, коммерческими банками. В то же время большинству кредиторов социальные предприятия, особенно на ранних этапах, представляются клиентами с высоким уровнем риска, поэтому они неохотно вкладывают средства в их деятельность. В связи с этим институты поддержки должны поощрять усилия по привлечению дополнительных средств для работы социальных предприятий. Например,

это может быть реализовано в виде системы гарантий, распределяющей риск между различными заинтересованными сторонами.

Методология оценки регионального индекса социального развития

В региональных процессах формирования устойчивых территорий социально-инновационные преобразования различного характера стали играть важную роль. Инновации в социальной сфере, в отличие от традиционных технических улучшений, как правило, обладают более широкой сферой использования, генерируются в процессе совместного творчества и их результат не заметен сразу. Такая инновация может являться процессом производства или технологии, принципом, идеей, законодательным актом или их сочетанием [19].

Ранее социальные вызовы, среди которых неравенство и бедность в обществе, старение населения, миграционные проблемы и угрозы экологической безопасности, воспринимались прежде всего в качестве ограничений для развития. Сейчас социальные проблемы зачастую оцениваются как возможности для изменений. Общественный запрос в решении социальных проблем создает рынки для новых услуг и решений. Создается большое количество бизнес-моделей, гибридных организаций, формирующих социальную стоимость [20; 21].

Достаточно большой опыт использования социальных инноваций пока не способен в полной мере продемонстрировать эффективность и универсальность подходов в связи с недостаточным периодом проведения экспериментов в данной сфере. В настоящее время нет весомых практических исследований по этой тематике, не рассматриваются факторы, способствующие формированию и развитию социальных инноваций [22].

Главная задача инновационной деятельности в социальной сфере заключается в решении общественных проблем населения. Характеристика социального положения является набором объективных и субъективных факторов, отражающих эффективность воспроизводства населения, нравственные ценности и установки людей, социальные предпочте-

ния [23]. Зачастую применяются следующие группы индикаторов: демографические, трудовые, уровня и качества жизни населения, жилищного обеспечения населения, здоровья населения и здравоохранения, народного образования, культуры, информационных услуг, экологической и социальной безопасности, социально-психологического самочувствия населения [24]. На основе перечисленных групп показателей разработаны и широко используются инструменты оценки общественного развития, к ним относятся индекс человеческого развития (HDI), индекс истинного прогресса (GPI), показатели состояния окружающей среды, разработанные Всемирным фондом дикой природы, Всемирным банком.

Эффективным механизмом оценки социального развития является индекс социального прогресса (SPI), комбинированный показатель, который измеряет достижения с точки зрения общественного благополучия и учитывает свыше 50 параметров, сгруппированных в три массива: основные потребности человека, основы благополучия человека, возможности развития человека [25].

Сейчас изучение социального благополучия стало одним из перспективных направлений исследований в области социологии, психологии, экономики и государственного управления, поэтому различные аспекты социального развития часто представляются в качестве определенной альтернативы показателям экономического развития, которое является необходимым, но недостаточным условием социального благополучия [26]. Поэтому индекс не включает показатели экономического развития (такие как уровень ВВП и ВНД) и предназначен для исследования достижений в социальной сфере отдельно от экономических индикаторов, это позволяет глубже изучить взаимосвязь между экономическим и социальным развитием.

В настоящей работе представлен адаптированный индекс социального развития на примере регионов Уральского федерального округа (далее – УрФО), рассчитанный для Курганской, Свердловской, Тюменской, Челябинской областей.

Для построения адаптированного индекса социального прогресса регионов используются 43 индикатора, при этом в их число входят ключевые показатели социального развития. В рассчитанном нами индексе отсутствует ряд показателей, присутствующих в международном индексе SPI (например, защита прав граждан, уровень развития демократии), которые определяются экспертным путем и достаточно сложны для адаптации к уровню региона. Кроме того, предполагаем, что эти показатели примерно равны в рамках отдельной страны, поэтому их исключение существенно не повлияет на результаты исследования.

Индекс социального прогресса, рассчитываемый для регионов РФ, с одной стороны, близок к его международному аналогу, с другой – адаптирован к российским особенностям. Индекс измеряет уровень социального развития по 43 индикаторам, которые объединены в три основные группы: базовые нужды человека, основы благосостояния, возможности развития. В первую группу входят следующие показатели официальной статистики по регионам РФ: потребление основных продуктов питания (мяса, яиц, овощей, сахара, хлеба) на душу населения, жилищные условия населения, основные показатели в области здравоохранения (уровень заболеваемости, обеспеченность больничными койками на 1000 чел. населения), а также показатели безопасности (число правонарушений на 100000 чел. населения). Вторая группа содержит следующие показатели регионального социального развития: показатели развития системы образования разного уровня (число образовательных организаций, количество студентов на 10000 чел. населения, обеспеченность образовательных организаций компьютерной техникой), состояние окружающей среды в регионе (выбросы вредных веществ, сбросы веществ в водные объекты), комфортность условий проживания (оказание бытовых, транспортных, коммунальных услуг, развитие розничной торговли), развитие транспортной инфраструктуры. В третью группу входят показатели, характеризующие возможности для развития населения: пока-

Таблица 1. Некоторые показатели социального развития регионов*

Основные потребности	
Потребление мяса и мясoproдуктов, картофеля, овощей и продовольственных бахчевых культур, растительного масла и хлебных продуктов, на душу населения	
Общая площадь жилых помещений, приходящаяся в среднем на одного жителя	
Охват детей дошкольным образованием, в процентах от численности детей соответствующего возраста	
Численность населения на одну больничную койку	
Число зарегистрированных преступлений на 100000 чел. населения	
...	
Основы благополучия	
Численность студентов, обучающихся по программам бакалавриата, специалитета, магистратуры, на 10000 чел. населения	
Число филиалов профессиональных образовательных организаций, осуществляющих подготовку специалистов среднего звена	
Объем транспортных, коммунальных услуг, услуг связи на душу населения	
Выбросы загрязняющих веществ в атмосферный воздух, отходящих от стационарных источников	
Сброс загрязненных сточных вод в поверхностные водные объекты	
...	
Возможности развития	
Численность зрителей театров и число посещений музеев на 1000 чел. населения	
Число спортивных сооружений	
Общедоступные библиотеки	
Организации, ведущие подготовку аспирантов и докторантов	
...	
* Регионы России. Социально-экономические показатели. 2017: стат. сб. / Федеральная служба государственной статистики. М., 2017. 1402 с. URL: http://www.gks.ru/free_doc/doc_2017/region/reg-pok17.pdf	

затели развития культуры, отдыха и спорта (численность зрителей театров и число посещений музеев на 1000 человек населения, число спортивных сооружений, общедоступных библиотек, охват населения средствами массовой коммуникации), а также науки и инноваций (число организаций, ведущих подготовку аспирантов и докторантов). Ряд ключевых показателей, используемых для расчета индекса социального развития регионов, представлен в *табл. 1*.

При расчете индексов все использованные показатели нормализовались, т. е. переводились в оценку в интервале от 0 до 1. Значения подиндексов подсчитывались как среднее арифметическое оценок показателей, характеризующих соответствующую группу:

$$S = \frac{\sum_{i=1}^t p_i}{t}, \quad (1)$$

где:

S – один из субиндексов индекса социального развития региона;

p – показатель, характеризующий данный субиндекс;

t – число учитываемых показателей.

Общий индекс социального развития региона равен сумме оценок субиндексов:

$$\text{Индекс социального развития} = \sum S_i \quad (2)$$

Для повышения объективности результатов мы использовали количественные показатели официальной статистики РФ, наиболее актуальные на момент проведения исследования. Рейтинг социального развития представлен в *табл. 2*.

Таблица 2. Рейтинг социального развития регионов УрФО

Регион	Балл
Курганская область	0.89
Свердловская область	2.05
Тюменская область	1.32
Челябинская область	1.23
Источник: расчеты авторов.	

Первое место в рейтинге занимает Свердловская область (это обусловлено сбалансированным развитием области во всех ключевых направлениях социальной сферы), на втором – Тюменская область с невысокими показателями в категории «основные потребности»,

на третьем – Челябинская область, которая отличается невысокими показателями в категориях «основы благополучия» и «возможности развития», последнее место среди регионов УрФО занимает Курганская область с худшими значениями основных показателей благополучия и возможностей развития. Детальный анализ индекса социального прогресса применительно к регионам УрФО представлен на рис.

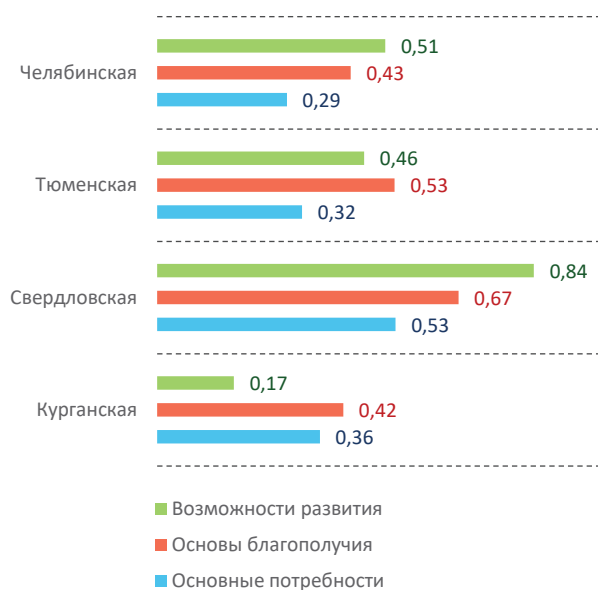

Рис. Субиндексы регионов УрФО

Данный индекс предоставляет государственным структурам, социальному бизнесу и предпринимателям дорожную карту для сбалансированного социального развития, позволяя определить уровень текущего развития, а также идентифицировать отстающие направления социальной сферы, что дает возможность сконцентрироваться на них в отношении создания социальных инноваций и стимулирования преобразований.

Заключение

В целях определения перспектив социального развития регионов России представлены следующие теоретические и практические результаты.

В настоящем исследовании установлено, что в процессах общественного развития социальные преобразования различного характера стали играть определяющее значение, а общественные вызовы все чаще воспринимаются как возможности для улучшений. Спрос общества на решение социальных проблем формирует условия для предоставления новых решений. Создаются новые модели ведения бизнеса, гибридные формы организации, общественная стойкость. Систематизация представлений о социальных инновациях ведет к пониманию того, каким образом они могут быть классифицированы.

В работе отмечено, что в современных условиях важным фактором социально-инновационного развития является социальное предпринимательство, что ставит вопрос о необходимости создания эффективной системы его поддержки.

Разработана авторская методика оценки индекса социального развития, основой которого является адаптированный к российским условиям международный индекс социального прогресса. Как нам представляется, данный инструментарий может использоваться в качестве дорожной карты социального развития региона, т. к. с его помощью достаточно просто определить «слабые места» в общественном развитии, чтобы направить усилия на создание социальных инноваций в отстающих направлениях.

В качестве значимого вывода следует указать, что в современных условиях модель развития, основанная исключительно на достижении экономических результатов, является неполноценной, а общество, не способное удовлетворить социальные потребности граждан, тоже едва ли можно назвать полноценным. В связи с этим необходимо расширять понимание сущности успешного общества, «выходя за пределы» чисто экономических категорий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кузьминов Я.И., Бендукидзе К.А., Юдкевич М.М. Курс институциональной экономики: институты, сети, трансакционные издержки, контракты. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2006. 442 с.
2. Stephan U., Uhlaner L., Stride C. Institutions and social entrepreneurship: the role of institutional voids, institutional support, and institutional configurations. *Journal of International Business Studies*, 2015, vol. 46, no. 3, pp. 308–331. DOI: 10.1057/jibs.2014.38
3. Austin J., Stevenson H., Wei-Skillern J. Social and Commercial Entrepreneurship: Same, Different or Both? *Entrepreneurship Theory and Practice*, 2006, no. 30 (1), pp. 1–22. DOI: 10.5700/rausp1055
4. Калинина Г.В. Некоторые вопросы управления социальным развитием региона // Регионология. 2006. № 1. С. 157–165.
5. Ахметова А.А., Аймагамбетова А.Д. Теоретические аспекты изучения инноваций в социальной сфере // Инновации в современной науке: мат-лы III Межд. зимнего симп., 26 февраля 2014 г. М.: Спутник+, 2014. С. 66–72.
6. Мащенко Ю.А. Региональная практика внедрения социальных инноваций в РФ // Инновационное развитие российской экономики: мат-лы X Межд. науч.-практ. конф., 25–27 октября 2017 г.: в 5 т. Т. 2. М.: ФГБОУ ВО «РЭУ им. Г. В. Плеханова», 2017. С. 104–108.
7. Хусаинов У.Г. Социальные инновации как элемент стратегического развития // Актуальные вопросы современной науки. 2010. № 12. С. 155–160.
8. Смаглюкова Л.В. Креативная экономика и социальные инновации // Креативная экономика и социальные инновации. 2013. Т. 3. № 1 (4). С. 59–65.
9. Полякова Е.В. Сущность и классификация социальных инноваций // Актуальные вопросы экономических наук. 2009. № 5 (2). С. 82–88.
10. Кудинова М.Г., Герауф Ю.В. Роль социальных инноваций в формировании региональной инновационной системы (на материалах Алтайского края) // Вестник алтайской науки. 2015. № 1 (23). С. 22–31.
11. Манахова И.В. Социальное предпринимательство как экономическое явление // Вестник Поволжской академии государственной службы. 2011. № 4. С. 166–174.
12. Татаркин А.И., Маслов А.В. Социальное предпринимательство как инновационное направление общественного развития // Вестник УрФУ. Серия «Экономика и управление». 2012. № 3. С. 22–29.
13. Поаншваль Н.С. Социальное предпринимательство как инновационный инструмент решения социальных проблем в рыночной экономике // Современные тенденции в экономике и управлении: новый взгляд. 2014. № 25. С. 170–176.
14. Zahra S., Rawhouser H., Bhawe N., Neubaum D., Hayton J. Globalization of social entrepreneurship opportunities. *Strategic Entrepreneurship Journal*, 2008, no. 2, pp. 117–131. DOI: 10.1002/sej.43
15. Попов Е.В., Семячков К.А. Анализ трендов развития цифровой экономики // Проблемы теории и практики управления. 2017. № 10. С. 82–91.
16. Позднякова С.В. Краудфандинг в социальном предпринимательстве // Ученые записки Тамбовского отделения РСОМ. 2015. № 4. С. 204–209.
17. Чижов С.Ф. Краудсорсинг в управлении проектами и российские реалии его применения // Белгородский экономический вестник. 2015. № 3 (79). С. 94–99.
18. Dacin M.T., Goodstein J., Scott W.R. Institutional theory and institutional changes. *The Academy of Management Journal*, 2002, vol. 45, no. 1, pp. 45–57. DOI: 10.2307/3069284
19. Murray R., Caulier-Grice J., Mulgan G. *The open book of social innovation*. London: The Young Foundation, 2010. 224 p.
20. Сошенко И.И. Построение модели управления социальными инновациями в сетевом взаимодействии образовательных организаций // Научно-педагогическое обозрение. 2016. № 1 (11). С. 123–131.
21. Попов Е.В., Семячков К.А. Особенности управления развитием цифровой экономики // Менеджмент в России и за рубежом. 2017. № 2. С. 54–61.
22. Dees J.G., Emerson J., Economy P. *Enterprising Nonprofits: A Toolkit for Social Entrepreneurs*. New York: Wiley, 2001. 352 p.
23. Kolleck N. Social network analysis in innovation research: using a mixed methods approach to analyze social innovations. *European Journal of Futures Research*, 2013, vol. 25, no. 1, pp. 1–9. DOI: 10.1007/s40309-013-0025-2

24. Malmström M., Johansson J. Social exchange in collaborative innovation: maker or breaker. *Journal of Innovation and Entrepreneurship*, 2016, vol. 5, no. 4, pp. 1–20. DOI: 10.1186/s13731-016-0034-z
25. *Social Progress Index – 2016*. Available at: <http://www.socialprogressimperative.org>
26. Mair J., Marti I. Social entrepreneurship research: A source of explanation, prediction, and delight. *Journal of World Business*, 2006, vol. 41, no. 1, pp. 36–44.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Попов Евгений Васильевич – доктор экономических наук, член-корреспондент РАН, руководитель центра экономической теории. Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Институт экономики Уральского отделения Российской академии наук». Россия, 620014, г. Екатеринбург, ул. Московская, д. 29. E-mail: eropov@mail.ru.

Семячков Константин Александрович – кандидат экономических наук, младший научный сотрудник центра экономической теории. Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Институт экономики Уральского отделения Российской академии наук». Россия, 620014, г. Екатеринбург, ул. Московская, д. 29. E-mail: k.semyachkov@mail.ru.

Popov E.V., Semyachkov K.A.

METHOD TO EVALUATE SOCIAL DEVELOPMENT OF REGIONS

The article deals with the important problem of regional economic systems functioning in the conditions of transforming socio-economic relations and emerging activity forms, such as creation of social innovations and their implementation in the form of social entrepreneurship. The paper notes that the approach to social development associated with social innovation is one of the promising. The measures to develop social innovation have been widely applied in the social policy of many countries and considered as effective. Nowadays such ideas are being introduced into Russian practice. The development of social economy as a whole is very important, as it is the only possible response to growing problems of a society. The significant role in these processes is played by socio-economic institutions, their readiness for generation, and transplantation of advanced mechanisms of social transformation. The indicators published by reputable international organizations are most often used as a road map for social development. The social progress index is one of the key; it includes indicators of health, education, and environmental safety. It provides an opportunity to assess the current level, identify weaknesses, and set the direction for innovation transformations. The article discusses features of social progress index development in relation to Russian regions. The authors propose an approach that offers an adequate replacement of the international index indicators determined by the expert method, by the domestic statistical data, which better describe social development of Russian regions. The methodical tools study is carried out on the example of the Ural Federal District regions.

Index, social progress, innovation, region, evaluation.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Popov Evgenii Vasil'evich – Doctor of Economics, RAS Corresponding Member, Head of the Economic Theory Center. Federal State Budgetary Institution of Science “Institute of Economics, the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences”. 29, Moskovskaya Street, Yekaterinburg, 620014, Russian Federation. E-mail: epopov@mail.ru.

Semyachkov Konstantin Aleksandrovich – Ph.D. in Economics, Junior Research Associate at the Economic Theory Center. Federal State Budgetary Institution of Science “Institute of Economics, the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences”. 29, Moskovskaya Street, Yekaterinburg, 620014, Russian Federation. E-mail: k.semyachkov@mail.ru.

ВОСТОК ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ КАК СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ И КУЛЬТУРНАЯ АНОМАЛИЯ¹

АВЕРКИЕВА КСЕНИЯ ВАСИЛЬЕВНА

Институт географии Российской академии наук
Россия, 119017, г. Москва, Старомонетный пер., д. 29
E-mail: k_averkieva@igras.ru

В условиях нарастания центрально-периферийных контрастов в социально-экономическом развитии территорий многие процессы на периферии регионов и макрорайонов остаются вне фокуса научных исследований. Цель данной работы – выявление отличительных черт современного социально-экономического развития районов востока Вологодской области на фоне других районов Нечерноземной зоны России. В исследовании использованы методы математического анализа статистических данных на региональном и муниципальном уровне в сочетании с анализом экспертных и глубинных интервью, проведенных автором статьи в Тарногском, Тотемском и Великоустюгском районах в 2016 году. В отличие от большинства работ, посвященных сельским территориям Вологодской области, в данной статье наряду с внутрорегиональной дифференциацией процессов социально-экономического развития представлен анализ современных уникальных, как представляется автору, путей развития восточных районов области. Рассматриваемые районы выделяются нелинейной динамикой сжатия социально-экономического пространства, их отличает большая предпринимательская активность населения, здесь отмечаются более сложные миграционные настроения жителей. Основными факторами современного развития восточных районов служат современные региональные институциональные условия (в первую очередь более высокая на фоне

Цитата: Аверкиева К.В. Восток Вологодской области как социально-экономическая и культурная аномалия // Проблемы развития территории. 2018. № 6 (98). С. 131–148. DOI: 10.15838/ptd.2018.6.98.9

Citation: Averkieva K.V. East of the Vologda Oblast as a Socio-Economic and Cultural Anomaly. *Problems of Territory's Development*, 2018, no. 6 (98), pp. 131–148. DOI: 10.15838/ptd.2018.6.98.9

¹ Статья подготовлена в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН 2018–2020 гг. № 53 «Пространственная реструктуризация России с учетом геополитических, социально-экономических и геоэкологических вызовов».

других регионов Нечерноземья бюджетная обеспеченность и условия лесопользования для сельскохозяйственных предприятий) и более позднее транспортное освоение территории. Это способствовало удержанию сельского населения в годы наиболее сильного оттока жителей из других местностей, что привело к сохранению человеческого и социального капитала территорий. В рамках дальнейших исследований необходимо выявить районы других регионов староосвоенного Нечерноземья, развитие которых не укладывается в центрально-периферийную модель социально-экономического развития, и провести их сопоставление относительно процессов, происходящих на востоке Вологодской области.

Вологодская область, муниципальные районы, сельская местность, поляризация пространства, институциональные факторы территориального развития, Тарногский район, Тотемский район, Великоустюгский район.

Введение

Представление если не об аномальности, то об уникальности и нетипичности некоторых процессов, происходящих на территории восточных районов Вологодской области, возникает у многих исследователей. «Культурной аномалией» назвал Тотемский район фотограф и публицист Сергей Максимишин, посвятивший Тотье специальный фоторепортаж². Во время работы в Тотье он был впечатлен, как в столь малом городе могут одновременно существовать такие многочисленные и различные объекты культурной сферы: «В Тотье шесть музеев, два народных театра, два дома культуры, шахматный клуб, дом детского творчества, музыкальная и художественная школы. И все это на десять тысяч жителей. На праздники собирается полгорода, на премьеры не попасть, концерты самодеятельности проходят при полном аншлаге, а старушки занимаются биатлоном. Феномен? О том и речь!» Вологодская область, в частности, ее восточные районы, потрясли исследователей из МГУ в рамках зимней студенческой экспедиции 2010 года. Существование и название электронного журнала «Восток Вологодчины. Необычная глубинка: то редкое место в России, где люди живут с удовольствием»³ также говорит о том, что территория выделяется на фоне многочисленных районов российского Нечерноземья.

² Тотемская культурная аномалия. URL: <https://les.media/articles/694075-totmenskaya-kulturnaya-anomaliya> (дата обращения 26.07.2018).

³ Восток Вологодчины. Необычная глубинка. URL: <https://eastofvologda.livejournal.com> (дата обращения 26.07.2018).

Районы востока Вологодской области, особенно Тотемский, Тарногский и Великоустюгский (другие были охвачены исследованиями в меньшей степени), хотя и уступают наиболее динамично развивающимся пригородным Вологодскому и Череповецкому, а также Шекснинскому, отличающемуся удобным экономико-географическим положением и особыми институциональными условиями⁴, заметно отличаются и от западных районов Вологодского региона, и от периферийных районов других областей Нечерноземья. Внутриобластную дифференциацию, где сельский запад проигрывает сельскому востоку, во многом объясняют природные факторы: сложные ландшафтные и агроклиматические условия, высокая заболоченность. Следствием выступают разреженная сеть сельских населенных пунктов, низкая степень освоенности.

Специфика периферийных районов Вологодской области на фоне районов соседних областей требует более сложного объяснения. С одной стороны, Вологодская область в целом выгодно отличается от многих «соседей» благодаря наличию двух крупных городов и относительно неплохой бюджетной обеспеченности (даже с учетом того, что с 2009 года регион является дотационным, на фоне других областей Нечерноземья область выделяется большей долей собственных доходов регионального бюджета). Это способ-

⁴ Территория федеральных льгот // Грани. 2017. № 1–2 (25–26). С. 5–10. URL: <http://granimagazine.ru/rubrics/analytics/territoriya-federalnyix-lgot> (дата обращения 26.07.2018).

ствовало реализации ряда региональных программ поддержки сельского и лесного хозяйства. В области более мягкая институциональная среда, в частности, в рамках лесного кодекса установлены понятные лесопользователям тарифы и условия [1]. С другой стороны, в районах востока области отмечается сочетание сложного набора характеристик, в конечном счете приводящих к лучшим условиям жизни сельского населения в настоящий момент: староосвоенная территория, территориальная изолированность в период наиболее сильного оттока сельского населения в Нечерноземье (в 1960–1970 гг.), кустовое расселение, способствующее поддержанию сельской инфраструктуры в условиях мелкоселенного расселения, и другие.

В рамках данной статьи будут рассмотрены как общие особенности сельской местности Вологодской области, так и современные социально-экономические процессы в районах востока (в основном на примере Тарногского, Тотемского и Великоустюгского районов), позволяющие развивать идею о самобытности и большей устойчивости данных территорий.

Обзор исследований

Тематике сельской местности в целом и отдельным компонентам сельской жизни посвящено немало современных статей. Авторы рассматривают динамику и структуру расселения сельского населения, одну из важных сфер приложения труда сельских жителей – сельское хозяйство, проблемы функционирования социальной инфраструктуры на селе.

Еще в 1980-х гг. в Институте географии РАН сформировалось направление изучения сельской местности в рамках центр-периферийного подхода. В работах Г.В. Иоффе [2] были подробно рассмотрены различные показатели социально-экономического развития сельских территорий. Автор пришел к выводу, что зачастую на развитии отдельных сельских районов сказываются не столько природные и локальные факторы, сколько их положение относительно региональных центров, которые концентрируют население,

финансовые ресурсы. Впоследствии центр-периферийная концепция была доработана и представлена не только для сельских территорий, но и для социально-экономического пространства в целом [3].

Изучение сельской местности в соответствии с центр-периферийным подходом не только в рамках Нечерноземья, но и по всей европейской территории России проводит Т.Г. Нефедова. Анализируя динамику социально-экономического развития большинства районов сельского Нечерноземья, она постоянно обращается к концепции пространственного сжатия сельских территорий и указывает на центрально-периферийные контрасты современных процессов (особенно для тех территорий, где нет этнического разнообразия и выраженного градиента «север-юг») [4; 5]. С учетом нарастающей сверхцентрализации во всех сферах организации жизни в современной России [6] ось «центр-периферия» становится ключевой в объяснении территориальных диспропорций большинства показателей и процессов. Близость к федеральному или хотя бы региональному центру предопределяет динамику населения, стабильность экономической базы, привлекательность для инвестиций. В работах Т.Г. Нефедовой показано, что даже на урожайность различных культур положение территорий в системе «центр-периферия» нередко оказывает большее влияние, чем объективные природные предпосылки (особенно в пределах крупных макрорегионов). Периферийные территории оказываются заведомо обречены на депопуляцию и сжатие освоенного пространства.

Концепция центр-периферийных контрастов, в том числе доработанная В.Л. Каганским за счет введения в оборот термина «внутренняя периферия» (территории, расположенные не обязательно на окраинах рассматриваемых районов, но и в их внутренних частях, и удаленные от локальных центров [7]), позволяет интерпретировать современные социально-экономические процессы в районах на различных уровнях территориальной иерархии: в пределах страны в целом, в макрорегионах,

в отдельных субъектах федерации и даже в рамках отдельных муниципальных районов (для районов Вологодской области последнее хорошо показано в статье Н.В. Ворошилова [8]). Но и концепция внутренней периферии не дает исчерпывающего объяснения, поскольку периферийные районы заметно различаются между собой и показатели экономического развития не всегда коррелируют с расстоянием от региональных или иных центров.

Аналогичные процессы «периферизации» территорий, удаленных от административных центров, присущи и сельским территориям за рубежом, в частности, в странах Центральной и Восточной Европы [9]. Исследователи публикуют работы о поляризации сельского пространства на фоне роста крупных центров, акцентируя внимание на том, что основные меры региональной политики нередко направлены на поддержку и рост центров (отчасти с надеждой на последующий «спилловер-эффект», когда центры получают достаточно ресурсов, чтобы развивать окружающие сельские территории). В то же время авторы подчеркивают, что периферия – понятие не столько топологическое, как это принято в российской науке, сколько социальное, поскольку на степень периферийности влияют в большей степени непосредственно жители территорий, а не расстояние от динамично развивающихся центров [10]. В некоторых случаях на примере отдельных территорий авторы показывают, что периферийность – это совокупное действие различных общественных клише, блокирующих территориальное развитие. Так, на примере шведского макрорегиона Норрланд (включает в себя девять наименее заселенных земель на севере страны) исследовательница М. Эрикссон [11] показывает, что репрезентация региона в средствах массовой информации как сельского и северного в противопоставлении южным урбанизированным регионам снижала инвестиционную привлекательность территорий и усиливала миграционный отток, особенно среди молодого населения, следующего за модой на городской образ жизни. Изучение сельских территорий

в рамках центрально-периферийной модели актуально в европейской географической науке до сих пор, многие публикации посвящены анализу современных инструментов «депериферизации» [12; 13].

В рамках работ, посвященных различным аспектам развития сельской местности Вологодской области, отдельным районам уделяется не так много внимания. В основном публикации посвящены или сельской местности в целом (отделить сельскую местность от городской с учетом дефицита и несовершенства статистики уже не так просто), или дифференциации различных явлений по районам области без деления на городское и сельское пространство. Так, в работах М.М. Панова [14] показано, что в большинстве районов Вологодской области происходит долговременный отток сельского населения, и в восточных районах темпы убыли высоки и в последнее время (наиболее интенсивно отдают население Кичменгско-Городецкий, Бабушкинский, Нюксенский районы), хотя Великоустюгский район отличается не столь стремительным миграционным оттоком. Возможно, Великий Устюг играет роль локального субцентра, а также сказывается близость к Котласу и Корьяжме. Район привлекателен и для пенсионеров из регионов Крайнего Севера.

В работах Н.В. Ворошилова [8] много внимания уделяется территориальным диспропорциям социально-экономического развития и возможности саморазвития муниципальных районов. Его исследования показывают, что некоторые из рассматриваемых районов востока области (Тотемский и Нюксенский) по уровню бюджетной обеспеченности близки к самодостаточным, что во многом связано с наличием газокompрессорных станций и трасс магистральных газопроводов.

Исследования, посвященные территориальной дифференциации социальной инфраструктуры в сельской местности Вологодской области [15], показывают, что рассматриваемые в данной статье районы востока выделяются на фоне области более высоким уровнем развития социальной инфраструктуры. Так,

Великоустюгский и Тотемский районы характеризуются наиболее высоким уровнем, а Тарногский (как и Кичменгско-Городецкий и Нюксенский) оценивается «выше среднего». Анализируя компоненты, формирующие интегральный индекс оценки уровня развития социальной инфраструктуры села, авторы отмечают, что в Тотемском и Нюксенском районе высоки показатели ввода жилья (в связи с обслуживанием нефтегазотранзита).

Комплексный анализ социально-экономического развития сельской местности, проведенный Т.В. Усковой [16], показывает растущие диспропорции между несколькими районами, примыкающими к Вологде, Череповцу или федеральной трассе, и периферийными территориями. При этом все периферийные районы характеризуются схожей негативной динамикой социально-экономических процессов, и даже рост отдельных показателей (например, обеспеченности жильем или других душевых показателей обеспеченности) связан не столько с развитием отдельных территорий, сколько с депопуляцией.

Сельская местность Вологодской области на фоне соседних регионов

В большинстве работ, посвященных динамике развития сельской местности Вологодской области, преобладают негативные и пессимистичные оценки происходящих процессов, особенно в периферийных районах. Районы Вологодской области действительно не оказались в стороне от повсеместной депопуляции и сжатия сельской экономики. Но на фоне других территорий староосвоенного Нечерноземья Вологодская область выглядит лучше, чем на фоне соседей из Северо-Западного федерального округа (далее – СЗФО), с которыми чаще всего производится сопоставление [16–19]. Вологодская область будет уступать многим регионам СЗФО, поскольку удельные показатели уровня жизни будут выше в более северных депопулирующих регионах (Мурманской области, республиках Коми и Карелия). Область не располагает запасами углеводородного сырья,

как регионы северо-востока СЗФО, уступает в миграционной и инвестиционной привлекательности Ленинградской области, и это не удивительно.

При изучении сельской местности Вологодской области сопоставление с регионами СЗФО выглядит, на взгляд автора статьи, не очень уместным (хотя многие авторы считают ее «типичным регионом Северо-Запада» [20, с. 127]). Сельское население регионов Крайнего Севера (Мурманской области, Ненецкого АО, части республик Коми и Карелии, Архангельской области) немногочисленно, после административных преобразований к сельской местности оказались отнесены бывшие поселки городского типа. Демографические показатели в таких регионах бывают более благополучными, но это не говорит о комфортности проживания и общем благополучии сельской местности. Не стоит сравнивать сельскую местность Вологодской области и с соседней Ленинградской, где заметны агломерационный эффект Санкт-Петербурга и выгоды приморского и приграничного положения. Сравнения с сельской местностью Псковской и Новгородской областей более уместны, но эти регионы находятся в худших ландшафтных условиях, а также заметно больше пострадали в годы Великой Отечественной войны, что делает сопоставление не вполне корректным.

Продолжительная история освоения, наличие большого количества исторических сел и городов, а также тот факт, что Вологодская область находится в зоне сплошного сельскохозяйственного освоения, способствуют рассмотрению сельской местности Вологодской области в сопоставлении с другими районами староосвоенного Нечерноземья: Ярославской, Костромской, Тверской, Ивановской областями наряду с отдельными областями СЗФО, Псковской, Новгородской областями и югом Архангельской области. Тем более, как отмечает Н.В. Солдатов, на территории Вологодской области сошлись разнонаправленные векторы хозяйственного освоения, здесь проходила граница Поморья и замосковных городов, впоследствии регион испытывал

влияние и Санкт-Петербурга, и Новгорода, и Москвы [21]. Аналогично и с системами сельского расселения, в области представлены кустовые и долинные формы сельского расселения, свойственные глубинным районам Нечерноземья, мелкоселенный тип с густой сетью небольших населенных пунктов (как в центральной части Нечерноземья, в Ярославской, Владимирской, Ивановской и других областях), озерный тип, свойственный регионам Северо-Запада.

По динамике сельского населения область оказалась близкой к соседним областям нечерноземного центра: Костромской, Тверской. За постсоветский период (1989–2016 гг.) сельское население Вологодской области сократилось на 38% (в Костромской – на 27, Тверской – на 34%). Динамика последних лет (начиная с 2010 года) во всех рассматриваемых областях была схожей, области потеряли по 5–7% от численности сельских жителей, лишь в Ярославской области отмечался незначительный рост численности сельского населения, а в Архангельской области только за 6 лет убыль составила почти 15%.

Вологодскую область отличают замедленные темпы естественной убыли населения, связанные как с чуть более высокой на фоне соседних областей рождаемостью, так и с чуть более низкими показателями смертности. Показатели миграционного движения населения сближают Вологодскую область с северными соседями по СЗФО, отток населения здесь существенно выше, чем в областях нечерноземного центра (–12 человек на 10000 населения при –7 в Костромской, –3 в Тверской и положительных показателях в Ярославской области). Но показатели движения населения относятся не столько к сельскому населению, сколько к населению областей в целом, в данном случае сельское население Вологодской области статистически не выделяется на фоне соседей. Сельские жители так же, как и в других регионах, вовлечены в процессы центростремительных миграций [22], продолжается процесс депопуляции за счет естественной убыли населения.

По показателям развития сельского хозяйства Вологодская область выгодно отличается от большинства своих соседей. Сокращение поголовья крупного рогатого скота – процесс, затронувший практически все регионы России. В Вологодской области темпы убыли оказались меньше, чем в других регионах Нечерноземья (рис. 1).

По сравнению с 2000-м к 2016 году в Вологодской области осталось чуть более половины (52%) поголовья, в соседней наиболее благополучной в аграрном отношении Ярославской области – только 46%, а в Тверской и Костромской – 31 и 34% соответственно. При этом производство молока в 2016 году почти вернулось к уровню 2000 года, что говорит о модернизации производства и сужении специализации. В других регионах в лучшем случае удалось достичь показателя 83% (Ярославская область), а в ряде рассматриваемых регионов (Тверская, Костромская, Новгородская области) производится молока вдвое меньше, чем в 2000 году. Продуктивность молочного скота в Вологодской области также выше, чем в рассматриваемых регионах Нечерноземья. В 2016 году этот показатель составлял около 6700 кг от одной коровы в год, а в некоторых соседних регионах надои не достигают и 5000 кг (Костромская, Тверская, Новгородская области). Ленинградская область и более северные регионы СЗФО имеют более высокие показатели продуктивности скота, но, с одной стороны, на их территории применяются более интенсивные технологии содержания скота в силу экстремальных природных условий, с другой – более высокий платежеспособный спрос делает внедрение таких технологий рентабельным. Ситуация в Вологодской области иная, поэтому сравнение с регионами Нечерноземья в данном случае выглядит более уместным.

Еще один важный индикатор развития молочного хозяйства – это доля скота в ЛПХ. Как показывают исследования [23], чем выше доля скота в ЛПХ (в регионах Нечерноземья), тем хуже развито молочное скотоводство и сельское хозяйство в целом. В Вологодской области доля скота в ЛПХ составляет 5,6%,

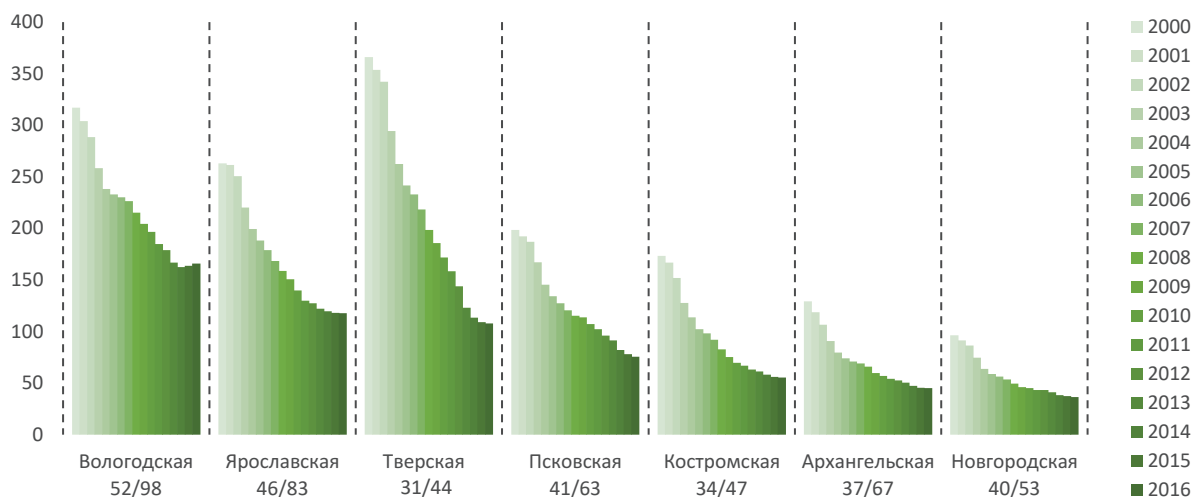

Рис. 1. Динамика поголовья КРС в 2000–2016 гг. (гистограмма) и отношение поголовья КРС и производства молока в 2016 году к уровню 2000 года (дробь в подписи горизонтальной оси) в Вологодской и отдельных областях Нечерноземья

Составлено по: материалы сборников ФСГС «Регионы России» за ряд лет.

это меньше, чем во всех рассматриваемых регионах, ниже – только в пристоличных областях (Ленинградской, Московской) или регионах Крайнего Севера с минимальным количеством сельского населения.

В растениеводстве, которое не является отраслью специализации Вологодской области, также наблюдается ряд процессов, выгодно отличающих регион от соседей (рис. 2). В сложных ландшафтных и агроклиматических условиях Вологодской области удалось в постсоветский период сохранить свыше 50% посевных площадей зерновых (один из реальных показателей, отражающих ситуацию в землепользовании и растениеводстве в целом [4]). При этом практически во всех соседних регионах площади посевов зерновых сократились в 6–7 раз. В Вологодской области удается сохранять даже небольшие посева льна, хотя в большинстве регионов Нечерноземья льноводство уходит в прошлое.

Причин относительной успешности вологодского агропромышленного комплекса (особенно на фоне соседних областей Нечерноземья) несколько, среди наиболее важных стоит отметить следующие:

1) более высокий уровень бюджетной обеспеченности региона (за счет крупных налогоплательщиков – промышленных предприятий Череповца и Вологды, доходов от

транзитных нефте- и газопроводов) позволил субсидировать сельскохозяйственную отрасль [24];

2) региональная институциональная специфика лесопользования: возможность аренды леса сельскохозяйственными предприятиями на льготных условиях и адекватные экономическим условиям тарифы (в отличие от Костромской и ряда других областей [25]) позволили сельхозпредприятиям находить дополнительные средства на развитие производства;

3) емкий местный рынок за счет наличия двух крупных городов, а также выходы на рынки Москвы, Санкт-Петербурга (в том числе и благодаря грамотному брендингу продукции) и регионов Крайнего Севера;

4) сохранившиеся в области традиции молочного хозяйства и высокий уровень аграрного образования, историческая специализация региона на производстве молока и уважение к традициям, более высокий социальный капитал сельских жителей.

Последний пункт наиболее сложно поддается количественной оценке, но его важность не стоит недооценивать. В рамках полевых исследований в различных регионах Нечерноземья нередко выявлялось, что на муниципальный район приходится только один специалист (агроном, ветеринар, зоотехник).

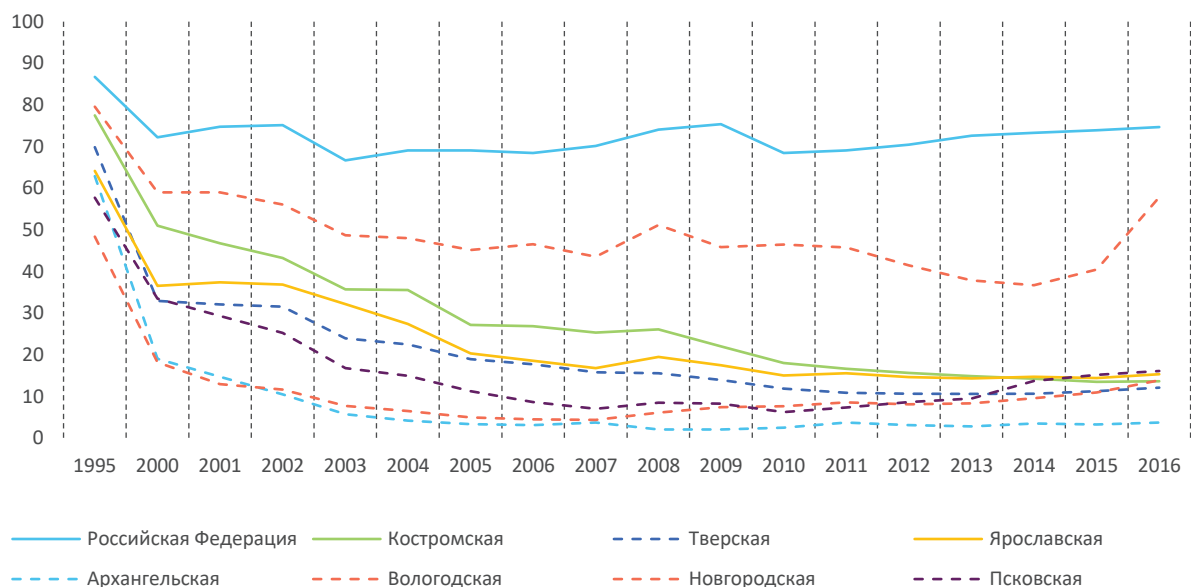

Рис. 2. Динамика посевных площадей зерновых культур по регионам Нечерноземья, % к 1990 году

Составлено по: материалы сборников ФСГС «Регионы России» с 2002 по 2017 год.

О том, чтобы каждое сельскохозяйственное предприятие было укомплектовано штатом специалистов, не может быть и речи [26]. В Вологодской области, как показывают полевые исследования автора и интервью, проведенные с сотрудниками и руководителями ряда сельскохозяйственных предприятий региона, а также публикации в аналитических изданиях⁵, многие предприятия даже не в центральных районах могут найти профильных специалистов, в том числе – молодых. Это говорит о том, что ведется подготовка достаточного количества кадров, а для молодежи существуют определенные стимулы возвращения или переезда в сельскую местность, для работы на сельскохозяйственных предприятиях.

Из указанного следует, что рамочные условия развития сельского хозяйства и, отчасти, сельской местности (поскольку даже при том, что сельскохозяйственные предприятия не являются основными работодателями в сельской местности, они все равно оказыва-

ют системообразующую роль) выгодно отличаются Вологодскую область от большинства соседних. Поэтому даже периферийные районы востока области имеют более высокую базу для развития.

Внутрирегиональная дифференциация сельской местности

Восток Вологодской области заметно уступает пригородным районам по большинству показателей, в том числе по показателям развития сельского хозяйства. Вологодский, Шекснинский, Череповецкий и Грязовецкий районы производят свыше 60% продукции сельского хозяйства (в стоимостном выражении), концентрируют свыше половины поголовья скота, основное поголовье свиней, лидируют по показателям продуктивности хозяйства. Их доля постепенно растет [16; 27; 28], что говорит о том, что в Вологодской области, как и в других регионах Нечерноземья, идет процесс поляризации социально-экономических процессов, который сопровождается сжатием освоенного пространства. На территории восточных районов практически нет крупных предприятий, имеющих региональное значение. Туристический кластер, формирующийся вокруг Великого Устюга, достопримечательности города Тотмы соз-

⁵ Например, публикации в Вологодском областном журнале «Грани» о хозяйствах Тарногского и Кирилловского районов. URL: <http://granimagazine.ru/rubrics/agriculture/bolshie-peremenyi-v-malenkom-sele> (дата обращения 30.08.2018); <http://granimagazine.ru/rubrics/agriculture/pod-flagom-«kominterna»> (дата обращения 30.08.2018).

дают узнаваемый образ территорий, но называть их локомотивами развития еще преждевременно.

Лидерство по большинству показателей социально-экономического развития сельской местности много лет принадлежит пригородному району, но не входящие в сферу влияния Вологды и Череповца районы имеют различную динамику базовых показателей. Так, темпы сокращения сельского населения в районах на западе и на востоке области различны. Если Вологодский район (во многом за счет «промывного» миграционного режима) за 15 лет практически не изменил показатели численности сельского населения, то убыль сельского населения в западном Бабаевском районе составила около 32%, аналогичная ситуация и в благоприятном в экономическом отношении Грязовецком районе. Восточные районы области, Тарногский, Тотемский, хотя и теряли население, но его убыль за 15 лет – 20–25% (рис. 3).

Один из индикаторов благополучия в сельской местности, доля скота в ЛПХ, в восточных районах, особенно в Тотемском и Тарногском, оказывается ниже, чем в среднем

по области (2–5% при среднеобластном значении 7%), и заметно ниже, чем в западных районах, где на долю ЛПХ приходится свыше 1/5 и даже 1/4 поголовья (рис. 4).

По продуктивности молочного хозяйства рассматриваемые районы востока области уступают центральным, но заметно опережают западные (рис. 5). Надой молока в Тотемском районе в 2016 году составили около 6900 кг, в Тарногском районе удалось преодолеть рубеж в 5000 кг, в Бабаевском районе надой немногим более 3700 кг.

На основании приведенных выше данных трудно судить о феноменальности отдельных районов востока Вологодской области, можно лишь отметить, что территории, не относящиеся к пригородным, центральным, имеют неравномерную динамику, что несколько противоречит центрально-периферийной логике. В то же время восток области дифференцирован по показателям социально-экономического развития. Рассмотренные выше показатели состояния сельской местности в соседнем с Тарногским и Тотемским Нюксенском районе оказываются ближе к западным районам (при более благополучной динамике населения, чем

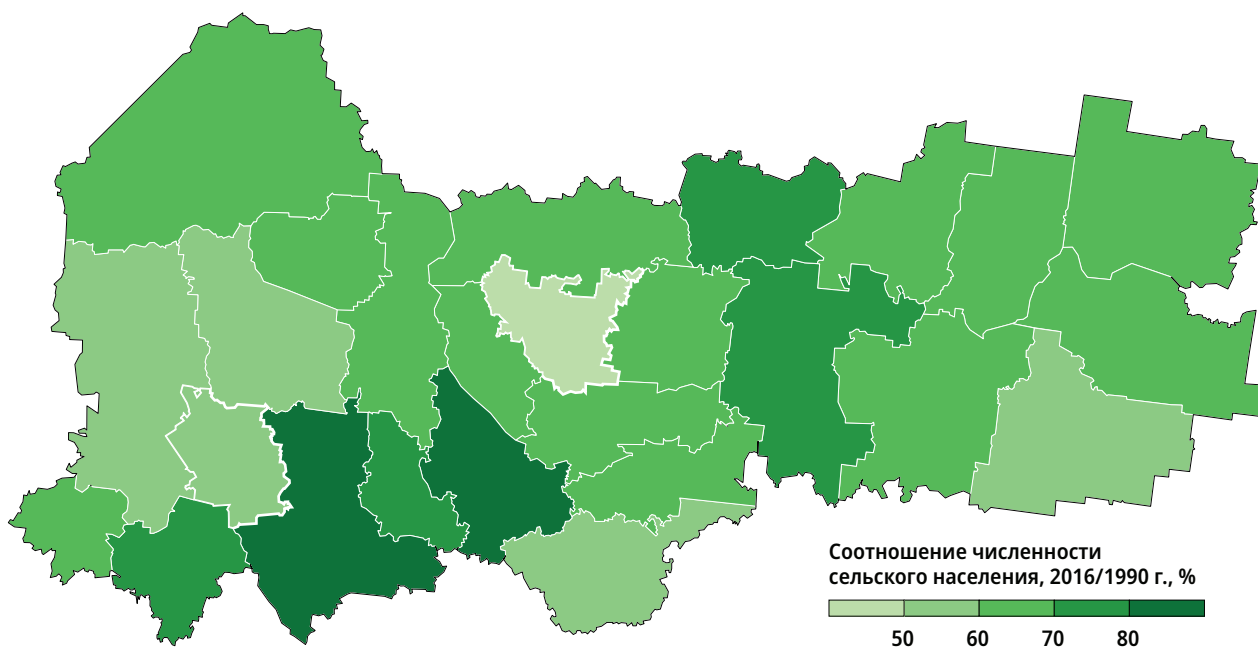

Рис. 3. Динамика численности населения по муниципальным районам Вологодской области, 1990–2016 гг.

Источник: БДПМО Росстат.

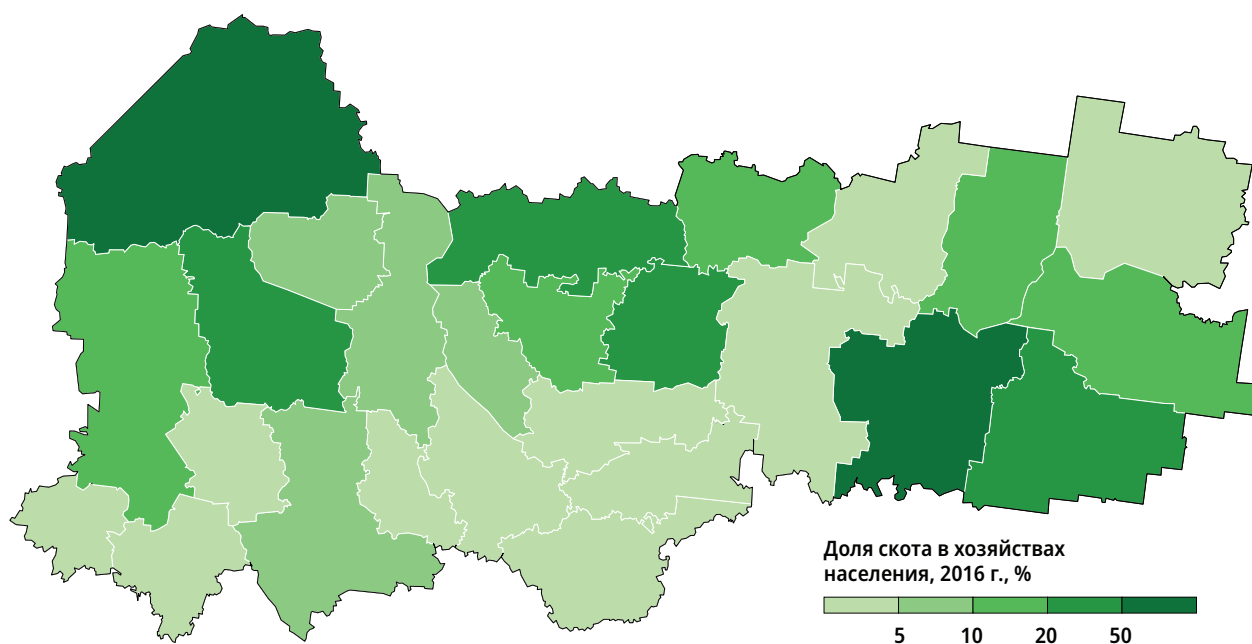

Рис. 4. Доля скота в хозяйствах населения по муниципальным районам Вологодской области, 2016 год
Составлено по: данные сборника «Города и районы Вологодской области», 2017 год.

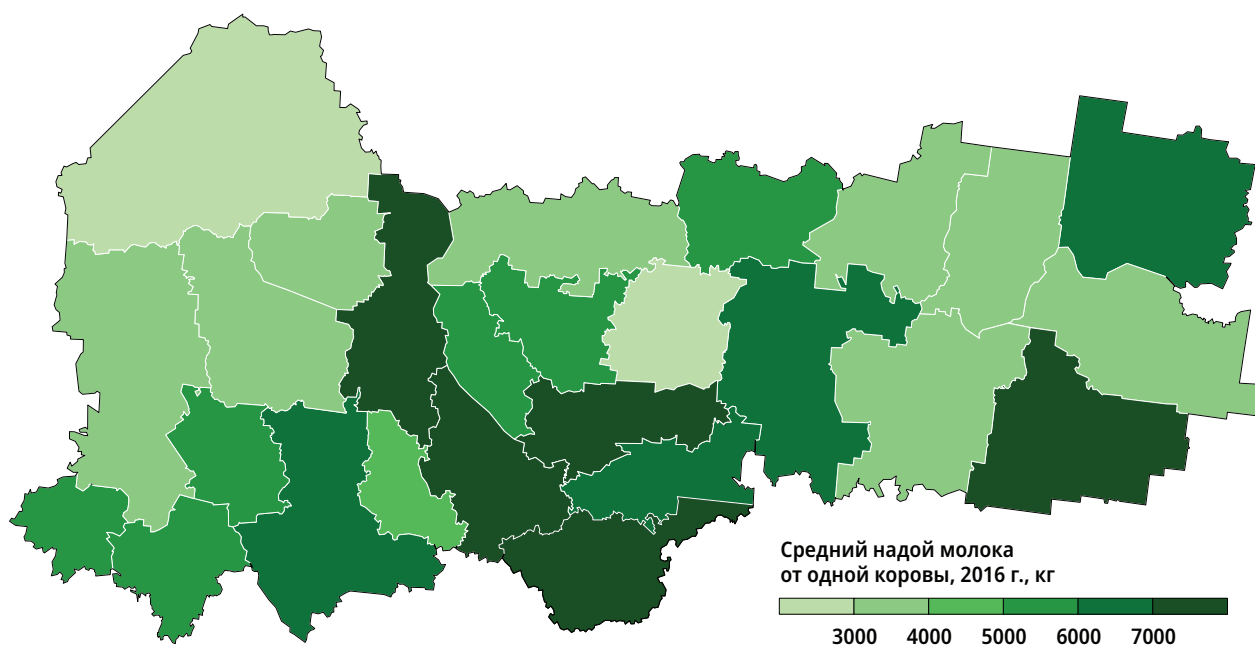

Рис. 5. Средние надои молока от одной коровы по муниципальным районам Вологодской области, 2016 год
Составлено по: материалы сборника «Города и районы Вологодской области», 2017 год.

на Западе, в Нюксенском районе низкие надои молока, произошло трехкратное сокращение поголовья скота и многократное сокращение посевных площадей, отмечается высокая доля скота в ЛПХ). Еще более сложная ситуация –

в Никольском и Бабушкинском районах. В то же время в рейтинге районов по интегральному индексу социально-экономического развития, составленному специалистами Федерального государственного бюджетного учреждения

науки «Вологодский научный центр Российской академии наук» в рамках общего изучения социально-экономической динамики районов области [28], среди районов востока в число лидеров попадает Нюксенский, с показателями выше среднего – Великоустюгский район, средние значения у Тотемского и Тарногского. Аутсайдерами в регионе оказываются также районы востока: Никольский, Кичменгско-Городецкий и Бабушкинский.

В пределах области четко выделяются районы-лидеры, примыкающие к Вологде и Череповцу, а также лежащие между ними Шекснинский и Грязовецкий районы. Они лидируют по большинству показателей социально-экономического развития и выделяются по уровню развития сельской местности. Остальные районы заметно уступают лидерам, но четкой центр-периферийной картины нет: районы, удаленные от регионального центра и Череповца, дифференцированы по уровню развития сельской местности. Восточные районы отличаются лучшими показателями, чем районы на Западной периферии, но и они не формируют единого макрорайона. Среди них выделяются и более благополучные Тотемский и Великоустюгский, и аутсайдеры (Никольский, Кичменгско-Городецкий).

Восток Вологодской области: нетипичная периферия

Автор данной статьи по определенным причинам отмечает уникальность выбранных для более детального рассмотрения муниципальных районов Вологодской области. Ранжируя районы по различным удельным показателям, можно увидеть, что время от времени отдельные районы оказываются на лидирующих позициях, но однозначной картины все равно не складывается.

Какие процессы действительно уникальны (в том числе в таком сочетании) и с трудом поддаются научному анализу:

1) противостояние социально-экономическому сжатию пространства: попытки вернуть в оборот часть сельскохозяйственных земель, появление новых сельскохозяйственных предприятий;

2) реальное развитие индивидуального предпринимательства, не ограничивающееся торговлей и базовыми услугами; развитие мелкой обрабатывающей промышленности;

3) миграционные стратегии сельских жителей, реализовавшихся в профессии, и их социальный капитал;

4) насыщенная культурная жизнь районов, ориентированная не только на туристов из других регионов, но и на местных жителей.

На примере Тарногского района видно, как медленно происходит рост сельскохозяйственного производства. Его трудно назвать восстановительным, поскольку в полном объеме достигнуть показателей советского периода в современных условиях невозможно. Происходит и пространственное сжатие аграрного комплекса, и сужение его специализации. Но за счет этого происходит оптимизация производства, сохраняются наиболее рентабельные отрасли, меняется территориальная организация сельского хозяйства. В рамках новой системы постепенно возрождается производство на тех территориях, где сельское хозяйство уже не велось в течение многих лет.

Так, в стороне от основной полосы сельского расселения Тарногского района, недалеко от Сухоны и межрегиональной трассы, на заброшенных ранее полях развивается хозяйство по производству овощей (картофеля, моркови). Ежегодно от выросшего на сельскохозяйственных землях леса очищаются новые поля. Хозяйство узкоспециализированное и, по оценкам его директора, рентабельное. На месте крупных предприятий, которые в прошлом имели льно-молочную специализацию с вспомогательным свиноводством, появляются небольшие, специализирующиеся только на одной отрасли. Из 14 животноводческих хозяйств 11 имеют молочную специализацию, в двух хозяйствах откармливают бычков, еще одно – свиноводческое. Откормочные хозяйства не могут обеспечить прежней нагрузки на сельхозугодья и предоставить жителями много рабочих мест, но они все равно способствуют поддержанию аграрной функции и оставляют надежду на замедление экономического сжатия пространства.

В любом случае 16 жизнеспособных сельскохозяйственных предприятий в муниципальном районе на (внутренней?) периферии области – это нетривиальная для Нечерноземья ситуация. Даже в Великоустюгском районе функционирует всего 10 предприятий, в Тотемском – 6, а в менее благополучном в сфере аграрного производства Нюксенском – только 4. В Тарногском, Великоустюгском и Тотемском районах происходит постепенное увеличение поголовья КРС, в том числе коров, что не характерно для большинства нечерноземных территорий. В сочетании с ежегодным ростом продуктивности молочного хозяйства это дает увеличение объемов производства молока. В районах востока области реализуются различные стратегии развития молочного хозяйства.

Во всех рассматриваемых районах сельское хозяйство функционирует в тесной связке с лесным комплексом. Причина, как было сказано выше, в особых институциональных условиях, позволяющих сельхозпредприятиям брать лес в долгосрочную аренду на льготных условиях. В Тарногском районе половина директоров сельскохозяйственных предприятий – владельцы лесного бизнеса, в Великоустюгском – только два, а остальные предприятия (за исключением совсем небольших) входят в вертикально интегрированный холдинг «Устюмолоко», в который также включены два предприятия Тотемского района и откормочное хозяйство в Тарногском.

Сам по себе факт симбиотического существования сельского и лесного хозяйства не удивителен, в советские годы лес всегда помогал колхозам находить дополнительные средства для развития. Но то, что на востоке Вологодской области сельхозпредприятия сохранились и что владельцы лесного бизнеса активно включились в аграрную сферу, а не сосредоточились на эксплуатации леса, нетривиально. В Бабаевском районе, по словам одного из респондентов (в глубинном интервью, проведенном автором статьи с фермером из Бабаевского района в 2016 году), «лесная деньга глаза застилала» – многие ди-

ректора сельскохозяйственных предприятий бросали сельскохозяйственное производство и торговали лесом на корню.

В рассматриваемых районах развито индивидуальное предпринимательство. Лесной бизнес во многом опирается на малые предприятия, не считая фанерного завода «Новатор» в Великоустюгском районе. Деревообрабатывающие предприятия рассматриваемых районов выпускают широкий ассортимент продукции. Только в Тарногском районе производится около 120 наименований продукции: от несложных в изготовлении пиломатериалов до клееных мебельных щитов, ступеней и других изделий. Тарногский район выделяется на фоне области по удельному количеству ИП.

Широким ассортиментом изделий деревообработки восток Вологодской области обязан своему географическому положению. Везти круглый лес на экспорт или на крупные предприятия отсюда далеко. Чем выше добавленная стоимость продукции, тем рентабельнее становится ее транспортировка. Повышение рентабельности бизнеса в условиях относительной малодоступности также способствовало развитию малого предпринимательства в лесной сфере.

Преобладание малых предприятий и индивидуальных предпринимателей в лесном бизнесе Вологодской области – мера отчасти вынужденная, поскольку малые предприниматели имеют определенные налоговые льготы. В некоторых случаях более крупные деревообрабатывающие компании разделяются на несколько малых предприятий для оптимизации налоговых расходов.

Другая причина обилия малых предприятий – это рынок труда. Как показали исследования [29], многие начали свой бизнес из-за отсутствия альтернатив и узости местного рынка труда. И сейчас главы районов стимулируют развитие малого бизнеса в лесной сфере, осознавая, что зачастую производительность труда остается низкой. «Пусть некоторые работают вообще как кустари, самозанятые, но это все равно хорошо, иначе начнется либо интенсивный отток, либо

маргинализация населения» (из глубинного интервью, проведенного автором статьи с представителем администрации Тарногского района в 2016 году).

Индивидуальное предпринимательство развивается и в других сферах. Наряду с «традиционной» торговлей, которая еще остается в сельской местности, где нет торговых точек федеральных сетей, развивается предпринимательство в сфере сельского хозяйства и пищевого производства. Не всегда производителей можно назвать предпринимателями, поскольку многие не оформляют бизнес. Но в рассматриваемых районах есть немало хозяйств, специализирующихся на производстве домашнего пива, хлеба, грибов. В Тарногском районе развито производство меда. Местный спрос на такую продукцию усиливается благодаря проведению различных мероприятий, в том числе сельскохозяйственных ярмарок, различных фестивалей. В Великоустюгском районе благодаря раскрутке бренда «Родина Деда Мороза» существует много предпринимателей, обслуживающих туристов: турфирмы, перевозчики, центры размещения и другие (рис. 6). Развит сувенирный бизнес, мастера (в форме ИП и те, кто не оформляет свою деятельность) производят различные

изделия, сохраняя богатые местные традиции (шемогодская резьба по бересте, устюжская роспись и другие). Только зарегистрированных мастеров в районе 82, еще около 150 человек, по оценкам администрации, – надомники, не оформившие свой бизнес.

Несколько удивительным выглядит то, что многие предприниматели, создавшие прибыльный бизнес, не стремятся уехать из районов, хотя имеют такую возможность. Многие из них работают с азартом. Даже пришедшие в сельскохозяйственное производство представители лесного бизнеса в интервью отмечают, что это прежде всего интересно. Постепенно, используя технические знания и навыки успешного руководства предприятиями, они могут сделать аграрный бизнес не менее выгодным, чем лесной. В современных условиях кризиса строительной отрасли отдельные предприниматели отмечают, что иногда уже сельское хозяйство позволяет удерживать на плаву остальные виды деятельности.

Многие респонденты (сотрудники администрации, предприниматели и сотрудники малых предприятий, представители сферы культуры и другие), получив высшее или среднее специальное образование и, в отдель-

Рис. 6. Структура ИП по видам экономической деятельности в Тарногском, Великоустюгском и в среднем по муниципальным районам Вологодской области, 2015 год

Источник: данные ЕМИСС.

ных случаях, имея опыт работы за пределами района, вернулись на территорию района и смогли успешно реализовать себя в своей профессии и/или приобрели новую. Безусловно, в любом из рассматриваемых районов немало тех, кто покинул малую родину и не планирует возвращаться, но наличие, в том числе молодых, специалистов в различных сегментах рынка труда свидетельствует о том, что небольшой поток, противостоящий центростремительным миграциям, все же существует.

Еще одно свидетельство того, что далеко не все жители сельской периферии стремятся покинуть свои районы, – это активное жилищное строительство, по крайней мере, в районных центрах и в прилегающих к ним поселениях. Вокруг Тарногского городка выросли целые слободы из новых улиц. Новое жилье строят и жители Тарногского городка (взамен квартир в муниципальных домах или в дополнение к ним строят молодые семьи, чтобы жить отдельно от родителей), и жители удаленных от районного центра сельских поселений, перебравшиеся в центр. Как отмечают в интервью главы удаленных сельских поселений, многие из тех, кто переехал в районный центр, не бросают свои дома в периферийных селах, а используют их как сезонные, дачные. При этом рассматриваемые районы статистически не выделяются на фоне других районов области. Удельные показатели ввода индивидуального жилья в сельской местности во всех районах ниже среднеобластных показателей. Во многом это можно связать с тем, что более высокие показатели наблюдаются или в районах вблизи Вологды и Череповца (жилищное строительство в рамках субурбанизации и дачного движения) или в западных районах области, где много дач пестербуржцев.

Культурная жизнь рассматриваемых районов востока области отнюдь не исчерпывается мероприятиями, связанными с брендом Деда Мороза в Великом Устюге, искусственно появившимся в 1999 году. Главный герой зимних праздников притягивает на восток области многочисленных туристов, но сами

жители районов имеют не связанные с ними праздничные события. Тотемский район не перестает удивлять количеством мероприятий, проводимых Тотемским музейным объединением, кроме того, в городе проходят гонки на собачьих упряжках, фестиваль северной кухни «Морошка», фестиваль «Дни Русской Америки» и другие многочисленные праздники. Тарногский район – родина межрегионального фольклорного фестиваля «Деревня – душа России», который ежегодно проходит в Вологодской области.

Во всех районах несколько раз в год проходят выставки-ярмарки местной продукции, в которых активно участвуют жители всех районов восточной части области. Все эти мероприятия дополняют череду государственных, религиозных и народных праздников, которые также отмечаются широко. В сельских поселениях отмечают дни села и местные храмовые праздники. Даже индивидуальные торжества иногда приобретают характер массовых мероприятий, как, например, свадьба в народном стиле, прошедшая в Нюксенском районе и собравшая несколько сотен гостей.

Такой насыщенной культурной жизни нет в соседней Костромской области, особенно на ее периферии, хотя отдельные попытки развития локальных брендов все же предпринимаются (День гуся в Кологривском районе, праздник Парфеньевского гриба и другие). В целом такая насыщенная событиями жизнь более характерна для регионов, имеющих многолетний опыт приема туристов (как, например, Ярославская область), в основном на картах событийного туризма бывают отмечены районы с удобным транспортным положением. Восток Вологодской области здесь, скорее, исключение.

Рассмотренные выше четыре особенности восточных районов Вологодской области позволяют говорить о нетипичном Нечерноземье, хотя не все тезисы могут найти подтверждение в виде статистических данных. В рассматриваемых районах наблюдается рост сельскохозяйственного производства и предпринимательской активности населения (не только в сфере торговли, но и в ре-

альном секторе экономики), в этих районах есть условия для приема квалифицированных специалистов, а насыщенная культурная жизнь не только привлекает туристов, но и способствует сплочению сельского населения, что ведет к росту социального капитала сельских жителей. У исследователя складывается ощущение, что эти территории смогли занять удобную экономическую и социальную нишу в современных условиях. Безусловно, нестабильная экономическая ситуация делает такое равновесие очень шатким, но в схожих условиях существуют практически все нечерноземные области.

Заключение

Подводя итоги проведенного анализа если не аномальности, то хотя бы необычности или нетипичности (на фоне обширной нечерноземной зоны) выбранных районов востока Вологодской области, хотелось бы выделить основные факторы формирования сложившейся социально-экономической ситуации.

Рассматриваемые более подробно Тотемский, Тарногский и Великоустюгский районы характеризуются относительно высокими (если сравнивать не с окружением Вологды и Череповца, а с другими периферийными районами) показателями развития сельского хозяйства и лесного бизнеса. На территории этих районов темпы сокращения сельского населения не столь высоки, как в других районах на региональной периферии (и полупериферии), хотя и эти районы вовлечены в процессы сжатия социально-экономического пространства. В выбранных для исследования районах высока предпринимательская активность населения, Тарногский район уже несколько лет удерживает позиции регионального лидера по числу предпринимателей на 10000 чел. населения. Их отличают насыщенная культурная жизнь и нетривиальные пути развития.

Безусловно, очень важную роль играют региональные институциональные факторы. Не каждый регион Нечерноземья имеет крупного налогоплательщика (каким является

ПАО «Северсталь»), соответственно, не каждому региону доступны внутренние программы развития сельской местности, сельского и лесного хозяйства. Важную роль в развитии сельской местности Вологодской области в целом сыграли региональные меры поддержки и консультирования сельскохозяйственных предприятий при принятии Лесного кодекса 2007 года в сочетании с разумными тарифами в системе лесопользования. Эта мера позволила как сохранить и поддержать лесной бизнес, так и сохранить многие сельскохозяйственные предприятия.

Институциональные региональные факторы одинаково влияли на развитие всех периферийных районов области. На развитии районов востока сказались также локальные факторы. Есть мнение⁶, что относительная транспортная изолированность (отсутствие автомобильной дороги при ухудшении условий навигации по Сухоне и нестабильно работающей малой авиации) в годы наиболее стремительного оттока сельских жителей из районов Нечерноземья (1960–1970-е гг. [30]) позволила замедлить массовый отток населения. Вследствие сложившейся изоляции на территории рассматриваемых районов сохранились тесные социальные связи между сельскими жителями, чему также способствовали кустовой рисунок сельского расселения и продолжительная история освоения рассматриваемых районов.

Совокупное действие всех факторов, в первую очередь наличие поддерживаемых областным бюджетом и институтами сельского и лесного хозяйства, и социальный капитал жителей привели к формированию более устойчивых территориальных социально-экономических систем на востоке Вологодской области, чем в западных районах области и периферийных районах большинства нечерноземных регионов. Поэтому в данных районах сжатие социально-экономического пространства замедлено, а социальный гра-

⁶ В чем причины культурного своеобразия восточных районов Вологодской области? URL: <http://eastofvologda.livejournal.com/11236.html> (дата обращения 26.07.2018).

диент на оси «центр-периферия» заметен в меньшей степени, чем в других удаленных от локальных центров районах Нечерноземья.

Проведенное исследование позволяет расширить представление как о периферийных районах всего Нечерноземья, так и о внутренней периферии областей, доказывает, что социально-экономическое развитие не всегда укладывается в рамки наиболее распространенной центрально-периферийной модели. В ходе исследования показано, что по набору черт развития сельской местности Вологодская область более схожа не с регионами Северо-Западного федерального округа, а с областями староосвоенного нечерноземного центра. Сопоставление динамики развития области не только с соседями по федеральному округу, но и с областями центрального района позволит избежать ошибок в выборе направлений региональной политики.

Выявлен набор черт, которые делают восточные районы Вологодской области непохожими на другие сельские районы в Нечерноземной зоне: положительная динамика

сельскохозяйственного производства в последние 5–7 лет, активное развитие малого предпринимательства, небольшой приток квалифицированных кадров и насыщенная культурная жизнь, ориентированная не только на прием туристов. Статистически эти процессы (не считая динамики сельскохозяйственного производства) фиксируются слабо, для более глубокого анализа выявленных процессов требуются или поиск косвенных индикаторов, или более обширные полевые исследования.

Следующим шагом исследования может стать поиск аналогичных процессов на сельских территориях за пределами наиболее плотно охваченной исследованиями Нечерноземной зоны, а также более внимательное изучение южных районов Архангельской области, где статистика позволяет увидеть схожие тенденции.

При нарастающей централизации управления очень важно находить местные ресурсы развития на территориях, находящихся вне экономического влияния крупных центров.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кузьминов И.Ф. Результаты государственных инициатив по реформированию российского лесного законодательства 2006–2009 гг. // Устойчивое лесопользование. 2010. № 3. С. 28–33.
2. Иоффе Г.В. Сельское хозяйство Нечерноземья: территориальные проблемы / отв. ред. В.А. Пуляркин. М.: Наука, 1990. 164 с.
3. Грицай О.В., Иоффе Г.В., Трейвиш А.И. Центр и периферия в региональном развитии. М.: Наука, 1991. 168 с.
4. Нефедова Т.Г. Основные тенденции изменения социально-экономического пространства сельской России // Известия РАН. Серия географическая. 2012. № 3. С. 7–23. DOI: 10.15356/0373-2444-2012-3
5. Нефедова Т.Г. Усиление поляризации сельского пространства и интеграционно-дезинтеграционные процессы в нечерноземной полосе России (на примере Костромской области) // Россия и ее регионы в полимасштабных интеграционно-дезинтеграционных процессах: мат-лы межд. науч. конф. в рамках VIII Ежегодной науч. Ассос. рос. географов-обществоведов. Пермь, 2017. С. 52–55.
6. Зубаревич Н.В. Региональное развитие и региональная политика в России // ЭКО. 2014. № 4 (478). С. 6–27.
7. Каганский В.Л. Внутренняя периферия – новая растущая зона культурного ландшафта России // Известия РАН. Серия географическая. 2012. № 6. С. 23–34. DOI: 10.15356/0373-2444-2012-6-23-34
8. Ворошилов Н.В. Возможности и перспективы саморазвития муниципальных образований // Проблемы развития территории. 2017. № 4 (90). С. 79–95.
9. Lang T. Socio-economic and political responses to regional polarisation and socio-spatial peripheralisation in Central and Eastern Europe. *Hungarian Geographical Bulletin*, 2015, no. 3 (64), pp. 171–185. DOI: 10.15201/hungeobull.64.3.2

10. Bosworth G., Willett J. Embeddedness or Escapism? Rural Perceptions and Economic Development in Cornwall and Northumberland. *Sociologia Ruralis*, 2011, no. 51 (2), pp. 195–214.
11. Eriksson M. (Re)Producing a «Peripheral» Region – Northern Sweden in the News. *Geografiska Annaler. Series B. Human Geography*, 2008, no. 90 (4), pp. 369–388.
12. Raagmaa G. Territorial Governance and Core-Periphery-Relations: The Implications of European Policy Concepts to Central and Eastern Europe. Eds.: Lang T., Henn S., Ehrlich K., Sgibnev W. *Basingstoke Understanding Geographies of Polarization and Peripheralization*. Palgrave, 2015, pp. 287–308.
13. Virkkala S. Innovation and Networking in Peripheral Areas – a Case Study of Emergence and Change in Rural Manufacturing. *European Planning Studies*, 2007, no. 15 (4), pp. 511–529.
14. Панов М.М. Анализ миграционных потоков населения районов Вологодской области // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2015. № 4 (40). С. 124–138. DOI: 10.15838/esc/2015.4.40.8
15. Белехова Г.В., Калашников К.Н., Шаров В.В. Об оценке социальной инфраструктуры сельских территорий // Проблемы развития территории. 2013. № 1 (63). С. 72–84.
16. Ускова Т.В. Проблемы и перспективы социально-экономического развития сельских территорий // Вопросы территориального развития. 2018. № 2 (42). С. 1–15. DOI: 10.15838/tdi.2018.2.42.1
17. Короленко А.В. Демографический потенциал как компонент устойчивого развития сельских территорий Северо-Запада России: тенденции и перспективы // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2017. № 1 (52). С. 80–92.
18. Короленко А.В., Калачикова О.Н. Физическое здоровье в субъективных оценках населения Вологодской области: территориальный аспект // Социальное пространство. 2017. № 1 (8). С. 4–19.
19. Шабунова А.А. Гражданская активность на селе: возможности развития // Проблемы развития территории. 2016. № 3 (83). С. 7–17.
20. Панов М.М. Внутрирегиональная типология сельских территорий (на примере Вологодской области) // Проблемы развития территории. 2015. № 2 (76). С. 159–173.
21. Солдатова Н.В. Динамика расселения Вологодской области во второй половине XX – начале XXI века. Вологда: ВГПУ, 2010. 166 с.
22. Карачурина Л.Б., Мкртчян Н.В. Роль миграции в усилении контрастов расселения на муниципальном уровне в России // Известия РАН. Серия географическая. 2016. № 5. С. 46–59. DOI: 10.15356/0373-2444-2016-5-46-59
23. Аверкиева К.В. География адаптационных процессов в сельской местности Нечерноземья на рубеже XX–XXI веков: дисс. ... канд. геогр. наук. М., 2012. 163 с.
24. Анищенко А.Н. Государственная поддержка молочного скотоводства Вологодской области в современных условиях хозяйствования // Закономерности развития региональных агропродовольственных систем. 2016. № 1. С. 55–58.
25. Кузьминов И.Ф. Социально-экономические проблемы лесопромышленного комплекса на севере Европейской России (на примере Костромской области) // Известия РАН. Серия географическая. 2010. № 5. С. 31–43.
26. Аверкиева К.В. Изменения в аграрной занятости в российском Черноземье и Нечерноземье с начала 2000-х гг. // Региональные исследования. 2017. № 4 (58). С. 26–37.
27. Чекавинский А.Н. Резервы роста молочного скотоводства в Вологодской области в контексте решения стратегических задач государства по освоению Арктики // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2015. № 4 (40). С. 139–150. DOI: 10.15838/esc.2015.4.40.9
28. Социально-экономическое развитие муниципальных районов. 2000–2014 гг. Вып. 3. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2016. 52 с.
29. Воробьева И.Н. Специфика мотивации предпринимателей в сельской местности // Экономические и гуманитарные науки. 2017. № 4 (303). С. 39–46.
30. Глезер О.Б., Гунько М.С. Малые районные центры и окружающие территории в Центральной России в 1970–2010 гг.: динамика и распределение населения // Известия РАН. Серия географическая. 2015. № 1. С. 64–76. DOI: 10.15356/0373-2444-2015-1-64-76

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Аверкиева Ксения Васильевна – кандидат географических наук, старший научный сотрудник. Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт географии Российской академии наук. Россия, 119017, г. Москва, Старомонетный пер., д. 29. E-mail: k_averkieva@igras.ru. Тел.: +7(495) 959-00-25.

Averkiewa K.V.

EAST OF THE VOLOGDA OBLAST AS A SOCIO-ECONOMIC AND CULTURAL ANOMALY

Amid strengthening central-peripheral contrasts in the socio-economic development of territories many processes on the periphery of regions and macro-districts remain out of the focus of scientific research. The purpose of this work is to identify the distinctive features of the modern socio-economic development of districts in the East of the Vologda Oblast against the background of other districts of the non-Black Earth economic zone of Russia. The applies methods of mathematical analysis of statistical data at the regional and municipal level, combined with analysis of expert and in-depth interviews conducted by the author in Tarnogsky, Totemsky, and Velikoustyugsky districts in 2016. Unlike the majority of works devoted to the rural areas of the Vologda Oblast, this article, along with the intra-regional differentiation of the processes of socio-economic development, presents analysis of modern unique ways of development of the Eastern regions of the Oblast. The reviewed districts are distinguished by non-linear dynamics of the socio-economic space compression, by higher entrepreneurial activity of the population, there are more complex migration sentiment. The main factors in modern development of Eastern regions are the modern regional institutional conditions (primarily higher fiscal capacity and better forest management conditions for agricultural enterprises compared to other regions non-Black Earth regions) and later transport development of the territory. This kept the rural population in the years of major outflow of residents from other areas, which led to preservation of the human and social capital of the territories. As part of further research, it is necessary to identify the districts of other regions of the old-developed non-Black Earth economic zone whose development does not fit into the central-peripheral model of socio-economic development; as well as compare them regarding the processes taking place in the East of the Vologda Oblast.

Vologda Oblast, municipal districts, rural areas, space polarization, institutional factors of territorial development, Tarnogsky district, Totemsky district, Velikoustyugsky district.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Averkiewa Kseniya Vasil'evna – Ph.D. in Geography, Senior Research Associate. Federal State Budgetary Institution of Science Institute of Geography of the Russian Academy of Sciences. 29, Staromonetnyi Lane, Moscow, 119017, Russian Federation. E-mail: k_averkieva@igras.ru. Phone: +7(495) 959-00-25.

Территориальные финансы

DOI: 10.15838/ptd.2018.6.98.10

УДК 336.14.01 | ББК 65.012.3

© Печенская М.А.

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ФОРМИРОВАНИЯ БЮДЖЕТНОГО ПОТЕНЦИАЛА ТЕРРИТОРИИ: ФАКТОРЫ, ПРИНЦИПЫ, СТРУКТУРНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ

ПЕЧЕНСКАЯ МАРИЯ АЛЕКСАНДРОВНА

Вологодский научный центр Российской академии наук

Россия, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а

E-mail: 5164088@bk.ru

Статья посвящена исследованию актуальных вопросов формирования бюджетного потенциала территории. В условиях трансформации российской экономики, нестабильности экономической конъюнктуры и финансовой системы исследование бюджетного потенциала территорий приобретает важнейшее значение. Это связано с тем, что уровень его формирования и использования в немалой степени обуславливает устойчивость региональной экономики и качество жизни населения. Целью статьи является системно-структурный анализ бюджетного потенциала территории. Для ее достижения автором исследованы основные принципы и методические подходы к изучению факторов формирования данной экономической категории. Научная новизна статьи раскрывается в следующих результатах. Систематизация типов бюджетного потенциала позволила предложить два новых классификационных критерия: по степени влияния региональных органов власти и местного самоуправления на обеспечение экономического роста путем повышения уровня бюджетного потенциала; по структурно-компонентному признаку. Их выделение в совокупности с методическим инструментарием оценки, который будет разработан на дальнейших этапах исследования, раскрывает исследовательские возможности определения особенностей типов бюджетного потенциала той или иной территории. На основании статистического и эмпирического методов исследования проведен структурный анализ потенциала территориальной бюджетной системы, позволивший разработать обобщенную структурную модель

Цитата: Печенская М.А. Актуальные вопросы формирования бюджетного потенциала территории: факторы, принципы, структурные элементы // Проблемы развития территории. 2018. № 6 (98). С. 149–161. DOI: 10.15838/ptd.2018.6.98.10

Citation: Pechenskaya M.A. Topical issues of the formation of territory's budget potential: factors, principles, structural elements. *Problems of Territory's Development*, 2018, no. 6 (98), pp. 149–161. DOI: 10.15838/ptd.2018.6.98.10

и обосновать сопоставление собственного, совокупного и общего типов бюджетного потенциала. Проанализированы теоретико-методологические вопросы управления бюджетным потенциалом, в том числе связанные с субъектом его формирования, системной моделью его использования и ключевыми приоритетами. На следующих этапах исследования предполагается уделить внимание теоретическим и практическим вопросам методического инструментария оценки бюджетного потенциала регионов. Материалы статьи могут быть использованы бакалаврами, магистрантами и аспирантами в процессе обучения, научными сотрудниками – в качестве исследовательской базы, органами управления – при принятии решений по бюджетной проблематике.

Потенциал, факторы формирования, структура, методология, социально-экономическое развитие, бюджетный потенциал, теория финансов, бюджет.

Введение

Одним из ключевых с точки зрения научно-технологического развития Российской Федерации вызовов является крайне высокая неравномерность состояния социально-экономической сферы ее регионов и муниципальных образований, которая влечет за собой недоиспользование их социально-экономического и прежде всего бюджетного потенциала. Как показывает практика, региональная дифференциация – это проблема, с которой сталкиваются на протяжении всего эволюционного становления экономических систем многие страны вне зависимости от типа государственного устройства и результатов экономического развития [1]. В то же время социально-экономическая дифференциация зарубежных стран значительно ниже российской. Если в 2017 году по объему ВРП на душу населения в России разрыв составил чуть более 34 раз, то в таких странах, как Китай, США, Германия, Канада он варьировался от 2,5 до 10 раз¹. Как отметил д-р экон. наук, профессор В.К. Сенчагов, финансовый и бюджетный потенциал в России намного ниже ее природно-ресурсного потенциала, а также многократно ниже, чем в странах Европейского союза, США и Китае [2].

Подобная ситуация осложняет в России решение социальных проблем и в конечном счете замедляет развитие всей страны. Достижение устойчивого развития, эффективного распределения ресурсов и эффективная организация оказания бюджетных услуг

населению относятся к основным задачам общественного сектора в современной экономике. На создание системы, способной решить эти задачи, были нацелены реформы в государственном и муниципальном секторе Российской Федерации, повлекшие повышение роли территорий в народнохозяйственном комплексе страны, рост региональной самостоятельности, усиление ответственности территориальных органов управления за результаты принимаемых решений в области социально-экономического развития. Безусловно, это придает региональным исследованиям все большую актуальность в контексте задач проведения модернизации социально-экономических систем. Не случайно в последнее время в научном сообществе и среди экономистов-практиков развивается обсуждение вопросов повышения потенциала территорий как фактора перехода российской экономики на прогрессивный инновационный путь развития.

В период социально-экономических трансформаций, происходящих в российской экономике, нестабильности мировой финансовой системы, колебаний экономической конъюнктуры, изменений в бюджетно-налоговом законодательстве исследование бюджетного потенциала территорий приобретает важное значение. Это связано главным образом с тем, что потенциал региональных и местных бюджетов непосредственно определяет качество и комфортность проживания населения.

На предыдущем этапе исследования [3] мы уделили внимание вопросу сущности экономической категории «бюджетный потенциал»,

¹ Рассчитано по данным Евростата и Федеральной службы государственной статистики.

определению его места и роли в структуре социально-экономического потенциала территории, а также систематизации методологических подходов к трактовке. Было выявлено, что наиболее системно раскрывает сущность бюджетного потенциала интегративный подход, при котором актуализируются основные элементы: целевая установка, взаимосвязь с устойчивым развитием территории, формирующие факторы и учет носителей. Мы определили бюджетный потенциал как совокупность бюджетных ресурсов, а также экономических, социальных, институциональных и иных возможностей формирования и исполнения бюджета в целях выполнения органами региональной власти и местного самоуправления задач обеспечения устойчивого развития территории и повышения качества жизни населения. Исходя из этого далее целесообразно проанализировать формирующие факторы, принципы и структуру бюджетного потенциала, что явилось целью настоящей статьи.

Принципы формирования бюджетного потенциала территории

Достижение такой цели базируется на научных трудах отечественных и зарубежных исследователей по теории и методологии развития территориальных систем. Структуру бюджетного потенциала территории как упорядоченную совокупность взаимосвязанных элементов целесообразно изучать с позиции системного подхода. В то же время ключевой трудностью в систематическом научном исследовании становится выявление территориальных особенностей содержания бюджетного потенциала в структуре многоуровневых взаимоотношений и пропорций, механизмов экономического регулирования и инструментов финансовой политики в условиях системных взаимосвязей бюджетного федерализма.

В любом федеративном государстве бюджетный потенциал является олицетворением действующей модели бюджетного федерализма. В связи с этим, рассматривая вопросы формирования системно-структурного содержания бюджетного потенциала, принцип федерализма следует выделить в качестве

ключевого. Это означает существование бюджетной вертикали и горизонтали в отношении бюджетных доходов и расходов, а также единства бюджетной системы и бюджетного процесса на всей территории федеративного государства.

Бюджетный потенциал системно структурируется бюджетными отношениями с государственными органами власти и местного самоуправления, юридическими и физическими лицами, что дает основания свидетельствовать о принципе консолидации в бюджете ресурсов субъектов экономических отношений.

Применительно к экономическому потенциалу В.И. Меньщикова отмечает [4], что его объективные характеристики и особенности проявляются в формирующихся в регионе пропорциях, динамика которых способствует решению стратегических задач экономического развития. На наш взгляд, относительно категории бюджетного потенциала также целесообразно применять принцип пропорциональности, который позволит оптимизировать бюджетные пропорции исходя из критериев инновационного социально-экономического развития. Бюджетные пропорции могут трансформироваться под действием положительных или отрицательных внешних факторов, что свидетельствует о возможном применении теории внешних экстерналий в преобразованном виде при регулировании бюджетного потенциала.

Таким образом, обобщим, что принципы федерализма, консолидации, пропорциональности и влияния внешней среды отражают содержание бюджетного потенциала, его уровень и регулирующее воздействие на него.

Структурная характеристика бюджетного потенциала территории

Исследование зарубежных и отечественных трудов показало, что нет однозначного ответа о структурных составляющих бюджетного потенциала. Так, в его составе ученые [5] выделяют налоговый потенциал, неналоговый потенциал и безвозмездные поступления. В то же время другие авторы [6] включают в структуру бюджетного потенциала пла-

нируемые расходы субъекта РФ и исключают из него размер субвенций, поскольку при оценке регионального бюджетного потенциала в качестве доходной базы целесообразно рассматривать только собственные доходы (ст. 47 БК). Условно такая величина бюджетного потенциала территории может быть представлена в виде формулы:

$$БП = НП + НнП + БвП - Сбв + РП,$$

где:

БП – величина бюджетного потенциала;

НП – налоговый потенциал региона;

НнП – неналоговый потенциал региона;

БвП – объем безвозмездных поступлений;

Сбв – размер субвенций;

РП – расходные обязательства региона.

При этом д-р экон. наук, профессор С.В. Зенченко [7] считает, что с точки зрения поступления налоговых платежей в разные уровни бюджетов следует учитывать потенциалы налогов в качестве источника дохода конкретных бюджетных звеньев того или иного уровня управления. Это значит, что налоговый потенциал региона представляет собой сумму налоговых потенциалов федерального и территориального бюджетов.

По аналогии с точкой зрения д-ра экон. наук, профессора Л.Н. Лыковой [8] о взаимосвязи налогового потенциала с составом и структурой налоговой системы, целесообразно считать, что бюджетный потенциал связан с составом и структурой бюджетной системы государства. С опорой на опыт проведенных

экономических исследований выделим элементы бюджетного потенциала территории в виде структурной модели (рис. 1).

При этом целесообразно в данной модели учесть цель образования бюджетного потенциала, определенную в предложенном методологическом подходе к сущности данной экономической категории. В качестве цели выступает улучшение качества жизни населения. В данном аспекте справедлива позиция [4], трактующая, что именно население посредством управленческих структур воздействует на все имеющиеся в регионе ресурсы, превращая их в средство удовлетворения возникающих потребностей.

Несомненно, многогранность понятия «бюджетный потенциал» позволяет исследователям генерировать его различные виды. Представляется, что изучение данного вопроса позволит глубже проанализировать структуру бюджетного потенциала. Для этого целесообразно свести выявленную типологию в единую классификацию (табл.).

Несмотря на многообразие классификационных критериев, в современной финансовой науке отсутствует критерий, который описывает влияние региональных органов власти и местного самоуправления на обеспечение экономического роста путем повышения уровня бюджетного потенциала.

Исходя из этого целесообразно выделить три варианта классификации:

1) широкий спектр влияния региональных органов власти и местного самоуправления на повышение уровня бюджетного потенциала с целью обеспечения экономического роста;

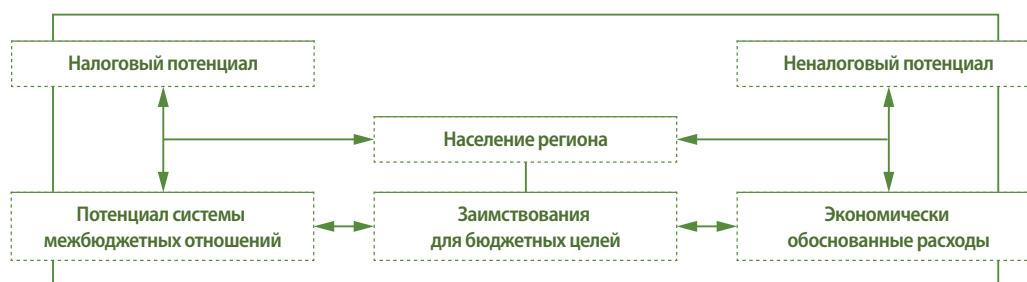

Рис. 1. Обобщенная структурная модель бюджетного потенциала территории

Источник: составлено автором.

Таблица. Систематизация типов бюджетного потенциала территорий

Тип	Характеристика
1. По способу формирования	
Собственный	Формируется из региональных налогов и налогов, установленных специальными налоговыми режимами, а также неналоговых доходов
Перераспределяемый	Формируется из федеральных налогов, перечисляемых в бюджеты субъектов РФ, и безвозмездных перечислений
2. По стадии образования	
Формирующийся	Потенциал на стадии формирования
Использующийся	Потенциал на стадии использования
Воспроизводственный	Потенциал на стадии воспроизводства
3. По степени воплощения	
Возможный	Потенциальная возможность аккумулирования финансовых ресурсов в бюджет
Реальный	Потенциал, который фактически способно организовать государство
4. По временному признаку	
Стратегический (сущностный)	Способность системы налогообложения удовлетворять потребности общества, которая базируется на платежеспособности субъектов сферы бизнеса
Тактический (функциональный)	Прогнозируемый объем налоговых поступлений
Фискальный	Фактическое финансирование расходов бюджета за счет налоговых поступлений с учетом всех льгот и санкций
Ретроспективный	Фактически полученный за предшествующий финансовый год
5. По стадии развития	
Ресурсный	Потенциал территорий и потенциал условий и возможностей, созданных в территориях
Достигнутый	Ресурсный потенциал, имеющий стоимостное выражение, то есть полученный объем бюджетных ресурсов
Приращенный	Совокупность достигнутого потенциала и неиспользуемых ресурсов
6. По воздействию на структурный элемент бюджетной системы	
Доходный	Характеризует источники пополнения бюджета
Расходный	Характеризует направления финансирования социально-экономического развития территорий
Регулирующий	Воздействие посредством регулирования доходных и расходных полномочий
Институциональный	Воздействие с помощью государственных институтов и институтов развития
7. По степени полезного использования	
Базовый	Потенциал, обеспечивающий решение минимума задач, выполнение обязательств
Скрытый	Потенциал инноваций, формирующий новые источники роста
Излишний	Неиспользуемые ресурсы
Холостой	Целое, в котором полезно используется только часть, неполезная часть неотделима и приводит к значительным издержкам
8. По территориальному признаку	
Региональный	Подразумевает под собой бюджетный потенциал региона как административно-территориальной единицы
Местный	Подразумевает под собой бюджетный потенциал муниципального образования как административно-территориальной единицы
9. В зависимости от воспроизводственных возможностей	
Накопленный	Накопленный в предшествующий финансовый год
Текущий	Фактически полученный годовой прирост бюджетного потенциала
10. По влиянию региональных органов власти и местного самоуправления на обеспечение экономического роста путем повышения уровня бюджетного потенциала (авторский подход)	
Широкого спектра влияния	Высокая степень заинтересованности субфедеральных органов управления в повышении собственного бюджетного потенциала и наличие сопутствующих этому законодательных возможностей по его наращиванию
Ограниченного влияния	Характеризуется наличием ограничителей в функционирующей налоговой системе и межбюджетных отношениях, что формирует недостаток собственного бюджетного потенциала для реализации бюджета развития

Отсутствия влияния	Субфедеральные органы управления не заинтересованы в наращивании бюджетного потенциала ввиду отсутствия соответствующих возможностей, что приводит к недостатку собственного бюджетного потенциала для финансирования законодательно установленных расходных полномочий
11. По структурно-компонентному признаку (авторский подход)	
Собственный	Включает в себя региональные/местные налоги, неналоговые доходы и прочие собственные поступления, разрешенные законодательством
Совокупный	Сумма налоговых, неналоговых доходов и безвозмездных поступлений, за исключением субвенций
Заемный	Отражает объем всех заемных средств (кредиты коммерческих организаций, бюджетные кредиты, выпуск гарантийных обязательств и ценных бумаг и т. д.), а также возврат неиспользованных безвозмездных поступлений
Общий	Рассчитывается как сумма совокупного и заемного потенциалов, а также неиспользованные резервы
Составлено по: [9–20].	

2) ограниченный спектр влияния региональных органов власти и местного самоуправления на повышение уровня бюджетного потенциала с целью обеспечения экономического роста;

3) отсутствие влияния региональных органов власти и местного самоуправления на повышение уровня бюджетного потенциала с целью обеспечения экономического роста.

Предложенный классификационный критерий позволит при помощи соответствующего методического инструментария оценки выделить особенности типов бюджетного потенциала той или иной территории.

Предложенный критерий неотделимо связан со способом формирования бюджетного потенциала, определяемого в качестве классификационного признака многими учеными. При этом исследователи ограничиваются лишь выделением собственного и перераспределяемого бюджетного потенциала, упуская из виду тот максимальный уровень бюджетного потенциала, который может быть достигнут на той или иной территории в действующем нормативно-правовом поле. На наш взгляд, целесообразно выделить типы бюджетного потенциала с точки зрения его структуры: собственный, совокупный, заемный, перераспределяемый и общий.

Используя с определенной долей условности теорию А. Лаффера и систему координат Р. Декарта, можно сопоставить совокупный, собственный, перераспределяемый и заемный типы бюджетного потенциала в зависимости от суммы доходов (ось абсцисс), со-

бразных на i -й территории, и законодательно установленных нормативов распределения и перераспределения средств в рамках действующей бюджетной и налоговой систем (ось ординат) (рис. 2).

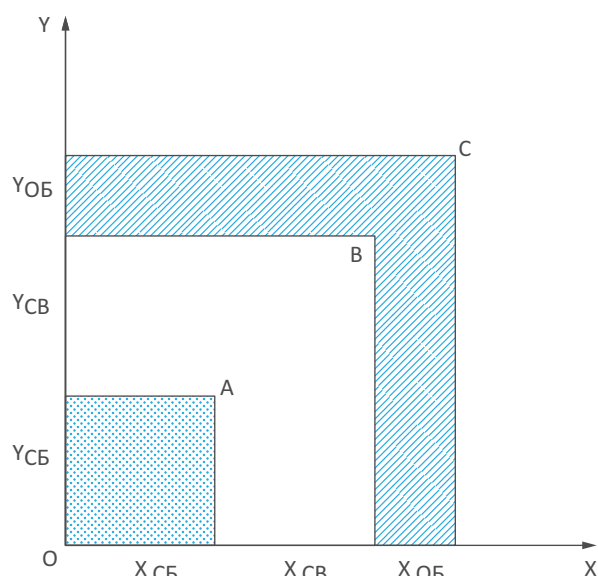

Рис. 2. Сопоставление собственного, совокупного и общего типов бюджетного потенциала

Источник: составлено автором.

На рисунке по оси Y расположены доходы i -й территории, по оси X – нормативы распределения и перераспределения средств. При существующих нормативах региональных/местных налогов и неналоговых доходов $X_{СБ}$ на территории формируется собственный доход $Y_{СБ}$. Следовательно, фигура $OY_{СБ}AX_{СБ}$ представляет собой собственный бюджетный потенциал территории. С учетом федеральных налогов и специальных налоговых ре-

жимов, а также безвозмездных поступлений (за исключением субвенций) формируется совокупный бюджетный потенциал $OY_{CB}VX_{CB}$. При этом фигура $OY_{OB}CX_{OB}$ подразумевает под собой уровень общего бюджетного потенциала, учитывающего также неиспользованные резервы и заемный потенциал.

Следовательно, бюджетный потенциал представляется сложной структурированной экономической категорией. По нашему мнению, он не является простым суммированием составляющих его элементов, а формируется с учетом синергетического эффекта, который, в свою очередь, происходит в результате взаимодействия его составных элементов. Важно отметить, что уровень и структура бюджетного потенциала динамичны, что связано с трансформацией хозяйства и общества, в частности, переходом к инновационной экономике.

Факторы формирования бюджетного потенциала

Важной методологической задачей исследования бюджетного потенциала является обоснование факторов, влияющих на его формирование, использование и воспроизводство, что необходимо для комплексной проработки вопроса его повышения и обеспечения устойчивого роста. Согласно исследованию экономической литературы, можно представить ряд подходов к определению таких факторов.

Приверженцы первого подхода [5] выделяют качественные и количественные факторы исходя из трех структурных элементов бюджетного потенциала: налогового и неналогового потенциала, а также безвозмездных поступлений. Так, к качественным факторам исследователи относят способы формирования налоговой базы, определение продолжительности налогового периода, налоговые ставки и льготы, результативность налогового администрирования, приватизационную политику, сальдо взаиморасчетов с федеральным центром. В то же время среди количественных факторов отмечаются нормативы отчислений от налогов, доходы от

объектов государственной собственности, прибыльность государственных и муниципальных унитарных предприятий, размер субвенций и др.

Второй подход основан на том, что исследователи [21] приравнивают факторы развития бюджетного потенциала к факторам экономического положения территорий. В связи с этим к субъективным факторам они относят деловую активность хозяйствующих субъектов, социально-экономическую политику региональных органов власти, внешнеэкономическое сотрудничество, взаимоотношения каждого отдельного региона с федеральными органами власти и т. д. Формирование данного подхода обосновывается тем, что указанные факторы являются условием развития межтерриториальной дифференциации, на сокращение которой нацелена современная бюджетная политика в России.

Еще один подход объединяет группу внешних факторов, к которым относятся природно-ресурсный, инфляционный, нормативно-правовой и методический [22]. Согласно мнению авторов данного подхода, что регион и муниципалитет не могут (или могут в меньшей степени) оказывать влияние на действие внешних факторов, поэтому особое внимание необходимо уделять внутренним факторам, воздействуя на которые можно достичь повышения бюджетного потенциала.

В последние годы увеличивается самостоятельность территорий, которые несут всё большую ответственность за результаты своего экономического развития. Как показало исследование, их социально-экономическое состояние определяется как объективными, так и субъективными факторами, и в первую очередь методами управления.

Бюджетный потенциал требует управляющего воздействия, способного в наиболее полной мере реализовать ключевую цель – повышение качества жизни населения. Это вызвано тем, что наряду с реализованными ресурсами могут аккумулироваться нереализованные резервы, которые ведут к снижению эффективности функционирования бюджетной системы. Пространственная диф-

ференциация территорий, незавершившийся переход экономической системы к рыночному типу, проблемы формирования модели социального государства, действие внешних финансово-экономических шоков и сохранение внутренних ограничений усиливают для России необходимость поиска путей роста бюджетного потенциала ее территорий, что возможно только в условиях продуманной бюджетной политики. Ее высокая эффективность способствует формированию и поддержанию единого экономического пространства [23], служит базой осуществления экономической политики и основой повышения качества жизни населения [24].

По мнению Л.А. Ерошкиной, директора департамента межбюджетных отношений Минфина России [25], бюджетный потенциал играет одну из ключевых ролей в формировании социально-экономического потенциала субъекта, и, как следствие, бюджетная политика представляется важнейшим инструментом стратегии финансово-экономического развития региона в целом и стимулирования развития инновационной и инвестиционной деятельности. Поэтому формирование бюджетной политики должно быть направлено на создание условий, способствующих увеличению бюджетного потенциала [26].

Как было нами изучено, сущность бюджетного потенциала отражается в трех времен-

ных стадиях: формирование ресурсов, реализация накопленных резервов и расширенное воспроизводство новых возможностей. В соответствии с этим управление бюджетным потенциалом территорий подразумевает иерархическую систему целенаправленного воздействия субъектов управления на процессы его формирования, использования и расширенного воспроизводства. При этом ключевой целью управления бюджетным потенциалом является максимизация и эффективное использование бюджетных ресурсов территории в контексте обеспечения устойчивости территориального развития.

На стадии формирования бюджетного потенциала учитываются экономические интересы всех субъектов (рис. 3), участвующих в создании бюджетного потенциала территории.

Эффективность использования бюджетного потенциала территории зависит от качества системы управления ресурсами на региональном и муниципальном уровнях, а также от избранных приоритетов бюджетной политики на том или ином этапе социально-экономического развития государства. На этом основании возникает логическая модель использования бюджетного потенциала «потенциал – управление – результат» (рис. 4).

Данный рисунок отображает циклический характер бюджетного процесса, что объективно обуславливает необходимость воспроиз-

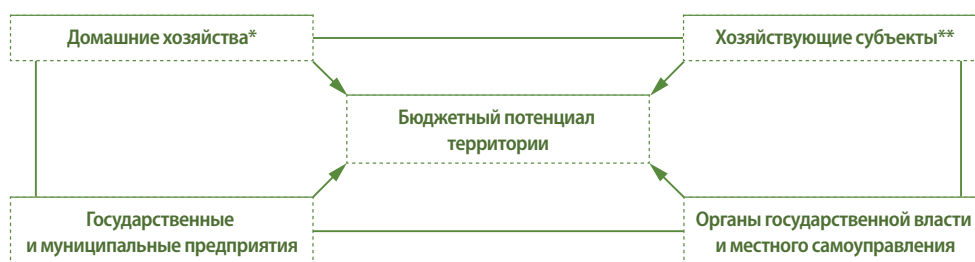

Рис. 3. Субъекты формирования бюджетного потенциала территории

* Домашнее хозяйство (согласно финансовому словарю) – это экономическая единица, состоящая из одного или более лиц, которая снабжает экономику ресурсами и использует полученные за них деньги для приобретения товаров и услуг, удовлетворяющих материальные потребности человека.

** Хозяйствующий субъект (согласно ст. 4 ФЗ от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции») – это коммерческая организация, некоммерческая организация, осуществляющая деятельность, приносящую ей доход, индивидуальный предприниматель, иное физическое лицо, не зарегистрированное в качестве индивидуального предпринимателя, но осуществляющее профессиональную деятельность, приносящую доход, в соответствии с федеральными законами на основании государственной регистрации и (или) лицензии, а также в силу членства в саморегулируемой организации.

Источник: составлено автором.

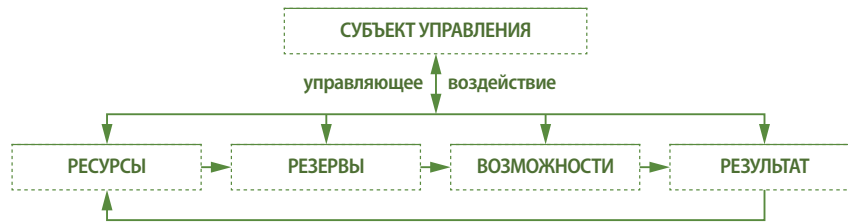

Рис. 4. Системная модель использования бюджетного потенциала территории

Источник: составлено автором.

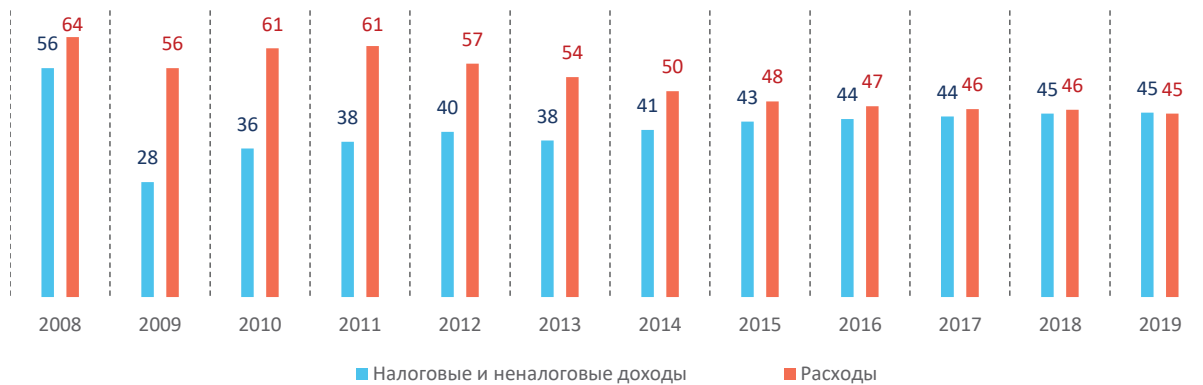

Рис. 5. Динамика налоговых и неналоговых доходов и расходов областного бюджета Вологодской области в реальном выражении в ценах 2019 года, млрд руб.

Рассчитано по: данные Федерального казначейства России и Росстата.

водства бюджетного потенциала. Бюджетный потенциал, с одной стороны, взаимосвязан с использованием тех или иных ресурсов (природных, производственных, трудовых и т. д.), с другой стороны, выступает в качестве дополнительного источника ресурсов. При этом его элементы изначально развиваются различными темпами по различным траекториям, а необходимость адаптации к меняющимся экономическим условиям требует воспроизводства бюджетного потенциала не в фиксированных, а в постоянно изменяющихся пропорциях. Данные пропорции напрямую зависят от финансового состояния субъектов формирования бюджетного потенциала территории, конъюнктуры рынка, стадии экономического цикла, стратегии его развития и т. д. Так, например, объем налоговых и неналоговых доходов и расходов областного бюджета Вологодской области в реальном выражении, согласно прогнозам² на 2018 год, не достигнет уровня 2008 года (рис. 5).

² Законы Вологодской области «Об областном бюджете на плановый период».

Интеграция воспроизводственных процессов отдельных элементов создает предельных условия сбалансированного развития бюджетного потенциала территории. Однако автономное функционирование элементов не обеспечивает априори достижения оптимальных воспроизводственных пропорций и сбалансированного развития.

Справедливо отмечают Н.В. Дешеева и С.А. Шанин [27], что управление формированием, использованием и воспроизводством потенциала является постоянным поддержанием рационального баланса между растущей факторизацией и систематизацией его элементов. Неслучайно многие исследователи подчеркивают деструктивный характер политики определения отдельных компонентов потенциала в качестве приоритетных. При этом неравномерность развития отдельных звеньев бюджетного потенциала является неизбежным фактором, определяющим специфику его воспроизводства.

Управление бюджетным потенциалом территории осуществляется с помощью

определенного механизма, то есть совокупности взаимосвязанных структурных элементов, методов, а также нормативно-правового, кадрового и информационного обеспечения. Механизм управления бюджетным потенциалом определяется бюджетной политикой, которая должна включать в себя такие базовые элементы, как обозначение объекта (онтология), формулировка цели и задач, соответствующих общественным потребностям (аксиология), анализ состояния объекта (гносеология) и определение приоритетов развития (праксиология). Относительно последнего элемента в современной теории управления развитием территориальных систем наметились четыре ключевых приоритета [28], которые, на наш взгляд, целесообразно адаптировать под управление бюджетным потенциалом:

- приоритет комплексного развития, основанный на применении системного подхода;
- приоритет пространственного развития, подразумевающий оптимальное территориальное размещение бюджетных источников;
- приоритет структурного развития, связанный с оптимизацией доходной и расходной структуры бюджета в целях обеспечения его сбалансированности;
- приоритет точечного развития, обеспечивающий оптимальное формирование точек экономического и бюджетного роста территории.

Выводы

В результате исследования можно сделать следующие выводы:

1) обосновано, что содержание и уровень бюджетного потенциала отражается через четыре ключевых принципа: федерализма, консолидации, пропорциональности и влияния внешней среды;

2) проведен системно-структурный анализ бюджетного потенциала, в результате которого определены ключевые элементы системы бюджетного потенциала;

3) систематизированы типы бюджетного потенциала территории по различным признакам: способу формирования, степени воплощения, временному и территориальному признаку, стадии развития и образования, степени полезного использования, по воспроизводственным возможностям и т. д.;

4) обоснована необходимость выделения классификационного критерия по степени влияния региональных органов власти и местного самоуправления на обеспечение экономического роста путем повышения уровня бюджетного потенциала. По данному критерию автором предложено три признака, применение которых в дальнейшем исследовании позволит при помощи соответствующего методического инструментария оценки выделить особенности типов бюджетного потенциала той или иной территории;

5) доказано, что бюджетный потенциал представляет собой экономическую категорию, формирующуюся с учетом синергетического эффекта взаимодействия его составных элементов;

6) предложен методический подход к структуре бюджетного потенциала, который подразумевает максимизацию его уровня на той или иной территории в действующем нормативно-правовом поле;

7) систематизированы методические подходы к исследованию факторов формирования бюджетного потенциала;

8) проведен анализ ключевых аспектов управления бюджетным потенциалом, который позволил определить субъекты его формирования, построить системную модель его использования и выявить ключевые приоритеты бюджетной политики по его повышению.

ЛИТЕРАТУРА

1. Балтина А.М., Волохина В.А. Межбюджетные отношения в регионе: модели организации и регулирования. Оренбург: Оренб. гос. ун-т, 2004. 195 с.
2. Сенчагов В.К. Финансовый кризис и обострение угроз и вызовов экономической безопасности // Вестн. Акад. экон. безопасности МВД России. 2009. № 9. С. 5–11.
3. Печенская М.А. Бюджетный потенциал в системе потенциалов территории: теоретико-методологические вопросы // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2018. № 5. С. 61–73.
4. Меньщикова В.И. Экономический потенциал региона: терминология, структура, модель // Вестн. Тамб. ун-та. Сер. «Естественные и технические науки». 2011. № 4. С. 51–63.
5. Найденова Т.А., Швецова И.Н. Оценка бюджетного потенциала северных территорий // Финансы и кредит. 2013. № 40 (568). С. 40–51.
6. Зенченко С.В. Формирование и оценка регионального финансового потенциала устойчивого развития экономики территории: теория и методология: дис. ... д-ра. экон. наук. Ставрополь, 2009. 391 с.
7. Зенченко С.В. Бюджетный потенциал региона и методические подходы к его оценке // Региональные проблемы преобразования экономики. 2008. № 1 (14). С. 186–198.
8. Лыкова Л.Н. Финансовый потенциал субъектов Федерации // Федерализм. 2008. № 3 (51). С. 41–59.
9. Нестерова И.В. Потенциал территории как объект стратегического государственного управления // Государственное управление Югры сегодня. Т. 2. Технологии стратегического управления. Ханты-Мансийск, 2008. С. 6–22. URL: <http://ugrariu.ru/upload/files/infocenter/izdat/files/41.pdf> (дата обращения 20.10.2018).
10. Ткачева Т.Ю. Региональные особенности формирования бюджетного потенциала в современной бюджетно-налоговой политике // Изв. Юго-Запад. гос. ун-та. Сер. «Экономика. Социология. Менеджмент». 2014. № 2. С. 67–74.
11. Николаева Т.П. Бюджетная система РФ: учеб.-метод. комплекс. М.: Изд. центр ЕАОИ, 2008. 234 с.
12. Юткина Т.Ф. Методология налогообложения // Налоги и финансовое право. 2011. № 5. С. 158–165.
13. Haffert L., Mehrtens Ph. *From Austerity to Expansion? Consolidation, Budget Surpluses, and the Decline of Fiscal Capacity*. Köln, 2013. 23 p. Available at: https://www.mpifg.de/pu/mpifg_dp/dp13-16.pdf (accessed 20.10.2018).
14. Martinez-Vazquez J., Jameson Boex L.F. *Fiscal Capacity: an overview of concepts and measurement issues and their applicability in the Russian Federation*. Atlanta: Georgia State University, 1997. 22 p. Available at: <https://icepp.gsu.edu/files/2015/03/ispwp9703.pdf> (accessed 20.10.2018).
15. Печенская М.А. Межбюджетные отношения: состояние, регулирование, оценка результативности: монография. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2015. 164 с.
16. Garmann, S. Elected or appointed? How the nomination scheme of the city manager influences the effects of government fragmentation. *Journal of Urban Economics*, 2015, no. 86, pp. 26–42.
17. Ускова Т.В. Управление устойчивым развитием региона: монография. Вологда, 2009. 355 с.
18. Friederich P., Kaltschütz A., Nam C.W. *Recent Development of Municipal Finance in Selected European Countries*. Oporto: The 44th Congress of the European Regional Science Association (ERSA), 2004. 53 p. Available at: <http://www-sre.wu-wien.ac.at/ersa/ersaconfs/ersa04/PDF/288.pdf> (accessed 20.10.2018).
19. Проблемы формирования и реализации социально-экономического потенциала развития территорий: монография / В.А. Ильин [и др.]. Вологда: ВолНЦ РАН, 2018. 386 с.
20. Slack E. *Guide of municipal finance*. Nairobi: UN-HABITAT, 2009. 81 p.
21. Бюджетный потенциал в регионах России: тенденции и закономерности изменения / Владыка М.В. [и др.] // Регион: системы, экономика, управление. 2013. № 2 (21). С. 12–20.
22. Ткачева Т.Ю., Афанасьева Л.В. Логическая структура бюджетного потенциала и обоснование факторов, влияющих на его развитие // Известия ЮЗГУ. Сер. «Экономика. Социология. Менеджмент». 2012. № 2. С. 170–176.
23. Маслова Д.В. Влияние бюджетно-налоговой политики на социально-экономическое положение южных регионов России // Финансы и кредит. 2016. № 37. С. 14–29.

24. Лазарева Г.И. Бюджетная политика на субфедеральном уровне // Вестн. Белгород. ун-та кооперации, экономики и права. 2017. № 4. С. 114–123.
25. Ерошкина Л.А. Особенности бюджетного стратегирования на региональном уровне // Горизонты экономики. 2016. № 6 (33). С. 76–79.
26. Клочкова Н.В., Сидорина И.Ф. Проблемы и перспективы развития региональных и муниципальных финансов // Финансы и кредит. 2009. № 11 (348). С. 30–35.
27. Дешеева Н.В., Шанин С.А. Специфика формирования системы ресурсного потенциала аграрного сектора экономики // Вестн. АПК Ставрополя. 2013. № 3 (11). С. 111–113.
28. Дворцов В.И. Пространственное развитие территорий на основе кластерных технологий // Менеджмент в России и за рубежом. 2008. № 2. С. 61–69.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Печенская Мария Александровна – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, заведующий лабораторией исследования проблем развития общественных финансов. Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Вологодский научный центр Российской академии наук». Россия, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а. E-mail: 5164088@bk.ru. Тел.: +7(8172) 59-78-10.

Pechenskaya M.A.

TOPICAL ISSUES OF THE FORMATION OF TERRITORY'S BUDGET POTENTIAL: FACTORS, PRINCIPLES, STRUCTURAL ELEMENTS

The article is devoted to the study of topical issues of the formation of territory's budget potential. In the context of Russian economy transformation, the instability of the economic situation and the financial system, the research in the budget potential of territories is of paramount importance. This is due to the fact that the level of its formation and use largely determines the stability of regional economy and population's life quality. The article is aimed at system-structural analysis of the budget potential of a territory. To achieve it, the author studies basic principles and methodological approaches to the study of factors of the economic category formation. The scientific novelty of the article is revealed in the following results. Systematization of budget potential types allowed us to propose two new classification criteria: a degree of regional authorities and local self-government's impact on economic growth by increasing a budget potential level; a structural and component basis. Their selection together with methodical assessment tools, which will be developed in subsequent stages of the study, reveals the possibility of identifying characteristics of types of budget potential of a particular territory. On the basis of statistical and empirical research methods, the author carries out a structural analysis of territorial budget system potential, which helps develop a generalized structural model and justify comparison of own, aggregate and general types of budget potential. The article analyzes theoretical and methodological issues of budget potential management, including those related to the subject of its formation, the system model of its use and key priorities. The next study stages will consider theoretical and practical issues of methodological tools for assessing budget potential of regions. The article materials can be used by bachelors, masters and postgraduates in the learning process, researchers – as a research base, management bodies – when making decisions on budget issues.

Potential, formation factors, structure, method, socio-economic development, budget potential, finance theory, budget.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Pechenskaya Mariya Aleksandrovna – Ph.D. in Economics, Senior Research Associate, Head of the Laboratory for Research into the Issues of Public Finance. Federal State Budgetary Institution of Science “Vologda Research Center of the Russian Academy of Science”. 56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation. E-mail: 5164088@bk.ru. Phone: +7(8172) 59-78-10.

ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ КРЕДИТОВАНИЯ РЕАЛЬНОГО СЕКТОРА ЭКОНОМИКИ

ГАЛУХИН АНТОН ВИКТОРОВИЧ

Вологодский научный центр Российской академии наук

Россия, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а

E-mail: antongalukhin@yandex.ru

Совершенствование механизмов и инструментов кредитования реального сектора экономики является актуальным направлением повышения темпов социально-экономического развития территорий. В статье проанализировано значение ресурсов банковского сектора в экономике и сделан вывод о его увеличении в последние годы. Цель статьи заключалась в выявлении направлений и разработке комплекса мероприятий по повышению доступности и роли кредитования реального сектора экономики как одного из ключевых факторов активизации социально-экономического развития территорий. Методологическую основу исследования составляют принципы экономического, статистического и сравнительного анализа, методы обобщения. В результате рассмотрения тенденций кредитования, базирующихся на статистических данных Федеральной службы государственной статистики, Центрального банка Российской Федерации, информационного портала «Банки.ру» и других, сделан вывод о том, что концентрация на крупнейших банках с доминированием «госбанков» направляет рынок к снижению конкуренции и возможным новым проблемам, приводящим к вливаниям существенных объемов государственных средств для поддержки таких кредитных организаций. При этом количество субъектов федерации, в которых отсутствуют собственные региональные банки, увеличивается с каждым годом. Выявлено, что фундаментальная слабость региональных банковских систем препятствует созданию устойчивой финансовой основы расширенного воспроизводства хозяйствующих субъектов. В статье предложен комплекс мероприятий по увеличению вклада ресурсов банковской системы в повышение тем-

Цитата: Галухин А.В. Пути совершенствования кредитования реального сектора экономики // Проблемы развития территории. 2018. № 6 (98). С. 162–171. DOI: 10.15838/ptd.2018.6.98.11

Citation: Galukhin A.V. Ways to improve lending to real economy. *Problems of Territory's Development*, 2018, no. 6 (98), pp. 162–171. DOI: 10.15838/ptd.2018.6.98.11

пов экономического развития территорий, среди которых расширение механизма докапитализации на региональные банки, изменение процентной политики кредитных учреждений в рамках финансирования проектов инвестиционного характера, увеличение лимитов субсидированных кредитов приоритетных отраслей экономики для целей технического перевооружения и импортозамещения, смягчение регулятивных норм кредитования при оценке качества обслуживания долга и финансового положения заемщиков. Результаты исследования могут быть востребованы органами власти при корректировке финансовой политики, а также полезны специалистам и научному сообществу, занимающимся вопросами развития кредитования реального сектора экономики.

Кредитование реального сектора, экономическое развитие, региональные банки, проблемы кредитования, пути совершенствования.

Реализация приоритетов социально-экономического развития страны и ее территорий неотъемлемо связана с устойчивым развитием национальной финансовой системы, в том числе путем развития внутренних источников долгосрочных финансовых ресурсов, совершенствования механизмов и инструментов инвестиционно ориентированной государственной финансовой политики, модернизации и расширения направлений поддержки кредитования стратегических отраслей, наукоемких и высокотехнологичных производств. Отмеченные направления зафиксированы в Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года¹ в качестве ключевых задач в рамках развития денежно-кредитной компоненты финансовой системы страны и увеличения вклада ресурсов банковской системы в социально-экономическое развитие территорий.

Необходимо отметить, что вклад кредитно-финансовых ресурсов в развитие экономики России на современном этапе увеличивается [1; 2]. Об этом ярко свидетельствует рост объемов выдачи кредитов нефинансовым организациям и физическим лицам. Их объем по отношению к ВВП РФ в 2017 году приблизился к 46% (табл. 1). При этом согласно прогнозу Минэкономразвития РФ, в среднесрочной перспективе ожидается дальнейший рост объемов выдачи кредитов и займов².

Важно заметить, что с началом кризисных явлений в национальной экономике на протяжении 2014–2017 гг. кредитование нефинансовых организаций стагнировало. Более того, в реальном выражении за последние 4 года произошло сжатие кредитного портфеля предприятий и организаций (снижение составило 15%). Драйвером роста банковского кредитования в последние годы стали займы, предоставляемые физическим лицам [3; 4]. В первую очередь это касается жилищных кредитов. Так, в 2017 году доля жилищных кредитов достигла внушительных 42%, в то время как в 2011 году она составляла 30%, а в 2006 году равнялась только 9% (табл. 2).

Экономика страны и каждого региона в отдельности во многом зависит от эффективного взаимодействия банковского и реального секторов экономики, поскольку предприятия не всегда способны осуществить масштабные инвестиционные проекты ввиду ограниченности собственных финансовых ресурсов. При этом деятельность предприятий, особенно малых и средних, напрямую зависит от доступности кредитов на местах [5]. Экономисты Луиджи Гуизо, Паола Сапиенца и Луиджи Зингалес на примере Италии доказали, что развитость финансовой системы региона повышает вероятность того, что люди будут открывать свой бизнес, способствует увеличению числа новых фирм и позволяет им расти быстрее. По данным исследования, компания, которая работает в

¹ О Государственной стратегии экономической безопасности Российской Федерации (Основных положениях): Указ Президента Российской Федерации от 29 апреля 1996 г. № 608 // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».

² Прогноз социально-экономического развития Российской Федерации на 2018–2020 годы. URL: <http://economy.gov.ru>

Таблица 1. Макроэкономические показатели деятельности банковского сектора Российской Федерации

Показатель	2012 год	2013 год	2014 год	2015 год	2016 год	2017 год
Совокупные активы (пассивы) банковского сектора, млрд руб.	49509,6	57423,1	77653,0	82999,7	80063,3	85191,8
% к ВВП	72,6	78,5	98,0	99,5	92,9	92,6
Кредиты и прочие размещенные средства, предоставленные нефинансовым организациям и физическим лицам, включая просроченную задолженность, млрд руб.	27708,5	32456,3	40868,5	43985,2	40938,6	42366,2
% к ВВП	40,6	44,4	51,6	52,7	47,5	46,0
из них кредиты и прочие средства, предоставленные физическим лицам, включая просроченную задолженность, млрд руб.	7737,1	9957,1	11329,5	10684,3	10803,9	12173,7
Кредиты банков в инвестициях организаций всех форм собственности в основной капитал (без субъектов малого предпринимательства), млрд руб.	806,3	1003,6	1098,7	849,9	1172,8	1308,1
% к инвестициям организаций всех форм собственности в основной капитал (без субъектов малого предпринимательства)	8,4	10,0	10,6	8,1	10,4	10,9
Вклады физических лиц, млрд руб.	14251,0	16957,5	18552,7	23219,1	24200,3	25987,4
% к ВВП	20,9	23,2	23,4	27,8	28,1	28,2
Депозиты и средства на счетах нефинансовых и финансовых организаций (кроме кредитных организаций), млрд руб.	14565,1	16900,5	23418,7	27064,2	24321,6	24843,2
% к ВВП	21,4	23,1	29,6	32,5	28,2	27,0

Источник: Обзор банковского сектора Российской Федерации. Аналитические показатели от июля 2018 г. № 189 / Центральный банк Российской Федерации. URL: http://www.cbr.ru/analytics/bank_system/obs_189.pdf

Таблица 2. Задолженность по кредитам в рублях, предоставленным кредитными организациями физическим лицам

Показатель	2006 год	2011 год	2014 год	2015 год	2016 год	2017 год
Кредиты, выданные физическим лицам, млрд руб.	882,9	3715,3	9698,9	11005,3	10366,8	10610,9
Жилищные кредиты, млрд руб.	77,4	1102,3	2647,4	3517,1	3912,8	4464,5

Источник: Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. URL: <http://www.gks.ru>

регионе с наиболее развитой финансовой системой, растет на 67% быстрее, чем бизнес в среднем по стране [6].

Развитие банковской деятельности в регионах имеет ряд специфических особенностей. Прежде всего наблюдается резкий разрыв между регионами по обеспеченности банковскими услугами (табл. 3), вызванный неравномерностью экономического развития самих регионов Российской Федерации [7]: чем инвестиционно привлекательнее регион, тем более развита его банковская система.

Так, число кредитных организаций в РФ сократилось за последние 7 лет на 389 единиц (-38,4%). В 2017 году не имели собственных региональных банков такие субъекты федерации, как Брянская область, Орловская область, Смоленская область, Архангельская область, Республика Калмыкия, Республика Ингушетия, Чеченская Республика, Ямало-Ненецкий АО, Республика Бурятия, Забай-

кальский край, Магаданская область, Еврейская автономная область, Чукотский АО.

При этом количество банков, головной офис которых находится в г. Москве в 2017 году составило 314 единиц. Это больше, чем в Приволжском, Северо-Западном, Южном, Сибирском, Уральском, Дальневосточном и Северо-Кавказском федеральных округах, вместе взятых. Например, в г. Санкт-Петербурге (который немногим более чем в два раза уступает г. Москве по численности населения) количество кредитных организаций в 9 раз меньше, чем в столице страны (табл. 4).

Статистические данные Банка России позволяют сделать вывод о чрезвычайной монополизации банковского сектора России, крайней неравномерности в обеспечении всеми видами банковских услуг субъектов федерации и недостаточном развитии региональных банковских систем [8; 9]. По данным

Таблица 3. Задолженность по кредитам в рублях, предоставленным кредитными организациями юридическим лицам и индивидуальным предпринимателям, в расчете на душу населения, тыс. руб.

Субъект РФ	2011 год	2012 год	2013 год	2014 год	2015 год	2016 год	2017 год
г. Москва	312,2	423,0	502,9	555,4	646,8	637,9	690,1
г. Санкт-Петербург	144,2	191,4	233,4	260,2	293,6	289,6	283,9
Ямало-Ненецкий АО	71,1	90,2	142,0	224,1	210,5	321,0	278,9
Тюменская область	57,8	70,1	93,4	128,8	145,4	214,2	191,7
...
Республика Ингушетия	6,5	14,5	14,5	15,8	15,2	14,5	11,7
Республика Крым	н/д	н/д	н/д	н/д	1,3	4,2	11,0
Республика Дагестан	6,6	8,5	9,8	11,7	11,6	9,1	8,6
г. Севастополь	н/д	н/д	н/д	н/д	1,4	3,3	6,7
Республика Тыва	6,7	8,8	10,9	12,6	11,6	8,5	6,2
В целом по Российской Федерации	73,5	95,2	112,7	125,2	141,4	142,7	148,2

Рассчитано по: данные официального сайта Федеральной службы государственной статистики. URL: <http://www.gks.ru>

Таблица 4. Число кредитных организаций, ед.

Регион	2011 год	2012 год	2013 год	2014 год	2015 год	2016 год	2017 год
Российская Федерация	1012	978	956	923	834	733	623
Центральный ФО, в т. ч.:	585	572	564	547	504	434	358
г. Москва	514	502	494	489	450	383	314
Приволжский ФО, в т. ч.:	118	111	106	102	92	85	77
Республика Татарстан	26	25	23	22	22	22	20
Северо-Западный ФО, в т. ч.:	71	69	70	70	64	60	49
г. Санкт-Петербург	39	39	39	41	41	39	33
Южный ФО	47	45	46	46	45	42	38
Сибирский ФО	56	54	53	51	44	41	37
Уральский ФО	51	45	44	42	35	32	29
Дальневосточный ФО	27	26	23	22	22	17	18
Северо-Кавказский ФО	57	56	50	43	28	22	17

Источник: Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. URL: <http://www.gks.ru>

портала banki.ru, на 1 июня 2018 года на Сбербанк, ВТБ и Газпромбанк приходилось 51,9% от общего объема активов всей банковской системы страны (табл. 5). Доля банков топ-50 достигла 90%, а доля 200 крупнейших кредитных организаций составила 98,5% от общей суммы активов банковской системы. Данный показатель в определенном смысле можно считать ответом на вопрос «Сколько банков нужно России?».

При этом количество банков в РФ меньше, чем, например, в Германии (где более 1,8 тыс. кредитных организаций) и в США (где одних только коммерческих банков в 2013 году было более 5,8 тыс.) [10; 11]. Более того, политика Банка России по «очистке» рынка банковских услуг продолжается. По состоянию на 01.01.2017 кредитных организаций в РФ было 623 единицы. При этом на 01.06.2018

в РФ действующими являются уже только 530 кредитных организаций. Основной причиной отзыва банковских лицензий в пресс-релизах Банка России называется высокорискованная кредитная политика или бизнес-модель – размещение средств в низкокачественные активы, неадекватная оценка рисков и недоформирование резервов [12].

Рост бизнеса крупных игроков и работа регулятора по очищению банковского сектора с одновременным огосударствлением и санацией крупных банков привели к проработке возможных ограничений по экспансии государственного сектора в банковской системе [13]. По мнению экспертов портала banki.ru, концентрация на крупнейших банках с доминированием «госбанков» направляет рынок к снижению конкуренции и возможным новым проблемам, приводящим к

Таблица 5. Величина активов десяти крупнейших банков РФ на 01.06.2018

Название банка	Регион регистрации	Активы, тыс. руб.	Доля, %
Сбербанк России	Москва и обл.	25 247 064 642,00	30,02
ВТБ	Санкт-Петербург и обл.	12 357 435 215,00	14,69
Газпромбанк	Москва и обл.	6 047 527 444,00	7,19
Россельхозбанк	Москва и обл.	3 392 278 656,00	4,03
Национальный Клиринговый Центр	Москва и обл.	3 129 487 074,00	3,72
Альфа-Банк	Москва и обл.	2 890 100 084,00	3,44
Московский Кредитный Банк	Москва и обл.	1 904 795 207,00	2,26
Банк «ФК Открытие»	Москва и обл.	1 742 360 871,00	2,07
Промсвязьбанк	Москва и обл.	1 337 318 220,00	1,59
ЮниКредит Банк	Москва и обл.	1 284 534 636,00	1,53
ИТОГО	х	84 110 538 751,00	100

Источник: Официальный сайт ИА «Банки.ру». URL: <http://www.banki.ru>

Таблица 6. Сравнительная характеристика коммерческих банков Вологодской области по состоянию на 01.01.2018

Показатель характеристики	ЗАО «Банк «Вологжанин»	ПАО «БАНК СГБ»	АО «СеверСтройБанк»
Активы, млн руб.	4379	37528,2	335
Место по размеру активов в стране/регионе	283/2	101/1	489/3
Чистая прибыль (убыток) в 2017 году, млн руб.	-175,3	443,7	0,8
Место по размеру чистой прибыли в стране/регионе	328/2	91/1	н/д /3
Собственные средства, млн руб.	502,3	3815,2	319,8
Место по размеру собственных средств в стране/регионе	355/2	137/1	442/3
Доля собственных средств в активах банка, %	11,5	10,1	95,5
Кредитный портфель, млн руб.	1935,8	14485,1	291,4
Доля в кредитном портфеле банковской системы, %	0,004	0,03	0,0006
Кредиты предприятиям и организациям, млн руб.	1489,6	6586	45,6
Доля в кредитном портфеле банковской системы кредитования предприятий и организаций, %	0,004	0,02	0,0001
Кредиты физических лиц, млн руб.	446,3	7899,1	245,7
Доля в кредитном портфеле банковской системы кредитования физических лиц, %	0,004	0,07	0,002

Источники: Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. URL: <http://www.gks.ru>; данные официального сайта ИА «Банки.ру». URL: <http://www.banki.ru>

вливаниям существенных объемов государственных средств для поддержки таких кредитных организаций [14].

Региональные финансовые системы в России сегодня характеризуются фундаментальной слабостью [15; 16]. Например, в Вологодской области на 01.01.2010 года было зарегистрировано восемь банков. В настоящее время в регионе действует три зарегистрированных коммерческих банка – ЗАО «Банк «Вологжанин», АО «СеверСтройБанк», ПАО «БАНК СГБ» (табл. 6). При этом ни один из них не входит в топ-100 крупнейших банковских организаций страны. Это свидетель-

ствует о том, что фактические возможности кредитования банками региона бизнеса и населения незначительные. Так, доля кредитного портфеля в совокупности региональных банков Вологодской области не превышает 0,04% совокупного кредитного портфеля банковской системы России.

Небольшие банки вынуждены проводить переговоры по присоединению к другому банку либо ускоренно наращивать собственный капитал в результате ужесточения регулятивных мер ЦБ РФ по нормативу достаточности капитала [17]. Последний раз данный норматив был пересмотрен 1 января 2018

года и составил не менее 1 млрд руб. для универсальных³ банков и не менее 300 млн руб. для банков с базовой лицензией⁴.

Именно региональные, местные банки становятся надежными партнерами для малого и среднего бизнеса на местах. Местные банки очень важны для экономического развития регионов [18]. В крупных федеральных банках процесс согласования выдачи кредита предприятию может затянуться на несколько месяцев. В региональном банке рассмотрение заявки занимает меньше времени, поскольку банк гораздо лучше знаком со спецификой местного бизнеса, знает своих заемщиков, а значит, быстрее проводит оценку, может адекватнее оценить кредитоспособность и, соответственно, предложить лучшие условия.

Несмотря на то что крупные банки обладают разветвленной филиальной сетью, подразделения на местах, как правило, лишены или сильно ограничены в самостоятельном принятии решения о выдаче кредитов. За филиалами зачастую остается только техническая работа по проверке документации, а все решения принимаются в головных организациях, где нет глубокого всестороннего понимания ни региона, ни бизнеса.

За последние годы в России появилось множество новых инструментов регионального развития – зоны территориального развития, технопарки, индустриальные кластеры и т. д. Однако никакие новые механизмы

³ Банки с базовой лицензией смогут осуществлять основные операции: привлекать средства во вклады, осуществлять денежные переводы, покупать и продавать иностранную валюту, открывать и вести счета, выдавать кредиты гражданам и организациям. Они не смогут открывать счета в иностранных банках, не получат права открывать за границей дочерние организации или филиалы. При этом к ним будет применяться упрощенное регулирование, в частности, обязанность исполнения только пяти обязательных нормативов – нормативов достаточности собственного капитала (Н1.0), достаточности основного капитала (Н1.2), текущей ликвидности (Н3), максимального риска на заемщика или группу связанных заемщиков (Н6) и максимального риска на связанное с банком лицо или группу лиц (Н25).

⁴ Банки с универсальными лицензиями могут открывать, с разрешения регулятора, филиалы или представительства за рубежом, а также осуществлять все остальные операции, в которых закон ограничивает кредитные организации с базовыми лицензиями.

не заработают в полной мере, пока не будут устранены главные ограничители роста, в том числе фундаментальная слабость региональных финансовых систем.

Крупные федеральные банки слишком медленно двигаются в сторону регионов и обходят стороной сегменты экономики с низкой доходностью. Занимая значительную долю рынка, они могут позволить не принимать на себя повышенные риски инвестиционного или долгосрочного кредитования в регионах, а также излишние издержки, связанные с кредитованием и обслуживанием мелких клиентов. Им труднее подстраиваться под специфику разных регионов страны. В то же время региональные банки недостаточно капитализированы и испытывают затруднения с доступом к ресурсам. Они обслуживают значительную долю рынка кредитования малого и среднего предпринимательства, но не имеют возможности полностью удовлетворить спрос на кредиты.

Между тем, как показывает практика, создание в регионах новых банков и упрочение их позиций тормозятся такими факторами, как сложившиеся прочные отношения между крупными региональными банками и промышленными предприятиями, сопротивление местных властей, отсутствие квалифицированных кадров, финансовых и материальных ресурсов. Такое положение объясняется и нестабильностью денежного обращения в России, что негативно сказывается на регионах, удаленных от концентрации бюджетных средств, корпоративного капитала и частных сбережений. К этому следует добавить боязнь конкуренции, хотя одна из задач реформирования банковской системы в стране состояла именно в том, чтобы создать конкурентную среду как естественный стимул для саморазвития банков.

Участившиеся отзывы лицензий сопровождаются активным обсуждением в средствах массовой информации и провоцируют еще большую панику и нестабильность на рынке. В таких условиях мелкие банки теряют клиентов (которые переходят к более крупным игрокам) и становятся еще менее конкурен-

тоспособными. В результате растет и концентрация активов крупных банков. Конечными жертвами оказываются предприниматели, малый и средний бизнес (и прежде всего в регионах), а также российская экономика.

Банковской системе России для ускорения темпов экономического роста, повышения инвестиционной и инновационной активности в процессе модернизации российской экономики необходимо дальнейшее расширение кредитования реального сектора экономики, что должно сопровождаться модернизацией как всего финансового сектора, так и его важнейшей части – банковской системы России. Нехватка финансовых ресурсов в экономике приводит к ограничениям конкуренции, роста производства, стимулируя высокий уровень инфляции.

Согласно Основным направлениям государственной денежно-кредитной политики на 2018 год и плановый период 2019 и 2020 годов, в настоящее время на этапе перехода экономики к росту на первый план выходит задача создания условий и стимулов для устойчивого развития. Вместе с тем на текущем этапе ключевой задачей для Банка России является закрепление темпов роста потребительских цен вблизи 4%, а также формирование доверия к проводимой денежно-кредитной политике. При этом в качестве основных направлений для достижения макроэкономической стабильности выбрано закрепление практики к индексации регулируемых цен и тарифов на коммунальные услуги населению на уровне не более 4% в год, сохранение консервативного подхода к формированию государственных финансов в рамках применения бюджетного правила, а также проведение взвешенной денежно-кредитной политики. При этом в сентябре 2017 года Банк России одобрил стратегию поэтапного выхода из применения специализированных инструментов рефинансирования с целью постепенного замещения льготного кредитования рыночными механизмами.

Проведенный анализ вклада банковской системы в обеспечение экономического развития территорий позволил определить, что

банковский сектор страны сегодня не решает в полной мере задач по обеспечению реального сектора экономики доступными кредитами [19]. При этом Президент РФ В.В. Путин неоднократно обращал внимание на то, что банковский сектор страны должен отвечать задачам, стоящим перед экономикой страны, особенно в отношении создания инновационных производств, финансирования крупных инфраструктурных проектов.

В последнее время финансовое положение банков, в первую очередь банков с государственным участием, улучшилось [20]. Об этом свидетельствует рост капитализации банков. Более того, в кризисные периоды государство оказывало финансовую поддержку банковской системе. При этом получить инвестиционный кредит все еще крайне сложно, процентные ставки завышены, а долгосрочное кредитование инвестиционных проектов, как это принято в мировой практике, на 10–15 лет практически не применяется.

Для увеличения вклада банковской системы в формирование условий для обеспечения устойчивого экономического роста территорий целесообразно реализовать ряд мер.

Необходимо совершенствование механизма докапитализации банков путем расширения круга банков, которым возможно предоставление государственной помощи, на региональные банки с активами от 10 млрд рублей. Таковыми являются опорные социально значимые для регионов банки (по расчетам РСПП их порядка 70). При этом докапитализуемый банк получает деньги от Банка России под ключевую ставку Банка России минус 1 процентный пункт с условием выдачи не выше ключевой ставки Банка России плюс 1 процентный пункт.

Кроме того, чрезвычайно важным является изменение процентной политики в банковской сфере в целом в качестве ориентира целесообразно считать переменные, связанные с динамикой рентабельности компаний реального сектора экономики.

Для расширения возможностей развития малых и средних предприятий следует пред-

усмотреть предоставление кредитов, выдаваемых в рамках целевой программы кредитования малого и среднего бизнеса на цели модернизации производств по ставкам на уровне финансирования крупного бизнеса⁵.

Необходимо увеличить объемы финансирования мероприятий по субсидированию процентных ставок по кредитам, полученным промышленными предприятиями, в целях технического перевооружения и организации нового производства, в т. ч.:

- рассмотреть возможность увеличения субсидий на компенсацию части затрат на закупку сырья, материалов, запчастей и комплектующих предприятиям в объеме 1 млрд рублей;

- расширить субсидирование на возмещение части затрат на уплату процентов по кредитам, полученным в российских кредитных организациях на осуществление сезонных закупок сырья и материалов, проведение технического перевооружения и реализацию инновационных проектов по реконструкции и созданию новых предприятий;

- внедрить в практику комплексное субсидирование затрат промышленных предприятий при реализации инновационных проектов от проектирования, создания производственных мощностей и научного сопровождения.

Одним из наиболее действенных инструментов стимулирования кредитных операций банков могли бы стать механизмы государственно-частного партнерства (ГЧП), позволяющие объединять возможности государства и финансовых институтов для реализации приоритетных экономических проектов и программ. Примерами таких механизмов в финансово-банковской сфере служат, в частности, предоставление государственных гарантий по банковским кредитам, совместное финансирование инвестиционных проектов, субсидирование процентных ставок по ссу-

дам, а также рефинансирование государством стандартных кредитных продуктов.

Целесообразно предусмотреть предоставление банкам возможности не ухудшать оценку качества обслуживания долга вне зависимости от оценки финансового положения заемщика по ссудам, реструктурированным, например, в случае изменения валюты долга, вне зависимости от изменения срока погашения ссуды (основного долга и/или процентов), размера процентной ставки.

Перспективным является внесение изменений в регулятивную и надзорную практику Банка России, прежде всего, следует придерживаться не универсального (как предлагает Банк России), а дифференцированного подхода к требованиям по нормативам ликвидности и достаточности собственного капитала банка, регулируемым в зависимости от его специализации, отраслевой структуры, состава клиентов и учредителей, а также качества кредитных портфелей.

Результаты исследования роли кредитования и поиска направлений повышения доступности заемного финансирования для предприятий и роли ресурсов банковской системы как ключевого источника активизации социально-экономического развития территорий позволили сделать следующие основные выводы:

1. Увеличение вклада ресурсов банковской системы в социально-экономическое развитие территорий сопровождается сжатием кредитования предприятий в результате ужесточения регулятивных мер Центрального банка России по оценке качества ссудного портфеля и уровня принимаемого банками кредитного риска на фоне роста стоимости фондирования пассивов банковского сектора и общей неопределенности в российской и мировой финансовых системах.

2. Концентрация на крупнейших банках с доминированием «госбанков» ведет рынок страны к снижению доступности финансовых услуг для предприятий, конкуренции между кредитными учреждениями и возможным новым проблемам, которые могут привести к необходимости новых вливаний существен-

⁵ По Программе стимулирования кредитования субъектов МСП для субъектов среднего предпринимательства предлагается ставка 9,6% годовых, для субъектов малого предпринимательства – 10,6% годовых. Программы льготного кредитования Министерства экономического развития, Министерства промышленности и торговли и Министерства сельского хозяйства максимальный уровень ставки ограничивают 6,5% годовых.

ных объемов государственных средств для поддержки «системно значимых» кредитных организаций.

3. Фундаментальная слабость региональных банковских систем, отсутствие в стране «длинных» денег и сохраняющаяся политика таргетирования инфляции Банком России в среднесрочной перспективе не позволят обеспечить рост кредитования до уровня развитых стран, что будет сдерживать потенциально возможные темпы роста экономики.

Результаты исследования могут быть востребованы органами власти при коррек-

тировке финансовой политики, а также полезны специалистам и научному сообществу, занимающимся вопросами развития кредитования реального сектора экономики. Предложенные в статье направления совершенствования механизмов и инструментов кредитования реального сектора экономики, в числе прочих, будут способствовать задействию имеющихся резервов банковской системы с целью активизации социально-экономического развития и укрепления экономической безопасности государства и его территорий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Масленников В.В. Влияние современной денежно-кредитной политики России на экономический рост // ЭКО. 2015. № 10. С. 153–166.
2. Банки и финансовые рынки XXI века – потенциал развития / под ред. Ю.И. Новикова, Н.П. Радковской. СПб.: СПбГЭУ, 2016. 299 с.
3. Печенская М.А. Актуальные вопросы развития потребительского кредитования в Российской Федерации // Вопросы территориального развития. 2015. № 10 (30). URL: http://vtr.vscs.ac.ru/article/1707/full?_lang=ru
4. Петров М.В. Финансирование компаний в условиях замедления экономики и санкций // Финансы: теория и практика. 2018. Т. 22. № 3 (105). С. 84–89.
5. Маммаева Д.С. Банковское кредитование реального сектора экономики региона. Махачкала: Наука, 2011. 149 с.
6. Mazzoli M. Banks, Industrial Structure and Monetary Policy in Transition Economies. *Future of Banking*, 2004, vol. 9, pp. 184–199.
7. Национальная экономическая безопасность России в условиях обострения объективных и иницированных рисков и угроз / Е.Б. Ленчук [и др.]. М. – СПб.: Нестор-История, 2018. 752 с.
8. Травкина Е.В., Коваленко С.Б. Особенности современных условий кредитования предприятий реального сектора российской экономики // Общество: политика, экономика, право. 2016. № 3. С. 69–71.
9. Данилов-Данильян А. Проблемы управления банковской системой России как источником инвестиций в интересах преодоления текущего экономического кризиса // Проблемы теории и практики управления. 2016. № 8. С. 73–79.
10. Barth J.R. *Bank regulation and supervision in 180 countries from 1999 to 2011. National bureau of economic research*. Cambridge: Cambridge University Press, 2013. 110 p.
11. Кучиева А.З. Повышение доступности банковского кредитования реального сектора экономики // Вестн. Северо-Осетин. гос. ун-та им. Коста Левановича Хетагурова. 2014. № 3. С. 325–328.
12. Рябова Д.А. Проблемы банковского кредитования как источника финансирования реального сектора экономики в условиях рецессии // Вектор экономики. 2017. № 11 (17). С. 51–54.
13. Соловьева С.В. Роль государственного и частного капитала в финансировании и кредитовании реального сектора экономики // Проблемы экономики. 2013. № 1. С. 63–66.
14. Модернизация финансовой сферы России / под ред. В.К. Сенчагова. М. – СПб.: Нестор-История, 2011. 304 с.
15. Ускова Т.В., Лукин Е.В., Воронцова Т.В. Проблемы экономического роста территории. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2013. 170 с.
16. Лысаковская Е.В. Управление рисками при кредитовании предприятий малого бизнеса. М.: Изд-во Современ. гуманитар. ун-та, 2013. 161 с.

17. Куликова О.О. Анализ влияния изменений условий банковского кредитования на реальный сектор экономики // Экономика и предпринимательство. 2013. № 6 (35). С. 46–48.
18. Mazzoli M. Banks, Industrial Structure and Monetary Policy in Transition Economies. *Future of Banking*, 2004, vol. 9, pp. 184–199.
19. Поварова А.И. Консервативная денежно-кредитная политика как важнейший ограничитель экономического роста // Проблемы развития территории. 2016. № 6. С. 180–195.
20. Ольховик В.В. Особенности современной практики налогообложения прибыли банков и кредитования реального сектора экономики в зарубежных странах // Научный вестник: финансы, банки, инвестиции. 2015. № 1 (30). С. 45–50.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Галухин Антон Викторович – кандидат экономических наук, научный сотрудник. Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Вологодский научный центр Российской академии наук». Россия, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а. E-mail: antongalukhin@yandex.ru. Тел.: +7(8172) 59-78-10.

Galukhin A.V.

WAYS TO IMPROVE LENDING TO REAL ECONOMY

Improving the mechanisms and instruments of lending to real economy is an important area of increasing the pace of socio-economic development of territories. The article analyzes the importance of the banking sector resources in the economy and concludes that it has increased in recent years. The purpose of the article is to identify areas and develop a set of measures to improve the availability and role of lending to sector economy as one of the key factors in enhancing the socio-economic development of territories. The methodological framework of the study consists of principles of economic, statistical, and comparative analysis, and of generalization. As a result of considering lending trends based on statistical data of the Federal State Statistics Service, the Central Bank of Russia, the information portal Banks.ru and others, it is concluded that the concentration on the major banks with predominant "state banks" directs the market to competition reduction and possible new problems that lead to infusion of significant amounts of public funds to support such credit institutions. At the same time, the number of subjects of country's constituent entities where there are no own regional banks, increases every year. It is revealed that the fundamental weakness of regional banking systems prevents the creation of a stable financial basis for expanded reproduction of economic entities. The article proposes a set of measures to increase the contribution of the banking system resources to increase the pace of economic development of territories, including the expansion of the mechanism of capitalization to regional banks, changes in the interest rate policy of credit institutions in the framework of financing investment projects, increasing the limits of subsidized loans to priority economic sectors for the purposes of technical re-equipment and import substitution, and easing the regulatory standards of lending when assessing the quality of debt service and the financial situation of borrowers. The research results may be in demand among the authorities for adjusting the financial policy; they can also be useful to experts and the scientific community involved in the development of lending to real economy.

Lending to real economy, economic development, regional banks, credit problems, ways of improving.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Galukhin Anton Viktorovich – Ph.D. in Economics, Research Associate. Federal State Budgetary Institution of Science "Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences". 56a, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation. E-mail: antongalukhin@yandex.ru. Phone: +7(8172) 59-78-10.

Актуальные проблемы развития АПК

DOI: 10.15838/ptd.2018.6.98.12

УДК 332.1 | ББК 65.9(2Рос)

© Рябчикова Н.Н.

МЕРЫ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ ПОДДЕРЖКИ РАЗВИТИЯ МОЛОЧНОПРОДУКТОВОГО КЛАСТЕРА САРАТОВСКОЙ ОБЛАСТИ

РЯБЧИКОВА НАДЕЖДА НИКОЛАЕВНА

Институт аграрных проблем Российской академии наук

Россия, 410012, г. Саратов, ул. Московская, д. 94

E-mail: iagran@mail.ru

Несмотря на то что по теме формирования кластеров в российской экономике проводятся различные исследования, многие методологические и практические вопросы до сих пор не решены. Нет четко определенного механизма встраивания кластеров в практику действующей системы государственного регулирования, также не проработаны методические подходы по организации кластерной инфраструктуры, что особенно актуально и очень востребовано с точки зрения аграрной политики развития России. Необходимость решения этих вопросов обусловила выбор темы исследования, постановку его цели. Цель статьи – обоснование рекомендаций по созданию трехуровневой системы институциональной поддержки процессов кластеризации. В исследовании представлены методологические и практические рекомендации по направлению совершенствования деятельности Многофункционального центра предоставления государственных и муниципальных услуг для формирования и развития кластеров в рамках региональной аграрной политики на основе стимулирования эффективных кооперационных связей между их участниками и государством. Как правило, в работах, посвященных формированию агропромышленных кластеров, меры организационной поддержки ограничиваются двумя уровнями и не затрагивают изменений в структуре и механизме работы государственных структур, поэтому предложенный трехмерный инструмент отвечает критериям новизны исследования. Основная идея статьи заключается в том, что для катализации процесса формирования конкурентоспособных агропромышленных региональных кластеров предложено создать новый институт кластерной ин-

Цитата: Рябчикова Н.Н. Меры институциональной поддержки развития молочнопродуктового кластера Саратовской области // Проблемы развития территории. 2018. № 6 (98). С. 172–185. DOI: 10.15838/ptd.2018.6.98.12

Citation: Ryabchikova N.N. Measures of institutional support for the milk product cluster development in the Saratov Oblast. *Problems of Territory's Development*, 2018, no. 6 (98), pp. 172–185. DOI: 10.15838/ptd.2018.6.98.12

фраструктуры в виде отдела развития и поддержки кластеров при многофункциональном центре. Для реализации цели исследования используются методы сравнительного анализа, монографический, системный и статистический. Сделан вывод о том, что предложение по созданию отдела кластерного развития в структуре Многофункционального центра Саратовской области позволит снизить административные барьеры для кластерного сотрудничества, улучшить сопровождение процессов внутри- и межкластерных взаимодействий, устранить институциональные барьеры для экономического роста в рамках кластерной политики. Перспективой исследований является дальнейшее развитие теории и методологии формирования организационной инфраструктуры поддержки агропромышленных кластеров.

Кластер, агропромышленный комплекс, инновационное развитие, государственные и муниципальные услуги, инфраструктура, многофункциональный центр, кластер-ориентированная политика.

Развитие экономики на основе кластерного подхода во всем мире уже зарекомендовало себя в качестве успешной модели социально-экономического развития. Ключевые проблемы формирования и развития кластеров находят свое решение в зарубежных исследованиях известных экономистов: М. Портера, М. Энрайта, Ж. Линквиста и др. [1; 2; 3]. В нашей стране интерес к кластерной концепции возрастает с каждым годом. В становление отечественной школы теории кластерного развития большой вклад внесли практическо-теоретические изыскания институционального подхода в процессах кластеризации Е.С. Куценко, Н.В. Смородинской, Д.Д. Катукова, А.Е. Шаститко [4–7]. Применение кластерного подхода в агропромышленном комплексе отражено в работах Л.А. Александровой, Л.А. Тутаевой, И.Н. Горетова, В.И. Самаруха и др. [8–11]. Многочисленные исследования доказывают наличие предпосылок возникновения кластеров в регионах, но в российской экономике имеются определенные проблемы, препятствующие применению кластерного подхода. Одной из таких проблем является отсутствие соответствующей инфраструктуры для формирования, функционирования и развития кластеров. В этом вопросе примечателен опыт КНР, где акцент делается прежде всего на создании обширной сети ее институтов [12], выступающей хорошим базисом для развития кластеров. С учетом того, что Россия всегда была аграрной страной с самобытной культурой ведения

бизнеса, а государство играет активную роль в его поддержке, организация отдела развития кластеров (в т. ч. агропромышленных) в структуре такой современной государственной организации, как Многофункциональный центр предоставления государственных и муниципальных услуг, актуальна и имеет практический интерес. Исследованиями многофункциональных центров предоставления государственных и муниципальных услуг как инструмента взаимодействия государства и общества занимались авторы: В.В. Рудой, Л.А. Гаврилова, Г. Зутарева, Е.О. Бабенкова и др. [13–15].

Согласно Стратегии социально-экономического развития регионов РФ, появление кластеров «выступает условием обретения Россией долгосрочной конкурентоспособности, а следовательно, стимулирование возникновения кластеров региональной системы должно относиться к числу приоритетов государственной политики регионального развития» [16]. Особую социально значимую роль в развитии региональной системы играют агропромышленные кластеры, учитывающие региональную специфику, стимулирующие инновационное развитие и выступающие качественной основой роста продовольственной безопасности, имеющей стратегическое значение для страны.

Формирование агропромышленных кластеров как новый подход стратегии развития продуктовых подкомплексов АПК, безусловно, коррелирует с необходимостью

внесения изменений в институциональную среду, инфраструктуру, государственное регулирование в экономике АПК региона. [17]. Необходимость в проведении таких трансформаций соотносится с мероприятиями по обеспечению условий для развития и диверсификации региональной сельской экономики, обозначенных в Стратегии устойчивого развития сельских территорий РФ на период до 2030 года¹.

При наличии предпосылок формирования кластеров в регионах России есть проблема отсутствия необходимой кластерной инфраструктуры для их развития, которая относится к общим мерам государственной поддержки всех протокластеров.

Так как в настоящее время все большую актуальность в государственной системе приобретает Многофункциональный центр предоставления государственных и муниципальных услуг (МФЦ), то организация отдела развития кластеров при МФЦ выступит надежной экосистемой поддержки развития региональных интеграционных структур. МФЦ использует в своей практике систему предоставления услуг «по жизненным ситуациям». Кластер как одна из форм квазиинтеграции характеризуется именно тем, что в процессе формирования испытывает специфические для каждого этапа жизненного цикла проблемы, решение которых требует не только определенного типа кластерной политики, но и конкретного набора услуг, адаптированного для каждой стадии его развития.

Подобная практика в России существует, например, в Кировской области, где с 2014 года поддержка кластерных инициатив осуществляется созданным на базе КОГАУ «МФЦ» Центром кластерного развития. Задачами центра являются предоставление комплекса услуг для представителей малого и среднего предпринимательства (МСП), являющихся участниками кластеров: услуг маркетинга (брендинг, позициони-

рование, продвижение новых продуктов участников кластеров); подготовка специальных обучающих тренингов и семинаров; проведение информационных кампаний в средствах массовой информации, а также организация участия предприятий МСП, являющихся участниками кластеров, на отраслевых российских и зарубежных выставочных площадках; организация работ по обеспечению соответствия продукции предприятий требованиям потребителей в целях выхода на новые рынки сбыта (разработка единых стандартов); проведение вебинаров, круглых столов; разработка или актуализация программ развития территориальных кластеров, технико-экономических обоснований инфраструктурных проектов кластера; организация программ обучения и программ стажировок сотрудников ЦКР и управляющих компаний кластеров, в том числе за рубежом². Центр кластерного развития функционирует в тесном взаимодействии с Департаментом предпринимательства и торговли Кировской области, Вятской торгово-промышленной палатой, Центром регионального развития, Центром поддержки экспорта и Центром инноваций Кировской области, а также сотрудничает с органами государственной власти (Управлением ФНС России по Кировской области, Управлением Росреестра по Кировской области, департаментом промышленного развития и департаментом государственной собственности Кировской области), что позволяет оказывать значительную помощь представителям малого и среднего бизнеса при получении государственных и муниципальных услуг.

Хорошим примером организации предоставления государственных услуг для представителей агробизнеса является реализующийся с 2016 года проект в Ростовской области³, где организовано при МФЦ предоставление услуг Министерства сельского хозяйства и продовольствия и разработаны

¹ Стратегия устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации на период до 2030 года. URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70761426> (дата обращения 25.11.2016).

² Центр кластерного развития Кировской области. URL: <http://www.ckr43.ru> (дата обращения 24.12.2017).

³ Портал МФЦ Ростовской области. URL: <http://www.mfc61.ru> (дата обращения 14.02.2017).

альтернативные способы подачи заявок сельхозтоваропроизводителями на получение государственной поддержки:

- субсидии предприятиям АПК, индивидуальным предпринимателям и организациям потребительской кооперации, осуществляющим деятельность в отраслях пищевой и перерабатывающей промышленности;

- субсидии на приобретение сельхозтехники, произведенной в Ростовской области, предоставление грантов начинающим фермерам и главам семейных, животноводческих ферм и на другие направления;

- субсидии садоводческим, огородническим и дачным некоммерческим объединениям граждан на возмещение части затрат на инженерное обеспечение их территорий.

Также в перечень государственных и муниципальных услуг, предоставляемых в Многофункциональном центре Ростовской области (на 10.01.2018)⁴, включен блок услуг союза «Некоммерческого партнерства «Единый региональный центр инновационного развития Ростовской области», содержащий три бесплатные специализированные услуги по кластерному развитию. В отделении МФЦ предусмотрено информирование о консультации по вступлению или созданию кластера, субсидировании деятельности участников кластера, о разработке стратегических документов развития кластеров (концепций, стратегий, программ, дорожных карт).

В Саратовской области появилась возможность подобных трансформаций инфраструктурной среды благодаря последним изменениям, внесенным в Правила организации деятельности многофункциональных центров предоставления государственных и муниципальных услуг от 17 февраля 2017 года (Постановление Правительства Российской Федерации № 209, подпункт «е» пункта 4 Правил)⁵. С этого момента для юридических

лиц и индивидуальных предпринимателей стало возможным предоставление дополнительных услуг: государственных и муниципальных услуг и необходимых для начала осуществления, развития предпринимательской деятельности. В этом плане разработка модели организации Многофункционального центра предоставления государственных и муниципальных услуг для региональных агропромышленных кластеров станет взаимовыгодным проектом в системе реализации кластер-ориентированной аграрной политики, предполагающей кроме создания организационной инфраструктуры использование других мер государственной поддержки. Ведь парадоксально, но реализуемая в России кластер-ориентированная политика, предназначенная для поддержки кластеров, не способствует повышению их конкурентоспособности. Как правило, после прекращения государственной поддержки квазикластеры перестают существовать или перерождаются в какое-то другое образование [8].

С имеющимся сельскохозяйственным, промышленным, а также научным потенциалом региона в условиях нынешней конкуренции за инвестиции есть возможность создания уникальных преимуществ на уровне территории с помощью развития агропромышленных кластеров, основной целью которых станут разработка и реализация кластерных (совместных) проектов, направленных на обеспечение продовольственной безопасности региона (страны), импортозамещение и расширение экспортного потенциала.

Саратовская область является одним из ведущих аграрных регионов России. В отраслях АПК Саратовской области производится более 1/3 валовой продукции⁶. Производство продукции сельского хозяйства, особенно в последние годы, имеет положительную динамику развития и занимает 12-е место среди

⁴ Портал МФЦ Ростовской области. URL: <http://www.mfc61.ru> (дата обращения 07.03.2017).

⁵ Постановление Правительства РФ от 17 февраля 2017 г. № 209 «О внесении изменений в Правила организации деятельности многофункциональных центров предоставления государственных и муниципальных услуг». URL: <http://base.garant.ru/71618792/#friends#ixzz5H9ULdFoC> (дата обращения 07.04.2018).

⁶ Агропромышленный комплекс Саратовской области: электронная летопись Саратовской губернии Молодежного информационного центра – структурного подразделения Централизованной библиотечной системы г. Саратова. URL: <http://elsso.ru/cont/eco/3.html> (дата обращения 05.04.2018).

регионов России по объему произведенной продукции в фактических ценах (119,1 млрд руб.) (рис. 1). На душу населения больше, чем в Поволжье и России, производится зерна, мяса, молока. В области развиты масложировой, плодоовощной, свеклосахарный подкомплексы, по производству яиц. Но так как агропромышленный комплекс Саратовской области имеет четко выраженную специализацию (зерно-хлебопродуктовый, мясной и молочно-продуктовый подкомплексы), по данным направлениям в проекте «Концепции развития агропромышленного комплекса Саратовской области до 2020 года» указано, что в рамках сценарного подхода предполагается реализация развития АПК региона «по направлению развития кооперации и интеграции в нем – создание и обеспечение функционирования союзов сельхозтоваропроизводителей, формирование объединений (кластеров)»⁷, которые в современных условиях очень актуальны. Кластеры представляют собой воспроизводственную цепочку географически сконцентрированных предприятий и организаций, формально и неформально взаимодействующих друг с другом.

Как показывают исследования локализации сельскохозяйственного производства⁸, высокая концентрация производства в Саратовской области достигнута по просу, под-

солнечнику, ржи, гречихе, свинине (с коэффициентом более 2), средняя концентрация достигнута, например, по молоку, пшенице, ячменю и т. д. (табл. 1).

Для развития агропромышленных кластеров необходимо поддерживать межкластерные и внутрикластерные взаимодействия всех заинтересованных участников. При условии наличия указанных предпосылок развития кластеров есть проблема отсутствия организационной инфраструктуры в регионе. В соответствии с принципами государственного вмешательства в процессы кластеризации по К. Кетельсу (Castells, M., 1992) государство не должно определять стратегии развития кластеров и их состав, может инициировать и осуществлять кластерные инициативы, т. е. финансировать, это не обязательно, но оно должно создавать институты кластеризации и быть готовым к сотрудничеству с бизнесом и сообществом [18].

Меры государственной поддержки развития агропромышленных кластеров должны включать в себя как общие (для всех кластеров), так и специфические, свойственные селективной кластерной политике. К общим мерам поддержки относится, по мнению автора, создание 3-уровневой организационной поддержки кластеров (рис. 2), включающей формирование Центра кластерного

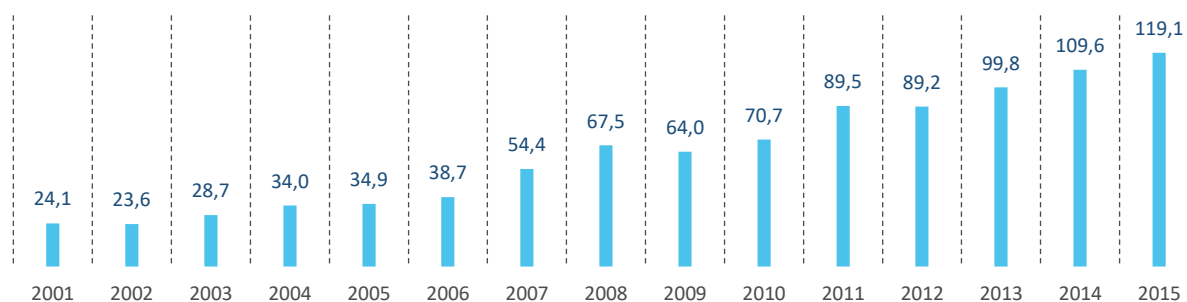

Рис. 1. Производство продукции сельского хозяйства в Саратовской области в фактических ценах, млрд руб.

Источник: данные Росстата (АБ-центр). Сельское хозяйство Саратовской области.
 URL: <http://ab-centre.ru/page/selskoe-hozyaystvo-saratovskoy-oblasti> (дата обращения 27.08.2017).

⁷ Концепция развития агропромышленного комплекса Саратовской области до 2020 года. URL: <http://minagro.saratov.gov.ru/Razvitie> (дата обращения 17.05.2017).

⁸ Александрова Л.А. Кластерный подход к разработке стратегии АПК: мат-лы круглого стола «Повышение эффективности функционирования агропромышленного комплекса Саратовской области в рамках Стратегии социально-экономического развития до 2030 года». URL: http://saratov.gov.ru/news/4_yu_kruglyy_stol (дата обращения 25.09.2017).

Таблица 1. Территориальная концентрация сельскохозяйственного производства Саратовской области

	Вид продукции	Коэффициент концентрации
Высокая концентрация	Просо	18,3
	Подсолнечник	5,1
	Рожь	4,1
	Гречиха	2,7
	Свиньи	2,1
Средняя концентрация	Овцы и козы	1,9
	Плоды и ягоды	1,9
	Пшеница	1,8
	Молоко, тыс. т	1,6
	Ячмень	1,6
	Овощи	1,4
	Шерсть, кг	1,4
Низкая концентрация	Яйца, тыс. шт.	1,2
	Горох	1,0
	Овес	0,9
	Кукуруза на зерно	0,8
	Мед, кг	0,7
	Картофель	0,7
	Птица	0,5
	Сахарная свекла (фабричная)	0,3
	КРС	0,2
Соя	0,2	

Составлено по: Александрова Л.А. Кластерный подход к разработке стратегии АПК: мат-лы круглого стола «Повышение эффективности функционирования агропромышленного комплекса Саратовской области в рамках Стратегии социально-экономического развития до 2030 года». URL: http://saratov.gov.ru/news/4_yy_kruglyy_stol (дата обращения 25.09.2017).

развития, некоммерческого партнерства кластера и создание отделов в государственных учреждениях.

Флагманским проектом, направленным на решение проблем кластеров в регионе, может стать создание Центра кластерного развития (рис. 3), основная цель которого заключается в выявлении потенциальных кластеров, комплексной поддержке их участников (в т. ч. агрокластеров) и обеспечении условий для эффективного их взаимодействия.

В системе взаимодействия субъектов Центр кластерного развития (ЦКР) предполагает работу с Министерством экономического развития области, бизнес-инкубатором, рабочими группами по кластерному развитию, партнерствами кластеров и непосредственными участниками агропромышленных

кластеров (промышленными предприятиями, научными организациями, финансовыми компаниями и т. д.).

Показателями эффективности создания ЦКР (табл. 2) могут являться количество обслуживаемых кластеров; прирост участников кластера, поддерживаемых ЦКР; количество совместных проектов; количество участников, получивших консультации; количество участников, получивших государственную поддержку при помощи ЦКР; количество новых продуктов, выведенных на рынок с определенными коэффициентами значимости и рекомендованными значениями для агропромышленных кластеров.

Целесообразным считается организационно оформлять агропромышленные кластеры в виде некоммерческих партнерств, которые будут выполнять функцию управляющей компании и получателя специальных государственных субсидий. Важным преимуществом такой формализации кластера является возможность в его составе использовать гибкие проектные (матричные) управленческие структуры, которые позволяют использовать социальный и человеческий капитал в целях развития кластера.

На рис. 4 приведен пример потенциального НП Молочнопродуктового кластера, который может включать в себя управляющую компанию, отдел стратегического планирования, секретариат, рабочие группы по развитию инфраструктуры кластера, по реализации проекта внедрения Программ лояльности поставщиков, консорциумы по реализации совместных проектов (например, организация открытия снабженческо-сбытовых кооперативов на территории субкластеров).

Исследования показали, что в состав НП «Молочнопродуктовый кластер Саратовской области» входит более пятидесяти потенциальных участников, которые составляют 6 основных секторов:

– ключевой: предприятия, занимающиеся переработкой молока и производством молочной продукции («Молочный комбинат Энгельсский», «Саратовский молочный комбинат», «Комбинат детского питания» (г. Саратов) и др.);

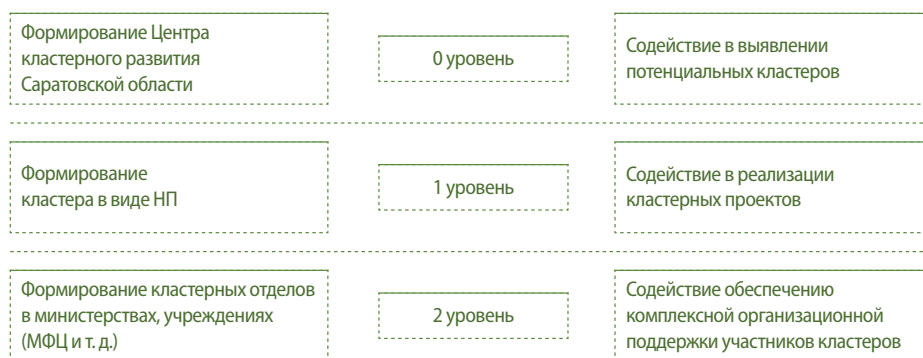

Рис. 2. Этапы формирования организационной поддержки кластеров Саратовской области

Источник: составлено автором.

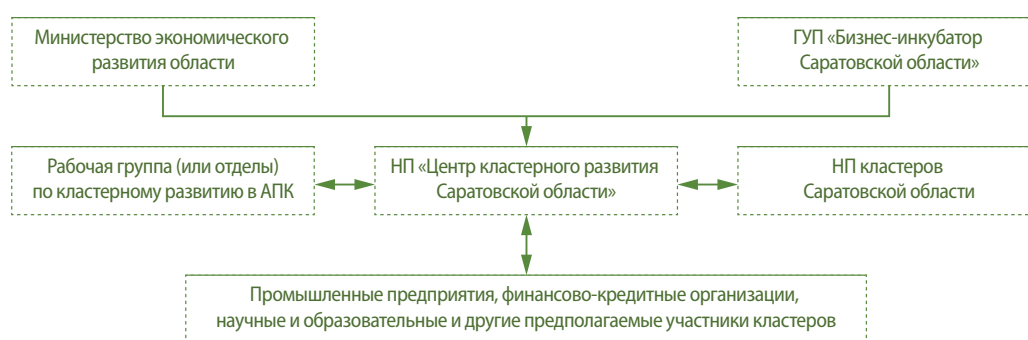

Рис. 3. Центр кластерного развития в системе взаимодействия субъектов кластерного развития

Источник: составлено автором.

Таблица 2. Показатели эффективности создания Центра кластерного развития Саратовской области за 1 год функционирования

	Показатель	Коэффициент значимости	Значение по всем кластерам области	Рекомендованные значения для агропромышленного кластера (пример)
1	Количество обслуживаемых кластеров	0,1	2	1
2	Прирост участников кластера, поддерживаемых ЦКР	0,2	не менее 10%	более 15%
3	Количество совместных проектов	0,2	10	3–4
4	Количество участников, получивших консультации	0,2	150	50
5	Количество участников, получивших государственную поддержку при помощи ЦКР	0,2	5	2
6	Количество новых продуктов, выведенных на рынок	0,1	3	1

Источник: составлено автором.

– производства молока-сырья: ЗАО «Племзавод «Трудовой», ЗАО ПЗ «Мелиоратор», СХПК «Штурм» и др.;

– продвижения: ООО «Поволжский торговый дом» (г. Энгельс), ООО «Милайнинвест групп» (г. Энгельс), ЗАО «Молочный двор» (г. Саратов) и т. д.;

– научного и кадрового обеспечения: СГАУ им. Н.И. Вавилова, ГНУ НИИСХ Юго-Востока, ГНУ Поволжский НИИ ЭО АПК, ГНУ Саратовская научно-исследовательская ветеринарная станция и т. д.;

– финансового обеспечения: Саратовский РФ ОАО «Россельхозбанк», «Сбербанк России» и пр.;

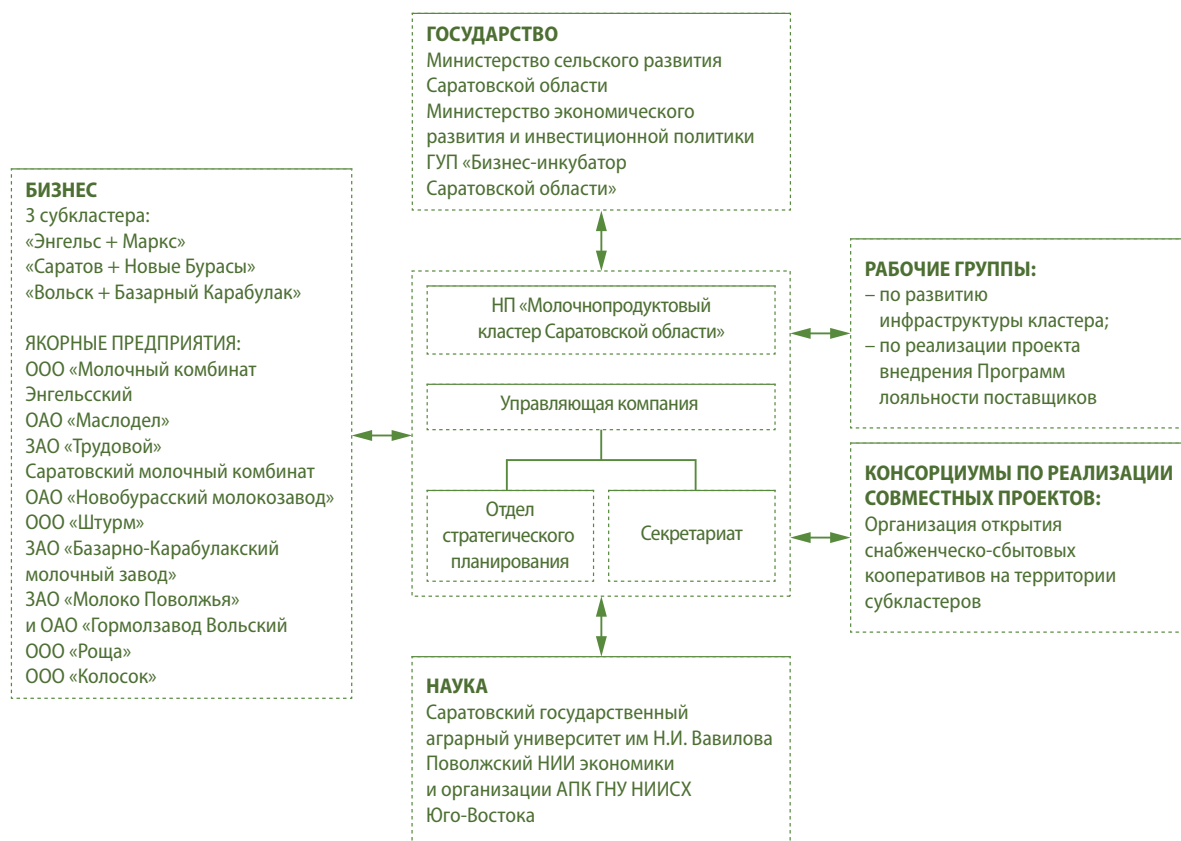

Рис. 4. Организация НП «Молочнопродуктовый кластер Саратовской области»

Источник: составлено автором.

– вспомогательных предприятий, направленных на обслуживание ключевого сектора, сектор производства сырья и продвижения продукции: ООО «Алекс», ООО «ТрансГруз» (транспортные компании), ОАО «Саратовский комбикормовый завод», ЗАО «Евротара-Плюс» (поставщик упаковки для молочной продукции), консалтинговые компании и др.

В настоящее время производители не практикуют совместных проектов в ведении бизнеса, хотя радиус территориальной границы географически крупных производителей молока Саратовской области минимален и предоставляет возможность для осуществления кластерных взаимодействий – совместных проектов и транспортных перевозок (субкластеры «Энгельс + Маркс» – 51 км, «Саратов + Новые Бурасы» – 73 км, «Вольск + Базарный Карабулак» – 90 км).

Когда уже как создан главный институт организационной инфраструктуры развития кластеров в виде Центра кластерного разви-

тия и есть их управляющие компании, возможно создание отдела развития кластеров при Многофункциональном центре Саратовской области (МФЦ) (табл. 3).

В настоящее время многофункциональный центр Саратовской области – это государственная структура, специализирующаяся на предоставлении большого количества государственных и муниципальных услуг. С организацией отдела развития кластеров к ним прибавятся комплекс коммерческих услуг инфраструктурной организации Центра кластерного развития области. Данный центр выступает в роли посредника, оптимизирующего процедуры получения услуг за счет снижения временных, финансовых издержек (рис. 5).

В данном центре налажено предоставление услуг по жизненным ситуациям, что особенно важно для формирующегося кластера, который требует не только определенного типа кластерной политики, т. е. системы мер,

Таблица 3. Проект создания Отдела развития и поддержки кластеров при МФЦ Саратовской области

Отдел развития и поддержки кластеров при МФЦ Саратовской области (ОРПК)	
Форма создания	Отдел предоставления услуг для юридических лиц
Пользователи услуг ЦРК	Участники региональных кластеров (агропромышленных), иные субъекты малого и среднего предпринимательства
Условия предоставления услуг	Первое обращение – бесплатное. Возможно софинансирование проектов, поддерживаемых государством (в размере не менее 10% от стоимости услуг)
Преимущества ОРПК при МФЦ	1. Простота получения государственных услуг и дополнительных услуг для бизнеса в рамках «одного окна» в приоритетном порядке 2. Комфортные условия обслуживания и минимальный набор документов для получения услуг 3. Открытость информации о получении услуг для всех участников кластеров 4. Снижение сроков предоставления услуг, потерь времени и финансов для участников кластеров 5. МФЦ + ОРПК = экосистема поддержки развития кластеров 6. Отделение центра в каждом районе области
Цель работы ОРПК	Комплексная поддержка предприятий и организаций, входящих в агропромышленные кластеры, обеспечение условий для эффективного взаимодействия участников территориальных кластеров и создание условий для реализации совместных кластерных проектов
Основные задачи	1. Содействие при получении государственной поддержки; подготовка заявок для получения субсидий из государственного бюджета 2. Подготовка документов для участия кластеров в государственных программах 3. Методическое и консультационное сопровождение процессов кластеризации
Результат деятельности ОРПК	Привлечение государственных и частных инвестиций в развитие перспективных кластеров, увеличение темпов экономического роста, увеличение налоговой базы Саратовской области, занятости населения, увеличение конкурентоспособности местного производства (прежде всего в аграрной сфере). Стоимость развития ЦРК для государства – около 3,5 млн руб.
Источник: составлено автором на основе информации, размещенной на Едином портале многофункциональных центров предоставления государственных и муниципальных услуг регионов РФ.	

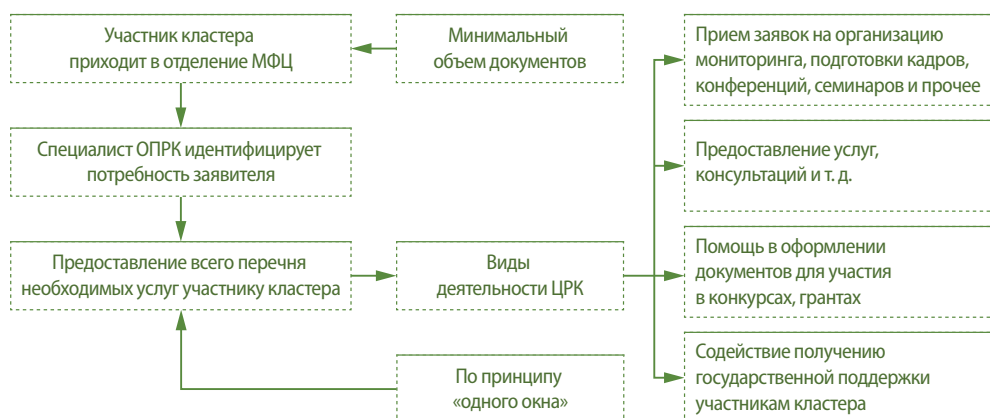

Рис. 5. Процедура получения услуг потенциальными участниками кластера в отделе развития кластеров при МФЦ Саратовской области

Источник: составлено автором.

критериев и правил функционирования новых структурных единиц экономики – кластеров, но и конкретного набора услуг. Для агропромышленного кластера необходимыми услугами могут стать услуги по предоставлению информации об имуществе, об организации участия в закупках, о тренингах, программах поддержки кластеров и т. д. Фор-

мирование интегрированной синтетической кластерной концепции существенно повысит эффективность кластерных программ, которые в настоящее время ограничиваются стимулированием развития ресурсной базы и инфраструктуры, концентрации производства и спроса. При этом синтез должен заключаться в учете трех проекций категории кластера –

географической, отраслевой (технологической) и институциональной, создающих реальное трехмерное пространство локального экономического объекта [19].

Немаловажным аспектом является территориальное расположение отделений МФЦ, которые есть почти в каждом районе Саратовской области. Такая организация поддержки кластеров станет целостной экосистемой.

Процедура получения услуг потенциальными участниками агропромышленного кластера предусматривает прием заявок на организацию мониторинга, подготовку кадров, конференций, семинаров, предоставление консультаций, помощь в оформлении документов для участия в грантах и конкурсах, содействие получению государственной поддержки и т. д.

Современная структура Многофункционального центра предполагает три формы организации предоставления услуг для бизнеса: бизнес-окно, бизнес-зона и бизнес-офис. По числу бизнес-окон среди регионов России лидируют Рязанская область (80), Краснодарский край (55), Республика Дагестан (54), Ленинградская область (31); бизнес-зон – Пермский край (24), Республика Башкортостан (14), Воронежская область (8); бизнес-офисов – Республика Татарстан (5), Ставропольский край (4)⁹.

Спектр услуг, предоставляемых в МФЦ для бизнеса, очень широк: подача документов на регистрацию в качестве индивидуального предпринимателя или юридического лица, открытие расчетного счета, оформление лицензий и разрешительных документов, получение информации об организациях инфраструктуры поддержки предпринимателей области, а также услуги АО «Корпорация «МСП» (уполномоченная организация Российской Федерации по поддержке субъектов малого и среднего предпринимательства).

В настоящее время в структуре МФЦ Саратовской области создано и функционирует 4 бизнес-зоны (14 окон обслуживания),

⁹ Основные подходы к организации МФЦ для бизнеса: проектный офис Минэкономразвития России по созданию и мониторингу деятельности МФЦ. URL: <http://ar.gov.ru> (дата обращения 22.01.2018).

куда могут обратиться предприниматели или граждане, планирующие открытие собственного дела. Бизнес-зоны начинают пользоваться большим спросом. Менее чем за полгода специалисты бизнес-зон МФЦ зарегистрировали свыше 18 тысяч заявлений от предпринимателей. Всего сотрудники обособленных подразделений МФЦ Саратовской области за 2017 год приняли 254737 заявителей и предоставили 104753 услуги (федеральных – 84377, региональных – 12259, муниципальных – 6847, иных – 1270)¹⁰.

В соответствии с составленным рейтингом субъектов РФ за III квартал 2017 года Саратовская область вошла в группу регионов со средней эффективностью организации деятельности МФЦ¹¹. Инфраструктура сети многофункциональных центров в России полностью сформирована, и основной их задачей является наполненность максимальным количеством востребованных услуг для физических и юридических лиц. С учетом того, что одной из приоритетных задач области является формирование и развитие агропромышленных кластеров, создание на базе МФЦ платформы кластерного сотрудничества позволит повысить не только эффективность организации деятельности МФЦ до высокой (опыт Кировской и Ростовской областей позволил занять им достойные позиции в рейтинге и войти в группу с высокой эффективностью организации МФЦ), но и создаст ощутимый импульс для развития агропромышленного комплекса и территории Саратовской области в целом.

В России количество отделений МФЦ с 2007 по 2016 год выросло с 16 до 2752 соответственно (рис. 6). Удовлетворенность населения качеством предоставления услуг повысилась до 82,9% в 2016 году (в 2012 году – 75,5%, в 2004 году – 14%).

Такая стремительно развивающаяся сеть МФЦ по всей стране повысила доступность услуг для населения, бизнеса и может высту-

¹⁰ Единый портал МФЦ Саратовской области. URL: <http://www.mfc64.ru> (дата обращения 20.02.2018).

¹¹ Министерство экономического развития Российской Федерации. URL: <http://economy.gov.ru> (дата обращения 03.08.2018).

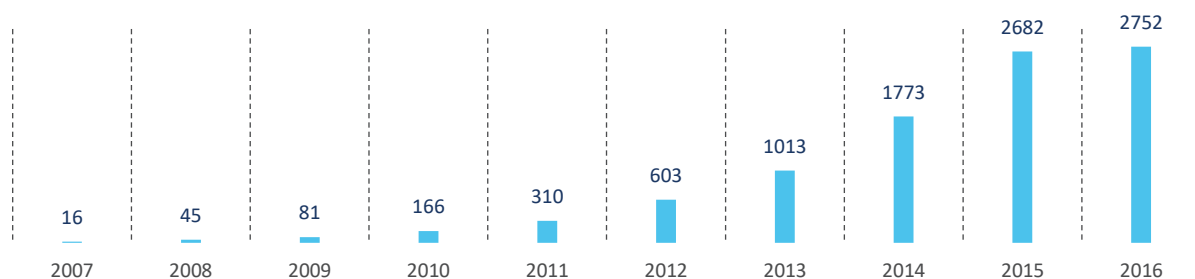

Рис. 6. Динамика создания отделений Многофункционального центра предоставления государственных и муниципальных услуг в 2007–2016 гг.

Составлено по: данные отчета Комиссии при Президенте РФ по мониторингу достижения целевых показателей социально-экономического развития РФ, определенных Президентом РФ, «О предоставлении государственных и муниципальных услуг через многофункциональные центры и внедрении механизма оценки их качества». М., 2017. URL: <http://d-russia.ru/wp-content/uploads/2017/05/mfc-present.pdf>

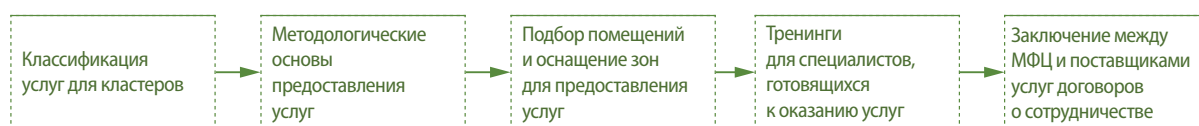

Рис. 7. Этапы реализации проекта МФЦ для агропромышленных кластеров

Источник: составлено автором.

пить базисом для использования уже сформированной своей инфраструктуры для содействия реализации пилотных кластерных проектов.

Этапы реализации проекта многофункционального центра для агропромышленных кластеров (рис. 7): классификация услуг, методологические основы предоставления услуг, оснащение помещений, проведение тренингов для специалистов и заключение договоров поставщиков услуг с МФЦ.

Как показывает практика, принятие проектов в области поддержки бизнеса дает положительные результаты и пользуется спросом. Так, например, результатом реализации приоритетного проекта «Малый бизнес и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы»¹² стало следующее: не менее чем в 80 субъектах Российской Федерации действуют по единой модели центры оказания услуг, в том числе государственных и муниципальных услуг малому предпринимательству, на базе банков с государствен-

ным участием и иных заинтересованных организаций (центры оказания услуг, ЦОУ).

Эффективность функционирования МФЦ для бизнеса с каждым годом растет. Например, в Новгородской области количество обращений предпринимателей в 2016 году возросло до 20289 (в 2013 году – 6756) (рис. 8).

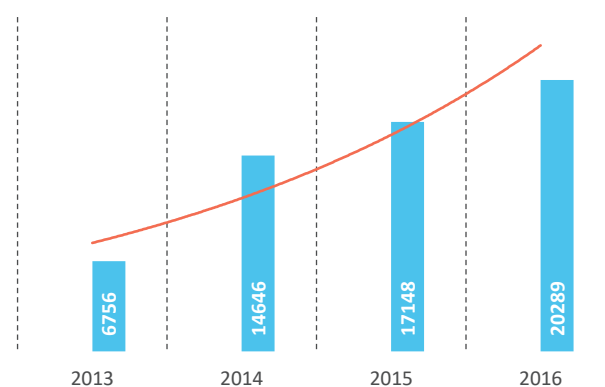

Рис. 8. Динамика обращений предпринимателей Новгородской области в Многофункциональный центр предоставления государственных и муниципальных услуг в 2013–2016 гг.

Составлено по: данные презентации Бирюковой А.И. «О реализации концепции создания и развития сети специализированных многофункциональных центров для бизнеса в Новгородской области на 2016–2018 гг.». URL: <http://economy.gov.ru>

А также увеличилось количество видов услуг для предпринимателей Новгородской области (рис. 9).

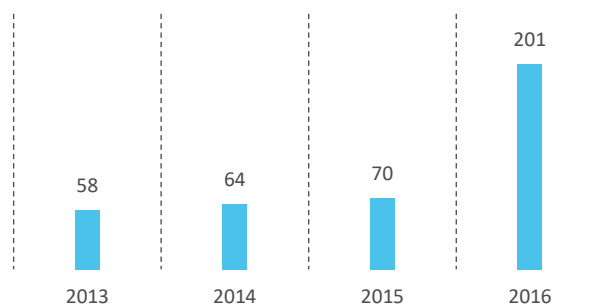

Рис. 9. Комплекс услуг для представителей бизнес-сообщества Новгородской области в 2013–2016 гг.

Составлено по: данные презентации Бирюковой А.И. «О реализации концепции создания и развития сети специализированных многофункциональных центров для бизнеса в Новгородской области на 2016–2018 гг.». URL: <http://economy.gov.ru>

В системе реализации кластер-ориентированной аграрной политики МФЦ сможет предложить комплекс услуг для кластеров в АПК (рис. 10).

Эффект от предложенной системы организационной поддержки развития агропромышленных кластеров будет заключаться в значительной прибавке в областной бюджет, поскольку в связи с внесением изменений в бюджетный кодекс РФ 50% от уплаченной пошлины при обращении в МФЦ за федеральными услугами будут отчислены в бюджет Саратовской области.

Создание отдела кластерного развития в структуре Многофункционального центра предоставления государственных и муни-

ципальных услуг Саратовской области позволит снизить административные барьеры для кластерного сотрудничества и улучшит сопровождение процессов внутри- и межкластерных взаимодействий.

Заключение

Содержание статьи актуально как в рамках региональной экономики, так и с позиции эффективного государственного и муниципального управления. С практической точки зрения указанные в работе рекомендации по развитию сети институтов организационной инфраструктуры поддержки кластеров могут быть полезны региональным органам власти в части развития кластерной политики, в том числе в аграрном секторе экономики. Представленное обоснование теоретико-методологических и практических рекомендаций по разработке единой модели функционирования Многофункционального центра предоставления государственных и муниципальных услуг направлено на активизацию формирования и развития кластеров в рамках региональной аграрной политики на основе стимулирования эффективных кооперационных связей между участниками кластеров и государством. Государство, взяв на себя функцию модератора развития инфраструктурной поддержки кластеров, становится полноценным их участником и вносит значительный вклад в поддержку и развитие кластеризации на территории страны. Проект модели функционирования Многофункционального центра предоставления

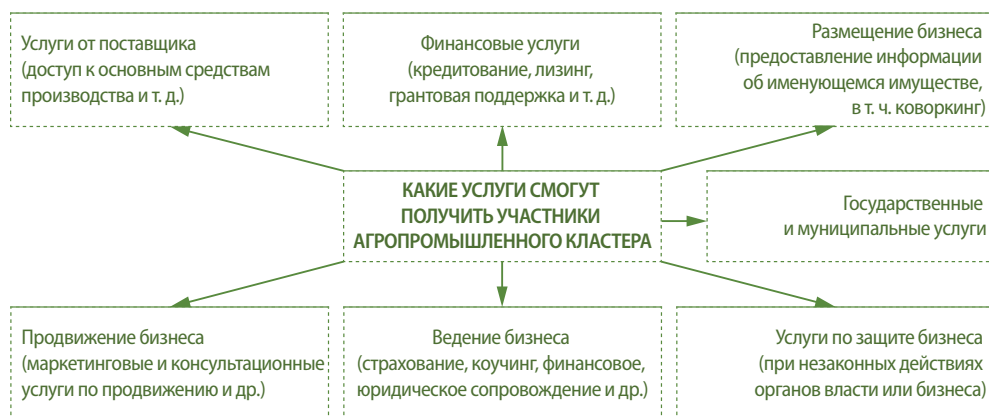

Рис. 10. Услуги МФЦ для агропромышленного кластера

государственных и муниципальных услуг в системе реализации кластер-ориентированной аграрной политики, безусловно, будет востребован в регионах для развития АПК.

Теоретическая значимость результатов исследования состоит в обосновании форм

институциональной поддержки развития молочнопродуктового кластера, практическая значимость заключается в том, что представленные в статье рекомендации позволят снизить административные барьеры для кластерного сотрудничества в Саратовской области.

ЛИТЕРАТУРА

1. Porter M. *The Competitive Advantage of Nations*. New York: Free Press, 1990. DOI: 10.1007/978-1-349-11336-1
2. Enright M., Staber U., Schaefer N., Sharma B. *Regional Clusters, Economic Development: A Research Agenda*. Business Network: Prospects for Regional Development. Berlin: Walter de Gruyter, 1996, pp. 190–213.
3. Lindqvist G., Solvell O. *Organising Clusters for Innovation: Lessons from City Region in Europe*. Clusnet Final Report, 2011. 58 p.
4. Куценко Е.С. Кластеры в экономике: основы кластерной политики государства // *Обозреватель – Observer*. 2009. № 11 (238). С. 112–120.
5. Смородинская Н.В. Смена парадигмы мирового развития и становление сетевой экономики // *Экономическая социология*. 2012. Т. 13. № 4. С. 95–115.
6. Смородинская Н.В., Малыгин В.Е., Катуков Д.Д. Как укрепить конкурентоспособность в условиях глобальных вызовов: кластерный подход. М.: Институт экономики РАН, 2015. 49 с.
7. Шаститко А.Е. Кластеры как форма пространственной организации экономической деятельности: теория вопроса и эмпирические наблюдения // *Балтийский регион*. 2009. Т. 2. № 2. С. 9–31.
8. Александрова Л.А. Промышленная интеграция: кластеры VERSUS холдинги // *Вестн. Сарат. гос. соц.-экон. ун-та*. 2014. № 2 (51). С. 25–29.
9. Горетов И.Н. Кластерные технологии в управлении АПК // *Вестн. Чуваш. ун-та*. 2009. № 1. С. 3–6.
10. Самаруха В.И. Кластерная форма организации сельскохозяйственного производства в регионе: возможности и перспективы развития // *Сибирская финансовая школа*. 2015. № 5 (112). С. 14–19.
11. Александрова Л.А., Тутаева Л.А. Кластеры в аграрной экономике. Оренбург: ОГИМ, 2013. 340 с.
12. Корнейко О.В., Пестерева А.В. Опыт развития экономических зон и промышленных кластеров в Китае // *Вестн. Удмурт. ун-та. Сер. «Экономика и право»*. 2016. Т. 26. Вып. 6. С. 34–40.
13. Рудой В.В. Многофункциональные центры предоставления государственных и муниципальных услуг как инструмент повышения эффективности взаимодействия власти и общества // *Вестник СПбГУ*. 2010. Сер. 6. Вып. 3. С. 64–68.
14. Гаврилова Л.А. Многофункциональные центры предоставления государственных и муниципальных услуг: преимущества и проблемы создания // *Сервис*. 2015. Т. 9. № 1. С. 26–33. DOI: 10.12737/7579
15. Зубарева Е.Г., Бабенкова Е.О. Многофункциональные центры как модель сетевого партнерства предоставления государственных и муниципальных услуг (на примере ЮФО 2010–2016 гг.) // *Концепт*. 2017. Т. 39. С. 4206–4210. URL: <http://e-koncept.ru/2017/971168.htm> (дата обращения 25.01.2018).
16. Концепция Стратегии социально-экономического развития регионов Российской Федерации (в сокращении) // *Среднерус. вестн. обществ. наук*. 2007. № 3 (2). С. 122–138.
17. Рябчикова Н.Н. Формирование организационной инфраструктуры для поддержки развития агрокластеров Саратовской области // *Закономерности развития региональных агропродовольственных систем*. 2017. № 1. С. 41–44.
18. Castells M. *The Informational City: Economic Restructuring and Urban Development*. The Wiley-Blackwell, 1992. 416 p.
19. Александрова Л.А., Матвеева О.В. Институциональный подход в кластерных исследованиях // *Аграр. науч. журн.* 2014. № 10. С. 65–69.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Рябчикова Надежда Николаевна – кандидат экономических наук, научный сотрудник. Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт аграрных проблем Российской академии наук. Россия, 410012, г. Саратов, ул. Московская, д. 94. E-mail: iagran@mail.ru. Тел.: +7(8452) 26-24-26.

Ryabchikova N.N.

MEASURES OF INSTITUTIONAL SUPPORT FOR THE MILK PRODUCT CLUSTER DEVELOPMENT IN THE SARATOV OBLAST

Despite the fact that there are various studies devoted to cluster formation in the Russian economy, many methodological and practical issues have not yet been resolved. The mechanism to integrate clusters into the practice of the current state regulation system is not defined clearly and the methodological approaches to cluster infrastructure organization are not worked out; this is especially important and very much in demand in terms of the Russian agricultural development policy. The need to address these issues has led to choosing the research topic and setting objectives. The purpose of the article is to substantiate recommendations for the creation of a three-tier system of institutional support for clustering processes. The study presents methodological and practical recommendations for improving activities of the multifunctional center for state and municipal services provision to form and develop clusters in the framework of regional agricultural policy based on the promotion of effective cooperation between their participants and the state. As a rule, the works devoted to agro-industrial clusters formation discuss two levels of organizational support measures and do not consider changes in the structure and mechanism of state bodies, thus the proposed three-tier tool meets a novelty criteria of the study. The main idea of the article is to create a new cluster infrastructure institute in the form of a department for cluster development and support at the multifunctional center for promoting the formation of competitive agro-industrial regional clusters. Methods of comparative analysis, monographic, system and statistical are used to realize the study purpose. The article concludes that the proposal to set up a department for cluster development in the structure of the Saratov Oblast Multifunctional Center will help to lower administrative barriers to cluster cooperation, improve support of intra- and intercluster interactions, and eliminate institutional barriers to economic growth in the framework of cluster policy. Further development of the theory and method of forming organizational infrastructure to support agro-industrial clusters is a prospect of the research.

Cluster, agro-industrial complex, innovative development, state and municipal services, infrastructure, multifunctional center, cluster-oriented policy.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ryabchikova Nadezhda Nikolaevna – Ph.D. in Economics, Research Associate. Federal State Budgetary Institution of Science Institute of Agrarian Problems of the Russian Academy of Sciences. 94, Moskovskaya Street, Saratov, 410012, Russian Federation. E-mail: iagran@mail.ru. Phone: +7(8452) 26-24-26.

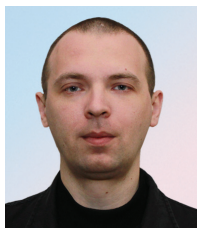
Актуальная информация: цифры и факты

DOI: 10.15838/ptd.2018.6.98.13

УДК 316.42(470.12) | ББК 60.527(2Рос-4Вол)

© Морев М.В., Дементьева И.Н., Леонидова Е.Э.

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ СОЦИАЛЬНОГО САМОЧУВСТВИЯ НАСЕЛЕНИЯ ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ В ОКТЯБРЕ 2018 ГОДА

МОРЕВ МИХАИЛ ВЛАДИМИРОВИЧ

Вологодский научный центр Российской академии наук
Россия, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а
E-mail: 379post@mail.ru

ДЕМЕНТЬЕВА ИРИНА НИКОЛАЕВНА

Вологодский научный центр Российской академии наук
Россия, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а
E-mail: irinika_74@mail.ru

ЛЕОНИДОВА ЕЛЕНА ЭДУАРДОВНА

Вологодский научный центр Российской академии наук
Россия, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а
E-mail: leoele@mail.ru

Цитата: Морев М.В., Дементьева И.Н., Леонидова Е.Э. Основные тенденции социального самочувствия населения Вологодской области в октябре 2018 года // Проблемы развития территории. 2018. № 6 (98). С. 186–192. DOI: 10.15838/ptd.2018.6.98.13

Citation: Morev M.V., Dement'eva I.N., Leonidova E.E. Main trends in the social well-being of the Vologda Oblast population in October 2018. *Problems of Territory's Development*, 2018, no. 6 (98), pp. 186–192. DOI: 10.15838/ptd.2018.6.98.13

В сентябре – октябре 2018 года ФГБУН ВолНЦ РАН провел очередной этап мониторинга общественного мнения о социально-экономической и политической ситуации в стране и регионе¹. Результаты исследования представлены в нижеследующем материале.

В октябре 2018 года по сравнению с августом 2018 года оценки социального настроения жителей области существенно не изменились: доля тех, кто характеризует свое состояние как «нормальное и прекрасное», составляет 71%, удельный вес людей, испытывающих «напряжение, раздражение, страх, тоску», – 23% (табл. 1). В разрезе различных социально-демографических категорий населения наиболее существенное улучшение оценок социального настроения произошло в возрастной группе до 30 лет (соответствующий индекс увеличился на 12 п., со 162 до 174 п.), в 20%-й группе наименее обеспеченных (на 12 п., со 112 до 124 п.), ухудшение – в возрастной группе от 30 до 55 лет (на 7 п., со 155 до 148 п.)².

Таблица 1. Динамика некоторых показателей социального самочувствия населения Вологодской области, % от числа опрошенных*

Показатель	Вариант ответа	2007 г.	2011 г.	2012 г.	2016 г.	2017 г.	Дек. 2017 г.	Февр. 2018 г.	Апр. 2018 г.	Июнь 2018 г.	Авг. 2018 г.	Окт. 2018 г.	Среднее за последние 6 опросов	Изменение (+/-), среднее за последние 6 опросов к		
														2017 г.	2011 г.	2007 г.
Настроение	Прекрасное настроение; нормальное состояние	63,6	63,1	67,3	68,0	70,4	70,5	68,6	71,5	72,5	72,5	71,3	71,2	+1	+8	+8
	Испытываю напряжение, раздражение; страх, тоску	27,8	28,9	27,0	26,2	24,2	24,0	23,4	23,1	22,8	22,5	23,1	23,2	-1	-6	-5
	Индекс социального настроения	135,8	134,2	140,3	143,8	146,2	146,5	145,2	148,4	149,7	150,4	148,2	148,1	+2	+14	+12
Запас терпения	Все не так плохо и можно жить; жить трудно, но можно терпеть	74,1	74,8	76,6	78,0	77,7	77,1	76,2	79,0	76,5	78,0	75,7	77,1	-1	+2	+3
	Терпеть наше бедственное положение уже невозможно	13,6	15,3	15,8	15,6	15,8	16,2	16,3	14,8	16,6	15,5	17,1	16,1	0	+1	+3
	Индекс запаса терпения	160,5	159,5	160,8	162,4	162,0	160,9	159,9	164,2	159,9	162,5	158,6	161,0	-1	+2	+1

2007 г. – последний год II президентского срока В.В. Путина; 2011 г. – последний год президентства Д.А. Медведева.
2007, 2011, 2013, 2014, 2015, 2016, 2017 гг. – среднегодовые данные.
* Согласно методике проведения исследования, ошибка выборки не превышает 3%, поэтому здесь и далее изменения с разницей в 2 п. п. не учитываются, в таблицах они выделены синим цветом; изменения с разницей в 3–4 п. п. считаются незначительными.

¹ Мониторинг общественного мнения ВолНЦ РАН (ранее – ИСЭРТ РАН) проводится с 1996 года с периодичностью один раз в два месяца. Опрашивается 1500 респондентов старше 18 лет в городах Вологде и Череповце, в Бабаевском, Великоустюгском, Вожегодском, Грязовецком, Кирилловском, Никольском, Тарногском, Шекснинском районах. Репрезентативность выборки обеспечивается соблюдением следующих условий: пропорций между городским и сельским населением; пропорций между жителями населенных пунктов различных типов (сельские населенные пункты, малые и средние города); половозрастной структуры взрослого населения области. Метод опроса – анкетирование по месту жительства респондентов. Ошибка выборки не превышает 3%.

² В исследовании анализируется динамика оценок в разрезе 14 социально-демографических категорий, выделенных по:

- полу (мужчины; женщины);
- возрасту (до 30 лет; от 30 до 55 лет; старше 55 лет);
- уровню образования (среднее и неполное среднее; среднее специальное; высшее и незаконченное высшее);
- самооценке уровня доходов (20% наименее обеспеченных, 60% среднеобеспеченных, 20% наиболее обеспеченных);
- территории проживания (г. Вологда, г. Череповец, районы области).

Оценки запаса терпения в среднем по региону также сохранились на уровне двухмесячной давности: доля тех, кто считает, что «все не так плохо и можно жить; жить трудно, но можно терпеть», составляет 76%, удельный вес жителей области, заявляющих, что «терпеть бедственное положение уже невозможно», – 17%. Наиболее значительное понижение индекса запаса терпения в августе – октябре 2018 года отмечается среди жителей области в возрасте до 30 лет (на 13 п., со 170 до 157 п.), в 20%-й группе наименее обеспеченных (на 9 п., со 137 до 128 п.), среди лиц, имеющих высшее и незаконченное высшее образование (на 9 п., со 169 до 160 п.), в Вологде (на 6 п., со 156 до 150 п.) и Череповце (на 4 п., со 164 до 160 п.).

В среднем за последние 6 опросов (декабрь 2017 года – октябрь 2018 года) показатели социального самочувствия примерно соответствуют уровню 2017 года: индекс социального настроения составляет 148 пунктов, индекс запаса терпения – 161 пункт.

В динамике самооценок материального положения за период с августа по октябрь 2018 года произошли неоднозначные изменения.

С одной стороны, за последние два месяца возрос уровень дохода среди людей, входящих (по субъективным оценкам) в категории 60% среднеобеспеченных (с 13396 до 13741 руб.) и 20% наиболее обеспеченных (с 28718 до 29114 руб.; табл. 2).

С другой стороны, в августе–октябре снизился размер фактического дохода в 20%-й группе наименее обеспеченных (с 6563 до 6370 руб.).

В среднем за последние 6 опросов по сравнению с 2017 годом соотношение фактического дохода с прожиточным минимумом в среднем по области существенно не изменилось (1,4 раза). При этом в высокодоходной категории населения данный показатель ниже, чем в 2007 и 2011 гг.

В период с августа по октябрь 2018 года характер суждений об экономическом положении России и области существенно не изменился. Доля положительных оценок ситуации в стране и регионе сохранилась на уровне 14 и 12% соответственно, отрицательных – на уровне 27 и 38% (табл. 3). Наиболее заметное понижение индекса оценок экономической ситуации в стране и области наблюдалось в возрастной группе до 30 лет (на 10 пунктов с 98 до 88 п. относительно экономической обстановки в стране и на 8 п. с 84 до 76 п. – на территории области), среди лиц, имеющих среднее и неполное среднее образование (на 6 п. с 83 до 77 п. и на 9 п. с 68 до 59 п. соответственно).

Оценки материального положения семьи в среднем по области не претерпели существенных изменений: удельный вес тех, кто считает его «хорошим», сохранился на уровне 12%, негативные суждения высказывали 30% жителей региона. В разрезе социально-демографических групп населения существенное ухудшение ситуации наблюдалось среди представителей 20%-й группы наименее обеспеченных (на 8 п., с 56 до 48 п.).

Таблица 2. Доход на одного члена семьи и соотношение дохода на одного члена семьи и прожиточного минимума (в распределении по доходным группам)

Доходная группа	2007 г.	2011 г.	2012 г.	2016 г.	2017 г.	Дек. 2017 г.	Февр. 2018 г.	Апр. 2018 г.	Июнь 2018 г.	Авг. 2018 г.	Окт. 2018 г.	Среднее за последние 6 опросов	Изменение (+/-), среднее за последние 6 опросов к		
													2017 г.	2011 г.	2007 г.
Доход на одного члена семьи, руб.															
20% наименее обеспеченных	2086	3905	4330	5679	5584	4974	5698	6372	6905	6563	6370	6147	+563	+2242	+4061
60% среднеобеспеченных	4633	8425	9293	11707	12154	12094	12315	13367	13534	13396	13741	13075	+921	+4650	+8442
20% наиболее обеспеченных	11218	17637	19907	25292	25360	26465	26904	27185	26230	28718	29114	27436	+2076	+9799	+16218
Среднее по области	5440	9363	10425	13220	13479	13531	13911	14723	14745	15094	15344	14558	+1079	+5195	+9118
Прожиточный минимум, руб.	3765	6514	6563	10102	10511	10718	10234	10234	10507	10995	10995	10614	+103	+4100	+6849
Соотношение дохода на одного члена семьи и прожиточного минимума по доходным группам, раз															
20% наименее обеспеченных	0,6	0,6	0,7	0,6	0,5	0,5	0,6	0,6	0,7	0,6	0,6	0,6	+0,1	0	0
60% среднеобеспеченных	1,2	1,3	1,4	1,2	1,2	1,1	1,2	1,3	1,3	1,2	1,2	1,2	0	-0,1	0
20% наиболее обеспеченных	3,0	2,7	3,0	2,5	2,4	2,5	2,6	2,7	2,5	2,6	2,6	2,6	+0,2	-0,1	-0,4
Среднее по области	1,4	1,4	1,6	1,3	1,3	1,3	1,4	1,4	1,4	1,4	1,4	1,4	+0,1	0	0

Таблица 3. Динамика оценок экономического и материального положения, % от числа опрошенных

Показатель	2007 г.	2011 г.	2012 г.	2016 г.	2017 г.	Дек. 2017 г.	Февр. 2018 г.	Апр. 2018 г.	Июнь 2018 г.	Авг. 2018 г.	Окт. 2018 г.	Среднее за последние 6 опросов	Изменение (+/-), среднее за последние 6 опросов к			
													2017	2011 г.	2007 г.	
Экономическое положение России																
Хорошее	20,9	10,0	10,7	7,5	11,5	12,3	13,1	14,7	15,4	14,3	14,3	14,0	+3	+4	-7	
Среднее	49,2	49,7	51,2	41,0	41,6	40,5	40,6	42,9	45,3	44,5	45,3	43,2	+2	-7	-6	
Плохое	15,0	28,5	25,5	37,5	32,2	30,3	29,7	26,5	25,0	27,4	27,0	27,7	-5	-1	+13	
Индекс	105,9	81,5	85,2	70,0	79,4	82,0	83,4	88,2	90,4	86,9	87,3	86,4	+7	+5	-20	
Экономическое положение области																
Хорошее	22,5	10,4	9,9	6,5	9,5	10,3	11,2	10,7	12,3	12,4	11,7	11,4	+2	+1	-11	
Среднее	49,5	48,2	49,4	35,5	36,9	37,9	37,9	38,1	41,1	38,5	39,3	38,8	+2	-9	-11	
Плохое	14,2	30,2	29,4	46,0	39,5	36,1	35,9	36,4	35,4	38,1	37,6	36,6	-3	+6	+22	
Индекс	108,3	80,2	80,5	60,5	70,0	74,2	75,3	74,3	76,9	74,3	74,1	74,9	+5	-5	-33	
Материальное положение семьи																
Хорошее	14,7	9,6	10,1	9,3	10,7	11,0	10,7	11,1	13,5	12,0	12,3	11,8	+1	+2	-3	
Среднее	52,7	50,3	54,2	50,0	49,7	48,8	48,3	49,3	49,8	47,9	49,1	48,9	-1	-1	-4	
Плохое	22,2	29,8	27,4	32,6	31,9	30,7	30,5	29,8	27,9	30,4	30,3	29,9	-2	0	+8	
Индекс	92,5	79,8	82,7	76,7	78,8	80,3	80,2	81,3	85,6	81,6	82,0	81,8	+3	+2	-11	

Таблица 4. Динамика оценок политической обстановки, % от числа опрошенных

Показатель	2007 г.	2011 г.	2012 г.	2016 г.	2017 г.	Дек. 2017 г.	Февр. 2018 г.	Апр. 2018 г.	Июнь 2018 г.	Авг. 2018 г.	Окт. 2018 г.	Среднее за последние 6 опросов	Изменение (+/-), среднее за последние 6 опросов к			
													2017 г.	2011 г.	2007 г.	
В России																
Благополучная, спокойная	48,4	44,1	39,8	25,5	33,9	39,3	38,1	38,3	42,0	41,5	40,3	39,9	+6	-4	-9	
Напряженная, критическая, взрывоопасная	34,1	37,8	43,2	56,0	49,3	46,9	45,6	45,4	43,3	46,1	47,3	45,8	-4	+8	+12	
Индекс	114,3	106,3	96,6	69,5	84,6	92,4	92,5	92,9	98,7	95,4	93,0	94,2	+10	-12	-20	
В области																
Благополучная, спокойная	60,1	51,8	51,8	44,2	52,0	56,0	54,9	55,3	56,6	54,7	52,9	55,1	+3	+3	-5	
Напряженная, критическая, взрывоопасная	24,7	26,5	31,8	39,5	33,8	31,8	32,3	32,0	31,5	33,9	35,3	32,8	-1	+6	+8	
Индекс	135,4	125,3	120,0	104,7	118,2	124,2	122,6	123,3	125,1	120,8	117,6	122,3	+4	-3	-13	

За последние 6 опросов по сравнению с показателями 2017 года характер суждений об экономике России и области незначительно улучшился: индексы возросли на 7 п. (с 79 до 86 п.) и на 5 п. (с 70 до 75 п. соответственно). Индекс материального благополучия семьи установился на отметке 82 п. против 79 п. в 2017 году.

За последние два месяца характер суждений относительно ситуации в политической жизни России существенно не изменился: доля тех, кто считает обстановку в стране «благополучной, спокойной», составляет 40%, «напряженной, критической, взрывоопасной» – 47%. Стабильными сохранились и оценки политической ситуации в регионе: доля положительных суждений составляет 53%, отрицательных – 35% (табл. 4).

В некоторых социально-демографических категориях населения отмечается ухудшение оценок политической обстановки в стране и области. Наиболее существенные негативные тенденции отмечаются среди жителей области, имеющих высшее и незаконченное высшее образование (индекс оценки политической ситуации в стране снизился на 8 п., с 93 до 85 п.;

в области – на 9 п., со 116 до 107 п.), среди представителей 20%-й группы наиболее обеспеченных (в стране – на 24 п., со 118 до 93 п.; в области – на 20 п., со 143 до 120 п.).

В среднем за последние 6 опросов по сравнению с 2017 годом характер суждений о политической ситуации в стране и регионе стал более благоприятным: индекс оценки политической обстановки в России увеличился на 9 пунктов (с 85 до 94 п.), в области – на 4 п. (со 118 до 122 п.).

РЕЗЮМЕ

Результаты этапа мониторинга общественного мнения, проведенного в августе – октябре 2018 года, свидетельствуют о том, что за этот период в социальном настроении жителей Вологодской области не произошло существенных изменений:

- на прежнем уровне сохранились оценки экономической ситуации в стране и области (соответствующие индексы фиксировались на отметках 86 п. и 75 п.);
- не претерпели изменений оценки материального положения семей (82 п.);
- не произошло существенных изменений в оценках политической обстановки в России и регионе (93 и 118 п. соответственно);
- значительно не изменились показатели социального настроения (148 п.) и запаса терпения (159 п.).

В отдельных категориях населения за последние два месяца отмечались негативные изменения:

- в возрастной группе до 30 лет снизились индексы запаса социального терпения (на 13 п.), оценки экономической ситуации в стране (на 10 п.) и области (на 8 п.);
- в возрастной группе от 30 до 55 лет уменьшились индексы оценки социального настроения (на 7 п.), оценки политической ситуации в России (на 8 п.);
- среди жителей области, имеющих среднее и неполное среднее образование, уменьшились индексы экономического положения в России (на 5 п.) и области (на 9 п.);
- среди жителей области, имеющих высшее и незаконченное высшее образование, ухудшились индексы запаса социального терпения (на 8 п.), оценки политической обстановки в стране (на 7 п.) и регионе (на 9 п.);
- в 20%-й группе наиболее обеспеченных снизились индексы оценки политического положения в России (на 24 п.) и регионе (на 22 п.);
- среди жителей Вологды ухудшились показатели социального терпения (на 6 п.), политической ситуации в стране и области (на 5 п.);
- среди жителей Череповца уменьшились индексы запаса социального терпения (на 5 п.), политического положения в России (на 6 п.) и области (на 4 п.).

Об отсутствии существенных изменений в общественных настроениях населения осенью текущего года свидетельствуют и общероссийские исследования. Так, по данным опросов ВЦИОМ, в сентябре на уровне летних месяцев сохранились оценки экономического положения в России (соответствующий индекс составил 36 пунктов в сентябре против 37 пунктов в августе 2018 года), политической обстановки в стране (52 п. против 55 п.), общая удовлетворенность жизнью (54 п. против 55 п.)³.

Динамика общественных настроений в последние месяцы во многом определяется, пожалуй, самым резонансным событием 2018 года – пенсионной реформой, которая по своему накалу превзошла даже президентские выборы. Напомним, что первоначальный законопроект Правительства о повышении пенсионного возраста был воспринят в обществе крайне негативно⁴ и привел к массовым протестным выступлениям по всей стране, однако последующее

³ Индексы социального самочувствия. URL://https://wciom.ru/news/ratings/indeksy_socialnogo_samochuvstviya

⁴ По данным исследований Фонда «Общественное мнение» в июне 2018 года негативно восприняли пенсионную реформу 80% россиян. По данным региональных исследований ФГБУН ВолНЦ РАН в августе и октябре 2018 года, это мнение разделяли 74% жителей Вологодской области.

обращение В.В. Путина к населению посредством федеральных телеканалов (29 августа 2018 года) несколько сгладило ситуацию. Значимые поправки⁵, внесенные Президентом в проект реформы, в октябре 2018 года нашли свое отражение в конечном варианте соответствующего федерального закона⁶.

В настоящее время эксперты ВЦИОМ отмечают, что «негативные прогнозы относительно снижения легитимности власти после принятия окончательного решения по формату изменений в пенсионное законодательство не оправдались, что, скорее всего, связано с рутинизацией вопроса»⁷. Результаты общероссийских и региональных социологических исследований позволяют, в целом, согласиться с этим мнением. Дальнейшая динамика общественных настроений будет зависеть в первую очередь от того, насколько эффективной окажется деятельность федеральных и региональных властей в части повышения уровня и качества жизни населения, а также мероприятий по реализации пенсионной реформы.

В каком направлении будут развиваться изменения в общественном мнении жителей области в ближайшем будущем, покажут результаты следующего этапа мониторинга ФГБУН ВолНЦ РАН, который пройдет в декабре 2018 года.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Морев Михаил Владимирович – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, заведующий лабораторией исследования социальных процессов и эффективности государственного управления, заместитель заведующего отделом исследования уровня и образа жизни населения. Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Вологодский научный центр Российской академии наук». Россия, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а. E-mail: 379post@mail.ru. Тел.: +7(8172) 59-78-10.

Дементьева Ирина Николаевна – научный сотрудник отдела исследования уровня и образа жизни населения. Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Вологодский научный центр Российской академии наук». Россия, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а. E-mail: irinika_74@mail.ru. Тел.: +7(8172) 59-78-10.

Леонидова Елена Эдуардовна – научный сотрудник отдела исследования уровня и образа жизни населения. Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Вологодский научный центр Российской академии наук». Россия, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а. E-mail: leoele@mail.ru. Тел.: +7(8172) 59-78-10.

⁵ Уменьшение возраста выхода на пенсию для женщин до 60 лет вместо 63, пенсионные льготы для многодетных матерей, сохранение федеральных и большинства региональных пенсионных льгот для людей нынешнего пенсионного возраста (55 лет для женщин и 60 лет для мужчин) и т. д.

⁶ Федеральный закон от 3 октября 2018 г. № 350-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам назначения и выплаты пенсий».

⁷ Рейтинги доверия политикам, одобрения работы государственных институтов, рейтинги партий // Пресс-выпуск ВЦИОМ № 3788 от 12 октября 2018 г. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9363> (комментарий руководителя практики политического анализа и консультирования Департамента исследований М. Мамонова).

Morev M.V., Dement'eva I.N., Leonidova E.E.

**MAIN TRENDS IN THE SOCIAL WELL-BEING
OF THE VOLOGDA OBLAST POPULATION IN OCTOBER 2018**

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Morev Mikhail Vladimirovich – Ph.D. in Economics, Leading Research Associate, Head of the Laboratory for Studies of Social Processes and State Administration Performance, Deputy Head of the Department of Living Standard and Lifestyle Studies. Federal State Budgetary Institution of Science "Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences". 56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation. E-mail: 379post@mail.ru. Phone: +7(8172) 59-78-10.

Dement'eva Irina Nikolaevna – Research Associate at the Department of Living Standard and Lifestyle Studies. Federal State Budgetary Institution of Science "Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences". 56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation. E-mail: irinika_74@mail.ru. Phone: +7(8172) 59-78-10.

Leonidova Elena Eduardovna – Scientific Associate at the Department of Living Standards and Lifestyle Studies. Federal State Budgetary Institution of Science "Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences". 56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation. E-mail: leoele@mail.ru. Phone: +7(8172) 59-78-10.

Хроника научной жизни

КОНФЕРЕНЦИИ, ЗАСЕДАНИЯ, СЕМИНАРЫ

ОБ УЧАСТИИ УЧЕНЫХ ВОЛНЦ РАН В РАБОТЕ МЕЖДУНАРОДНОГО СЕМИНАРА ПО ПРОБЛЕМАМ ДОВЕРИЯ, ПРОХОДИВШЕГО В УНИВЕРСИТЕТЕ РИККИО (ЯПОНИЯ)

5–6 октября 2018 года в Университете Риккио¹ в Японии прошел международный семинар по вопросам доверия. Вологодский научный центр РАН на семинаре представляли директор ВолНЦ РАН д-р экон. наук **А.А. Шабунова**, вед. науч. сотр. канд. экон. наук **М.В. Морев**, зав. отделом редакционно-издательской деятельности и научно-информационного обеспечения, вед. науч. сотр. канд. филол. наук **О.В. Третьякова**.

По словам организатора мероприятия директора Института мира и социологических исследований Университета Риккио **Масамиси Сасаки**, тема международного семинара не случайна: доверие является ключевым фактором в концепциях общества и цивилизаций и существенно влияет на межличностное и коллективное взаимодействие. Наша экономическая система во многом зависит от доверия: нет доверия – не будет и экономического взаимодействия. Доверие помогает преодолеть неопределенность, которая сопровождает быстрорастущую глобализацию социальных процессов.

В ходе семинара исследователи из Великобритании, Польши, Эстонии, Японии и России обсуждали проблемы доверия в сфере гражданских институтов, трудовых отношений, СМИ, банковском и IT-секторах, в области медицины и образования, а также проблемы межличностного доверия.

¹ Университет Риккио / Rikkyo University (Токио, Япония), основанный в 1894 году, специализируется на гуманитарных дисциплинах и занимает топовые позиции в национальном рейтинге Японии, являясь одним из шести ведущих университетов в Токио. В штате университета 2700 преподавателей и исследователей, 20 000 студентов проходят обучение.

Доктор социологических наук, профессор Масамиси Сасаки выступил с докладом, посвященным исследованиям влияния телевидения и интернета на уровень доверия к СМИ. Он отметил важность понимания социального влияния интернета, рассматривая онлайн-коммуникации как социальный капитал, который может формировать более или менее доверительный взгляд на мир.

В секции «Гражданские институты» прозвучали доклады ученых Вологодского научного центра РАН:

– Institutional trust in the modern Russian society / Институциональное доверие в современном российском обществе (спикеры – Михаил Владимирович Морев, Ольга Валентиновна Третьякова);

– Trust in a society of unequal opportunities / Доверие в обществе неравных возможностей² (спикеры – Александра Анатольевна Шабунова, Ольга Валентиновна Третьякова).

Михаил Владимирович в своем выступлении отметил, что, по данным Edelman Trust Barometr, Россия занимает последнее место из 28 стран по интегральному индексу доверия. Наша страна на 13 месте по уровню доверия Правительству, на 19 – по уровню доверия СМИ, на 25 – по уровню доверия бизнесу, на последнем месте (28) – по уровню доверия НКО. По уровню межличностного доверия Россия также находится в числе отстающих, хотя общая с европейскими странами тенденция роста уровня доверия сохраняется.

Он представил результаты исследований ВолНЦ РАН, которые проводятся с 1996 года на территории Вологодской области, согласно которым в структуре институтов, пользующихся наибольшим доверием, доминируют традиционные для российского менталитета субъекты: государство (прежде всего президент), армия и силовые структуры, церковь. По уровню межличностного доверия более 85% людей никому не доверяют или доверяют самым близким друзьям и родственникам.

Докладчик сделал вывод, что низкий уровень доверия в России обусловлен тремя группами факторов, которые связаны с исторической и социокультурной спецификой, с трансформацией России последних десятилетий и с проблемами эффективности государственного управления.

Доклад А.А. Шабуновой был посвящен одной из актуальных проблем современного мира – социально-экономическому неравенству, которое ведет к снижению межличностного и институционального доверия. Она подчеркнула, что вследствие неравных возможностей и дефицита доверия в России формирование полноценного гражданского общества осуществляется медленнее, чем в развитых европейских государствах, что тормозит социально-экономическое развитие страны в целом.

Исследования Вологодского научного центра РАН, как и других научных учреждений, показывают, что в современной России гражданское общество развито слабо и выполняет скорее роль наблюдателя. Основными препятствиями для населения выступают неверие в возможность оказывать влияние на деятельность властей, привычка рассчитывать на готовые решения, недостаток знаний, некомпетентность. Эффективными механизмами преодоления социального неравенства, по мнению ученых, могут стать развитие социально ориентированных некоммерческих организаций, благотворительной деятельности и добровольчества в России, укрепление общественного доверия к этим институтам.

После основной темы доклада О.В. Третьякова рассказала о двух журналах Вологодского научного центра РАН «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз» и «Проблемы развития территории» и пригласила участников международного семинара к размещению публикаций в этих изданиях.

В своем выступлении на семинаре главный редактор журнала «Qualitative Sociology Review» президент Польской социологической ассоциации **Кржиштоф Конеки** рассказал о проблеме доверия в исследованиях символического интеракционизма и феноменологии.

² В подготовке доклада также принимала участие аспирант ФГБУН ВолНЦ РАН К.Е. Косыгина.

Польский ученый канд. экон. наук, доцент Государственного экономического университета в Познани **Ежи Казьмерчик** (проходит стажировку в ТюмГУ) посвятил свой доклад сравнительному анализу коллективного доверия и уровня стресса банковского персонала в Польше и России.

В рамках темы «Определение, структура, типы доверия: теоретический анализ и практическое применение в контексте институциональных подходов» ученый из Тюменского государственного университета **В.А. Давыденко**, д-р социол. наук, проф., руководитель Научно-исследовательского центра ТюмГУ, описал категориально-концептуальный аппарат типологии доверия.

*Материал подготовила
С.Л. Неустроева
младший научный сотрудник
ФГБУН ВолНЦ РАН*

С ЗАСЕДАНИЙ УЧЕНОГО СОВЕТА

Заседание ученого совета ФГБУН ВолНЦ РАН 31.10.2018

31 октября 2018 года состоялось заседание Ученого совета ФГБУН ВолНЦ РАН.

Доклад на тему «Программа развития Центра трансфера и коммерциализации технологий ВолНЦ РАН» представил заведующий отделом канд. экон. наук **Е.А. Мазилев**. Евгений Александрович проанализировал законодательные документы в области научно-технологического развития РФ, цели и структуру Национального проекта «Наука», а также уровни инновационной активности в Вологодской области, России и странах Европы. Докладчик обозначил роль центров трансфера и коммерциализации технологий в экономике, представил обзор их деятельности в России и роль ФГБУН ВолНЦ РАН и Центра трансфера и коммерциализации технологий в экономике региона. Также Е.А. Мазилев определил структуру программы развития Центра трансфера и коммерциализации технологий ВолНЦ РАН (ЦТиКТ), показал текущее состояние, существующие направления деятельности и достигнутые результаты за 2005–2017 гг. Он выделил перспективные направления деятельности центра, среди которых управленческий и производственный консалтинг, IT-консалтинг, инжиниринговые услуги. В заключительной части сообщения Евгений Александрович представил этапы развития центра и план реализации Программы развития ЦТиКТ до 2025 года.

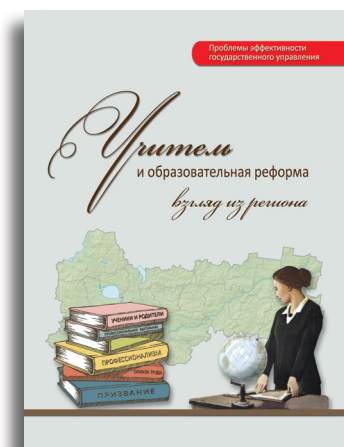
В обсуждении доклада приняли участие канд. экон. наук **О.Н. Калачикова**, канд. экон. наук **К.А. Задумкин**, д-р экон. наук **А.В. Маклахов**, канд. экон. наук **С.Н. Ткачук**, канд. экон. наук **Г.В. Леонидова**.

Доклад на тему «Стратегия развития информационных технологий ВолНЦ РАН на период 2019–2025 гг.» представил заведующий сектором технического обеспечения и информационной безопасности **В.А. Ригин**. Василий Александрович сделал обзор мировых тенденций, проанализировал результаты реализации стратегических документов по развитию информационных технологий и текущее состояние дел в области их использования в ФГБУН ВолНЦ РАН, обозначил цели, задачи, этапы реализации стратегии. Также он представил возможные результаты трех сценариев реализации стратегии и перспективную схему информационной среды ФГБУН ВолНЦ РАН.

В обсуждении доклада приняли участие д-р физ.-мат. наук **А.И. Зейфман**, д-р экон. наук **А.А. Шабунова**, канд. экон. наук **М.А. Груздева**.

*Материал подготовила
Д.В. Соколова
инженер-исследователь ФГБУН ВолНЦ РАН*

НОВЫЕ ИЗДАНИЯ ФГБУН ВОЛНЦ РАН

Леонидова Г.В., Головчин М.А., Соловьева Т.С. **Учитель и образовательная реформа: взгляд из региона**: монография / под науч. рук. чл.-корр. РАН В.А. Ильина; под ред. д.э.н. А.А. Шабуновой, к.э.н. О.Н. Калачиковой. Вологда: ФГБУН ВолНЦ РАН, 2018. 178 с.

В монографии представлено исследование положения российского учительства как социально-профессиональной общности; рассмотрены страновые и межрегиональные особенности статуса учителя в социуме, институциональные условия осуществления преподавательской деятельности в школе на современном этапе; определено влияние государственной политики на положение российской школы. Проанализированы динамика показателей социального самочувствия и социально-профессиональной активности педагогов школ за годы образовательных реформ, а также перспективы учительской профессии в контексте перехода от программно-целевого к проектному подходу в управлении образованием.

Книга предназначена для широкого круга читателей. Ее материалы могут быть использованы органами власти при разработке и корректировке стратегий развития образования.

УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В 2018 ГОДУ

ОТ РЕДАКЦИИ	№	№ стр.
Загребельный А.В. Об итогах издания журнала «Проблемы развития территории» в 2017 году и задачах его развития на ближайшие годы	1 (93)	22-33
Калачикова О.Н., Будилова А.П. К вопросу об измерении миграционных процессов	4 (96)	7-17
Леонидова Г.В. Рабочие места как неотъемлемая часть здорового образа жизни населения	6 (98)	7-21
Леонидова Г.В., Чекмарева Е.А. Неустойчивая занятость как барьер эффективной реализации трудового потенциала	1 (93)	7-21
Мазилев Е.А., Кремин А.Е. Роль малого бизнеса в социально-экономическом развитии российских регионов: проблемы и тенденции	2 (94)	7-18
Ускова Т.В. О потенциале развития российских территорий	5 (97)	7-17
Шабунова А.А., Россошанский А.И. Оценка субъективного качества жизни представителями старшего поколения	3 (95)	7-19
УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ ТЕРРИТОРИЙ, ОТРАСЛЕЙ И ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ КОМПЛЕКСОВ		
Артамонова А.С. Функционирование социально ориентированных некоммерческих организаций в российских регионах	5 (97)	55-67
Белоусов А.И., Шелухина Е.А. Моделирование управления процессом обращения с твердыми бытовыми отходами на региональном уровне	2 (94)	57-70
Виленский А.В. Динамика занятых в сфере МСП в российских регионах как исходный рубеж реализации приоритетного национального проекта «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы»	6 (98)	74-87
Ворошилов Н.В. Типология, проблемы и перспективы развития сельских территорий	4 (96)	42-58
Губанова Е.С., Клещ В.С. Методика оценки неравномерности социально-экономического развития региона	6 (98)	30-41
Замятина Н.Ю., Пилясов А.Н. Новый подход к освоению северных и арктических территорий России: локальная транспортная система	4 (96)	26-41
Захарова Ж.А., Захаров П.Н. Методические подходы к оценке уровня развития государственно-частного партнерства в регионе	2 (94)	47-56
Карасева Л.А., Зинатулин А.М., Топалян М.Р. Институционализация экономических интересов в социально-экономическом проектировании развития территорий	1 (93)	42-56
Косыгина К.Е. Актуальные вопросы развития социально ориентированных некоммерческих организаций	3 (95)	107-121
Криворотов В.В., Калина А.В., Третьяков В.Д., Ерыпалов С.Е. Отбор оптимального портфеля проектов развития и повышения конкурентоспособности производственного комплекса	2 (94)	27-46
Кузнецова О.В. Концентрация экономической активности в Москве и Санкт-Петербурге: масштабы, факторы, последствия для городов	5 (97)	26-40
Куричева Е.К., Куричев Н.К. Механизмы экстенсивного и интенсивного развития Московской агломерации на макро- и микроуровнях	3 (95)	90-106
Леонидова Е.Г. Проблемы управления и развития сферы внутреннего туризма	6 (98)	64-73
Мельников А.Е. Тенденции развития экономики старопромышленных регионов России	4 (96)	59-71
Овсипян М.В. Проблемы развития Санкт-Петербургской агломерации	4 (96)	72-86
Секушина И.А., Кожевников С.А. Проблемы повышения комфортности проживания населения крупного города (на материалах г. Вологды и г. Череповца)	6 (98)	42-63
Шаклеина М.В., Швецова К.Д., Шаклеин К.И. Оценка влияния санкций на рынок мяса и мясной продукции в России: анализ состояния и перспектив развития рынка	1 (93)	57-70
Якушев Н.О. Несырьевой экспорт союзного государства как фактор экономического развития территории России и Беларуси	5 (97)	41-54
КАЧЕСТВО ЖИЗНИ И ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ТЕРРИТОРИЙ		
Аверкиева К.В. Восток Вологодской области как социально-экономическая и культурная аномалия	6 (98)	131-148
Барсуков В.Н., Шабунова А.А. Тренды изменения трудовой активности старшего поколения в условиях старения населения	4 (96)	87-103

Белехова Г.В. Экономическое поведение населения: осмысление категории	5 (97)	68-83
Белехова Г.В., Гордиевская А.Н. Финансовое поведение населения: демографические особенности	1 (93)	133-150
Былина С.Г. Региональные особенности и детерминанты использования электронных услуг сельским населением	5 (97)	84-98
Губина О.В., Проворова А.А. Проблемы эффективности инструментов программного регулирования формирования и развития демографического потенциала в арктических регионах РФ	3 (95)	58-75
Гужавина Т.А. Нематериальные ресурсы адаптации населения в условиях кризиса	3 (95)	45-57
Гужавина Т.А. Социальный капитал сельского населения: к оценке состояния	4 (96)	136-152
Дементьева И.Н. Теоретико-методологические подходы к изучению потребительского поведения	1 (93)	122-132
Иванова В.В., Васильева А.А. Условия и качество жизни населения дальневосточных городов	3 (95)	28-44
Медведева Е.И., Крошилин С.В. Специфика брачно-семейных отношений молодежи Подмоскovie	2 (94)	120-140
Морев М.В. Глобальные угрозы и национальные особенности формирования социального капитала в России	2 (94)	106-119
Морев М.В., Шматова Ю.Е. К актуальности вопроса о роли доверия в формировании социального здоровья российского общества	6 (98)	88-106
Нацун Л.Н. Снижение смертности детей в перинатальный период: актуальность задачи и территориальная специфика ситуации в России	3 (95)	76-89
Попов Е.В., Семячков К.А. Методология оценки социального развития регионов	6 (98)	119-130
Санкова Л.В., Мирзабалаева Ф.И. Региональная асимметрия рынков труда и вызовы политике занятости	4 (96)	104-123
Сосновская Н.А. Семейные стратегии населения Республики Беларусь	1 (93)	111-121
Устинова К.А. Социально-демографический портрет современного предпринимателя	4 (96)	124-135
Шадриков А.В., Ильдарханова Ч.И. Территориальные интересы сельской молодежи: опыт Республики Татарстан, Алтайского края, Республики Мордовии	6 (98)	107-118

ЭФФЕКТИВНОСТЬ ГОСУДАРСТВЕННОГО И МУНИЦИПАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ

Торцев А.М. Инструментарий оценки эффективности государственного управления региональным рыбохозяйственным комплексом	1 (93)	71-82
---	--------	-------

ЭКОНОМИКА ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЯ

Гулин К.А., Дианов С.В., Антонов М.Б. Агент-ориентированный подход к реализации модели лесовосстановления	1 (93)	83-97
Селин В.М., Селина М.Н. Единый сельскохозяйственный налог в рыболовстве. Проблемы и суждения	1 (93)	98-110

ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ ФИНАНСЫ

Галухин А.В. Пути совершенствования кредитования реального сектора экономики	6 (98)	162-171
Лыкова Л.Н. Региональная составляющая налоговой политики: возможности поддержки экономического роста	2 (94)	71-86
Печенская М.А. Актуальные вопросы формирования бюджетного потенциала территории: факторы, принципы, структурные элементы	6 (98)	149-161
Поварова А.И. Исполнение регионального бюджета Вологодской области в 2016 году: мнимые и реальные итоги	2 (94)	87-105

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ АПК

Рябчикова Н.Н. Меры институциональной поддержки развития молочнопродуктового кластера Саратовской области	6 (98)	172-185
Сухомиров Г.И. К проблеме импортозамещения продукции сельского хозяйства в ДФО	5 (97)	110-123

ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ И УПРАВЛЕНИЕ

Одинцова А.В. Проблемы институционализации стратегического планирования муниципальных образований	5 (97)	99-109
Шкулова Е.А. Трансформация корпоративного опыта для управления развитием территорий: возможности и ограничения	4 (96)	153-167

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ РАЗВИТИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ

Варвашеня А.А. Инструментарий комплексной оценки зон торгового обслуживания в городе	3 (95)	122-137
Киреева А.А., Нурланова Н.К. Организационно-экономические механизмы реализации технологической модернизации регионов Казахстана	4 (96)	68-180

АКТУАЛЬНАЯ ИНФОРМАЦИЯ: ЦИФРЫ И ФАКТЫ

Морев М.В., Кожина Т.П., Леонидова Е.Э. Основные тенденции социального самочувствия населения Вологодской области в 2017 году	1 (93)	151-157
Морев М.В., Дементьева И.Н., Леонидова Е.Э. Основные тенденции социального самочувствия населения Вологодской области в феврале 2018 года	2 (94)	141-147
Морев М.В., Дементьева И.Н., Леонидова Е.Э. Основные тенденции социального самочувствия населения Вологодской области в апреле 2018 года	3 (95)	138-144
Морев М.В., Леонидова Е.Э., Озорнина С.В. Основные тенденции социального самочувствия населения Вологодской области в июне 2018 года	4 (96)	181-187
Морев М.В., Дементьева И.Н., Леонидова Е.Э. Основные тенденции социального самочувствия населения Вологодской области в августе 2018 года	5 (97)	124-131
Морев М.В., Дементьева И.Н., Леонидова Е.Э. Основные тенденции социального самочувствия населения Вологодской области в октябре 2018 года	6 (98)	186-192

ПРАВИЛА
приема статей, направляемых в редакцию
научного журнала «Проблемы развития территории»
(в сокращении)

Журнал публикует оригинальные статьи теоретического и экспериментального характера, тематика которых соответствует тематике журнала, объемом не менее 16 страниц (30 000 знаков с пробелами). Максимальный объем принимаемых к публикации статей – 25 страниц (50 000 знаков с пробелами). К публикации также принимаются рецензии на книги, информация о научных конференциях, хроника событий научной жизни. Статьи должны отражать результаты законченных и методически правильно выполненных работ.

Решение о публикации принимается редакционной коллегией журнала на основе заключения рецензента, также учитывается новизна, научная значимость и актуальность представленных материалов. Статьи, отклоненные редакционной коллегией, повторно не рассматриваются.

ТРЕБОВАНИЯ К КОМПЛЕКТНОСТИ МАТЕРИАЛОВ

В электронном виде в редакцию предоставляются следующие материалы:

1. Файл со статьей в формате Microsoft Word с расширением .docx. Имя файла должно быть написано латиницей и отражать фамилию автора (например: Ivanova.docx).
2. Данные об авторе статьи на отдельной странице, включающие Ф.И.О. полностью, ученую степень и ученое звание, место работы и должность автора, контактную информацию (почтовый адрес, телефон, при наличии – e-mail), идентификатор ORCID, идентификатор Researcher ID и оформленные по образцу.
3. Отсканированная копия обязательства автора не публиковать статью в других изданиях.
4. Цветная фотография автора в формате .jpeg/.jpg объемом не менее 1 Мб.

Комплект материалов в электронном виде может быть прислан по электронной почте на адрес редакционной коллегии (pdt.isert@mail.ru).

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ ТЕКСТА СТАТЬИ

1. Поля: Правое – 1 см, остальные – по 2 см.
2. Шрифт: Размер (кегель) – 14, гарнитура – Times New Roman (если необходимо применить шрифт особой гарнитуры (при наборе греческих, арабских и т. п. слов, специальных символов), нужно пользоваться шрифтами, устанавливаемыми системой Windows по умолчанию). Если в работе есть редко используемые шрифты, их (все семейство) нужно предоставить вместе с файлом. Интервал – 1,5.
3. Абзацный отступ – 1,25. Выставляется автоматически в MS Word.
4. Нумерация: номера страниц статьи должны быть поставлены автоматически средствами MS Word в правом нижнем углу.
5. Оформление 1 страницы статьи

В верхнем правом углу страницы указывается индекс УДК. Далее через полуторный интервал – индекс ББК. Далее через полуторный интервал – знак ©, отступ (пробел), фамилия и инициалы автора статьи. Применяется полужирное начертание. После отступа в два интервала строчными буквами приводится название статьи (выравнивание по центру, полужирное начертание). После отступа в два интервала приводится аннотация (выравнивание по ширине, выделение курсивом, без абзацного отступа). После отступа в один интервал приводятся ключевые слова (выравнивание по ширине, выделение курсивом, без абзацного отступа). После отступа в два интервала приводится текст статьи.

6. Требования к аннотации

Объем текста аннотации должен составлять от 200 до 250 слов.

Аннотация должна представлять самодостаточный текст, оформленный одним абзацем и выступающий как краткая модель статьи. В аннотации обязательно должны быть отражены актуальность, основная идея и цель проведенного исследования, лаконично изложены образующие несомненную научную новизну отличия выполненной работы от аналогичных работ других ученых, перечислены использованные автором методы исследования, приведены основные результаты, кратко сформулированы ограничения/направления будущих исследований.

Текст аннотации должен быть лаконичным и четким, не должен содержать общих слов и пространственных формулировок. Рекомендуется использовать ключевые слова и выражения, которые максимально емко отражают суть исследования. Следует употреблять простые синтаксические конструкции, свойственные академическому письму, избегать сложных грамматических конструкций, длинных предложений.

Примеры аннотаций для различных типов статей (обзоры, научные статьи, концептуальные статьи, практические статьи) представлены на сайте: <http://www.emeraldinsight.com/authors/guides/write/abstracts.htm?part=2&PHPSESSID=hdac5rtkb73ae013ofk4g8nrv1>

7. Требования к ключевым словам

К каждой статье должны быть даны ключевые слова (до 8 слов или словосочетаний). Ключевые слова должны наиболее полно отражать содержание рукописи. Количество слов внутри ключевой фразы – не более трех.

8. Требования к оформлению таблиц

В названии таблицы слово «Таблица» и ее номер (при наличии) даются без выделения (обычное начертание). Название таблицы выделяется полужирным начертанием. Выравнивание – по центру.

Таблицы должны быть вставлены, а не нарисованы из линий автофигур. Не допускается выравнивание столбцов и ячеек пробелами либо табуляцией. Таблицы выполняются в табличном редакторе MS Word. Каждому пункту боковика и шапки таблицы должна соответствовать своя ячейка. Создание и форматирование таблиц должно производиться исключительно стандартными средствами редактора, недопустимо использование символа абзаца, пробелов и пустых дополнительных строк для смысловой разбивки и выравнивания строк.

9. Требования к оформлению рисунков, схем, графиков, диаграмм

Название и номер рисунка располагаются ниже самого рисунка. Начертание слова «Рис.» обычное (без выделения). Название рисунка приводится с полужирным выделением. Выравнивание – по центру. Интервал – одинарный (приложение 4).

Для создания графиков должна использоваться программа MS Excel, для создания блок-схем – MS Word, MS Visio, для создания формул – MS Equation.

Рисунки и схемы, выполненные в MS Word, должны быть сгруппированы внутри единого объекта. Не допускается использование в статье сканированных, экспортированных или взятых из интернета графических материалов.

Алгоритм вставки графиков из MS Excel в MS Word:

- 1) в MS Excel выделить график компьютерной мышью, правой клавишей выбрать пункт контекстного меню «копировать»;
- 2) в MS Word правой клавишей мыши выбрать пункт контекстного меню «вставить», выбрать параметр вставки «специальная вставка», «диаграмма Microsoft Excel».

10. Оформление библиографических сносок под таблицами и рисунками

Пишется «Источник:», «Составлено по:», «Рассчитано по:» и т. п. и далее приводятся выходные данные источника.

11. Оформление постраничных сносок

Постраничные сноски оформляются в строгом соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008.

12. Оформление и содержание списка литературы

Слово «Литература» печатается строчными буквами полужирным курсивом, выравнивается по центру, дается через полтора интервала после текста статьи. После слова «Литература» делается полуторный интервал и приводится список библиографических источников.

Список литературы составляется в том же порядке, в котором источники упоминались в тексте статьи, а не по алфавиту (используется ванкуверский стиль оформления).

Если статья имеет DOI, его указание в выходных данных является обязательным.

Ссылки на русскоязычные источники оформляются в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008. Ссылки на англоязычные источники оформляются в соответствии со схемой описания на основе стандарта Harvard¹.

В списке литературы должны быть приведены ссылки на научные труды, использованные автором при подготовке статьи. Обязательно наличие ссылок на все источники из списка литературы в тексте статьи.

В соответствии с международными стандартами подготовки публикаций рекомендуемое количество источников в списке литературы – не менее 20, из которых не менее 30% должны быть зарубежными.

Количество ссылок на работы автора не должно превышать 10% от общего количества приведенных в списке литературы источников.

Авторам не рекомендуется включать в список литературы следующие источники: 1) статьи из любых ненаучных журналов, газет; 2) нормативные и законодательные акты; 3) статистические сборники и архивы; 4) источники без указания автора (например, сборники под чьей-либо редакцией); 5) словари, энциклопедии, другие справочники; 6) доклады, отчеты, записки, рапорты, протоколы; 7) учебники и т. д. Ссылки на указанные источники рекомендуется давать посредством соответствующих постраничных сносок.

В список литературы рекомендуется включать следующие источники: 1) статьи из печатных научных журналов (или электронных версий печатных научных журналов); 2) книги; 3) монографии; 4) опубликованные материалы конференций; 5) патенты.

Ссылка в тексте статьи на библиографический источник приводится в квадратных скобках с указанием порядкового номера источника из списка литературы и номера страницы, на которую ссылается автор. Возможна отсылка к нескольким источникам из списка, порядковые номера которых должны быть разделены точкой с запятой (например: [26, с. 10], [26, с. 10; 37, с. 57], [28], [28; 47] и пр.).

Статьи без полного комплекта сопроводительных материалов, а также статьи, не соответствующие требованиям издательства по оформлению, к рассмотрению не принимаются!

¹ Информация об измененном стандарте Harvard представлена в работе О.В. Кирилловой «Редакционная подготовка научных журналов по международным стандартам. Рекомендации эксперта БД Scopus» (М., 2013. Ч. 1. 90 с.).

Редакционная подготовка
Технический редактор, верстка
Корректор

М.В. Чумаченко
И.В. Артамонов
В.М. Кузнецова

Дата выхода в свет 30.11.2018.
Формат 60 × 84¹/₈. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 23,72. Тираж 500 экз. Заказ № 338
Свободная цена

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство ПИ № ФС 77-71360 от 17 октября 2017 года.

Учредитель и издатель: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Вологодский научный центр Российской академии наук» (ФГБУН ВолНЦ РАН)

Адрес редакции, издателя и типографии:
160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а, ФГБУН ВолНЦ РАН
Телефон: +7(8172) 59-78-03, факс +7(8172) 59-78-02
E-mail: common@vscc.ac.ru, pdt.isert@mail.ru